

*HISTORIA
ROSSICA*

studia europaea

Война

во время

мира

Военизированные
конфликты
после Первой
мировой войны.
1917-1923

HISTORIA
ROSSICA

STUDIA EUROPAEA

СОВМЕСТНЫЙ ПРОЕКТ
ГЕРМАНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА В МОСКВЕ
И ИЗДАТЕЛЬСТВА
“НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ”

Война

во время мира

ВОЕНИЗИРОВАННЫЕ КОНФЛИКТЫ
ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1917–1923

Новое
Литературное
Обозрение

2014

УДК 32(100)«192»
ББК 63.3(0)61-68
В65

Редакторы проекта STUDIA EUROPAEA
Д. Сдвижков, И. Ширле
(Германский исторический институт в Москве)

*В оформлении обложки использован
фрагмент картины П. Пикассо «Герника»*

В65 **Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917—1923 / Сборник статей; ред. Р. Герварт и Д. Хорн. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 400 с.: ил. (Серия HISTORIA ROSSICA / STUDIA EUROPAEA)**

ISBN 978-5-4448-0184-0

Первая мировая война, «пракатастрофа» XX века, получила свое продолжение в череде революций, гражданских войн и кровавых пограничных конфликтов, которые утихли лишь в 1920-х годах. Происходило это не только в России, в Восточной и Центральной Европе, но также в Ирландии, Малой Азии и на Ближнем Востоке. Эти практически забытые сражения стоили жизни миллионам. «Война во время мира» и является предметом сборника. Большое место в нем отводится Гражданской войне в России и ее воздействию на другие регионы. Эйфория революции или страх большевизма, борьба за территории и границы или обманутые ожидания от наступившего мира — все это подвигало массы недовольных к участию в военизированных формированиях, приводя к радикализации политической культуры и огрубению общественной жизни.

УДК 32(100)«192» + 94(47+57)«192»
ББК 63.3(0)61-68 + 63.3(2)612-08

© Авторы, 2014
© ООО «Новое литературное обозрение». 2014

От редакторов

Настоящая книга является результатом длительной совместной работы. Большинство авторов, представленных в этом томе, были участниками двух тематических семинаров, проводившихся в Дублине и еще в одной партнерской организации, Германском историческом институте в Москве (ГИИМ), в 2009—2011 годах. Редакторы хотели бы поблагодарить всех работавших и выступавших на этих семинарах за внесенный ими значительный и плодотворный вклад в данное начинание, а также организаторов конференции в ГИИМ и в особенности директора Института г-на Николауса Катцера за его активное участие в проекте. Совместный проект Центров военных исследований в дублинских Тринити-колледже и Университетском колледже, итогом которого стала данная книга, в течение последних трех лет получал щедрое финансирование сначала от Ирландского исследовательского совета по гуманитарным и общественным наукам (IRCHSS), а затем от Европейского исследовательского совета (ERC). Редакторы данной книги хотели бы, пользуясь случаем, выразить благодарность этим организациям. В более личном плане нам оказали бесценное содействие научные сотрудники, участвовавшие в данном проекте, — Юлия Айхенберг, Джон Пол Ньюмен, а в дальнейшем также Угур Умит Унгор, Эндрю Сик и Томас Балкелис, — и работавшие с нами опытные администраторы Кристина Грисслер и Сюзанна д'Арси.

Роберт Герварт и Джон Хорн

Дублин, 2014 г.

Список иллюстраций

1. Бойцы Красной армии перед зданием штаба на Воронежском фронте в 1918 г.
2. «Франция скатится в разруху, если допустит у себя большевизм». Плакат, использовавшийся в антибольшевистской кампании французских промышленников. 1920 г.
3. «Советская Россия и катастрофический голод». Германский плакат 1921 г., изображающий голод как основную черту большевизма
4. «Как голосовать против большевизма» — французский предвыборный плакат 1919 г. использует образ кровожадного большевика с кинжалом в зубах, чтобы мобилизовать избирателей.
5. Бойцы фрайкора ведут арестованных революционеров по улицам Мюнхена после падения Баварской советской республики в 1919 г.
6. Белые венгерские милиционеры вешают революционера. 1919 г.
7. Финские красногвардейцы и русский матрос, снятые перед сражением за Пеккалу в феврале 1918 г.
8. Одержавшие победу белогвардейцы по завершении боев за Тампере
9. Муссолини со своими сторонниками в Неаполе в октябре 1922 г., накануне «похода на Рим»
10. Атаман Юхим Божко (в центре слева) со своими офицерами и писатель Осип Маковей (в центре справа). Апрель 1919 г.
11. Группа «литовских стрелков», снятых в 1920 г.
12. Йован Бабунский в образе типичного четника. На Бабунском лежит ответственность за ряд послевоенных зверств в Албании и Македонии
13. Бойцы армянского военизированного отряда на Южном Кавказе. 1919 г.
14. «Бей большевика!». Польский плакат времен советско-польской войны. 1920 г.
15. Польские повстанцы в Верхней Силезии. 1920 г.
16. Группа из трех «Черно-коричневых» в Ирландии

17. «Культура победы» под угрозой поражения. Голос павших на войне призывает живых встать на защиту победы: «Живые, вставайте! Не позволяйте говорить о нас как об умерших напрасно!» Рисунок Максима Реаль дель Сарте, ведущего французского художника и скульптора, члена ультраправой группировки *Action Française*, раненного под Верденом в январе 1916 г. Этот рисунок был помещен на обложке журнала «Лиги за союз французов, не предавших победу» 9 марта 1924 г., накануне выборов, выигранных «Картеlem левых»

КАРТЫ

С.392 Карта 1. Парамилитаризм в Европе после Первой мировой войны

С.393 Карта 2. Украина по представлениям украинских националистов

С.394 Карта 3. Балканы после Первой мировой войны

С.395 Карта 4. Турция и Кавказ

ВОЕНИЗИРОВАННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ЕВРОПЕ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ВВЕДЕНИЕ

Война гигантов кончилась; начались войны пигмеев.
Уинстон Черчилль (1919)

Завершение Первой мировой войны не сразу принесло мир в Европу. Напротив, революции, контрреволюции, этнические столкновения, погромы, войны за независимость, гражданские конфликты и внутреннее насилие, подобно сейсмическим волнам, порожденным катаклизмом мировой войны, сотрясали в 1917—1923 годах старый континент, преобразуя его политический пейзаж. Насилие подобного рода наблюдалось в России, на Украине, в Финляндии, Балтийских государствах, Польше, Австрии, Венгрии, Германии, Италии, Анатолии и на Кавказе. В Ирландии в те же годы шли война за независимость и гражданская война¹.

Важным аспектом всех этих конфликтов являлось военизированное насилие (*paramilitary violence*). Настоящая книга представляет собой попытку исследовать происхождение, проявления и наследие этой разновидности политического насилия в том виде, в каком оно существовало в 1917—1923 годах. Под военизированным насилием мы имеем в виду военные или квазивоенные организации и практики,

¹ В число недавних работ по некоторым из этих конфликтов входят: *Yekelchik S. Ukraine: Birth of a Modern Nation*. Oxford, 2007; *Hart P. The IRA at War, 1916—1923*. Oxford, 2003; *Reynolds M. Native Sons: Post-Imperial Politics, Islam, and Identity in the North Caucasus, 1917—1918* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2008. Bd. 56. S. 221—247; *Idem. Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908—1918*. Cambridge (forthcoming); *Davies N. White Eagle, Red Star: The Polish-Soviet War, 1919—20*. 2nd ed. London, 2003. См. также: *Gatrell P. War after the War: Conflicts, 1919—23* // Horne J. (Ed.). *A Companion to World War One*. Oxford, 2010. P. 558—575; *Prusin A. V. The Lands Between: Conflict in the East European Borderlands, 1870—1992*. Oxford, 2010. P. 72 ff.; *Mick Ch. Vielerlei Kriege. Osteuropa 1918—1921* // Beyrau D., Hochgeschwender M., Langewiesche D. (Hrsg.). *Formen des Krieges: Von der Antike bis zur Gegenwart*. Paderborn, 2007. S. 311, 326; *Wrobl P. The Revival of Poland and Paramilitary Violence, 1918—1920* // Bergien R., Pröve R. (Hrsg.). *Spieß, Patrioten, Revolutionäre. Militärische Mobilisierung und gesellschaftliche Ordnung in der Neuzeit*. Göttingen, 2010. S. 281—303.

которые либо дополняли, либо подменяли собой действия традиционных военных структур. Порой это происходило в вакууме, оставшемся после краха государственности, в других случаях военизированное насилие приходило на помощь государственной власти, однако имелись и примеры его противодействия государству. Оно включало в себя революционное и контрреволюционное насилие, совершавшееся во имя светских идеологий, а также этническое насилие, связанное с основанием новых национальных государств или с сопротивлением этому процессу со стороны национальных меньшинств. Военизированное насилие существовало параллельно с другими видами насилия — такими как социальные протестные движения, повстанчество, терроризм, полицейские репрессии, криминальное насилие и боевые действия традиционного типа².

Термин «военизированное насилие» был предложен лишь в 1930-х годах, и речь тогда шла о возникновении в фашистских государствах вооруженных политических формирований, организованных по военному принципу; в дальнейшем, в 1950-х годах, этот термин стали применять при описании подобных формирований, участвовавших в антиколониальных войнах и в постколониальных конфликтах³. Однако военизированные формирования имеют гораздо более давнюю историю. Принимая облик местного ополчения, партизанского движения или вооруженных отрядов, дополняющих силы правопорядка, они играли значительную роль во времена военных поражений — в частности, в Испании, Австрии и Пруссии во время Наполеоновских войн, когда регулярные армии были не способны остановить французское наступление. В ходе своих «освободительных войн» испанские партизаны, «Ландштурм» Андреаса Хофера, действовавший в Тирольских Альпах, и германские фрайкоры 1812—1813 годов приобрели легендарный статус, а их влияние продолжало ощущаться даже после Первой мировой войны, хотя бы в качестве исторического образца для зарождавшихся военизированных движений, стремившихся к своей легитимизации и к повторению успеха антинаполеоновского сопротивления⁴. От-

² Reichardt S. Paramilitarism // Blamires C.P. (Ed.). *World Fascism: A Historical Encyclopedia*. In 2 vol. Vol. 1. Santa Barbara (Ca.), 2006. P. 506—507. См. также: Alvarez A. *Governments, Citizens, and Genocide: A Comparative and Interdisciplinary Approach*. Bloomington (Ind.), 2001. P. 91 ff.

³ Paramilitary Forces // Dupuy T.N. (Ed.). *International Military and Defence Encyclopedia*. Vol. 5. Washington; New York, 1993. P. 2104—2107.

⁴ Moran D., Moran A. (Ed.). *People in Arms. Military Myth and National Mobilization since the French Revolution*. Cambridge, 2002.

личительной чертой этих новых движений было их появление *после* завершения столетнего периода, в течение которого национальные армии стали нормой, а современные полицейские силы, уголовные кодексы и тюрьмы способствовали полному закреплению мало кем оспаривавшейся монополии на насилие в руках государства. Эта монополия была разрушена одновременно с тем, как мировая война сменилась всеобщими мелкими конфликтами⁵. Более того, поскольку это происходило в рамках общей трансформации государственных форм, социальных структур и политических идеологий, военизированное насилие получило двойное значение — в качестве силы, влиявшей на исход военных конфликтов, а также в качестве нового источника политической власти и государственной организации. Военизированное насилие приобретало наряду с военно-оперативным также политическое и символическое влияние.

В этом смысле целью данной книги является переосмысление одного из наиболее важных путей из числа тех, что вели от военного насилия к относительному спокойствию второй половины 1920-х годов. Историки предлагали ряд концепций для оценки этого процесса. Одна из них — идея о мнимой «брутализации» послевоенных обществ. Однако сам по себе опыт войны (не слишком различавшийся у немецких, венгерских, британских или французских солдат) не может служить достаточным объяснением того, почему в одних государствах, принимавших участие в войне, политика после 1918 года «брутализировалась», а в других — нет⁶. Но хотя «тезис о брутализации», прежде пользовавшийся широким признанием, в последние годы подвергается систематической критике, на смену ему пока что не пришли эмпирически обоснованные альтернативные объяснения широкомасштабной эскалации насилия после окончания войны⁷. В осторожной попытке

⁵ Liang H.-H. *The Rise of the Modern Police and the European State System from Metternich to the Second World War*. Cambridge, 1992.

⁶ Об идее брутализации см. среди прочего: *Mosse G.L. Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. Oxford, 1990. Аналогичная аргументация в пользу «тезиса о брутализации» выдвигается в: *Lyttleton A. Fascism and Violence in Post-War Italy: Political Strategy and Social Conflict* // Mommsen W.J., Hirschfeld G. (Ed.). *Social Protest, Violence and Terror*. London, 1982. P. 262—263. Критику этой идеи и аргументацию о ее неприменимости для Франции см.: *Prost A. Les Limites de la brutalisation. Tuer sur le front occidental 1914—1918* // *Vingtième siècle*. T. 81. 2000. P. 5—20. О Великобритании см.: *Laurence J. Forging a Peaceable Kingdom: War, Violence and Fear of Brutalization in Post-First World War Britain* // *Journal of Modern History*. 2003. Vol. 75. P. 557—589.

⁷ Конкретно о Германии см.: *Ziemann B. War Experiences in Rural Germany, 1914—1923*. Oxford, 2007; *Schumann D. Europa, der Erste Weltkrieg und die Nachkriegszeit: Eine Kontinuität der Gewalt?* // *Journal of Modern European History*. 2003. P. 24—43. См.

объяснить, почему «брутализация» явно не затронула державы-победительницы, Дирк Шуман недавно выдвинул предположение о том, что относительная (по сравнению с ситуацией в Германии) внутренняя стабильность Франции и Великобритании в межвоенную эпоху отчасти являлась следствием того факта, что их потенциал к насилию высвобождался в колониях, в то время как Германия после 1918 года была лишена такой возможности⁸. Однако остается неясным, был ли уровень колониального насилия во Французской и Британской империях после войны более высоким, чем до нее, — при том что, согласно данной аргументации, война порождала высокий уровень личного насилия, которое *требовало* того или иного выхода.

Возможно, более убедительное объяснение неравномерного распределения военизированного насилия в Европе скрывается в мобилизационном потенциале поражения. Последнее следует рассматривать не только в терминах баланса сил, но и в смысле состояния сознания (включая отказ смириться с превратностями судьбы), которое Вольфганг Шифельбуш назвал «культурой поражения»⁹. Нация во время Первой мировой войны сыграла ключевую роль в организации и одобрении массовых проявлений насилия со стороны миллионов мужчин-европейцев. И та же нация являлась мощным средством легитимизации, поглощения и нейтрализации этого насилия после завершения конфликта. Однако в тех случаях, когда нация потерпела поражение — либо в реальности, либо только в собственных глазах (что можно сказать, например, об итальянских националистических кругах), — ей было гораздо труднее сыграть эту роль; собственно, она могла делать ровно противоположное, усугубляя насилие и позволяя его всевозможным группам и индивидуумам, готовым к насилию в качестве расплаты за поражение и национальное унижение¹⁰. Таким образом, характер «возвращения домой» в контексте победы или поражения был важной переменной, которая, однако, требует эмпириче-

также: Prost A., Winter J. (Ed.). *The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present*. Cambridge, 2005; Stephenson S. *The Final Battle: Soldiers of the Western Front and the German Revolution of 1918*. Cambridge, 2009.

⁸ Schumann D. *Europa, der erste Weltkrieg und die Nachkriegszeit. Eine Kontinuität der Gewalt?* // *Journal of Modern European History*. 2003. Vol. 1. P. 23—43.

⁹ Schivelbusch W. *The Culture of Defeat: On National Trauma, Mourning, and Recovery*. New York, 2003; Horne J. *Defeat and Memory since the French Revolution: Some Reflections* // Macleod J. (Ed.). *Defeat and Memory. Cultural Histories of Military Defeat since 1815*. London, 2008. P. 11—29.

¹⁰ Общую аргументацию по этому вопросу см.: Sanborn J. *Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War and Mass Politics, 1905—1925*. DeKalb (Ill.), 2003. P. 165—200.

ского изучения на региональном, а не только на национальном уровне. Поражение было бесконечно более реально для тех, кто жил в этнически пестрых приграничных регионах Центральных держав, чем для жителей Берлина, Будапешта или Вены, — не случайно молодые люди из этих спорных приграничных регионов были в послевоенные годы в намного большей степени представлены в военизированных организациях¹¹. Из недавнего исследования географического происхождения нацистских преступников также следует, что они тоже в непропорционально большом количестве происходили с утраченных территорий или из спорных приграничных регионов — таких как Австрия, Эльзас, Балтийские страны, оккупированный Рейнланд или Силезия¹².

Другая концепция, занимающая видное место в историографических дискуссиях, связанных с нашей темой, состоит в том, что демобилизация рассматривается как политический и культурный, а не только как чисто военный и экономический процесс¹³. «Культурная демобилизация», разумеется, подразумевает возможность отказа или неспособности демобилизоваться. Случаи военизированного насилия и те условия, в которых оно было особенно кровавым, дают хорошую возможность выявить государства, регионы, движения и индивидуумов, для которых — особенно в случае поражения в конфликте — было труднее всего оставить насилие войны в прошлом, вне зависимости от того, участвовали ли они в нем непосредственно в ходе военных действий или, будучи подростками, лишь «на внутреннем фронте»¹⁴. Спокойствие середины и конца 1920-х годов было лишь относительным и очень недолгим. Наследие послевоенного военизированного насилия,

¹¹ Сложный случай Германии разбирается в: *Bessel R. Germany after the First World War*. Oxford, 1993; *Ziemann B. War Experiences in Rural Germany, 1914—1923*. Oxford, 2007.

¹² *Mann M. The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing*. Cambridge, 2005. P. 239.

¹³ О концепции культурной демобилизации см.: *Horne J. (Ed.). Démobilisations culturelles après la Grande Guerre // 14—18: Aujourd'hui-Heute-Today*. 5 Mai.

¹⁴ О Германии в частности см.: *Ziemann B. War Experiences; Schumann D. Europa, der Erste Weltkrieg und die Nachkriegszeit: Eine Kontinuität der Gewalt? // Journal of Modern European History*. 2003. S. 24—43. Также важен в этом отношении недавно завершённый проект Марка Корнуэлла, получавший финансирование от АНРС, *Победители и жертвы: мужчины военного поколения на востоке Центральной Европы, 1918—1930 (Victors and Victims: the Male Wartime Generation in East-Central Europe, 1918—1930)*. Корнуэлл изучает, каким образом мужчины — представители того поколения Габсбургской империи, которое прошло через Первую мировую войну, справлялись с военными жертвами и с переходом к мирной жизни, и в этом отношении дополняет недавние работы историко-культурного направления об увековечении войны и демобилизации в отдельных государствах Западной Европы в 1920-х годах.

в свою очередь, задает одну из связей между двумя циклами европейского и глобального насилия — приходящимся на 1912—1923 годы и последующим, начавшимся на политическом и культурном уровне спустя десятилетие.

Настоящая книга строится на этих концепциях и их обсуждении, в то же время предлагая несколько иной подход к данному периоду по сравнению с общепринятыми. Во-первых, географический масштаб насилия требует сравнительного и транснационального анализа¹⁵. Мировая война, уничтожив династические империи в России, Австро-Венгрии и Османской Турции и создав «кровоточащую границу» на востоке Германии, оставила после себя «зоны дробления» (*shatter zones*) — большие территории, на которых вследствие исчезновения границ не осталось ни порядка, ни какой-либо определенной государственной власти¹⁶. По многим из этих зон — хотя и не по всем — проносились волны насилия, во всех случаях имевшие выявляемые причины, требующие анализа и сравнения¹⁷. Модная идея о том, что некоторые государства Европы (такие, как Россия, Югославия и Ирландия) по самой своей природе отличаются высоким уровнем насилия, в то время как другим (например, «мирному королевству» Великобритании) это не свойственно, ставит больше новых вопросов, чем снимает старых. Как признавали все историки XX века, «численность жертв» в некоторых регионах континента была намного выше, чем в других. Однако подобные сравнения остаются бессмысленными без изучения материальных, идеологических, политических и культурных факторов, объясняющих эти различия. И один из способов сделать это — изучить географию насилия, в данном случае — военизированного.

Во-вторых, взаимодействие между краткосрочными и долгосрочными причинами послевоенного военизированного насилия требует хронологического подхода, разрывающего традиционные временные

¹⁵ Несмотря на недавние попытки написать транснациональную историю Первой мировой войны, глобальная история послевоенных лет еще ждет своих авторов. В число самых последних работ по транснациональной истории Первой мировой войны входит: *Kramer A. Dynamics of Destruction: Culture and Mass Killing in the First World War*. Oxford, 2008. О глобальных последствиях Парижской мирной конференции см.: *Manela E. The Wilsonian Moment: Self-Determination and the International Origins of Anticolonial Nationalism*. Oxford, 2007.

¹⁶ Выражение «зона дробления» впервые было использовано в: *Bloxham D. The Final Solution: A Genocide*. Oxford, 2009. P. 81.

¹⁷ Обзор межэтнического насилия, сопровождавшего крах мультинациональных империй, см.: *Roshwald A. Ethnic Nationalism and the Fall of Empires: Central Europe, Russia and the Middle East, 1914—1923*. London, 2001. О хаосе и насилии в сельской России см.: *Sanborn J. Drafting the Russian Nation*. P. 170—183.

рамки Первой мировой войны. Изучение только событий 1914—1918 годов в большей степени имеет смысл в отношении победоносных «западных великих держав» (Великобритании, Франции и США), чем в отношении большинства стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, а также Ирландии. Катаклизм 1914—1918 годов представлял собой эпицентр цикла вооруженных конфликтов, начавшихся в некоторых частях Европы в 1912 году, когда в Ольстере были созданы военизированные группировки, ставившие своей целью сохранение унии с Великобританией, и начались Балканские войны, сначала практически ликвидировавшие владения Османской империи в Европе, а затем столкнувшие Болгарию с ее бывшими союзниками из-за спора о Македонии и Фракии¹⁸. Цикл насилия продолжался до 1923 года, когда Лозаннский мирный договор, определивший территорию новой Турецкой республики, покончил с греческими территориальными притязаниями в Малой Азии, приведя к крупнейшему принудительному обмену населением до Второй мировой войны¹⁹. Завершение в том же году гражданской войны в Ирландии, относительное восстановление равновесия в Германии после оккупации Рура и окончательный переход к новой экономической политике в России после смерти Ленина в 1924 году являлись дальнейшими подтверждениями того, что данный цикл насилия исчерпал себя.

В-третьих, период, начавшийся в 1917 году, был отмечен провозглашением конкурирующих идеологий, сформировавшихся к 1923 году в новых государствах и в системе европейских международных отношений. Истоки этих идеологий также скрывались в далеком прошлом, восходя к 1870-м годам — к десятилетию стремительных культурных, социально-экономических и политических изменений. Переход к новым формам массовой политики, затронувший большую часть Европы и связанный с избирательными реформами 1870-х годов и с возникновением массовых движений, опиравшихся на идеи демократизации, социализма и национализма, надолго изменил европейскую политику и интеллектуальные дискуссии. Революционный социализм и синдикализм бросали вызов парламентской демократии, еще отнюдь не консолидировавшейся в качестве преобладающей формы государства. Новые

¹⁸ Hall R. *The Balkan Wars, 1912—1913: Prelude to the First World War*. London, 2000; Höpken W. *Performing Violence: Soldiers, Paramilitaries and Civilians in the Twentieth-Century Balkan Wars* // Lüdtke A., Weisbrod B., Bessel R. (Ed.). *No Man's Land of Violence: Extreme Wars in the 20th Century*. Göttingen, 2006. P. 211—249.

¹⁹ Gingeras R. *Sorrowful Shores: Violence, Ethnicity and the End of the Ottoman Empire, 1912—1923*. Oxford, 2009.

варианты национализма (иногда с демократическим привкусом, иногда откровенно враждебные к либеральной демократии) стали источником внутренних кризисов в Османской, Романовской и Габсбургской империях, власти которых, в свою очередь, пытались упрочить свой авторитет посредством решительных демонстраций силы как внутри страны, так и за границей.

Идя на риск неизбежного упрощения, мы, соответственно, можем говорить о преимуществах политического насилия в Южной и Восточной Европе в течение полувека после Восточного кризиса 1870-х годов, при том что оно предвещало многие формы насилия, впоследствии наблюдавшиеся в Центральной Европе. Начавшаяся в 1870-х годах ликвидация обширных владений Османской империи на Балканах привела к возникновению агрессивно не уверенных в себе моноэтнических эксклюзивных новых государств, становившихся добычей друг для друга, а также жертвами притязаний великих держав, террористического сецессионизма и убийств на этнической почве. После восстаний против османского правления в Герцеговине, Боснии, Болгарии, Сербии и Черногории в 1875—1876 годах Османское государство обрушило на повстанцев столь свирепые репрессии, что они возбудили негодование по всей Европе. Военизированное насилие на истерзанных балканских землях, осуществлявшееся сербскими, греческими и болгарскими «комитаджами» — партизанами, боровшимися против турецкого владычества, — стало провозвестником тех форм политического насилия, которые возобладали по всей Восточной и Центральной Европе после 1917 года. По крайней мере в этом отношении военизированное насилие 1917—1923 годов являлось частью большого цикла насилия, предшествовавшего Первой мировой войне и продолжившегося после ее окончания²⁰.

Тем не менее именно радикализация политики во время мировой войны и после нее объединила эти конкурировавшие движения и доктрины в общеевропейский идеологический конфликт. В 1917 году Вудро Вильсон дал новое определение демократии и национализму в рамках крестового похода союзников. В том же году большевики захватили власть в России во имя легитимности (и насилия) классовой революции²¹. Вставал ключевой вопрос: обратятся ли новые

²⁰ Gerwarth R., Bloxham D. (Ed.). *Political Violence in Twentieth Century Europe*. Cambridge, 2011.

²¹ См. такие классические исследования, как: Mayer A. *Political Origins of the New Diplomacy, 1917—1918*. London; New Haven, 1959; *Politics and Diplomacy of Peacemaking: Containment and Counterrevolution at Versailles, 1918—1919*. N.Y., 1967.

национальные государства Центральной и Восточной Европы к демократии, к чему призывали вожди союзников — и в первую очередь Вудро Вильсон — на Парижской мирной конференции? Антидемократический, антибольшевистский национализм уже успел стать языком ремобилизации радикальных правых сил в Германии в последний год войны²². С крахом политической легитимности, а также династических империй во многих странах Центральной и Восточной Европы с конца 1918 года стали возникать новые разновидности контрреволюционных движений, мобилизовавшие военизированные силы. В случае итальянских фашистов подобные силы захватили власть в 1923 году и приступили к перестройке государства.

Таким образом, историю военизированного насилия после Первой мировой войны следует изучать сквозь призму этих более масштабных событий — революций, краха империй и этнических конфликтов, — которые, в свою очередь, определяют структуру данной книги. Мы полагаем, что невозможно разобраться в сущности кровавых конфликтов послевоенного периода, не принимая во внимание русской революции, последовавшей за ней Гражданской войны и ее влияния на Европу. С русской революцией было связано контрреволюционное движение, зародившееся как ответ на поражение в Первой мировой войне и радикализацию левых сил на большей части Центральной Европы, а также в Италии. К этой теме мы перейдем далее. Между двумя этими явлениями, как географически, так и в плане генезиса и источников вдохновения, находилось преимущественно (но отнюдь не исключительно) этническое военизированное насилие, порожденное борьбой за создание (и против создания) новых национальных государств и границ в Центральной и Восточной Европе. Оно является темой нижеследующих глав. Однако из принадлежащей перу Юлии Айхенберг главы, в которой сравниваются Польша и Ирландия, и из главы о британском военизированном насилии в Ирландии, написанной Энн Долан, следует, что сопоставимые условия существовали и на крайнем западе континента. Наконец, непрерывность хронологических рамок 1918—1923 годов и подтверждается, и вновь актуализируется при рассмотрении роли военизированного насилия в фашистской Италии, где оно не только привело в 1923 году соответствующее движение к власти, но и имело долгосрочные последствия, выразившееся

См. также: *Rossini D. Woodrow Wilson and the American Myth in Italy. Culture, Diplomacy and War Propaganda. Cambridge (Mass.), 2008.*

²² *Hagenlücke H. Deutsche Vaterlandspartei: Die nationale Rechte am Ende des Kaiserreiches. Düsseldorf, 1996.*

в характере фашистского государства. Франция дает нам пример обратного рода: ограниченные проявления военизированного насилия в этой стране *после* 1923 года позволяют получить представление о некоторых причинах, по которым феномен военизированного насилия затронул многие, но отнюдь не все регионы послевоенной Европы. Теперь более подробно рассмотрим тезисы, лежащие в основе каждого из разделов нашей книги.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВОЕНИЗИРОВАННОЕ НАСИЛИЕ

Те революции — политические, социальные и национальные, — которые происходили в различных регионах Российской империи с первых месяцев 1917 до осени 1918 года, могли и не быть насильственными по своей природе. Путь, который привел от Февральской революции 1917 года к Гражданской войне, разразившейся летом 1918 года, мог принять иное направление. Однако успешная консолидация власти в руках малочисленной, но целеустремленной революционной большевистской группировки зимой 1917/18 года, в разгар крупномасштабного военного конфликта, уже придавшего импульс этнической борьбе с ее собственной динамикой, вдохнула мощный заряд энергии в революционное насилие, ответом на которое стало возникновение столь же целеустремленных контрреволюционных армий, чьей основной целью являлись жестокие репрессии против революции, и в первую очередь — против революционеров. Соответственно революционное и контрреволюционное насилие с новой энергией распространилось по Европейской России (а также по Кавказу и Средней Азии), совершенно затмив отдельные, хотя и мощные вспышки революционного насилия, наблюдавшиеся в Европе до 1914 года. В некоторых регионах крах государственной власти и экономические сдвиги, ставшие следствием революции, привели в 1918—1919 годах к социальному распаду, вызывавшему на местах организацию примитивных вооруженных организаций самообороны. Как показывает Уильям Розенберг в главе, написанной для данной книги, эти события задавали наиболее фундаментальный импульс к появлению военизированных организаций в хаосе русской революции. Однако ответ большевиков заключался не в формализации военизированных политических практик, а в новом долговечном феномене политики XX века: в возникновении современного рево-

люционера-коммуниста, подготовленного к политической работе и к необходимости насильственных мер при строительстве нового государства на партийной основе²³.

Русские революционеры создавали различные формирования, действовавшие наряду с Красной армией, — от красногвардейцев, сыгравших свою роль при свержении Временного правительства, до вооруженных отрядов, насаждавших «военный коммунизм» на селе и участвовавших в Гражданской войне. Однако отнюдь не военизированное насилие легитимировало новый режим. В соответствии с большевистским пониманием марксистской теории и с практикой ленинизма источником власти и организации в новом государстве являлась партия, и партия же (а не армия) обеспечивала наиболее важные формы внесудебного насилия — такие как ЧК и революционный террор. Вообще, следствием врожденной неприязни большевиков к «милитаризму» и их страха перед «бонапартизмом» было то, что даже *levée en masse* на классовой основе воспринималась ими как угроза, особенно в условиях насилия, бушевавшего в России до 1920 года. Предпочтительным решением стала регулярная призывная армия, возглавлявшаяся кадровыми офицерами, но находившаяся под надзором политических комиссаров. Именно на нее полагался новый режим во время Гражданской войны и войн с соседями (в первую очередь с Польшей). При большевиках военизированное насилие подмяла под себя набиравшая силу партия, не нуждавшаяся в нем как в легитимирующем принципе²⁴.

И напротив, белые русские армии после свержения царизма практически не имели иной опоры, кроме военной силы, особенно с учетом разнообразия политических течений в их рядах. В некоторых частях России Белое движение было в основном представлено частными армиями и иррегулярными силами — такими как войска атамана Семенова и барона фон Унгерна-Штернберга, действовавшие в Центральной Азии. «Зеленые» и анархисты, играя свою собствен-

²³ *Kaiser D.H.* (Ed.). *The Workers' Revolution in Russia, 1917: the View from Below*. Cambridge, 1987; *Smith S.* *Revolution and the People in Russia and China. A Comparative History*. Cambridge, 2008; *Conway M., Gerwarth R.* *Revolution and Counter-Revolution* // *Gerwarth R., Bloxham D.* (Ed.). *Political Violence*.

²⁴ *Hagen M. von.* *Soldiers in the Proletarian Dictatorship: the Red Army and the Soviet Socialist State, 1917—1930*. Ithaca, 1990. P. 20—40, 327—334; *Sanborn J.* *Drafting the Russian Nation*; *Idem.* *The Genesis of Russian Warlordism: Violence and Governance during the First World War and the Civil War* // *Contemporary European History*. 2010. Vol. 19. P. 195—213.

ную роль в Гражданской войне, также опирались на всевозможные вооруженные группировки, свободные от какого-либо государственного контроля. Поэтому важной темой, требующей дальнейших исследований, является та степень, в которой военизированное насилие использовалось антибольшевистскими силами, а также вопрос о том, служило ли оно для легитимации контрреволюционного дела после его поражения. Пребывание армии барона Врангеля в Галлиполи в 1920—1923 годах и дух Общества галлиполийцев, трансформировавшие опыт поражения в идеал «Белой мечты», стали источником идентичности и знаменем для многих основателей военизированных группировок в изгнании (таких, как Русский общевоинский союз, основанный в Югославии в 1924 году) и организаторов операций на советской территории в межвоенные годы и во время Второй мировой войны²⁵.

Большевистская революция взаимодействовала с военизированным контрреволюционным насилием и за пределами России. Во многом подобно тому, как напуганные европейские правящие элиты в конце XVIII века со страхом ожидали «апокалиптической» войны с якобинцами, многие европейцы после 1917 года опасались, что большевистская «зараза» проникнет в 1919—1920 годах в остальные страны Европы, и эти страхи подталкивали к мобилизации военизированных сил против предполагаемой угрозы. Это происходило не только там, где такая угроза была вполне вероятна, — в Балтийских государствах и на Украине, в Венгрии и в отдельных частях Германии, — но и в более стабильных державах-победительницах: во Франции и в Великобритании. Факт большевистской революции и установления нового режима в России повсюду привносил контрреволюционный дух в дело защиты существующего социального строя, оправдывая военизированное насилие как средство самообороны. Таким образом, необходимо реконструировать воображаемые категории «коммунизма» и «революции», для того чтобы понять, где и каким образом военизированные силы рассматривались как законная защита от революции — или даже как вектор контрреволюции²⁶.

²⁵ *Shmelev A. Gallipoli to Golgotha: Remembering the Internment of the Russian White Army at Gallipoli, 1920—3 // Macleod J. (Ed.) Defeat and Memory. P. 195—213, особенно p. 207—208.*

²⁶ Тема международной революции не вызывала интереса у исследователей после падения популярности рабочего движения и социальной истории в 1980-х годах. См., однако: *Lindemann A.S. The «Red Years»: European Socialism versus Bolshevism, 1919—1921. Stanford (Ca.), 1974.*

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ВОЕНИЗИРОВАННЫХ ДВИЖЕНИЙ

В некоторых частях Центральной и Восточной Европы классовая политика в контексте военного поражения и распада прежней политической власти привела к контрреволюционной мобилизации, в которой сыграли важную роль такие военизированные организации, как «Фрайкор», Белая гвардия и «Хеймвер». Эту тему рассматривает Роберт Герварт в главе III. Ключевое место в этих событиях занимали новые политические силы, пытавшиеся воплотить в жизнь идеи, сами по себе не новые (антидемократический национализм, авторитаризм), но ставшие объектом военного конфликта. Начиная с 1917—1918 годов юристы, интеллектуалы и профсоюзные лидеры утратили доминирующее положение в революционной политике левого и правого толка, которое они занимали в довоенную эпоху. Теперь власть и в первую очередь рычаги насильственных действий оказались в руках у новых фигур, многие из которых (хотя отнюдь не все) имели непосредственный опыт военного насилия, полученный на фронтах Первой мировой войны, и авторитет которых опирался на радикальность их риторики и поступков.

Такая трансформация наиболее ярко проявилась в среде ультраправых сил, где в первые послевоенные годы возникла новая политическая культура вооруженных группировок. Эти военизированные организации объединяли бывших офицеров, ожесточившихся за годы войны и (в некоторых странах) озлобленных поражением и революцией, и представителей младшего поколения, компенсировавших нехватку боевого опыта своей активностью, радикализмом и жестокостью, нередко превосходя в этом отношении ветеранов войны.

Являясь по своему мировоззрению жесткими националистами, такие активисты военизированного движения, однако, отличались в этот период высокой мобильностью как на национальном, так и на международном уровне. Если, как полагает Уте Фреверт, Первая мировая война в целом представляла собой мощный наднациональный опыт, будучи периодом межнациональных контактов и этнических перемещений, то такими же были и послевоенные годы с их непрерывными конфликтами²⁷. На бывших немецких офицеров существовал огромный спрос как на «военных инструкторов» в ходе бесчисленных гражданских войн, бушевавших в Китае и в Южной Америке, а в рядах белых армий

²⁷ Frevert U. Europeanizing German History // Bulletin of the German Historical Institute. 2005. Vol. 36. P. 9—31, особенно p. 13—15.

во время русской Гражданской войны против большевиков воевало большое количество добровольцев нероссийского происхождения.

В эпоху стремительных социально-экономических изменений и ощущения экзистенциальной угрозы, исходившей от «международного большевизма», военизированные организации являлись структурой, защищавшей своих участников от социальной изоляции и обеспечивавшей их занятием, позволяя им обратить свою жажду действий и разочарование в насилие. Для членов военизированных организаций была типична нисходящая социальная мобильность, хотя они и не отличались единым классовым происхождением. В то время как в рядах немецкого «Фрайкора», итальянских «ардити» и русского белого ополчения находилось непропорционально много бывших офицеров и аристократов, милиция Литвы, Балтийских государств и Ирландии, как правило, состояла из крестьян и интеллигенции, принадлежавшей к среднему классу²⁸.

В противоположность армии, члены военизированных организаций нередко имели политические амбиции и называли себя солдатами от политики. Не выдвигая четкой политической программы, они сражались против социалистов, коммунистов, новых политических систем и мнимой мелкобуржуазной ментальности с ее основными ценностями — безопасностью и респектабельностью. Их мировоззрение выражалось главным образом в насильственных действиях против «красных» и этнических меньшинств.

Организационные структуры контрреволюционного военизированного насилия характеризовались горизонтальной иерархией и ярко выраженной групповой идентичностью. Дисциплина и подчинение лидеру достигались посредством товарищеских отношений, формировавшихся благодаря добровольному набору новых членов. Лидеры военизированных отрядов утверждали, что насилие способно очищать, исправлять и возрождать людей и национальный менталитет. Несмотря на расплывчатые политические цели, они считали себя авангардом идеалистов, сражающихся за нравственное обновление нации. Главным образом именно само насилие играло перформативную роль и служило источником смысла для активистов военизированных организаций. Опыт насилия позволял мобилизовать страсть и решительность, эстетизируясь некоторыми интеллектуалами — такими как

²⁸ О Балтийских государствах см.: *Balkelis T. Turning Citizens into Soldiers: Lithuanian Paramilitaries in 1918—1920 (forthcoming)*. Об «ардити» см.: *Reichardt S. Faschistische Kampfbünde. Gewalt und Gemeinschaft im italienischen Squadristum und in der deutschen SA. Köln, 2002.*

Маринетти, Д'Аннунцио, Юнгер, фон Заломон — в качестве красивой хирургической операции или воплощения силы и воли. Военизированные группировки скрепляла именно эмоциональная энергия, порождавшаяся насильственными действиями.

Политическая логика подобных группировок отличалась двойственностью: противодействие большевизму (и «красным» вообще) как реальному или воображаемому противнику сочеталось в ней с наделением новой легитимностью контрреволюционного дела, а в конечном счете — и государств, которые могли быть созданы на его основе. Во многих случаях это идеологическое насилие придавало особую остроту этническим и национальным конфликтам (в Балтийских государствах и в Силезии), отводя военизированному насилию ключевую роль по сравнению с другими формами насилия²⁹. Однако в Италии, где военизированная контрреволюционная мобилизация зашла дальше всего, этнические конфликты играли лишь маргинальную роль. Правда, в случае Д'Аннунцио, в 1919—1920 годах на 15 месяцев оккупировавшего Фиуме, маргинальные события оказались серьезным предвестником центрального фашистского проекта, а «усеченная победа», не удовлетворившая некоторые притязания ирредентистов, оставалась важным спланированным лозунгом³⁰. Но, как показывает в пятой главе Эмилио Джентиле, основой для фашистской военизированной активности в северных и центральных областях собственно Италии служили распад прежней государственной легитимности, столкновения по поводу землевладения и передела земель на селе и кровавый классовый конфликт в городах³¹.

ВОЕНИЗИРОВАННОЕ НАСИЛИЕ, ЭТНИЧНОСТЬ И КРАХ ИМПЕРИЙ

Если большевистская революция и последовавшая за ней Гражданская война в России порождали страхи перед европейской классовой войной, то идея создания этнически однородных национальных государств оказалась не менее революционным принципом и важным источником военизированного насилия во многих регионах Европы

²⁹ Gerwarth R. The Central European Counter-Revolution: Paramilitary Violence in Germany, Austria and Hungary after the Great War // Past and Present. 2008. Vol. 200. P. 175—209.

³⁰ Woodhouse J. Gabriele D'Annunzio: Defiant Archangel. Oxford, 1998.

³¹ Gentile E. The Origins of Fascist Ideology, 1918—1925. N.Y., 2005; *Idem*. Il Fascismo: una definizione orientativa // *Idem*. Fascismo. Bari, 2002. P. 54—73.

после окончания Первой мировой войны — особенно там, где имелось противодействие со стороны империй и династических монархий или других национальностей, находившихся в большинстве. В то время как революционное насилие 1917 года переняло от XIX века четкость сражений на баррикадах, разделявших две стороны, боровшиеся друг с другом во имя противоположных идеологий, этническое насилие отличалось намного более сложным и запутанным характером. Многие шаги, на первый взгляд движимые идеологией или объявлявшиеся в свое время политическими, в реальности мотивировались уже существовавшими социальными трениями или являлись побочным продуктом более простых стимулов — таких как зависть, алчность или вождение³².

В Европе после 1917 года национальные проекты нередко переплетались с социальными движениями, а в некоторых частях Восточной Европы национальные претензии шли рука об руку с земельными требованиями, вследствие чего в послевоенные годы в качестве мощной радикальной силы заявил о себе крестьянский национализм — в первую очередь в Болгарии, Западной Украине и Балтийских государствах (но не в Ирландии, где британцы уступили землю фермерам-арендаторам). Кроме того, рабочие и социалистические движения были не только интернационалистическими; напротив, нередко они принимали «национальную» форму. Борьба за создание или защиту нации включала разнообразные виды насилия. Этнические и национальные притязания преобладали в зонах дробления на территории Османской и Романовской империй (а также в Ирландии), хотя ту или иную роль играли также большевизм и антибольшевистская контрреволюция³³. Сергей Екельчик в главе 7 исследует борьбу военизированных сил за землю и власть на местах, которая, в свою очередь, способствовала кристаллизации украинской и польской национальной идентичности в спорных регионах, населенных обоими этими народами.

Политика этнических чисток достаточно часто вдохновлялась старыми дарвиновскими метафорами социальной борьбы, угрозой расовой или национальной деградации и идеалом чистого и здорового сообщества. Однако логика установления новых границ с целью определения национальных сообществ могла порождать тот же эффект и при отсутствии подобного идеологического наследия — как, например, в Ирландии и Польше, где национализм ассоциировался с демократическими традициями и религией. Необходимость очистить

³² Kalyvas S. *The Logic of Violence in Civil War*. Cambridge, 2006. P. 365—387.

³³ Bloxham D. *The Final Solution*. P. 81 ff.

сообщества от «чужеродных» элементов и искоренить тех, кто вредил благополучию сообщества, также носила практический характер и требовала применения насилия, что ярко иллюстрируют десятилетия после 1917 года. Способы, которыми осуществлялись чистки, во многом диктовались контекстом, в котором они проводились, но в еще большей степени — кризисом государственной власти и обострением внутриобщинных взаимоотношений под воздействием военных конфликтов и экономических изменений. Но эти способы также отражали формирование в рамках конкретных революционных движений внутренней культуры, задававшей их предрасположенность к военизированному насилию. Истоки этой культуры носили сложный характер. Так, контрреволюционные банды, после Первой мировой войны совершившие много зверств по всей Центральной и Восточной Европе, во многом опирались на упрощенную и откровенно гендерную военную культуру, в которой готовность отдавать и исполнять приказы о применении насилия подчиняла «нормальные» ценностные структуры гражданского общества нерассуждающему служению идее.

Межобщинное насилие между враждебными этническими и религиозными группами (поляки и немцы в Силезии, унионисты и националисты в Северной Ирландии, мусульмане и христиане в новой Турецкой республике) было не менее важным источником военизированного противостояния, поскольку каждая из сторон прибегала к сочетанию милиции и террористических отрядов при захвате или защите «национальных» земель. Иногда — особенно во время греко-турецкой войны 1919—1922 годов — военизированные группы использовались в дополнение к традиционным армиям, в то время как в других случаях асимметричная борьба между партизанскими и регулярными силами порой вынуждала последние прибегать к помощи вспомогательных отрядов, способных расправиться со скрытым врагом без оглядки на военные конвенции. Как пишет Угур Умит Унгор в главе X, это наблюдалось после 1920 года в Закавказье, где большевики столкнулись с чрезвычайными трудностями при попытке «умиротворить» местные народы, воевавшие друг с другом из-за пограничных территорий или проводившие этнические чистки, причем особенную активность и жестокость проявляли армянские военизированные отряды³⁴. Ту же самую роль играли британские «черно-коричневые» и их вспомогательная полиция во время ирландской войны за независимость, о чем говорит Энн Долан в главе XII³⁵. Были также случаи, когда борьба за

³⁴ *Baberowski J.* Der Feind ist überall: Stalinismus im Kaukasus. Munich, 2003.

³⁵ *Townshend Ch.* The British Campaign in Ireland, 1919—1921: the Development of Political and Military Policies. Oxford, 1975.

формирование нации и достижение независимости включала сильный идеологический компонент (который был особенно заметен во время гражданской войны в Финляндии, а также в Балтийских государствах). Вообще, как отмечается в главе IV, гражданская война в Финляндии между двумя сторонами, не имевшими между собой принципиальных различий (социал-реформисты и умеренные демократы), отличалась недолгой, но мощной вспышкой жестокости вследствие непосредственного влияния русских коммунистов и контрреволюционных немецких сил, вызвавшего поляризацию двух трактовок молодого независимого государства и резко усугубившего их взаимное противостояние³⁶.

В каждом из этих случаев требуется выяснить не только тип, размах и степень свирепости военизированного насилия, но и его влияние на те цели, во имя которых оно осуществлялось. «Нация» (как бы она ни определялась) не несет в себе никаких врожденных черт, которые бы делали самозванные военизированные силы источником легитимности, хотя они могли оставлять о себе долгую память и даже основополагающие мифы. Однако в тех случаях, когда предполагаемое или реальное национальное государство оказывалось отделено послевоенными границами от сообществ, считавшихся его неотъемлемой частью, или включало в себя остатки бывшего государства или социальных элит, которым отказывалось в праве на место в пределах нового государства, возникала возможность ирредентистского насилия, направленного как на «защиту» уязвимых членов, так и против мнимых антител ради утверждения нового национального сообщества. И та и другая динамика просматривается в войнах 1918—1919 годов между Польшей и Украиной и Польшей и Литвой. Военизированные силы стремились выявить и запугать или изгнать представителей другого этноса на обширных просторах спорных приграничных территорий в Восточной Польше³⁷. Томас Бакелис в главе 8 на примере Балтийских государств показывает, как военизированные формирования, мобилизованные на борьбу с большевизмом и новой армией соседней Польши, стали ядром, вокруг которого выстраивался проект независимой литовской, латвийской и эстонской государственности, оставаясь пробным камнем народной мобилизации вплоть до поглощения Балтийских государств сталинской Россией в 1939—1940 годах. Аналогичным образом, насилие в Ирландии достигало наибольшего ожесточения там, где ло-

³⁶ О Финляндии см.: Ylikangas H. Der Weg nach Tampere. Die Niederlage der Roten im finnischen Bürgerkrieg 1918. Berlin, 2002.

³⁷ Eichenberg J. The Dark Side of Independence: Paramilitary Violence in Ireland and Poland after the First World War // Contemporary European History. 2010. Vol. 19. P. 231—248.

гика размежевания влекла за собой военизированное насилие против гражданских лиц или против другой общины (например, в областях Ольстера со смешанным населением или со стороны Ирландской республиканской армии [ИРА] в некоторых южных регионах). Такая логика военизированного насилия и размежевания в Ирландии и Польше исследуется в главе XI, написанной Юлией Айхенберг³⁸.

В тех случаях, когда национальные чаяния оставались под угрозой или не были удовлетворены в долгосрочном плане, сохранялся потенциал для военизированного насилия (например, в виде террора), призванного воспрепятствовать революционному или демократическому самоутверждению и выдвинуть более долговечные претензии, оправдывавшие борьбу во имя нации. Именно такую роль играла ИРА во время ирландской гражданской войны 1922—1923 годов и позже, когда она отвергала англо-ирландский договор о создании Ирландского свободного государства (несмотря на то что он был одобрен подпольным ирландским парламентом — Дойлом) во имя единой, но так и не осуществленной республики, состоявшей из 32 графств. Аналогично, Международная македонская революционная организация (ММРО) без какого-либо одобрения со стороны народа провозглашала неотъемлемое право на независимость или на союз с Болгарией в тех частях Фракии и Македонии, которые ненадолго входили в состав Болгарии в 1912—1913 годах и во время Первой мировой войны. Сами акты террора и военизированной активности превращались в суррогаты национального суверенитета³⁹.

Различная судьба балканских национальных проектов той эпохи (победа государств Малой Антанты — Чехословакии, Румынии и Югославии, и в первую очередь победа сербского максимализма; «национальная катастрофа» в Болгарии) задавала геополитический контекст, в котором «побежденные» могли в своих притязаниях на суверенитет или на создание ирредентистского варианта нации сделать долгосрочную ставку на военизированное насилие или террор. С другой стороны, как показывает Джон Пол Ньюмен в главе IX, посвященной послевоенному военизированному насилию в Югославии, «победители» также

³⁸ *Hart P.* The IRA at War, 1916—1923. Oxford, 2003; *Wilson T.* Frontiers of Violence. Conflict and Identity in Ulster and Upper Silesia, 1918—1922. Oxford, 2010.

³⁹ *Perry D.* The Politics of Terror: The Macedonian Liberation Movements, 1893—1903. Durham, 1988; *Troebst S.* Mussolini, Makedonien, und die Mächte 1922—1930. Cologne, 1987; *Rossos A.* Macedonianism and Macedonian Nationalism on the Left // *Banac I., Verdery C.* (Ed.). National Character and Ideology in Interwar Eastern Europe. New Haven; London, 1995; *Banac I.* The National Question in Yugoslavia: Origins, History, Politics. Ithaca, 1984. P. 307—328.

прибегали к военизированному насилию с целью консолидации нового строя, как поступали сербские и проюгославские военизированные группировки в Македонии и Косове, чьи жители под защитой военизированных сил пытались создать этнически и культурно однородные зоны посредством программы национальной консолидации, которая в принципе (хотя на практике — не всегда) поддерживалась правительством и эвфемистически называлась «умиротворением». Это, в свою очередь, подталкивало ММРО и проалбанское движение «Качак» к налаживанию в 1918—1923 годах связей с другими ревизионистскими военизированными группами, действовавшими в Хорватии, Италии, Австрии и Венгрии, — связей, порой незадействованных, но сохранявшихся на протяжении всего межвоенного периода. В то время как спад военизированной активности и насилия в этом регионе после 1923 года был связан с общеевропейской стабилизацией, люди и структуры, вовлеченные в кровавый межэтнический конфликт, вошли составной частью в послевоенную политическую культуру во всех Балканских странах. Это военизированное насилие следует рассматривать как одну из сторон национального строительства в Юго-Восточной Европе, а в более непосредственном плане — как ответ на вильсоновскую программу самоопределения в данном регионе⁴⁰.

НАСЛЕДИЕ ВОЕНИЗИРОВАННОГО НАСИЛИЯ

К концу 1923 года военизированное насилие в целом ушло из европейской политики, хотя некоторые наиболее запутанные конфликты по-прежнему создавали плодородную почву для таких военизированных и террористических организаций, как ММРО и ИРА⁴¹. После завершения франко-бельгийской оккупации Рура, окончания гражданских войн в России и Ирландии и заключения Лозаннского мирного договора (предусматривавшего создание новой Турецкой республики), одной из задач которого было «окончательно завершить состояние войны, существующее на Востоке с 1914 года»⁴², Европа вступила в период хрупкой политической и экономической стабильности, продолжавшийся до Великой депрессии.

⁴⁰ Newman J.P. Post-imperial and Post-war Violence in the South Slav Lands, 1917—1923 // *Contemporary European History*. 2010. Vol. 19. P. 249—265.

⁴¹ Hanley B. *The IRA, 1926—1936*. Dublin, 2002; Banac I. *The National Question; Perry D. The Politics of Terror*.

⁴² *The Treaty of Lausanne* // Grenville J., Wasserstein B. (Ed.). *The Major International Treaties of the Twentieth Century*. 3rd ed. London, 2001. P. 123 ff.

Тем не менее это бесспорное утверждение требует четырех оговорок. Во-первых, некоторые регионы Европы после войны практически не знали внутреннего военизированного насилия. По большому счету речь идет о территориях держав-победительниц, для которых территориальная целостность, власть государства, мощь и престиж армии лишь укрепились. В пределах Великобритании, Франции, Бельгии и даже появившейся в результате войны Чехословакии случаи военизированного насилия были очень редки или вовсе отсутствовали. Поскольку все эти страны входили в число основных участников войны, они играют роль контрпримеров, позволяя выявить факторы, порождавшие военизированное насилие в других регионах. Джон Хорн проводит такое исследование на примере Франции в главе 13.

Вторая оговорка к утверждению о сокращении военизированного насилия в Европе после 1923 года состоит в том, что за мнимым спокойствием и возвращением к нормам мирной политики продолжала скрываться общая культура призывов к насилию, военизированной политики и уличных боев, характерная для многих стран Центральной и Восточной Европы. Военизированное насилие оставалось ключевой чертой межвоенной европейской политической культуры, включая в себя такие разные движения, как германские штурмовики, итальянские «чернорубашечники», легионеры румынской «Железной гвардии», венгерские салашисты, хорватские усташи, Рексистское движение Леона Дегреля в Бельгии и движение «Огненные кресты» во Франции (основанное в конце 1920-х годов). В то время как мощный импульс многим из этих движений дали последующие события — и в первую очередь Великая депрессия, — своими корнями они зачастую восходили к потрясениям непосредственно послевоенного периода. В тех случаях, когда эти потрясения в наибольшей степени подчинялись идеологической контрреволюции, неприкрытое насилие военизированных отрядов имело наибольшие шансы стать частью символических и организационных принципов, структурировавших массовые движения и даже новые государственные формы. В случае итальянского фашизма и германского национал-социализма культура «военизированных движений» сыграла решающую роль в создании условий для прихода этих движений к власти: несмотря на важное место, занимаемое электоральной политикой и в Италии, и в Германии, военизированное принуждение оказывало на нее пусть чисто показное, но заметное влияние. Более того, послевоенный опыт создавал культурную основу (как непосредственно ощущавшуюся, так и неявную) для военизированных организаций такого типа, которые могли быть задействованы

как внутри страны — в классовых сражениях и против либерального государства, — так и во внешней ирредентистской борьбе в этнических «зонах дробления».

Даже во французской Третьей республике, укрепившейся в результате военной победы в Первой мировой войне, в 1924—1926 годах имела место военизированная реакция ультраправых сил на демократическую политику и деятельность Коммунистической партии, названная одним историком «первой волной» французского фашизма. За ней последовала намного более серьезная «вторая волна», порожденная экономическим кризисом и нерешительной демократической политикой 1930-х годов⁴³. В те же годы (1923—1926) в ответ на основание Коммунистической партии Великобритании, «потерю» Южной Ирландии и рабочие волнения, кульминацией которых стала Всеобщая забастовка 1926 года, возникла малочисленная организация британских фашистов. И хотя более поздний, достигший большего успеха Британский союз фашистов во главе с Освальдом Мосли возник как реакция на лейбористский политический кризис и социальные неурядицы, вызванные Великой депрессией, его военизированный характер также опирался на идеализированный опыт и жертвы Первой мировой войны⁴⁴.

В-третьих, рассматриваемый период надолго оставил после себя и такое наследие, как идея о необходимости избавить сообщество от чуждых элементов ради создания нового утопического строя, ликвидировать всех тех, кто якобы ставил под удар благоденствие сообщества. Это убеждение представляло собой мощный аспект общего багажа радикальной политики и радикальных акций в Европе с 1917 по конец 1940-х годов⁴⁵. В каких бы формах она ни проявлялась, политика очистки сообщества от вредных элементов была заметной чертой крестьянских фантазий, пролетарских амбиций и бюрократических моделей национального сообщества. Как таковая, она является важным ключом к пониманию тех циклов насилия, которые были характерны

⁴³ *Soucy R.J.* French Fascism: the First Wave. London; New Haven, 1986; *Idem.* French Fascism: the Second Wave. London; New Haven, 1995. См. также: *Sternhell Z.* Neither Right nor Left: Fascist Ideology in France. Berkeley (Ca.), 1986.

⁴⁴ *Pugh M.* Hurrah for the Blackshirts! Fascists and Fascism in Britain between the Wars. London, 2005. P. 126—155 (хотя в случае Мосли, как и в случае многих других фашистов, сохранение плодов военной победы требовало уклонения от новых войн с идеологически близкими режимами — такими как нацистская Германия и фашистская Италия).

⁴⁵ *Mann M.* The Dark Side of Democracy; *Bloxham D.* The Final Solution; *Conway M., Gerwarth R.* Revolution.

для многих революционных возмущений в Европе после 1917 года. Например, динамика революционного и контрреволюционного насилия 1930-х годов в Испании определялась тем, как обе стороны — националисты и республиканцы — воспринимали свое участие в кампаниях чисток: и те и другие стремились избавить государство посредством реального или символического насилия от тех, кто вследствие своих идеологических взглядов, социального происхождения или склада личности считался угрозой для здоровья общества⁴⁶. Однако подобные идеи о здоровом сообществе, бесспорно, достигли наиболее полного выражения в этнически пестрых государствах Центральной и Восточной Европы в десятилетия между крахом империй, существовавших до Первой мировой войны, и насильственным вовлечением этих стран в холодную войну⁴⁷. Методы, при помощи которых эти идеи чисток претворялись в жизнь военизированными движениями, во многом зависели от контекста, в котором те действовали, но в первую очередь — от кризисов государственной власти и обострения межобщинных взаимоотношений в условиях военных конфликтов и экономических изменений.

Наконец, военизированное насилие отразилось и на колониальном мире, не в последнюю очередь из-за того, что он тоже находился в силовом поле идеологического конфликта. В то время как молодые антиколониальные движения вдохновлялись прозвучавшей на Парижской мирной конференции вильсоновской риторикой о демократическом самоопределении наций, Коммунистический (Третий) интернационал на своем втором съезде в августе 1920 года попытался увязать борьбу колоний против «империализма» с классовой борьбой против капиталистического мира⁴⁸. Страх перед националистическими и коммунистическими восстаниями в колониях начал сказываться на отношениях англичан и французов с их колониальными империями. В то время как итогом стали и реформы, и репрессии, непосредственная реакция заключалась в насильственном подавлении новых выступлений в колониях, нередко включавшем применение военизированных отрядов. В Египте, Индии и Ираке, а также в Афганистане и Бирме Великобритания отвечала на волнения и на требования покоренных народов военной силой, в том числе с использованием вооруженных полицейских

⁴⁶ *Richards M.* A Time of Silence. Civil War and the Culture of Repression in Franco's Spain, 1936—1945. Cambridge, 1998.

⁴⁷ *Naimark N.* Fires of Hatred. Ethnic Cleansing in Twentieth Century Europe. Cambridge (Ma.), 2001.

⁴⁸ *Manela E.* The Wilsonian Moment.

и военизированных частей⁴⁹. «Черно-коричневые» отправлялись из Ирландии в другие горячие точки в колониях, включая Палестину⁵⁰. В сопоставимых масштабах к военизированному насилию прибегали и французы в Алжире, Сирии и Индокитае. Эти конфликты и их долгосрочное влияние на борьбу колоний за независимость после 1945 года, оставаясь поразительно мало исследованным явлением, будут рассмотрены в отдельной книге.

⁴⁹ В число важных работ по этим конфликтам входят: *Anderson D.M., Killingray D.* (Ed.). *Policing and Decolonisation: Politics, Nationalism, and the Police, 1917—65.* Manchester, 1992; *Mockaitis Th.R.* *British Counterinsurgency, 1919—60.* Basingstoke, 1990; *Grant K.* *A Civilised Savagery: Britain and the New Slavery in Africa, 1884—1926.* London, 2005; *Sluget P.* *Britain in Iraq: Contriving King and Country.* 2nd rev. ed. London, 2007. P. 61, 91; *Sayer D.* *British Reaction to the Amritsar Massacre 1919—1920 // Past and Present.* 1991. Vol. 131. P. 130—164.

⁵⁰ *Townshend Ch.* *Britain's Civil Wars: Counterinsurgency in the Twentieth Century.* London, 1986. P. 191—192; *Wasserstein B.* *The British in Palestine: The Mandatory Government and the Arab-Jewish Conflict.* London, 1978.

1

РЕВОЛЮЦИЯ
И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ: СИНДРОМ НАСИЛИЯ В ГРАЖДАНСКИХ ВОЙНАХ РОССИИ (1918—1920 ГОДЫ)¹

I. ВОПРОС О НАСИЛИИ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Несмотря на наличие обширной литературы, посвященной революции в России, проблема насилия в этот продолжительный период коллективных и индивидуальных мучений по-прежнему привлекает внимание исследователей. Как предполагал Питер Холквист, «синдром» насилия проявился во всей своей свирепости в результате тесной взаимосвязи между обстоятельствами, идеологией и применением силы для решения политических задач по обе стороны водораздела между большевиками и их противниками². Взаимодействие между мышлением, поведением и контекстом имело различный характер в разные моменты времени и в разных регионах, охваченных Гражданской войной, бушевавшей на обширных просторах развалившейся Российской империи; неизменными оставались лишь природа и формы насилия. Где бы ни шла борьба между красными, белыми, «зелеными», «черными» и течениями промежуточных оттенков, она была невообразимо жестокой, безжалостной, лишенной всяких нормативных моральных ограничений и «зверской» в самом банальном смысле этого слова. Редкие оазисы спокойствия в 1918—1921 годах — подобные так называемой Крымской республике конца 1918—1919 годов — сами начинались и заканчивались ужасами, которые несли с собой буйствовавшие обольшевиченные матросы, мстительные татары

¹ Некоторые из изложенных здесь аргументов впервые были представлены в моей статье: *Rosenberg W. Beheading the Revolution: Arno Mayer's «Furies» // Journal of Modern History. 2001. Vol. 73. P. 908—930.*

² Особенно см. доклады П. Холквиста (*Holquist P. Reflections on the Russian Civil War*) и П. Гэтрелла (*Gatrell P. The Russian Revolution and Europe: 1917—1923*) на конференции «Paramilitary Violence after the Great War, 1918—1923: Towards a Global Perspective, Clinton Institute, University College Dublin, 5—6 December 2008». См. также: *Holquist P. Violent Russia, Deadly Marxism? Russia in the Epoch of Violence, 1905—21 // Kritika. 2003. Vol. 4. № 3. P. 627—652.*

и свирепые белые «интервенты», сменившие зарубежных защитников³. Необузданное насилие в 1918—1920 годах проникало во все уголки региона, преодолевая любые границы: личные, коллективные, социальные, культурные и политические. В стране воцарился гоббсовский хаос, который было бы уместнее назвать «смутой» — русским словом, означающим «расстройство социально-политической организации, сопряженное с применением насилия», привносящим коннотации хаоса, жестокости и ужаса и не имеющим четкого эквивалента в западноевропейских языках⁴.

Одной из причин этой жестокости было то, что российская Гражданская война сама преодолела все социальные, культурные и национальные границы, существовавшие при царском режиме⁵. В войне принимали участие большевики (в том числе боровшиеся друг с другом), прочие воинствующие радикалы, антибольшевистские силы, местные националисты, анархисты, крестьяне и прочие группировки, а также различные религиозные и этнические группы, являвшиеся основными противоборствующими сторонами в государствах Балтии, в Финляндии, Польше, на Украине, в Грузии, Армении, Азербайджане и в Среднеазиатском, Сибирском и Дальневосточном этнополитических регионах. В частности, причиной насилия служило достижение полной независимости (Польша, Финляндия) или стремление к ней (Украина, Кавказ), охватившее практически все этнически демаркированные территории бывшей Российской империи. Это происходило даже собственноручно в России, где местные лидеры таких этнических «островов», как Татарстан, боролись за региональную автономию или за иные варианты выхода из-под субординации Москвы. Однако по большому счету наднациональный характер российских гражданских конфликтов противоречил самому понятию национальных границ и всему тому, что они подразумевали. И причины, и обоснования, и цели Первой мировой войны были связаны с необходимостью защиты этих границ, чем оправдывались беспрецедентные ужасы военного времени. Напротив, интернационализм большевиков, захвативших власть в крупнейшей

³ См. обсуждение этих событий в моей работе: *Rosenberg W. Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party 1917—1921*. Princeton, 1974. Ch. 12. Будучи не самым свежим, это исследование, насколько мне известно, остается последней работой, посвященной Крымской республике.

⁴ См., например, такую внушительную работу, как: *Булдаков В. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия*. М., 2010.

⁵ В целях удобства термином «Россия» в данной статье будет обозначаться вся территория бывшей Российской империи.

Рис. 1. Бойцы Красной армии перед зданием штаба на Воронежском фронте в 1918 г.

из европейских империй, открыто бросал вызов самим основам всего политического устройства Европы.

Так, большевистская партия отличалась неограниченной готовностью к классовой войне, ожесточенной антицерковной политикой и поражавшей многих европейцев способностью мобилизовать уставших от войны солдат, рабочих и прочих своих сторонников в ряды массовой армии, умевшей если не претворять в жизнь партийные цели, то по крайней мере защищать достигнутое. Во всех этих отношениях ранний большевистский режим ни в каком традиционном смысле слова не был «русским». Языковое, этническое и территориальное разнообразие было полностью подчинено идеологическому интернационализму «транснационального» Советского государства, в котором предполагалось устранить различия, более столетия определявшие европейскую политику и культуру. Была ли эта опасность одним из ключевых аспектов насилия тех лет в самой России?

Даже сейчас, спустя почти сто лет, в постсоветской перспективе, кровавые последствия русской революции воспринимаются исследователями как признак врожденной деструктивности утопического

интернационализма, а также личного стремления Ленина к власти. Рассмотрение российского насилия сквозь призму конкурирующих идеологических систем оказалось весьма привлекательным с точки зрения дискредитации *всей* социалистической мысли как утопии, враждебной современному неокapитализму. То же самое можно сказать о радикальной политике, практически все формы которой нередко приравняются к «терроризму».

В контексте настоящей книги встает принципиальный вопрос: можно ли назвать то насилие, о котором до сих пор шла речь, военизированным в каком-либо значимом смысле слова? Или же в данном контексте его реальное значение состояло лишь в том, что оно служило идеологическим оправданием для возникновения в Европе иных, контрреволюционных военизированных организаций? Мы предлагаем решать этот вопрос, исходя из трех важных аспектов рассматриваемого насилия. Первый из них связан с материальными лишениями и бедственным положением, в котором находилось практически все население Российской империи с конца 1915 до середины 1920-х годов и которое принимало особенно суровые формы во время Гражданской войны и непосредственно после нее. Второй аспект — тесно связанные с этими бедствиями оскорбления и унижения, сопровождавшие всевозможные лишения по мере того, как нестабильность выливалась в неприкрытую борьбу за коллективное и личное выживание. Из этих двух аспектов вытекает третий, а именно — роль фактора, который можно назвать «функциональностью», в качестве элемента политической легитимности. В рассматриваемый период сколько-нибудь эффективное или вообще какое бы то ни было осуществление элементарных производственных и распределительных процессов становилось все более затруднительным. Хотя за актами красного и белого террора явно просматриваются различные идеологии и формы политического волеизъявления, отчасти объясняющие его свирепость, и хотя нет никаких сомнений в том, что после захвата большевиками власти в октябре 1917 года одной из сторон их правления являлась исключительно жестокая социально-политическая диалектика, общий синдром насилия в российской Гражданской войне было бы более уместно объяснять с точки зрения связи между этими скрытыми течениями и процессами, нежели сквозь призму более традиционных категорий политической и идеологической борьбы.

Кроме того, такой подход позволяет уменьшить роль февраля и октября 1917 года в качестве поворотных точек. Каждый из сменявших друг друга политических режимов — как претендовавших на широкий

«имперский» или «демократический» мандат, так и питавших лишь скромные амбиции власти на конкретной территории — сталкивался с одним и тем же набором принципиальных проблем. Проблема власти и контроля в этом смысле была вторична по отношению к задачам, создававшимся лишениями и бедствиями и неизбежно поднимавшим вопросы смысла и компетентности. Отвечая на вопрос о смысле, следовало как-то оправдывать чудовищные потери, лишь возраставшие по мере продолжения мировой войны и последующего кровопролития. Эти жертвы нуждались в объяснении. В глазах многих людей сама смерть, не говоря уже о миллионах искореженных жизнью, требовала искупления и взывала к отмщению. Необходимо было преодолевать материальные лишения, доводившие население до отчаяния, и создавать механизмы, способные побороть сопровождавшее его чувство психологической и социальной незащищенности. Императивы власти, сопряженные со все более серьезным риском, требовали жестких форм социального контроля. Нужда и лишения оказались сочетанием, опасным и для индивидуумов, и для коллективов.

II. НУЖДА И ЛИШЕНИЯ КАК КЛЮЧЕВАЯ ПРОБЛЕМА

Нужда как основа военизированного насилия в революционной России коренилась в проблемах производства и распределения, отражавших в себе почти все аспекты российской политики после 1914 года и контекстуализовавших все возможные последствия краха царского режима. Хроническая нехватка любых товаров первой необходимости, сотрясавшая экономику страны задолго до февраля 1917 года, приняла особенно катастрофические формы в 1918—1922 годах. Причиной тому было множество хорошо известных факторов: потребности беспрецедентной по своим масштабам и размаху войны, к которой Россия была особенно плохо подготовлена; истощение резервных запасов, пущенных на удовлетворение военных и гражданских нужд; транспортный коллапс; перебои в производстве, вызванные волнами забастовок, локаутами, проблемами распределения и отсутствием сырья; сокращение числа рабочих рук в деревне; регулирование цен; ширившаяся практика реквизиций зерна и товаров, начавшаяся в 1915 году при отсутствии адекватного планирования; инфляционная спираль, поощрявшая тезаврацию; сокращение и полное исчезновение кредитного и инвестиционного капитала по мере ухудшения политического и экономического климата; рост затруднений при выплате заработной

платы и капитализации готовой продукции; и, не в последнюю очередь, неизбежное распространение черного и серого рынков, которые сами себя подкармливали, сами служили источником насилия и ускоряли распад там, где у властей не имелось возможности к их обузданию⁶.

С 1914 по конец 1916 года эти проблемы сказывались на стране не только в плане известного вопроса о легитимности царской власти, но и воздействуя на менталитет и наклонности многих солдат, крестьян, промышленных рабочих и их семей. Крестьяне и рабочие вступили в войну, принуждаемые к защите режима, со всей яростью обрушившегося на промышленные районы и деревню в 1905—1906 годах. Где еще в Европе важный промышленный район обстреливался правительственными войсками из пушек сразу же после издания манифеста, гарантирующего основные гражданские права, как происходило в Москве в 1905 году, и где еще бунтующих крестьян массами вешали по решению военного суда, как это делал «последний великий государственный деятель» страны Петр Столыпин? В среде солдат, из-за производственных и транспортных проблем с 1915 года вынужденных ходить в отчаянные атаки на вражеские позиции без адекватного вооружения и боеприпасов, нарастала ненависть как к офицерам-«аристократам», отдававшим им приказы, так и к режиму, его системе и его ценностям вообще. К августу 1915 года оружия не имело до 30 процентов русских войск, находившихся на фронте⁷. Причину плохого снабжения искали в продажности и спекуляции, и часть этих обвинений была правдой. Гнев офицеров, видевших, как в 1915 году тысячи тяжелораненых вследствие нехватки транспорта днями лежали в грязи, не получая ни питания, ни медицинской помощи, несомненно, был лишь бледной тенью тех чувств, которые испытывали при этом зрелище рядовые⁸.

Таким образом, российский военный опыт, среди всего прочего, обернулся почти непрерывным унижением и социопсихологической дислокацией всех тех, кто находился ближе всего к ужасам войны, в равной степени затрагивая новобранцев, опытных солдат и офицеров. Достаточно указать лишь на то, что уже к концу 1915 года с фронта вернулись почти полтора миллиона тяжелораненых, не получивших

⁶ См. исчерпывающее обсуждение в: *Gatrell P. Russia's First World War: A Social and Economic History*. London, 2005.

⁷ *Davidian I. The Russian Soldier's Morale from the Evidence of Tsarist Military Censorship // Facing Armageddon: The First World War Experienced*. London, 1996. P. 428—429.

⁸ РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 1029. Л. 2 и след.

адекватной медицинской помощи и лишившихся как конечностей, так и средств к существованию. Около 1,54 миллиона человек пропали без вести или попали в плен⁹. Более 3 миллионов гражданских лиц стали беженцами — «на ногах была целая империя», как выразился в своем превосходном исследовании Питер Гэтрелл. В это число входило полтора миллиона евреев, изгнанных из своих домов армией, искалеченных физически и психологически в ходе необоснованной конфискации их личного имущества и «беспричинных» погромов¹⁰. Судя по всему, в роли жестоких погромщиков нередко выступали местные крестьяне, которые сами подвергались реквизициям и несли ужасающие потери¹¹. К спирали нужды и лишений прибавлялся порочный круг унижений и принудительных перемещений, сотрясавший группы российского населения, подвергшиеся насилию. К концу 1917 года, отчасти в результате катастрофического июньского наступления при Керенском, одни лишь военные потери, включая тех, кто попал в плен и умер там или по-прежнему находился в германских лагерях, официально превысили 7 миллионов человек¹².

Какова бы ни была эта цифра, язык «лишений» сам по себе скрывал жестокий факт: эти жертвы были результатом насилия, инициированного политическими режимами, по вине которых от физических, психологических и социальных травм страдали индивидуумы и целые сообщества, — перефразируя Гэтрелла, можно сказать, что была изувечена целая нация. Тем не менее применительно к России было бы некорректно говорить о «культуре поражения», так как эта концепция использовалась для объяснения некоторых аспектов военизированного насилия в других странах послевоенной Европы, а революционная Россия фактически стремилась выйти из войны на своих собственных условиях — по крайней мере до момента подписания большевиками Брестского договора¹³. Происходившие же в данном случае процессы отражали в себе совершенно иную «культуру поиска предателей»: вскипавшую, по донесениям военной цензуры, уже в ходе катастрофического отступления 1915 года ненависть нижних чинов к офицерам

⁹ Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 30 (по данным Центрального статистического управления).

¹⁰ *Gatrell P. A Whole Empire Walking. Refugees in Russia During World War I.* Bloomington (In.), 1999. P. 3.

¹¹ См. обсуждение в: *Lohr E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // Russian Review. Vol. 60. 2001, особенно p. 404—406, 414—417; Gatrell P. Russia's First World War. P. 30—31, 178—183.*

¹² Россия в мировой войне. С. 31.

¹³ См. обсуждение в главе II этого сборника.

и имперским должностным лицам, сурово относившимся к ним и, как казалось, совершенно не интересовавшимся их благосостоянием; убеждение в том, что высокопоставленные чиновники и их окружение, включая военного министра Сухомлинова и даже саму императрицу, симпатизируют Германии; распространенную в первую очередь среди ключевых фигур российской Думы идею о том, что некомпетентный и преступный режим предаёт национальные интересы России и тянет страну в пропасть. В знаменитой метафоре того времени страна сравнивалась с мчащимся по горной дороге автомобилем, которым никто не управляет.

Более того, еще до Февральской революции поиск предателей и проблема нужды оказались сплетены в один тесный узел с ожиданиями реформ и призывами к ним. Как мы знаем, в верхних слоях общества требование поставить во главе страны «ответственных» лидеров сочеталось с надеждой на то, что передача власти от изолированного и чрезмерно централизованного самодержавного режима осведомленным и компетентным деятелям на местах предотвратит дальнейший экономический, а соответственно, и военный коллапс. Требования и ожидания «простых» людей были еще более простыми. Солдаты-крестьяне ждали, что в награду за службу они получат землю. Рабочие ожидали, что смена режима приведет к повышению зарплаты и покончит с очередями за хлебом. Решительный январский призыв их делегатов к Центральному военно-промышленному комитету явно отражал в себе очень широкие настроения — и привел к их аресту¹⁴.

III. СВЯЗ ВОЕНИЗИРОВАННОГО НАСИЛИЯ С НАДЕЖДАМИ И ЗАДАЧАМИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Хотя Февральская революция почти наверняка была неизбежной, она быстро объединила тягу к поиску предателей и проблему нужды во взрывоопасную и изменчивую смесь. Их сочетание просматривалось не столько в риторике тех дней (хотя и в ней тоже), сколько в наборе дополнявших друг друга мер, принимавшихся новым либеральным Временным правительством и более радикальным Петроградским советом. Конкретная цель этих мер состояла в том, чтобы вручить лицам, непосредственно связанным с производством, распределением и ситуацией на фронте, полномочия на рассмотрение неотложных местных

¹⁴ РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2123.

проблем и, соответственно, на их эффективное решение. Следовало как-то получить гарантии того, что армия сохранит верность революции и будет способна ее защищать. Необходимо было увеличить производство, и в первую очередь — боеприпасов и продовольствия. Срочного совершенствования требовала система снабжения и распределения. В организационном плане эти меры включали узаконение (и содействие созданию) выборных рабочих комитетов на крупных государственных и частных промышленных предприятиях; радикальную реорганизацию железнодорожной администрации, включавшую передачу полномочий местным и центральным «линейным комитетам»; принятие законов, разрешавших создание окружных дум в российских городах и новых, выборных городских властей; создание на селе «земельных комитетов» для решения проблем сельскохозяйственного производства и землепользования; принятие законов о создании сельских органов самоуправления — волостных земств — и наделении новыми полномочиями земств и городских союзов; и, наконец, самый демонстративный шаг — признание законности выборных местных городских и крестьянских советов, а также более масштабных районных, городских и «всероссийских» комитетов, избранных теми, кого они представляли. За исключением знаменитого *Приказа № 1* Петроградского совета, уполномочившего армейские солдатские комитеты на борьбу со злоупотреблениями и защиту завоеваний революции, все эти меры первоначально пользовались широкой поддержкой обоих центров «двоевластия». Испытывая разные эмоции по этому поводу, и Временное правительство, и вожди советов все же считали себя принципиальными участниками процесса перераспределения власти, необходимого как по экономическим, так и по политическим соображениям¹⁵.

Так, предпринимались попытки упрочить «надпартийную» роль государства в сферах управления экономикой и индустриальной капитализации. Достаточно отметить, что именно ведущий либерал, Андрей Шингарев, составлял проект нового закона Временного правительства о государственной монополии на зерно, разрабатывал законы о снабжении крестьян товарами по фиксированным ценам, участвовал в подготовке указов, разрешавших продажу зерна только по фиксированным ценам и через новые органы по снабжению продовольствием и требовавших, чтобы все излишки поступали в государственные

¹⁵ См. мою статью: *Rosenberg W. The Democratization of Russia's Railroads in 1917 // American Historical Review. 1981. Vol. 86. №. 5. P. 983—1008.*

распределительные учреждения, а не продавались на открытом рынке. Деятели советов и правительства совместно устанавливали цены на продовольствие и на «предметы первой необходимости», причем и те и другие добивались того, чтобы все это было доступно населению по самым низким из возможных ценам¹⁶. Была установлена новая государственная монополия на топливо, опиравшаяся на подготовительную работу, проделанную царскими «особыми совещаниями», в то время как на рынках текстиля и кожи Центральные хлопковый и шерстяной комитеты, по словам либерального деятеля, участвовавшего в их работе, «практически ликвидировали все практиковавшиеся частные коммерческие махинации»¹⁷. Вместе с тем Военное министерство, возглавлявшееся сперва консервативным либералом Гучковым, а впоследствии, начиная с мая, — одним из известнейших в стране социалистов, Александром Керенским, продолжало прибегать к помощи местных военно-промышленных комитетов и групп Земгора.

С точки зрения нашего исследования во всем этом можно разглядеть не только грандиозные надежды и проблемы, встававшие перед демократическим революционным государством, но и то, что можно назвать идеальным фундаментом для военизированного насилия: наличие местных группировок, узаконенных или не преследовавшихся государством, занятых осуществлением общепризнанно насущных реформ, однако не обладавших какой-либо эффективной государственной властью, которая в обычных условиях могла бы обеспечить их проведение в жизнь. В сравнительном плане эти зарождавшиеся в России институциональные основы военизированного насилия принципиально отличались от тех, которые вскоре начали возникать в других странах Европы, поскольку они отражали массовые представления о том, как новое революционное государство должно решать злободневные проблемы дефицита и распределения, одновременно обеспечивая — в соответствии со всеобщими чаяниями — конструктивный выход народному недовольству. Ужасающие военные потери были бы оправданы успешным превращением России в демократическое государство.

Дело обстояло таким образом потому, что демократизация в этом и в других смыслах в первые месяцы революции являлась целью, разделявшейся самыми широкими слоями населения, а надежды, возла-

¹⁶ См., например: Вестник Временного правительства. 1917. 28 марта. Превосходное обсуждение вопроса о снабжении продовольствием в те годы можно найти в: *Lih L. Bread and Authority in Russia, 1914—1921*. Berkeley; Los Angeles, 1990.

¹⁷ *Zagorsky S.O. State Control of Industry During the War*. New Haven, 1928. P. 224.

гавшиеся на комитеты, первоначально казались вполне оправданными. Вскоре началась раздача продовольствия из государственных запасов. Новые трудовые договоры и участие рабочих комитетов в решении транспортных и производственных проблем сразу же позволили улучшить систему распределения товаров. Таким же образом решались вопросы достоинства и социального унижения. Как мы знаем, солдатские советы изменили формы обращения в армии, причем даже в тех частях, где сохранялась дисциплина. Был упразднен такой унижительный ритуал, как порка нижних чинов. Трамваи «освободили» от «буржуазных» ограничений на их использование «низшими элементами». Новые формы вежливого обращения и «уважительного» отношения внедрялись посредством законных и организованных забастовок. В Петрограде работники кафе и ресторанов вышли даже на забастовку *против* чаевых, завоевав право на получение заработной платы, не унижающей их достоинства¹⁸. Конечно, не следует забывать, что в ходе данного процесса унижениям порой в отместку подвергались реальные и мнимые «угнетатели»: офицеров калечили и линчевали, управляющих на предприятиях вымазывали смолой и выкатывали на тачках из заводских ворот; крестьяне сжигали поместья и расправлялись с их владельцами, явившись отбирать у них то, что считали своей «законной» собственностью. Но, по крайней мере первоначально, эти эксцессы воспринимались и в рамках комитетской структуры, и вне ее в качестве угрозы для общих ценностей, не рассматриваясь как тактика или поведение, преследующее узкопартийные политические цели. Революция как таковая приветствовалась практически всеми.

Однако уже к весне 1917 года некоторые зловещие тенденции привели к изменению этих «нормативных» представлений о том, как должны функционировать местные советы и другие комитеты. В этом плане наиболее известна стремительная радикализация политического дискурса, которой столь поспособствовал Ленин своими *Апрельскими тезисами* после возвращения в Россию и которая резко ускорила после того, как по приказу Керенского началось злосчастное июньское наступление. Хотя этим можно частично объяснить возмущавшее ожесточение политики и социальных отношений, ответа требуют и более важные вопросы: почему голос Ленина так быстро приобрел вес в промышленных центрах вроде Петрограда и на фронте и почему действия местных комитетов и советов все чаще оборачивались военизированным насилием?

¹⁸ См. подробный разбор этого и других трудовых конфликтов в: *Koenker D., Rosenberg W.G. Strikes and Revolution in Russia. Princeton, 1989.*

Как я полагаю, в первую очередь здесь сказались возобновившийся в конце весны распад российской экономики и возраставшая неспособность самого революционного режима, включая советские организации, в которых все еще доминировали умеренные социалисты, смягчить воздействие продолжавшейся нужды и лишений. Еще до начала июньского наступления неоднозначную роль в развитии событий сыграла война; после того как это наступление закончилось крахом, а с фронта хлынули десятки тысяч разъяренных дезертиров, большевистская позиция, враждебная даже «революционному оборончеству», из заманчивой «утопической» идеи превратилась в связное, пусть и не вполне верное объяснение того, что и почему идет не так. Как утверждали большевики, государственное вмешательство, посредничество и такие санкционированные формы рабочих протестов, как забастовки, неэффективны, потому что «буржуазия» защищает свои интересы и припрятывает товары, рассчитывая на дополнительную прибыль благодаря росту цен. Частная собственность на землю порождает капиталистическую несправедливость. Продолжение кровавой войны вместо немедленного заключения мира служит имперским амбициям и выгодно только промышленникам, получающим военные заказы. И во всем виноваты «министры-капиталисты» и их социалистические «лакеи», потому что «их» «буржуазное» государство не обладает ни волей, ни возможностями к тому, чтобы бороться за благосостояние простых рабочих, крестьян и солдат. Таким образом полностью оправдывалась комитетская структура революционной русской «демократии», получившей орудие для агрессивной обороны от продолжающихся посягательств со стороны «буржуазно-капиталистического» государства.

Иными словами, принципиальный элемент заключался здесь не в идеологии или дискурсивном повороте «демократии» от практик к народу, а в неспособности коалиционного режима к эффективному функционированию, явственно возраставшей даже после того, как в июле власть оказалась в руках у социалистов. В глазах многих представителей правых кругов, выступавших против общенациональных выборов, правительство утратило легитимность, поскольку неправомерно покушалось на полномочия, до сих пор формально принадлежавшие Государственной думе с ее законами. Другие считали, что легитимность правительству могли дать только мандат, полученный от всенародно избранного учредительного собрания, и конституция. Однако в широчайших слоях населения легитимность в первую очередь связывалась просто со способностью хоть что-то сделать, о чем

свидетельствовали речи, протесты и почти непрерывный процесс выборов в местные комитеты, советы и думы. Если режим и советы не могли в своем текущем виде и своими методами обеспечить адекватное решение одолевавших Россию проблем, то вполне «законной» становилась их замена другими властями.

Таким образом, революционное Российское государство невольно становилось идеальным инкубатором массового насилия, носившего военизированный характер именно в том смысле, в каком это понятие сформулировали Роберт Герварт и Джон Хорн, называвшие военизированными такие «военные или квазивоенные организации и практики, которые либо дополняли, либо подменяли собой действия традиционных военных структур». Чем больше усугублялось экономическое положение в России и чем более неэффективными выглядели попытки революционного государства обеспечить народное благосостояние, тем увереннее демократические практики вели к радикализации всевозможных местных комитетов. Отряды Красной гвардии, в большом количестве возникавшие летом и осенью, особенно после Корниловского мятежа, были намного лучше вооружены, чем дисциплинированы. Банды голодных дезертиров, порой насчитывавшие до 6 тысяч человек, все сильнее терроризировали деревню, ожесточая своих бывших товарищей-крестьян¹⁹. К октябрю, когда экономическая ситуация безнадежно ухудшилась, более 8 тысяч государственных гравирировщиков выпускали примерно по 30 миллионов новых бумажных рублей в день, однако и этого государству не хватало для необходимых закупок и выплаты жалованья. И социалисты, и либералы из числа должностных лиц сходились на том, что коалиционный режим грядущей зимой едва ли сумеет обеспечить потребности горожан, даже если будет в состоянии прибегать к силе²⁰.

В ретроспективе представляется, что непреднамеренные последствия этих событий были абсолютно предсказуемыми и столь же неизбежными. И для должностных лиц государства, и для лидеров советов взять на себя формальную либо же неформальную ответственность за решение неразрешимых проблем как на местном, так и на национальном уровне означало — в случае ухудшения ситуации — подвергнуться нападкам и новым обвинениям в «предательстве», находившим выражение во все более радикальных заявлениях и действиях комитетов.

¹⁹ См.: *Sanborn J. Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War and Mass Politics, 1905—1925. DeKalb (Ill.), 2003.*

²⁰ *Шингарев А.И. Финансовое положение России. Пг., 1917. С. 11.*

Представители местных комитетов по снабжению продовольствием сталкивались с неприкрытым насилием; известны случаи, когда их водили по улицам провинциальных городов с руками, связанными за спиной. По мере того как забастовки все чаще приводили к локаутам и закрытию предприятий, а не к повышению зарплаты, постановления комитетов о захвате предприятий как «решении» проблемы сохранения производства и выплаты зарплаты становились все более «легитимными» и распространенными. К осени протесты «в рамках закона» в условиях слабо функционирующей демократической системы исчерпали лимит своей эффективности²¹.

Вполне понятно, что в ходе данного процесса основанием для политической легитимности любой власти стала оценка ее функциональности, а преданность относительно сложным и разноречивым понятиям законности и конституционности сменилась примитивными и не менее разноречивыми обещаниями принятия действенных мер, включая и силовые. До того момента, как сами большевики, приведенные в октябре к власти своими собственными «военно-революционными комитетами», взяли на себя ответственность за решение этих проблем, идеология попирала обстоятельства только как обещание перемен к лучшему, а не как формализованная система власти. Такие лозунги, как «Вся власть советам!» и «Хлеба, земли и мира!», были созвучны чувству страха, лишений и неуверенности, отвечая народным требованиям, но не представляли собой систему правления. То же самое можно сказать о лозунгах «Все на защиту Учредительного собрания!» и «За Россию, единую и неделимую!», под которыми начиналось сплочение антибольшевистского центра и правых сил. Отражавшиеся во всех этих призывах неосуществимые надежды создавали условия, определившие особенности русского насилия в последовавшие ужасные годы Гражданской войны.

IV. ПОСЛЕОКТЯБРЬСКАЯ ЭСКАЛАЦИЯ: «ЖИЗНЬ В КАТАСТРОФЕ»

Едва ли удивительно то, что Октябрьская революция повлекла за собой радикальное расширение методов управления, реквизиций и варварских конфискации, ставших как формальными, так и нефор-

²¹ Koenker D., Rosenberg W.G. The Limits of Formal Protest: Worker Activism and Social Polarization in Petrograd and Moscow, 1917 // *American Historical Review*. 1987. Vol. 92. № 2. P. 296—326.

мальными способами обуздать российскую социальную и политическую экономию нужды и скудости. «Дефицит» в качестве абстрактного экономического понятия является основой рынка, а также регулируемых систем обмена, будучи связан как с этическими, так и с практическими проблемами, относящимися к социальному распределению благ. В конкретном же плане потребность в пище и других элементарных благах пронизывает всю повседневную субъективность: опасения, страхи, тревоги, гнев и в первую очередь склонность к насилию, оказывающую безмерное и глубочайшее воздействие на мировоззрение и поведение. В глазах Ленина и его сторонников, готовых возводить все источники нужды и лишений к проискам врагов-капиталистов в самом широком смысле этого слова и легитимизировавших насильственные «решения» путем демонизации отдельных мнимых представителей российской буржуазии, дефицит лишь подтверждал неотложность их самозванной миссии возмездия. Насильственная реформа российского социального, экономического, культурного и политического строя была призвана наконец избавить от лишений всех тех, кто ее поддерживал. Этим и объяснялась врожденная жестокость большевистской политики, воспринимавшаяся всеми историческими деятелями, и в первую очередь самими большевиками, как предвестие классовой и гражданской войны.

Стремительную эскалацию всех типов насилия после октябрьских событий следует понимать в первую очередь именно в этом плане. Уже в начале 1918 года, задолго до того, как официальные Красная и Белая армии «возвели в закон» бесчеловечное отношение к своим врагам, борьба за продовольствие и прочие блага, развернувшаяся на всем городском и сельском пространстве России, породила новую волну «неформального» насилия, пусть не достигавшую таких же масштабов, но отличавшуюся почти такой же жестокостью. Хорошо вооруженные отряды рабочих — зачастую с заводов, «национализированных» снизу, — вскоре наводнили деревню, требуя хлеба. А крестьянские советы и прочие сельские группировки еще задолго до того, как большевики смогли приступить к организации своих «комитетов бедноты», сами начали крупномасштабный захват поместий, порой в саморазрушительной ярости уничтожая скот и сжигая амбары с припасами. Ряд наиболее ужасающих актов насилия произошел на Северном Кавказе и в Средней Азии, где киргизы и прочие народы восстали против русских после того, как царский режим в 1916 году попытался провести мобилизацию коренного населения²².

²² См.: *Борисенко И.* Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г. Ростов-н/Д, 1930.

Трудности с выявлением всех этих событий даже применительно к центральным регионам нового большевистского государства не должны заслонять от нас тот пожар, который охватил многие части России зимой 1917/18 года. Военизированное насилие по-прежнему коренилось в таких дополнявших друг друга условиях, как дефицит материальных благ и чувство нужды и лишений, находя выражение в действиях местных советов и комитетов, все менее успешно пытавшихся ответить на запросы и побуждения своих избирателей. Ленин и его партия, пришедшие в этих обстоятельствах к власти и со всех сторон осаждавшиеся враждебными силами и лозунгами, не имели никакой возможности обеспечить хотя бы скромную материальную или социальную защищенность даже самым верным своим сторонникам. Большевики сперва должны были монополизировать право на насилие, что и стало первоочередной задачей ЧК. Красную гвардию следовало преобразовать в нечто, формально напоминающее армию, даже если ее командиры, демонстрируя свою преданность революции, не носили погон. Если Брестский договор дал большевикам необходимую передышку, позволившую консолидировать власть на урезанной территории, оставшейся под их контролем, то его катастрофические экономические последствия в смысле доступа к сырью и зерну Украины, оккупированной немцами, ставили страну в условия суровой изоляции, в которых борьба за насущные потребности была готова слиться с провозглашенным Лениным «национальным интернационализмом», опиравшимся на наднациональные военные и революционные силы. Защита большевистской России отныне означала защиту мировой революции. Спонтанные акты насилия даже со стороны тех, кто разделял многие цели большевиков, стали «контрреволюцией».

С другой стороны, установление некоего подобия порядка представляло собой столь же неотложную задачу и в небольшевизированных регионах, поскольку там, где у власти не находились большевики, можно было говорить лишь об относительно меньшей нужде в продовольствии и других предметах первой необходимости. На этих территориях спираль насилия также принципиально коренилась в неразрешимой задаче восстановления контроля над производством и распределением — контроля, отвечавшего материальным и эмоциональным потребностям и в то же время обеспечивавшего хоть какую-то безопасность. Как мы знаем, державам Антанты на какое-то время удалось наладить необходимые военные поставки белым силам на юге России и в Сибири. Германская оккупация Украины также ненадолго помогла избавить этот регион от вопиющих проявлений разрухи.

Впрочем, к 1919 году убеждение большевиков в том, что причиной повсеместной нужды и лишений является капитализм, уравновешивалось столь же доктринерским осуждением любых форм «большевизма» как причины катастрофы, распространившимся даже в тех частях бывшей империи, которые формально не являлись русскими, — таких как Прибалтика и Закавказье.

Однако неспособность *какого бы то ни было* режима обеспечить безопасность и благополучие приводила лишь к эскалации жестоких форм сопротивления со стороны многих из числа попавших в ловушку неудержимого насилия Гражданской войны и к укреплению культуры поиска предателей. И Красная, и Белая армии с самого момента своего создания сталкивались с массовым дезертирством, особенно в 1919 и 1920 годах. Дальнейший развал транспорта и промышленности распространялся в тылу и вдоль фронтов Гражданской войны подобно лесному пожару, а по пятам шли яростные поиски припрятанных товаров, оборудования и оставшихся припасов, вне зависимости от того, существовали ли они в действительности или только в воображении. По мере того как большевики воплощали в жизнь отдельные элементы натурального хозяйства, которые подвергались ожесточенной критике, но все же имели известный смысл с точки зрения насущной потребности в порядке, снабжении и контроле, разраставшийся аппарат, управлявший производством и обменом, сам превращался в жестокую сеть формальной и неформальной агрессии и сопротивления. Белые, насильственно призывая в свои ряды не желавших воевать за них крестьян, особенно на юге России и на Украине после вывода немецких войск, добились того, что их временные победы обесценивались народным сопротивлением и ростом насилия за линией фронта. Несмотря на наличие собственных свирепых заградотрядов, Вооруженные силы Юга России во главе с генералом Деникиным, оказавшись в 1919 году на расстоянии последнего броска от Москвы, буквально рассыпались, когда рядовые белые бойцы устремились по домам, грабя все на своем пути.

Для простых мужчин и женщин, в буквальном смысле не излечившихся от ран мировой войны, эти новые сражения стали очередным «предательством», на сей раз со стороны *всех* формальных политических сил и режимов; окончание войны принесло этим людям лишь новые бедствия; большевизированные профсоюзы, заводские комитеты, но в первую очередь — Красная гвардия и Белая гвардия лишали их последних средств к существованию, а возникавшие здесь и там в 1919 и 1920 годах антибольшевистские движения предавали те цели и на-

дежды, ради которых был свергнут царь. При этом военизированное насилие, осуществлявшееся формированиями, которые дополняли или заменяли обычную деятельность вооруженных сил, все чаще вступало в конфликт с поведением более традиционных армий и подразделений. В красной России жестокие стычки между первыми красногвардейскими частями новой большевистской армии Троцкого и теми, чьи интересы они якобы выражали, приняла широкий размах уже между мартом и концом июня 1918 года, задолго до того, как белые армии стали серьезной угрозой: это происходило в крупных промышленных городах — Петрограде, Москве, Туле, Костроме, на железных дорогах и в деревнях, по-прежнему разграблявшихся всевозможными вооруженными депутациями. На митингах, проводившихся в июне в связи с новыми выборами в Петроградский совет, ораторам от большевиков не давали говорить даже в их оплоте — на Выборгской стороне. Между тем в белой России занятие «большевистских» сел и городов сопровождалось пароксизмами свирепой ярости, особенно по отношению к «жидобольшевикам». Более того, повсеместно именно необходимость всевозможных «чрезвычайных» мер с целью контроля за тем, каким образом, для кого и какие товары производятся и распределяются, становилась основанием для расправ со «спекулянтами», «дезертирами», «укрывателями продовольствия» и другими подрывными элементами, а также для борьбы с черным и серым рынками.

В то время как расширение размаха «формальных» боевых действий между красными, белыми, «зелеными» и прочими силами вело к экспоненциальной эскалации насилия, его корни все равно скрывались в антагонистических и репрессивных потребностях индивидуумов и коллективов, боровшихся за выживание. Собственно, как мы знаем, последние символические ужасы Кронштадтского мятежа 1921 года имели место уже после Деникина, Колчака и Врангеля, после того как отбушевал пожар войны с белыми и с Антантой. Последний кошмарный итог семи лет лишений и бедствий проявился лишь тогда, когда большевики пошли на *ослабления* в своей политике²³. И тогда же, после того как большинство чудовищных разновидностей рукотворного насилия в 1921 году временно прекратилось, голод, болезни и полная безысходность унесли еще несколько миллионов жизней. Согласно наиболее надежным оценкам, насилие и лишения в 1914—1922 годах стали непосредственной причиной около 16 миллионов

²³ См.: Козлов В.П. и др. Кронштадтская трагедия 1921 года. Документы: В 2 кн. М., 1999.

смертей²⁴. «Жизнь в катастрофе» — так назвал это состояние автор недавнего прекрасного исследования, описывая последствия нужды, лишений и бедствий, ощущавшихся буквально во всех уголках бывшей Российской империи²⁵.

V. Являлось ли насилие российской Гражданской войны «военизированным»?

Предлагаемый подход к изучению российской революции и Гражданской войны позволяет нам подробно рассмотреть ряд принципиальных вопросов, связанных с военизированным насилием, которые поднимаются в настоящей книге: его соотношение с вооруженными силами более традиционного типа; его связь с этническим вопросом; военизированное насилие как результат ожесточения социальных отношений в данном регионе и как сила, повлиявшая на исход самой Гражданской войны; связь военизированного насилия с большевизмом как угрозой для устоявшегося европейского социального строя, политических институтов и ценностных систем. Наконец, мы получаем возможность поднять вопрос о том, в какой мере можно назвать «военизированным» насилие, захлестнувшее данный регион, и как его различные формы сказывались на проблемах политической легитимности — особенно легитимности большевистского государства, единственного сумевшего выжить в этом водовороте событий.

В первую очередь следует признать, что при наличии более 30 всевозможных правительств, в 1918—1921 годах претендовавших на право контроля за различными частями бывшей Российской империи, всякое насилие тесно соседствовало с той или иной организованной политической структурой и амбициями. Пусть известные формы красного и белого террора задавались главными претендентами на власть, но и силы менее значительных претендентов — например, Нестора Махно на Украине или Александра Антонова на Тамбовщине — действовали в том же духе, что и формальные армии. Войска генерала Деникина

²⁴ *Lorimer F.* The Population of the Soviet Union: History and Prospects. Geneva, 1946. P. 29—43; *Волков Е.З.* Динамика населения СССР за восемьдесят лет. М., 1930. С. 262; *Лубны-Герцык Л.И.* Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926, особенно см. с. 22. См. также данные Центрального статистического управления, опубликованные в: *Россия в мировой войне*. С. 30—42.

²⁵ *Нарский И.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001.

в период становления Вооруженных сил Юга России почти не брали пленных. Установление власти Деникина на Украине, занятой его армиями после ухода немцев, сопровождалось беспрецедентными массовыми расправами над евреями в июне—декабре 1919 года, в ходе которых было убито до 100 тысяч человек²⁶.

Истолковывать эти события можно разными способами. Согласно ведущему историку деникинского движения, Добровольческой армии «удалось убить столько же евреев, сколько всем другим армиям вместе взятым, потому что эти убийства были наиболее организованными, наиболее идеологически мотивированными и проводились подобно военным операциям»²⁷. Тем не менее антибольшевистские силы вымещали свою ненависть на евреях из мелких украинских местечек по причинам, далеко выходящим за рамки идеологии. Уже в 1915 году евреи преследовались российской армией в Галиции и Польше как «враждебные» элементы, сочувствующие немцам и выдающие им русские позиции. Соответственно не только карательные действия деникинских командиров, но и всякое военизированное насилие против «еврейского врага» на территориях, занятых Белой армией (как и впоследствии в Европе), преподносились как превентивные меры против дальнейших «предательств», а также как воздаяние за угрозы, унижения и предательство со стороны его «жидобольшевистских союзников».

В более прозаическом плане антисемитское насилие на Украине представляло собой всего лишь самый радикальный способ проведения конфискаций в пользу растянутых войск, оставшихся без адекватного снабжения. Использувавшиеся при этом методы не слишком отличались от тех, которые практиковались при реквизициях в регионах, не имевших еврейского населения. Так, Верховный правитель Сибири адмирал Колчак объявил всякое сопротивление конфискациям «большевизмом», а самих сопротивлявшихся в подражание дискурсу ленинистов называл «врагами народа». До 2500 таких «врагов», возможно, было казнено в одном только Омске, резиденции Колчака, после того

²⁶ См.: *Kenez P. Pogroms and White Ideology in the Russian Civil War* // Klier J., Lambroza Sh. (Ed.). *Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History*. Cambridge, 1992. P. 302, где среди прочих цитируются: *Heifetz E. The Slaughter of the Jews in the Ukraine in 1919*. N.Y., 1921. P. 72—73; *Гусев-Оренбургский С.И.* Багровая книга. Погромы 1919—1920 гг. на Украине. Харбин, 1922. С. 15; *Штиф Н.И.* Добровольцы и еврейские погромы // *Революция и Гражданская война в описаниях белогвардейцев: Деникин, Юденич, Врангель*. М., 1991; *Budnitzkij O. Russian Jews between Reds and Whites, 1917—20*. Philadelphia, 2011.

²⁷ *Kenez P. Pogroms*. P. 302.

как новое правительство силой ликвидировало режим, установленный в 1918 году Учредительным собранием, который являлся последней попыткой создать в России демократическую власть. Новое «всероссийское» государство Колчака формально санкционировало скорые казни — и в первую очередь казни «предателей», укрывавших товаря. Оно производило конфискации собственности, допускало массовые порки и принимало жестокие меры по пресечению любых реальных и воображаемых видов «большевистской преступности»²⁸. Вообще, во время стремительного наступления самой Красной армии зимой 1918/19 года, но в первую очередь во время деникинских и колчаковских наступлений в 1919—1920 годах потребность в продовольствии была столь всеобщей и острой, особенно в городах, что вооруженные и голодные рабочие и солдаты просто забирали все, что могли, с городских складов и из деревни, не страшась суровых кар. «Мы вынуждены протестовать против политики центра, — телеграфировали, например, в конце 1918 года из Иваново-Вознесенска рабочие, называвшие себя “сознательными” и “терпеливо голодавшими революционерами”. — У нас все забирают и ничем не снабжают <...> Не осталось и фунта резервов <...> Мы не берем на себя ответственности за то, что случится, если наши нужды не будут удовлетворены»²⁹.

Во многих местах «реквизиции» превращались просто в хаотические и насильственные конфискации³⁰. 2 апреля 1919 года большевики сформировали специальный вооруженный отряд для проведения «летучих инспекций» складов и прочих хранилищ. За шесть месяцев было произведено более 250 рейдов, выявивших всевозможные беззакония — но не нашедших почти никаких складов с товарами³¹. Инспекторы в соседней с Москвой Калужской губернии объясняли это тем, что местные большевистские власти сами производили незаконные конфискации и распределение собственности и припасов, находя защиту в грубой силе и незаконных арестах и подменяя собой государство³². Аналогичные доклады поступали из десятков других мест в большевистский Народный комиссариат государственного контроля, а на Украине и в Южной России — в подразделения деникинской контрразведки (ОСВАГ)³³.

²⁸ Rosenberg W. Liberals. Ch. 13; Цветков В.Ж. Белое дело в России, 1917—1918. М., 2008; Литвин А. Красный и белый террор, 1918—1922. М., 2004.

²⁹ Экономическая жизнь. 1918. 16 ноября.

³⁰ См., например: Нарский И. Жизнь в катастрофе. С. 231 и след.

³¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2660. Л. 45 и след.; ГАРФ. Ф. 4085. Оп. 22. Д. 269.

³² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2660. Л. 51.

³³ Там же; ГАРФ. Ф. 4085. Оп. 22. Д. 269.

Вместе с тем сопоставимые формы насилия повсеместно наблюдались в регионах, в тот период формально не находившихся под контролем красных или белых или не связанных каким-либо иным образом с более или менее традиционными вооруженными силами и формальными политическими претензиями. Ключевое влияние на степень и природу этого насилия также оказывали нужда, расстройство управления и материальные и эмоциональные лишения. Определяющую роль в данном случае, по-видимому, все же играло ожесточение социальных отношений, вызванное самой революцией, поскольку наибольшее распространение имело взаимное и локализованное насилие с участием простых людей, не обязательно осуществлявшееся во имя той или иной высшей цели. Как показали Игорь Нарский и другие авторы, такое насилие было «мелким» в смысле числа участников его конкретных проявлений, но его едва ли можно назвать таковым в совокупном плане или в плане вызывавшихся им разрушений. Грабежи, утрата средств к существованию и жестокое воздаяние за реальные или воображаемые обиды вынуждали многих людей покидать свои города и села как на красных, так и на белых территориях — нередко после того, как были убиты или подверглись истязаниям их друзья и близкие³⁴. Затем беглецы создавали свои собственные, независимые «партизанские» отряды, сражавшиеся «против всех». В городах и поселках по всему Уралу люди, утром уходившие из дома на поиски какой-нибудь еды, не знали, вернутся ли они обратно. Многие вместо этого вступали в местные банды, не имевшие политических целей помимо самозащиты и охраны своей территории от «чужаков»³⁵.

Зарождение «черного» анархистского движения Махно на Украине и «зеленых» отрядов Антонова на Тамбовщине в 1919 и 1920 годах было связано с объединением подобных разрозненных банд в огромные армии мародеров — опять же, не имевшие никакой регулярной организации или осуществимых политических амбиций. Печально знаменитое подавление антоновского восстания Михаилом Тухачевским проводилось методами, не менее, а может быть, и более — если это возможно — чудовищными, чем те жестокости, которые сопровождали разгром белых армий³⁶. Несколько отличаясь конкретными

³⁴ См. документы в: Зеленая книга: История крестьянского движения в Черноморской губернии. Прага, 1921.

³⁵ Нарский И. Жизнь в катастрофе. С. 225.

³⁶ См. довольно романтизированное обсуждение в: Radkey O. The Unknown Civil War in Soviet Russia: A Study of the Green Movement in the Tambov Region 1920—21. Stanford, 1976. Рэдки практически ничего не говорит о формах и масштабах наси-

детальными, особенно в плане насилия по отношению к евреям (несмотря на известные оправдательные заявления Волина, который сам имел еврейское происхождение), анархистское движение Махно на Украине по сути представляло собой аналогичное явление³⁷.

В данном случае формы, в которых выражалось насилие, позволяют также судить о том, каким образом состояние нужды и лишений создавало и усугубляло межэтнические трения в регионе, в том числе выражавшиеся в убийстве евреев. В то время как большинство противоборствовавших группировок имело смешанный этнический состав — что было логическим следствием разнородности самой погибшей империи, — тогда, как и сейчас, на роль объекта грабежей и отмщения гораздо лучше подходили реальные или мнимые «чужаки». Вполне вероятно, что этническое насилие в регионах, подобных Закавказью, может сопровождать распад империи даже в эпохи материального изобилия, что мы видели в случае недавних Балканских войн. В условиях же дефицита наиболее простым методом борьбы с ним всегда представляется изъятие собственности и товаров у «чужаков», особенно в тех случаях, когда именно их, подобно «жидобольшевикам», можно обвинить в лишениях и нужде.

Здесь мы также можем выявить еще один тип неформального насилия, наблюдавшийся в те годы на российских территориях, — тот, который можно назвать «ответным» или «подражательным» насилием. Оно имело место буквально во всех частях бывшей империи в 1918 и 1919 годах, особенно на железных дорогах, и наиболее известным его выражением, вероятно, была знаменитая история Чехословацкого корпуса, прорывавшегося из России по Транссибирской магистрали. Чехи (и прочие) по пути на восток силой забирали в ближайших селах необходимые им припасы, после чего подвергались столь же свирепым ответным нападениям со стороны ограбленных. В 1919 и 1920 годах, после того как чехи уже давно ушли, ситуация повсюду в регионе только ухудшилась. Поезда, перевозившие грузы, также везли с собой броневики и собственную неформальную охрану, не подчинявшуюся

лия со стороны самих антоновцев. См. также недавно изданное полное собрание документов и воспоминаний: *Протасов Л.Г., Данилов В.П.* (Ред.). Антоновщина: Крестьянское восстание в Тамбовской губ. в 1920—1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. Сам Тухачевский до революции прошел подготовку в Императорском Генеральном штабе.

³⁷ См. хорошее недавнее исследование: *Шубин А.* Анархия — мать порядка: Между красными и белыми. Нестор Махно как зеркало Российской революции. М., 2005. См. также: *Верстюк В.Ф.* Махновщина: крестьянский повстанческий рух на Україні, 1918—1921. Київ, 1991; *Voline.* The Unknown Revolution. N.Y., 1974.

никаким конкретным властям. Как в красной, так и в белой России местные железнодорожные комитеты — остатки одной из первых реформ Временного правительства — были сами себе властью, лавируя между угрозой суровых дисциплинарных мер и спорами, «решавшимися с помощью револьверов», как выразился журнал *Железный путь*. Железнодорожные рабочие и администрация на всех уровнях старались скрывать информацию, прятали оборудование и товары и лгали по поводу имеющихся запасов. В тех случаях, когда погрузка товаров сопровождалась вооруженными стычками, они предпочитали сотрудничать со спекулянтами; если же разгрузка товарных вагонов была чревата стрельбой, было проще вообще не разгружать их и отгонять на охраняемые запасные пути. Задолго до поражения белых и решения Троцкого бороться с этими проблемами путем милитаризации линий, находившихся под контролем большевиков, железнодорожники повсеместно оказались в осаде и давали адекватный отпор любым претендентам на власть³⁸.

Обыденным делом стали и другие типы нападений со стороны мародерствующих банд. В Сибири и Южной России такие самозванные «атаманы», как Семенов или Унгерн-Штернберг, возглавляли отряды «казаков» различного происхождения, совершавших всевозможные кровавые набеги. Эти банды, орудовавшие с ведома армий Колчака и Деникина, были лишь слабо связаны с их режимами, фактически получив от них санкцию на независимые действия. Они назывались «белыми» только вследствие своей яростной борьбы с «красными», скорее оправдывавшей, чем объяснявшей жестокость этих банд, так как в «красные» в данном случае зачислялся самый широкий круг жертв. Согласно одному описанию, по всему региону «сельская местность превратилась в море буквально независимых “деревень-республик” со своими собственными призывниками, “карательными отрядами” и свирепыми кодексами “возмездия” всем, в ком подозревали “предателей” или “врагов”»³⁹.

Военизированное насилие очевидным образом воспроизводило само себя, ширясь с каждым последующим инцидентом, подражавшим и дававшим ответ предыдущему. Банды казаков на юге России, номинально подчинявшиеся власти Деникина, неоднократно учили «регулярную» армию тому, как грабить еврейские поселения, убивая

³⁸ См. дискуссию в: *Rosenberg W.G. The Social Background to Tsektran // Koenker D.P., Rosenberg W.G., Suny R.G. (Ed.). Party, State, and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History. Bloomington (In.), 1989. P. 349—373.*

³⁹ *Ibid.* P. 264.

и калеча детей и женщин наряду с мужчинами. В произведениях Деникина и его советников отражаются как озабоченность этими акциями, так и неспособность положить им конец⁴⁰. Здесь, как и повсюду, расправы с «комиссарами», которых сжигали или варили заживо, заражали бессердечием даже тех, кто неохотно участвовал в кровопролитии, так же как изнасилования превращались из жестокого преступления в «доказательство мужественности», укреплявшее групповую «солидарность», — как всегда происходит в подобных обстоятельствах. Как этим, так и прочими способами по всей России, охваченной Гражданской войной, «неназываемое» превращалось в «названное», облегчая и, более того, поощряя новые злодеяния и даже подталкивая к ним.

Можно также указать, что все эти события выпустили на волю более примитивные садистские побуждения, хотя при этом встает вопрос более общего плана: почему сама по себе психопатология садизма нашла такой широкий отклик в России во время Гражданской войны? Наиболее правдоподобный ответ состоит в том, что большинство участников этих зверств в те ужасные годы сами прошли через тот или иной опыт крайних унижений в условиях, когда на обиды, накопившиеся в недавнем и более далеком прошлом, накладывались нужда и лишения. История почти не оставила формальных свидетельств этого унижения, однако сам контекст дает нам массу примеров такого рода. Демобилизация и дезертирство мало кого делали героями. Женщины, выпрашивавшие еду для себя и жизнь для своих детей, представляли собой людскую слабость в ее предельном выражении. Раненые и искалеченные не имели особых надежд на выживание, и многие жестокости, несомненно, совершались под воздействием боли или отчаяния. Снимки «буржук», распродававших интимные предметы домашнего обихода, наводят на мысль об изувеченной психике, так же как и знаменитые фотографии крестьян, торгующих человечинной. Жестокое и садистское воздаяние почти наверняка служило для многих не поддающейся измерению «компенсацией» за унижения и лишения.

VI. Власть, легитимность и военизированное насилие в революционной России

Наконец, каким образом военизированное насилие во всех этих формах повлияло на исход Гражданской войны в России? Что мы можем вывести из всего вышесказанного в смысле отношений между

⁴⁰ См.: Kenez P. Pogroms; Гиацинтов Е. Записки белого офицера. СПб., 1992.

насилием и процессами приобретения политической власти и легитимности и насколько здесь продуктивен разговор о «военизированном насилии» в плане общего понимания послевоенного насилия в данном регионе? Если не проводить различия между властью и простой силой, то милитаризованные движения и кандидаты на роль правителей, действовавшие на этих территориях, безусловно, на протяжении всей новой российской «смуты» в той или иной степени обладали более или менее значительной властью как способностью к принуждению. Если же отталкиваться от более конструктивного понимания власти, основанного на политической легитимности, то вопрос будет звучать таким образом: как именно применение силы делало возможным или невозможным эффективное решение насущных проблем нужды и лишений?

Ключевым моментом, определявшим в данном случае роль военизированного насилия, являлось, по моему мнению, то, что крах царского режима по сути означал крах идеологий, наделивших легитимностью Российское государство, и его социально-политических институтов. При отсутствии каких-либо институциональных основ для легитимности, помимо зачастую неструктурированных процессов народных выборов, само понятие легитимности очень быстро стало увязываться не с традиционными взглядами и представлениями, а с вопросом об эффективности и функциональности. Изначально популярные лидеры советов и члены Временного правительства утратили свою легитимность, не сумев обуздать происходившее в течение 1917 года ухудшение экономических и социальных условий, и общество ставило на их место все более и более радикальные фигуры в тщетной надежде на то, что те добьются большего успеха. Кроме того, сейчас мы понимаем, что если большевики пришли к власти, основывая ее «легитимность» на радикально идеологизированной концепции всеобщего и неизбежного исторического процесса, «объяснявшей» нужду и лишения, то первоначальная прочность их режима во многом основывалась не просто на силе, а на *обещании* исполнения взятых на себя функций. Когда же Ленин и его партия при решении этих принципиальных проблем вполне предсказуемо добились еще меньшего успеха, чем их предшественники, они еще настойчивее — и в буквальном, и в символическом смысле — стали выдвигать идеологические претензии в попытке легитимизировать свои «большие батальоны».

Если мы вернемся к определению Роберта Герварта и Джона Хорна, понимающих под военизированными такие «военные или квазивоенные организации и практики, которые либо дополняли,

либо подменяли собой действия традиционных военных структур», то нам придется признать, что Гражданская война на территории бывшей царской России повсеместно включала параллельную активность как военизированных, так и традиционных военных формирований, между которыми зачастую не имелось четкой разницы. Даже определение «традиционные» нуждается здесь в некотором уточнении. Такие формирования, как Добровольческая армия, Вооруженные силы Юга России, белые силы на севере России и в Мурманске и войска самозваного «верховного правителя» России адмирала Колчака, вели себя весьма нетрадиционным образом в том, что касалось их связей и взаимодействия с местными военизированными группировками. Поэтому при описании и понимании российского насилия того периода, возможно, было бы полезно говорить о его особом военизированном аспекте именно в смысле искажения и извращения «традиционных» видов насилия, хотя эти извращения сами по себе коренились в той угрозе, которую представляла собой большевистская революция для традиции в послевоенной Европе.

Более того, в жутких обстоятельствах российской Гражданской войны военизированное насилие такого рода, скорее всего, играло на руку большевикам. Относительная последовательность большевистской идеологии позволяла объяснить, оправдать и обосновать применение насилия, так как необъяснимые, с точки зрения многих людей, страдания получали в ее рамках простое истолкование: их причиной объявлялись «империализм», «царизм», «капитализм» и алчность «эксплуататоров». Когда комиссары размахивали своими мандатами, а сопровождавшие их красногвардейцы или чекисты свирепо исполняли партийные приказы, это делалось ради высоких целей — таких как борьба за «землю», «хлеб» и ликвидацию капитализма с его последствиями, принявшими облик империализма, каким бы искажениям ни подвергались эти понятия. Те же, кто сражался против красных, не имели возможности выступать с подобными претензиями. В то время как на территориях, находившихся под контролем белых и «зеленых», большевики и прочие приравнивались к «евреям», а их убийства «оправдывались» их «предательством», ни цели, ни идеология, ни менталитет белого движения не несли с собой ни облегчения, ни убедительных обещаний такового. Дефицит, нужда и лишения только возрастали по мере наступлений и отступлений противников большевиков.

Вместе с тем контролировать последствия массового дезертирства, от которого в 1919 и 1920 годах страдали традиционные Красная и Белая армии, почти наверняка было проще там, где в распоряжении

местных большевизированных советов имелись военизированные силы. То же самое верно и в отношении попыток контроля за путями снабжения и распределения. Насаждавшаяся Троцким милитаризация труда и железных дорог в 1920 году, по крайней мере на протяжении какого-то времени, обосновывалась в том числе срочной необходимостью в повышении объемов производства, в совершенствовании и охране грузовых перевозок, в борьбе с дезертирством и не в последнюю очередь в наведении порядка, несмотря на то что оно само сопровождалось жестокостями.

Соответственно, в этом, как и в других отношениях, мы вправе заключить, что синдром насилия, которым отличалась Гражданская война в России, ни по своим формам, ни по содержанию не имел после 1918 года никаких аналогов в Европе — по крайней мере до момента официального прихода нацистов к власти. Хотя Гражданская война в России служила предлогом и примером для военизированных движений во многих других частях послевоенного мира, о чем идет речь в следующих главах нашей книги, нигде больше никакие разновидности насилия не были так тесно связаны с почти всеобщими лишениями и нуждой, а также с тем ожесточением, которое в течение столь долгого времени насквозь пронизывало гражданскую и политическую жизнь и культуру.

II

Роберт Герварт, Джон Хорн

БОЛЬШЕВИЗМ КАК ФАНТАЗИЯ: СТРАХ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ И КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЕ НАСИЛИЕ (1917—1923 ГОДЫ)

В 1924 году Джон Бакен издал четвертый из своих пяти триллеров о Ричарде Хенни, герое-аристократе, защищающем Британию, Британскую империю и английскую классовую систему от коварных врагов, угрожающих ей со всех сторон. В то время как в трех предыдущих романах угроза исходила от варваров-немцев, роль главного негодяя в *Трех заложниках* исполняет Доминик Медина, на вид — типичный образчик британского рафинированного политика-консерватора, однако заключающий в себе, как намекает его имя, нечто подозрительно экзотическое и в реальности являвшийся *déraciné* ирландцем «с каплей латинской крови <...> а из этого смешения никогда не выходит ничего хорошего». Медина выступает приверженцем нигилизма, после начала войны готового взять верх над устоявшимся порядком вещей. «Он заявлял, что за всеми мировыми религиями <...> скрывается древнее поклонение дьяволу, которое вновь поднимает голову. Большевизм, по его словам, был одной из разновидностей этого поклонения...»¹ Триллер Бакена наводит на мысль о том, что угроза революции зиждилась на мифах и фантазиях. Вопрос состоит в том, в какой степени эти фантазии служили источником вдохновения для консервативной и контрреволюционной политики, равно как и для военизированной реакции, порожденной ею по всей Европе.

Тема революционной опасности не содержала в себе ничего нового. В ответ на Французскую революцию и последующие восстания XIX века консерваторы и контрреволюционеры создали демонологию угрозы установленному порядку. Эта угроза приняла воображаемую форму жестокой и нередко безликой толпы, нападающей на буржуазные понятия класса, собственности — и пола. Одним из наиболее шокирующих моментов июньских дней 1848 года была роль женщин на баррикадах, в то время как женщины-*pétroleuses*, поджигавшие Париж с целью защиты Коммуны в 1871 году, стали одним из самых

¹ *Buchan J. The Three Hostages. London, 1924 (переизд.: 1995). P. 118, 199.*

устойчивых мифов, связанных с этими событиями. Однако контрреволюционная мифология опиралась и на более древние, религиозные страхи перед ниспровергателями веры и тайными приверженцами других богов, основывавшиеся на идеях о заговоре и оккультных влияниях. В дореволюционной Франции имели хождение мрачные легенды о иезуитах и масонах, в дальнейшем на протяжении всего XIX века участвовавшие в создании стереотипов соответственно о контрреволюционных и революционных заговорах². Страх перед массовым обществом и крушением городского образа жизни представлял собой мощный стимул для появления в 1890-х годах как теорий толпы, так и новых теорий о наследовании преступных наклонностей³. При этом индивидуальные акты террора — подобные тем, которые вылились в тридцатилетнюю волну политических убийств, начиная с убийства Александра II в 1881 году и заканчивая убийством эрцгерцога Франца-Фердинанда в июне 1914 года, — лишь обострили тревогу в отношении заговоров, пронизывающую политику эпохи модерна. Точно так же, как бунты и забастовки, они провоцировали или оправдывали принятие драконовских мер безопасности в ряде стран, включая французскую Третью республику⁴.

В Германии очевидная угроза революции в течение долгого времени находила воплощение в лице Социал-демократической партии (СДПГ), крупнейшей германской партии в рейхстаге накануне Первой мировой войны, при этом хранившей (по крайней мере в теории) преданность идее о революционном свержении капитализма и устоявшихся политических структур. В реальности, конечно, социал-демократическое руководство давно рассталось с революционными целями, все еще прописанными в партийной программе. Одни только аутсайдеры и маргиналы в рядах СДПГ выступали за радикальную революцию — и главным из них, разумеется, был Карл Либкнехт, сын основателя СДПГ, прославившийся тем, что в 1914 году голосовал против военных кредитов, а в 1916 году был подвергнут заключению за антивоенное выступление на Потсдамерплац. Страх перед революцией пустил глубокие корни в умах либеральной и консервативной элиты, хотя после 1914 года и в результате *Burgfrieden* эта угроза казалась менее острой,

² Cubitt G. *The Jesuit Myth: Conspiracy, Theory and Politics in Nineteenth Century France*. Oxford, 1993.

³ Barrows S. *Distorting Mirrors: Visions of the Crowd in Late 19th Century France*. New Haven, 1981.

⁴ Merriman J. *The Dynamite Club: How a Bombing in Fin-de-Siècle Paris Ignited the Age of Terror*. Boston, 2009.

чем когда-либо с момента зарождения организованного рабочего движения во второй половине XIX века.

Однако к тому моменту, когда Либкнехт в последние месяцы войны был освобожден из заключения, ситуация изменилась: большевистский переворот в России сделал «мировую революцию» вполне правдоподобной угрозой, и Либкнехт превратился в персонификацию этой угрозы в Германии. Он хорошо сыграл свою роль: всего через несколько часов после освобождения из тюрьмы Либкнехт возглавил процессию настроенных против войны социалистов, восторженно отметивших возвращение своего вождя парадом по центру Берлина. Либкнехт снова оказался на Потсдамерплац, где произнес первую публичную речь после перерыва почти в два с половиной года. Оттуда процессия направилась к российскому посольству — и этот крайне символический жест был немедленно интерпретирован политическим истеблишментом как доказательство «большевистских амбиций» Либкнехта⁵. Он так решительно завладел воображением элиты благодаря тому, что в ее глазах представлял собой опасное сочетание сразу нескольких угроз. Якобы еврей (что было неправдой), он воплощал в себе все то, чего боялись средние и высшие классы: позабывший свое место городской пролетариат, выпущенных из тюрьмы уголовников и, наконец, беспорядки и «мировую революцию».

Подобные страхи могли оказаться столь сильными лишь потому, что в итоге большевистской революции воплощением революционного насилия и попыток распространить его на весь остальной мир снова, как и в 1790-х годах, стала целая страна. Вследствие ли массового восстания, заговора или сочетания того и другого революция вошла составной частью в государственную систему Советской России, получив неслыханные за столетие с лишним размах и мощь. Это стало тем более очевидно после 1920 года, когда инспирированный Москвой раскол социалистических и профсоюзных движений привел к созданию Третьего интернационала и множества коммунистических партий, лояльных Советской России. И все это происходило в то время, когда распад довоенного государства и вызов, брошенный социальному строю во многих странах, отправили политическую власть в дрейф без руля и без ветрил, что вызвало кризис легитимности и проникновение фермента насилия в апокалиптические видения.

Известия о большевистских зверствах — во многом реальных, но отчасти и вымышленных — быстро распространились по Западной

⁵ Laschitzka A., Keller E. Karl Liebknecht: Eine Biographie in Dokumenten. Berlin, 1982. S. 374.

Европе. Например, в феврале 1918 года одна немецкая газета опубликовала обширный отчет о «безграничном терроризме» большевиков по отношению ко всем и ко всему, составляющему «средний класс». Апокалипсис неожиданно получил новое имя — «ситуация в России», под которым понималось отрицание всех ценностей западной (в данном случае немецкой) цивилизации (или *Kultur*)⁶. Июль 1918 года, казалось, подтвердил наихудшие страхи в отношении большевистских жестокостей, когда прямо в здании посольства был убит германский посол в Москве граф Мирбах. Потрясение охватило и социал-демократическую прессу, сообщавшую множество подробностей убийства⁷. Вскоре после этого немцы узнали о казни бывшего царя⁸. Напряжение возросло еще сильнее, когда 1 ноября 1918 года немцам стало известно, что австрийскими революционерами убит граф Тиса, либеральный премьер-министр Венгрии в годы войны⁹. Нобелевский лауреат Томас Манн, обычно не склонный к алармизму, высказывал в Мюнхене опасения о неизбежности коммунистического переворота в Берлине¹⁰. Также Манн был обеспокоен вестями, приходившими из Австрии. После убийства Тисы Манн писал, что революция в Вене угрожает «скатиться в анархию и большевизм», и отмечал, что это относится и к «красногвардейцам» во главе с галицийским евреем, прежде страдавшим от умственного расстройства»¹¹. Даже если реальная угроза большевистской революции в Германии была минимальна, общество придерживалось другой точки зрения. Страхи еще больше усилились, когда распространились сообщения о том, что в лагерях по всей Германии находится более 1,4 миллиона русских военнопленных. Само их присутствие рассматривалось как серьезная опасность, и многие предполагали, что, получив свободу, они создадут революционную армию, готовую принести мировую революцию на берега Рейна¹².

Таким образом была подготовлена плодородная почва для новых разновидностей власти, стремившихся обрести народную поддержку

⁶ *Beilage zum Staats-Anzeiger für Württemberg*, 22 февраля 1918 года, цит. по: Jones M. W. *Violence and Politics in the German Revolution, 1918—19*: Diss. / European University Institute. Florence, 2011. См. также: *Russland // Deutscher Reichsanzeiger*. 1918. 7. Febr.

⁷ *Revolver und Handgranate // Volksstimme*. 1918. 9. Juni.

⁸ *Nikolaus Romanow erschossen // Ibid.* 1918. 23. Juli.

⁹ Jones M. W. *Violence*. P. 92.

¹⁰ *Mann Th. Tagebücher 1918—1921 / Hrsg. J. Inge, P. de Mendelson*. Frankfurt a.M., 2003. S. 52 (запись от 1 ноября 1918 года).

¹¹ *Ibid.* S. 53.

¹² Jones M. W. *Violence*. P. 96.

на волне массовой политической мобилизации в ходе Первой мировой войны¹³. Доминик Медина из *Трех заложников* изучал мистицизм и использовал гипноз в качестве оружия, что служило намеком на потенциал популистских идеологий к приобретению фанатичных приверженцев в мире, в котором прежние формы политической легитимности были уничтожены, а новые силы революции и контрреволюции вели друг с другом борьбу за господство. Фигура Медины, вращавшегося в мире тех самых клубов и министерств, которые он планировал уничтожить, вместе с тем несла в себе ссылку на различие между харизматической и бюрократической властью, которое Макс Вебер продолжал проводить и в послевоенный период, несмотря на то что умер в 1920 году, прежде чем стала очевидна полномасштабная схватка между левыми и правыми харизматическими движениями¹⁴. Страх перед революцией имел своим следствием авторитарные меры — от усиления полиции до чрезвычайного законодательства, — но также и контрмобилизацию правых сил, порождавшую собственных харизматических вождей и апокалиптические видения. Такая контрреволюционная реакция находила дополнительный импульс в том, как представляли себе большевизм его международные оппоненты (из которых лишь немногие в первые годы после войны установили дипломатические отношения с новым государством либо имели о нем точные сведения).

Конкретная роль антибольшевистской мифологии зависела от политического окружения, которое, в свою очередь, задавалось принципиальным различием между победителями и побежденными, сложившимся после Первой мировой войны. Когда британская делегация на Парижской мирной конференции в конце марта 1919 года изменила свою позицию по отношению к Германии и начала призывать французов к большей умеренности, Ллойд Джордж обосновывал такой поворот заявлениями о том, что Германия (при новом левоцентристском правительстве преодолевающая послевоенную анархию и осуществлявшая постепенную изоляцию более радикальных рабочих и солдатских Советов) должна стать оплотом против большевизма. «Величайшую опасность, — говорил Ллойд Джордж Клемансо и Вильсону, — представляет собой уже не Германия, а большевизм, покоривший Россию

¹³ *Horne J.* (Ed.). *State, Society and Mobilization in Europe during the First World War*. Cambridge, 1997.

¹⁴ *Mommsen W.J.* *Max Weber and German Politics, 1959 and 1974*. Chicago; London, 1984. P. 421—424.

и теперь способный ко вторжению [в Европу]»¹⁵. По-прежнему подчеркивая ответственность Германии за войну и ту угрозу, которую эта страна несет Европе, Клемансо в достаточной мере разделял опасения Ллойд Джорджа для того, чтобы предложить создание «санитарного кордона» из новых государств, которые изолируют Германию с восточного направления и защитят всю Европу от большевистского вируса.

С точки зрения Франции большевистская опасность дополняла собой германскую опасность, а не заменяла ее, как считали англичане, и связь между двумя этими угрозами подкреплялась сходством между словами *boche* и *bolchévique*. Главный французский пропагандистский орган, ответственный за ремобилизацию на внутреннем фронте в последние два года войны, *Union des Grandes Associations contre la Propagande Ennemie* (UGACPE), плавно подключился к нападкам на большевистскую революцию, объявив ее не менее «варварской», чем война, развязанная «бошами». Пропагандистский поток, достигший наибольшего размаха во время всеобщих выборов в ноябре 1919 года и в период рабочих волнений, завершившийся недолгой всеобщей забастовкой в мае 1920 года, обличал политическую тиранию и социальный развал, принесенный большевизмом в Россию, предупреждая, что теперь тот готов прийти и во Францию в обличье новой континентальной тирании. Та роль, которую сыграло Верховное германское командование в 1917 году при возвращении Ленина в Россию в пресловутом запломбированном вагоне, не говоря уже об угрозе, исходившей от немецких генералов и политиков-националистов, разыгрывавших после войны «катастрофическую» карту (предрекая революционный хаос в том случае, если Антанта навяжет стране жесткие условия мира), придавала некоторую убедительность буйным французским фантазиям о большевизме как германском детище. Французская полиция и военные власти в Эльзасе и Лотарингии и Рейнской области опасались, что контакты между французскими солдатами и немецкими революционерами или теневые международные сделки могут привести к проникновению революционной бациллы во Францию¹⁶.

Напротив, в Германии антибольшевистские «страхи» — служившие основой для сознательных преувеличений в ходе дипломатической пробы сил с западными державами по вопросу об условиях мирного соглашения — также представляли собой выразительную

¹⁵ *Mordacq H.* Le Ministère Clemenceau. Journal d'un témoin. Vol. 3: Novembre 1918 — juin 1919. Paris, 1933. P. 189.

¹⁶ *Berstein S., Becker J.-J.* (Ed.). Histoire de l'anticommunisme en France. Vol. 1: 1917—1940. Paris, 1987. P. 29—62.

карикатуру на предполагаемый социальный переворот, по мере развития германской революции становившийся реальностью¹⁷. Тем не менее угрозу большевистской революции не следует недооценивать в качестве мобилизующего фактора, хотя революция, подобная той, что затопила Россию, была едва ли возможна как в Германии, так и в Австрии с Венгрией, где более глубокий распад довоенного режима по сравнению с Германией уравнивался менее индустриализованным и урбанизированным обществом с меньшим числом центров сосредоточения сплоченного пролетариата. В этом можно убедиться, сравнив стремительный взлет и закат революционной звезды Белы Куна в Будапеште с реальной классово-борьбой, отличавшей сражения между «Фрайкором» и «Красной гвардией», происходившие в 1920 году в Руре. Однако тесной корреляции между реальными масштабами революционной угрозы и страхами перед большевизмом не существовало — точно так же, как у зарубежных оппонентов большевистской революции не имелось четкого понимания того, что она представляет собой в реальности. Анархизм, движение за создание рабочих и солдатских советов (в его различных проявлениях), шумные демонстрации рабочих, заполнившие собой улицы, ожесточенный феминизм и революционные беспорядки наподобие тех, что охватили Мюнхен в начале 1919 года при Курте Эйснере и Эрнсте Толлере, — все это могло стать «большевизмом» в глазах тех, для кого любая угроза социальному строю или законной власти уже переворачивала мир вверх ногами. В этом смысле большевизм был мрачной тенью, маячившей за поражением, точно так же, как он угрожал отнять «победу» у тех, кто считал себя победителями.

И то и другое наблюдалось в Италии с ее крайне двусмысленной послевоенной ситуацией — которая выглядела и победой, и поражением. Консерваторы и возникшие фашистские группировки усматривали длинную руку большевизма в захвате рабочими машиностроительных заводов в Северо-Западной Италии в сентябре 1920 года, в ходе решающей послевоенной пробы сил между промышленниками и профсоюзами. Когда в том же месяце итальянская Всеобщая конфедерация труда поставила на голосование вопрос о революции, она фактически уже отказалась от нее¹⁸. Но это было отнюдь не очевидно

¹⁷ Gerwarth R. The Central European Counter-Revolution: Paramilitary Violence in Germany, Austria and Hungary after the Great War // Past and Present. 2008. Vol. 200. P. 175—209. См. также: Bessel R. Germany after the First World War. Oxford, 1993.

¹⁸ Williams G. Proletarian Order. Antonio Gramsci and the Origins of Communism in Italy, 1911—1921. London, 1975. P. 260—261.

для тех, кто противостоял забастовщикам и видел тень большевизма, нависшую над Италией, в самой возможности превратить захват заводов в классовую революцию. Префекты в Северной и Центральной Италии продолжали именовать «большевизмом» все угрозы, с которыми сталкивались, а набиравшие силу фашистские *squadristi*, все чаще бравшие на себя ответ на эти угрозы, также считали своими главными противниками «большевиков». Контрреволюция настолько сильно нуждалась в противнике, существующем хотя бы в символической или в воображаемой форме, что даже спад итальянского социалистического и профсоюзного движения в начале 1920-х годов ничуть не мешал фашистам по-прежнему раздувать страхи перед большевистской угрозой¹⁹. Если фашизм действительно был «гражданской религией», то, подобно многим другим религиям, ему приходилось инсценировать манихейскую борьбу со своей собственной антитезой²⁰.

Исходя из того, что страх перед большевизмом был в той же мере порождением тех, кто ощущал его и потакал ему, как и реалий Советской России, что мы можем сказать о тех формах, которые он принимал? Были ли ему присущи какие-либо характерные мифы или черты, проявлявшиеся в любом окружении и позволяющие объяснить роль этого страха как стимула для консервативной и военизированной реакции? При всей скудости вестей, о том, что происходило в России, о насилии Гражданской войны и полном расстройстве повседневной жизни, включая голод 1921 года, в борьбе с которым участвовал фонд «Спасем детей», конечно, было известно²¹. Однако именно связь между этим хаосом и разрушением социальной системы посредством коллективизации и конфискации богатств превращала большевизм в ужасное подтверждение звучавших в течение полувека предупреждений контрреволюционеров о том, что социализм означает уничтожение экономики и самой цивилизации. В изданном в 1919 году памфлете UGACPE француз, проведший в Петрограде зиму 1917/18 и большую часть следующего года, рассказывал о том, как трудно было просто выжить среди повседневного насилия («нередко бандиты убивали тех, кого грабили»), и делал следующий вывод:

¹⁹ Lyttelton A. The Seizure of Power. Fascism in Italy, 1919—1929. London, 2004. (1-е изд.: 1973). P. 53, 157.

²⁰ Gentile E. Fascismo. Storia e interpretazione. Bari, 2002. P. 206—234 (фашизм как гражданская религия).

²¹ Wheatcroft S., Davies R. W. Population // Davies R. W., Harrison M., Wheatcroft S. The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913—45. Cambridge, 1994.

Большевизм, представляющий собой непосредственное и полное выражение принципов марксистского социализма — классовой борьбы, обобществления средств производства и [насаждения] коммунизма путем ликвидации частной собственности, — впервые в мировой истории стал в России предметом поразительного эксперимента. Его результаты доступны всем, и ни один свидетель, пользующийся доверием, не может отрицать того, что **большевизм = гибель**²².

Подобные впечатления образно отражались на плакатах и в фильмах. На плакате, использовавшемся французскими промышленниками во время антибольшевистской кампании 1920 года, были представлены «три элемента производства — труд, капитал и способности», буквально взрывающиеся от факела большевика-саботажника, тем самым показывая, что «Франция скатится в разруху, если допустит у себя большевизм» (рис. 2).

Фильмы изображали голод и насилие как основные черты жизни в большевистской России, что следует из немецкого плаката 1921 года, представляющего «фильм о Советской России и катастрофическом голоде» (рис. 3).

В число самых примечательных фильмов на эту тему входит документальная лента о голоде 1921 года, снятая фондом «Спасем детей» с целью сбора финансовых пожертвований. Не менее поразительна длинная драма о разрушении классовой системы и злонамеренном уничтожении российской экономики, называемая *Большевизм* и поставленная в 1920 году в Лейпциге белыми русскими эмигрантами. Она рассказывает историю группы классовых противников большевистского режима, которым под конец фильма удается сбежать из страны²³.

Таким образом, большевизм означал отрицание упорядоченного общества и цивилизации — и в таком качестве воплощался в фигуре смерти или преступности. Различные версии последней, с окровавленным ножом, зажатым в зубах, одновременно появились во Франции и в Германии. Соответствующий французский плакат назывался *L'Homme avec le couteau aux dents* (Человек с ножом в зубах) и был выпущен группой парижских бизнесменов ко всеобщим выборам в ноябре 1919 года (на которых победили правоцентристы), в то время как в Германии появился плакат Руди Фельда *Die Gefahr des Bolshewismus* (Угроза большевизма) (рис. 4).

²² Anet C. Le Bolchevisme tel que je l'ai vu. Paris, 1919. P. 15.

²³ Karsiol W. Der Todesreigen (Problem Film, Germany, 1922).

Рис. 2. «Франция скатится в разруху, если допустит у себя большевизм». Плакат, использовавшийся в антибольшевистской кампании французских промышленников. 1920 г.

Рис. 3. «Советская Россия и катастрофический голод».
Германский плакат 1921 г., изображающий голод
как основную черту большевизма

Рис. 4. «Как голосовать против большевизма». Адриен Баррьер, 1919 г.

На обоих плакатах использовались образы, получившие широкое распространение на востоке Европы, особенно в Польше и Румынии, еще с 1918 года. Ключевую роль в экспорте этих образов на запад, где они подтверждали старые западные стереотипы варварского «славянского Востока», сыграли русские эмигранты-антикоммунисты²⁴.

Защита от большевизма требовала постоянной бдительности. Но она также влекла за собой возможность мобилизовать тщательно отрепетированный ответ на революционный заговор, знакомый по демонологии XIX века. Об этом дает представление краткий обзор мер, замышлявшихся французами в 1918—1921 годах. Силы безопасности с самого начала пытались отыскать «большевистское золото», ввезенное, по их предположениям, в страну ради свращения рабочих и подрыва рабочего движения. В этом отношении большевизм попал ровно в ту нишу, которую во время войны занимало «германское золото», якобы применявшееся для финансирования шпионажа и подкупа прессы; более того, эта преемственность порождала подозрения в том, что немцы, разыгрывающие «катастрофическую» карту, хотят использовать большевиков для захвата власти во Франции так же, как использовали их в 1917 году в России. Агенты французских военных и гражданских сил безопасности с момента окончания войны непрерывно предупреждали, что отечественный радикализм субсидируется из русских источников. Например, в декабре 1918 года появились сообщения о том, что ведущие французская и итальянская социалистические газеты, *L'Humanité* и *Avanti!*, финансируются Москвой, хотя ни та ни другая не поддерживала большевизм²⁵. Точно так же и германской Независимой социал-демократической партии приходилось защищаться от обвинений в получении большевистских дотаций²⁶. В ответ на возражения скептиков, утверждавших, что многие западные страны явно невосприимчивы к большевизму, теория заговора указывала на малочисленность и подпольный характер большевистского движения до революции, из чего следовало, что спящие ячейки и нелегальные организации затаились до поры до времени, ожидая момента кризиса или внутренней слабости. Согласно докладу французской службы безопасности, представленному в ноябре 1920 года, «большевистское золото» поступало в страну через агентурную сеть, созданную в Скандинавии (ненадежными считались и такие бывшие нейтральные страны, как

²⁴ Kellogg M. *The Russian Roots of Nazism: White Russians and the Making of National Socialism, 1917—1945*. N.Y., 2005.

²⁵ AN. F7 13506. Доклад *Propagande bolchéviste*, 3 декабря 1918 года.

²⁶ Gallus A. (Hrsg.) *Die vergessene Revolution von 1918/19*. Göttingen, 2010.

Голландия и Швейцария). Перед лицом фактов, свидетельствовавших, что Швеция — «по своей природе буржуазная» страна, авторы доклада делали вывод: «Большевики, действующие в Швеции, вероятно, отказались от грубых методов в пользу длительной подпольной пропагандистской кампании»²⁷.

Вместе с тем ответ французской службы безопасности явно намекает и на другие, более старые мифы о заговоре. Тот факт, что один из самых известных пробольшеvistски настроенных французов, Жак Садуль — морской офицер, принимавший участие в восстании против интервенции Антанты в России, произошедшем на борту французского линкора, находившегося в Черном море, — был в то же время масоном, повлек за собой домыслы о том, будто французская ложа «Великий восток» симпатизирует если не методам большевизма, то по крайней мере его стремлениям²⁸. Что еще более существенно, французская полиция отмечала, что многие реальные или мнимые сторонники большевизма из числа бывших жителей Российской империи, находившихся во Франции, были евреями, причем один французский агент в ноябре 1918 года уверенно сообщал из Женевы: «Факт — то, что большинство большевистских вождей принадлежат к иудейской вере и имеют германское происхождение»²⁹. На вооружение была взята также одна из фундаментальных, как впоследствии выяснилось, мутаций антибольшевистской мифологии, а именно готовность белых русских эмигрантов приплетать свой давний врожденный антисемитизм к животной ненависти, испытывавшейся ими к революции, изгнавшей их из родной страны. Как отмечал один полицейский агент, в консервативных парижских кругах русских эмигрантов полагали, что «за международным революционным движением, готовым охватить весь мир, стоит мировой заговор, организованный масонами под руководством евреев, дающих на него деньги»³⁰.

К проведению связей между евреями и революционными тенденциями подталкивала относительно большая доля евреев в русском «народническом» движении и его преемнице — Партии социалистов-революционеров, — равно как и в социалистической организации рабочих-евреев «Бунд», а также среди рядовых членов и руководителей Российской социал-демократической партии, включавшей как

²⁷ AN. F7 13506. Renseignements de Suède et Norvège, 1 ноября 1920 года.

²⁸ Ibid. Franc-Maçonnerie et Bolshévisme, досье 1919—1920 годов.

²⁹ Ibid. Доклад от 19 ноября 1918 года (от «V»).

³⁰ Ibid. Les Monarchistes russes et l'influence de la maçonnerie, 17 января 1920 года.

большевиков, так и меньшевиков³¹. Этот факт использовался в пропагандистских целях «белыми» силами, пытавшимися организовать сопротивление против революционеров, но не имевшими возможности предложить то, что предлагали те своим сторонникам: землю, хлеб, «свободу»³². Анти-«жидобольшевистская» карта оставалась последним популярным мотивом, с которым могли отождествить себя «белые». От зверств Добровольческой армии генерала Деникина, действовавшей на западе России, в первую очередь страдало еврейское население западных и юго-западных губерний, служивших базой снабжения для «добровольцев». В расправах над евреями, унесших, по некоторым подсчетам, до 50 тысяч жизней, участвовали также украинские и польские националистические силы и различные крестьянские отряды. Хотя некоторое (сравнительно небольшое) число евреев погибло и от рук коммунистов, это не подрывало веры националистов и контрреволюционеров в «жидобольшевизм», сочетавшейся с предъявлявшимися евреям обвинениями в пособничестве немцам. Эти события в каком-то отношении представляли собой грандиозный погром, однако убийства евреев в 1917—1919 годах, нередко принимавшие систематический характер, примечательны не только сами по себе, но еще и тем, что отныне их в основном осуществляли официальные вооруженные силы и организованная милиция³³.

Подобные образы очень быстро проникли за пределы России. В феврале 1918 года германский кайзер Вильгельм II заявил, что «русский народ отдан на милость мстительным евреям, объединившимся со всеми евреями мира»³⁴. Тот факт, что важную роль в последующих центральноевропейских революциях сыграло относительно много евреев — таких как Роза Люксембург в Берлине, Курт Эйсер в Баварии и Бела Кун в Венгрии, — делал подобные обвинения достаточно правдоподобными, даже в глазах наблюдателей из более западных стран. Например, многие французские газеты того времени приписывали

³¹ *Klier J.D.* Russian Jewry as the «Little Nation» of the Russian Revolution // Ro'i Y. (Ed.). *Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union*. London, 1995. P. 146—156.

³² *Cohn N.* Warrant for Genocide: The Jewish World Conspiracy and the Protocols of the Elders of Zion. London, 1996.

³³ *Abrahamson H.* Prayer for the Government: Ukrainians and Jews in Revolutionary Times, 1917—1920. Cambridge (Mass.), 1999; *Vital D.* A People Apart: The Jews in Europe, 1789—1939. Oxford, 1999. P. 724—726.

³⁴ *Herwig H.* Tunes of Glory at the Twilight Stage: The Bad-Homburg Crown Council and the Evolution of German Statecraft, 1917/1918 // *German Studies Review*. 1983. Vol. 6. P. 475—494.

большевистскую революцию еврейскому влиянию³⁵. А в Британии Уинстон Черчилль, не являвшийся прирожденным антисемитом ни в каком смысле слова, тем не менее подчеркивал связь между евреями и большевизмом в своей знаменитой статье 1920 года:

Начиная от Вейсгаупта-«Спартака» и до Карла Маркса, Троцкого (Россия), Белы Куна (Венгрия), Розы Люксембург (Германия) и Эммы Гольдман (Соединенные Штаты) мы видим непрерывное расширение этого всемирного революционного заговора по свержению цивилизации и переустройству общества на основе остановленного развития, завистливой злобы и невозможного равенства. <...> он был главной движущей силой всех подрывных течений XIX века, и вот, наконец, эта банда паразитических личностей из подполья больших городов Европы и Америки схватила за горло русский народ и превратилась практически в полных хозяев огромной империи.

Нет нужды преувеличивать роль, сыгранную в создании большевизма и в фактическом разжигании русской революции этим международным и по большей части атеистическим еврейством. Несомненно, она очень велика и, вероятно, затмевает усилия всех прочих участников³⁶.

Дополнительным источником подобных взглядов служило широкое международное хождение *Протоколов сионских мудрецов*. Эту фальшивку, еще до войны сфабрикованную в царской полиции, с 1919 года стали издавать в переводах на западноевропейские языки, и даже ее разоблачение в 1921 году никак не сказалось на том огромном влиянии, которое она оказала на контрреволюционное воображение. Тем не менее нечестивый брак антисемитизма и антибольшевизма приводил к самым разным результатам в разных европейских странах. К востоку от Рейна (и в первую очередь к востоку от Эльбы) анти-«жидобольшевизм» стоял за погромами и массовыми убийствами евреев, ставшими характерной и жуткой чертой европейской истории с 1920-х по 1945 год. Это главным образом происходило из-за того, что в восточноевропейских «зонах дробления» вину за «поражение», равно как и за крах государства, тоже возлагали на евреев.

Напротив, в Западной Европе, несмотря на выдвигавшиеся консервативной печатью и правыми организациями во Франции и в Ве-

³⁵ Poliakov L. The History of Anti-Semitism. Philadelphia, 2003. Vol. 4. P. 274—276.

³⁶ Churchill W. Zionism versus Bolshevism // Illustrated Sunday Herald. 1920. 8 Febr.

ликобритании резкие заявления о большевистском заговоре (который, по мнению *Morning Post*, был причиной забастовки Тройного союза британских профсоюзов в 1920 году, а по мнению французских газет — причиной всеобщей забастовки, произошедшей в том же году), власти заняли более взвешенную позицию и старательно проводили грань между местными воинствующими профсоюзами и отечественным социализмом, с одной стороны, и реальной угрозой, исходившей от русского коммунизма, с другой. Однако в зонах открытого идеологического конфликта и гражданской войны в Центральной Европе и Северной Италии антибольшевистские мифы обладали намного большим влиянием именно потому, что они помогали объявить проводниками иностранного влияния, а следовательно, абсолютно нежелательными элементами многочисленных оппозиционеров, порождавшихся на локальном и региональном уровнях всевозможными процессами изменений и распада, в реальности весьма отличавшимися от тех, что имели место в России.

* * *

По большей части фантастические страхи перед большевиками, готовыми к захвату всего старого мира, оказывали мощное влияние на политическое воображение европейцев после того, как в России к власти пришел Ленин. Отчасти под воздействием пропаганды, отчасти же являясь подлинным источником беспокойства для тех, кому было что терять, кроме своих цепей, большевизм быстро стал синонимом расплывчатых угроз и скрытых врагов, стремившихся к ниспровержению послевоенных европейских обществ. Зловещие фантазии о наступающих со всех сторон нигилистических силах беспорядка вдохновляли консервативную и контрреволюционную политику по всей Европе, принимавшую, однако, разное выражение. Там, где победа в Первой мировой войне укрепила государство и его институты, антибольшевистская мифология была призвана также стабилизировать существовавшую систему путем сплочения тех, кто был готов защищать ее от «распада». Наоборот, в побежденных странах антибольшевизм помогал объяснить, почему была проиграна война, рухнули старые режимы и на большей части Восточной и Центральной Европы воцарился хаос. Антибольшевизм — обычно в сочетании с антисемитизмом — придавал военизированным движениям направление и цель; он способствовал выявлению призрачного врага, отталкиваясь от давней неприязни к городской бедноте, евреям и вообще беспорядку. Таким образом,

конкретная роль антибольшевизма варьировалась в зависимости от региона и политического контекста. Антибольшевизм принимал наиболее кровавые формы в Центральной и Восточной Европе сперва в 1918—1923 годах, а затем — проявившись еще более драматическим образом — в 1930-х годах и во время Второй мировой войны³⁷. Его западноевропейский вариант, носивший менее воинственный характер, в то же время оказался более устойчивым и долговечным, вновь встав под знамена антисоветской пропаганды в период с 1945 года до завершения холодной войны.

³⁷ Kellogg M. The Russian Roots of Nazism.

III

Роберт Герварт

БОРЬБА С КРАСНОЙ БЕСТИЕЙ: КОНТРЕВОЛЮЦИОННОЕ НАСИЛИЕ В ПОБЕЖДЕННЫХ СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

ВВЕДЕНИЕ

Когда лейтенант Теодор Лозе в ноябре 1918 года вернулся с Западного фронта в Берлин, он очутился в чужом мире, взбаламученном революцией: «Они разрушили армию, ниспровергли государство <...> кайзера предали, республика была еврейским заговором». Вынужденный добывать себе скромное пропитание, работая домашним учителем в семье богатого предпринимателя-еврея, Лозе очень быстро начал сетовать на утрату профессионального престижа, на унижение, испытанное нацией в результате военной катастрофы, и на ту враждебность, с которой его встретили родные после возвращения с полей Великой войны:

Они не могли простить Теодору того, что тот — дважды упомянутый в донесениях — не пал смертью храбрых, как подобает офицеру. Мертвый сын стал бы гордостью семьи, а демобилизованный лейтенант, жертва революции, был для женщин только обузой <...> Он мог бы сказать своим сестрам, что не виноват в своих несчастьях, что проклинает революцию и полон ненависти к социалистам и к евреям, что каждый прожитый день для него — как ярмо на согнутой шее и что он чувствует себя узником эпохи, словно томится в мрачной тюрьме¹.

Единственную возможность спастись из «мрачной тюрьмы» жалкого существования давало членство в военизированной организации, привносившее в жизнь цель и порядок именно тогда, когда они были больше всего нужны. Лозе вступил в одну из многочисленных ультраправых военизированных организаций, после войны выраставших в побежденных странах Центральной Европы как грибы после дождя.

¹ Roth J. The Spider's Web. N.Y., 2003. P. 4—6.

Здесь он встретил единомышленников — экс-офицеров из бывших армий Германской и Австро-Венгерской империй, убивал членов организации, заподозренных в предательстве, сражался с коммунистами на улицах Берлина и с бунтующими польскими батраками на новой восточной границе Германии.

Вымышленная жизнь Теодора Лозе, увековеченная в чрезвычайно пронизательном романе Йозефа Рота *Паутина* (1923), в сжатом виде заключает в себе тему данной главы: возникновение субкультуры контрреволюционного насилия в побежденных государствах Центральной Европы, где переход от войны к «миру» был отягощен целым рядом на первый взгляд неразрешимых проблем — таких как демобилизация примерно 16 миллионов побежденных солдат, воевавших (и уцелевших) на фронтах Первой мировой войны, крах традиционной политической власти и территориальная ампутация (или полный распад) бывших центральноевропейских империй. Угроза, которую усматривали в этих процессах, послужила толчком к возникновению в Центральной Европе транснационального правого движения воинствующих ревизионистов, намеренных жестоко бороться с внутренними и внешними врагами, ответственными за поражение, территориальный распад и революционный переворот. В этом отношении данная глава содержит критический разбор выдвинутого Джорджем Моссе «тезиса о брутализации»: мы утверждаем, что катастрофическое наследие, отягощавшее центральноевропейскую историю, было оставлено не самой войной, а послевоенным опытом поражения, революции и территориальной ампутации².

Этот основной тезис необходимо дополнить рядом оговорок: то, что Бенъямин Циман называл «преображением» военного опыта в мирное общество, могло принимать различные формы, включая как сознательное уклонение от политики, так и активный пацифизм либо яростный отказ признавать новые реалии возникшей в послевоенной Центральной Европе «культуры поражения»³. В то время как подавляющее большинство немецких, австрийских и венгерских солдат, уцелевших в Первой мировой войне, в ноябре 1918 года вернулось к «нормальной» гражданской жизни, сотни тысяч бывших военно-

² Mosse G. *Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. Oxford, 1990.

³ О «преображениях» в послевоенной Германии см.: Ziemann B. *War Experiences in Rural Germany, 1914—1923*. Oxford; N.Y., 2007. P. 214 ff. О концепции «культуры поражения» см.: Schivelbusch W. *The Culture of Defeat: On National Trauma, Mourning, and Recovery*. N.Y., 2003; Horne J. *Defeat and Memory since the French Revolution: Some Reflections* // Macleod J. (Ed.). *Defeat and Memory. Cultural Histories of Military Defeat since 1815*. London, 2008. P. 11—29.

служащих не сумели этого сделать. Согласно оценкам, в одной только Германии насчитывалось до 120 фрайкоров, в чьих рядах числилось от 250 до 400 тысяч человек, в то время как австрийские и венгерские правые военизированные организации взятые вместе имели в два с лишним раза меньшую численность⁴.

Несмотря на эти количественные различия, военизированная субкультура в Германии, Австрии и Венгрии имела ряд важных общих черт. Во всех трех странах ведущими фигурами, принимавшими участие в основании правых военизированных организаций и в командовании ими, оказывались молодые бывшие офицеры (главным образом лейтенанты и капитаны, иногда — полковники), происходившие из рядов среднего и верхнего классов, — такие как Ганс Альбин Ройтер, Эрнст Рюдигер фон Штаремберг, Эдуард Баар фон Бааренфельс, Беппо Рёмер, Герхард Россбах, Франц фон Эпп, Иштван Хейяс, Пал Пронаи и Дьюла Остенбург, получившие образование и подготовку в военных академиях бывших империй Габсбургов и Гогенцоллернов⁵. В Венгрии бывшие боевые офицеры преобладали не только во влиятельной ветеранской организации Дьюлы Гембеша MOVE (Венгерский национальный союз обороны) или в Союзе пробуждающихся венгров, но и в намного более массовой Венгерской национальной армии. Из 6568 добровольцев, откликнувшихся 5 июня 1919 года на призыв Хорти вступить в ряды создававшейся контрреволюционной Национальной армии, почти 3 тысячи были бывшими армейскими и кавалерийскими офицерами и еще 800 — офицерами, прежде служившими в полувоенной пограничной страже — жандармерии. Многие активисты военизированных организаций во всех трех странах были родом из села, причем в первую очередь — из пограничных регионов, где угроза со стороны других этносов ощущалась намного более остро, чем в таких крупных городах, как Будапешт, Вена или Берлин. В случае Венгрии значительный вклад в радикализацию атмосферы в Будапеште, столичном городе, уже пропитанном воинственным духом в результате революции и временной румынской оккупации, внес большой наплыв беженцев из Трансильвании⁶.

⁴ Sauer B. Freikorps und Antisemitismus in der Frühzeit der Weimarer Republik // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Bd. 56. 2008; Gerwarth R. The Central European Counter-Revolution: Paramilitary Violence in Germany, Austria and Hungary after the Great War // Past and Present. 2008. Vol. 200. P. 175—209.

⁵ См. также очень подробный автобиографический рассказ об этом обучении: Heydendorff E. Kriegsschule 1912—1914 (Österreichisches Staatsarchiv. B 844/74: Heydendorff).

⁶ Kelemen B. Adatok a szegedi ellenforradalom és a szegedi kormány történetéhez. Szeged, 1923. O. 495—496. Об Австрии см.: Wiltshchegg W. Die Heimwehr: Eine unwid-

Военизированное насилие в побежденных государствах Центральной Европы в целом было наиболее заметно вдоль новой границы Германии с Польшей и государствами Балтии, а также в этнически пестрых «зонах дробления» Габсбургской империи, где иррегулярная австрийская, венгерская, польская, украинская, литовская или словенская милиция, «национализированная» вследствие распада империи и насильственного обмена приграничными землями, сражалась с внутренними и внешними врагами ради контроля над территориями, материальной выгоды или достижения идеологических целей⁷. Военные конфликты в этих спорных приграничных регионах не ослабевали, нередко принимая более нетипичную (и порой еще более жестокую) форму, чем во время Первой мировой войны, поскольку их участников отныне не «сдерживала» традиционная военная дисциплина.

Именно эта волна послевоенного военизированного насилия на территории бывших Германской и Австро-Венгерской империй, ее истоки, проявления и наследие и являются предметом рассмотрения в данной главе⁸. Говоря более конкретно, цель настоящей работы сводится к тому, чтобы понять, как немецкие, австрийские и венгерские ветераны и представители так называемого «молодого военного поколения» осуществляли болезненный переход от войны к миру, а также каким образом поиски послевоенного проекта, который бы оправдал жертвы военного времени, выливались в попытки «очистить нацию» от социальных элементов, считавшихся препятствием к «национальному возрождению». Мы сделаем это, изучив взгляды националистов на поражение и революцию и выяснив роль этих взглядов и воспоминаний как источника мобилизации при возникновении правых военизированных группировок в побежденных государствах Центральной Европы.

erstehliche Volksbewegung? München, 1985. S. 274—280. О Германии см.: *Gerwarth R. The Central European Counter-Revolution*. См. также: *Heydendorff E. Kriegsschule...*

⁷ О «зонах дробления» см.: *Bloxham D. The Final Solution: A Genocide*. Oxford, 2009. P. 84 ff.; *Prusin A. V. The Lands Between: Conflict in the East European Borderlands, 1870—1992*. Oxford, 2010. P. 73 ff.

⁸ Этот предмет после 1970-х годов получал поразительно мало внимания, и транснациональные или компаративные исследования по данной теме совершенно отсутствуют. Упомянем следующие «классические» работы: *Schulze H. Freikorps und Republik 1918—1920*. Boppard, 1969; *Waite R.G.L. Vanguard of Nazism. The Free Corps Movement in Postwar. Germany 1918—23*. Cambridge (Mass.), 1952; *Botz G. Gewalt in der Politik: Attentate, Zusammenstöße, Putschversuche, Unruhen in Österreich 1918 bis 1938*. 2. Aufl. Munich, 1983.

ПОРАЖЕНИЕ, РЕВОЛЮЦИЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ АМПУТАЦИЯ КАК ПРИЧИНЫ БРУТАЛИЗАЦИИ

Объясняя свое нежелание демобилизоваться и свою решимость продолжать солдатскую жизнь после ноября 1918 года, активисты военизированных организаций по всей Центральной Европе нередко ссылались на ужас возвращения с фронта в 1918 году в абсолютно враждебный мир социальных потрясений, ощущавшийся таковым вследствие временного краха как военной иерархии, так и общественного порядка⁹.

Видный активист Каринтийского хеймвера Ганс Альбин Ройтер, вернувшийся в Грац в конце войны, подчеркивал свой первый контакт с «красной толпой», «открывший ему глаза»: «Прибыв наконец в Грац, я обнаружил, что улицы захвачены коммунистами». Во время стычки с группой солдат-коммунистов Ройтер «достал пистолет и был арестован. Вот так меня приветствовала моя *Heimat*». Арест, произведенный нижними чинами, усилил возникшее у Ройтера ощущение того, что он вернулся в «мир, перевернутый вверх тормашками», в революционный мир, неожиданно отказавшийся от прежде бесспорных норм и ценностей, социальной иерархии, институтов и авторитетов¹⁰.

С тем же самым можно было столкнуться в Будапеште и Мюнхене. Гусарский офицер Миклош Козма, вернувшийся в Венгрию с фронта поздней осенью 1918 года, стал одним из многих ветеранов войны, которых «приветствовали» буйствовавшие толпы, выкрикивавшие оскорбления в адрес возвращавшихся войск, а также простые солдаты, с кулаками набрасывавшиеся на своих офицеров. По словам Козмы, революционные активисты неизменно принимали обличье

⁹ Об ухудшении отношений между тылом и фронтом на последних этапах войны см.: *Plaschka R.G. etc.* (Hrsg.). *Innere Front: Militärassistentz, Widerstand und Umsturz in der Donaumonarchie 1918*. 2 Bde. München, 1974; *Cornwall M.* *The Undermining of Austria-Hungary: The Battle for Hearts and Minds*. N.Y., 2000; *Rauchensteiner M.* *Der Tod des Doppeladlers: Österreich-Ungarn und der Erste Weltkrieg*. Graz, 1993. То, что революцию совершили люди, не воевавшие на фронте, являлось типичным обвинением со стороны правых ветеранов. См., например: *Starhemberg E.R.* *Aufzeichnungen (Oberösterreichisches Staatsarchiv, Linz. Nachlass Starhemberg)*, здесь S. 21. О Германии см.: *Bessel R.* *Germany after the First World War*. Oxford, 1993. Конкретно о Мюнхене см.: *Seipp A.R.* *The Ordeal of Peace: Demobilization and the Urban Experience in Britain and Germany, 1917—1921*. Farnham, 2009. P. 91—130.

¹⁰ NIOD. Doc I 1380, H, 2: Rauter. О «мире, перевернутом вверх тормашками» см.: *Geyer M.H.* *Verkehrte Welt: Revolution, Inflation und Moderne*. München, 1914—1924. Göttingen, 1998.

распущенной «грязной толпы», «неделями не мывшейся и месяцами не менявшей одежды; вонь одежды и обуви, гниющей на их телах, невыносима»¹¹. Подобные впечатления нередко складывались и у экс-офицеров в соседней Баварии. Например, будущий австрийский вице-канцлер и активист хеймвера Эдуард Баар фон Бааренфельс сообщал в Австрию из революционного Мюнхена о том, как на его глазах грабили ювелирные лавки, как разоружали и оскорбляли офицеров. Революция, утверждал Бааренфельс, «вынесла на свет из глубочайших глубин ада наихудшую мразь», и теперь та свободно разгуливала по улицам центральноевропейских столичных городов¹².

В описаниях Бааренфельса, Козмы и многих других вновь оживает тот кошмар, который преследовал консервативную европейскую элиту еще с времен Французской революции, кошмар, который — с момента захвата большевиками власти в России в 1917 году — становился реальностью: торжество безликой революционной толпы над силами закона и порядка. Образ, внушавшийся подобными описаниями, отчасти был навеян вульгарным пониманием книги *Психология толп* (*Psychologie des foules*) Гюстава Ле Бона (1895), идеи которого с начала XX века широко обсуждались в правых кругах по всей Европе. Проводившееся Ле Боном противопоставление «варварских» масс и «цивилизованного» индивидуума было созвучно тому, как многие австрийские и венгерские экс-офицеры описывали унижение, которому их подвергали возбужденные толпы или простые солдаты, срывавшие с них боевые награды¹³. Эти офицеры отказывались признавать, что крах центральноевропейских империй был вызван военным поражением, и воспринимали революции в Берлине, Вене и Будапеште как невыносимое оскорбление для своей чести офицеров, «не побежденных в бою». В письме родным военный ветеран и печально знаменитый вождь фрайкора Манфред фон Киллингер выразился так: «Отец, я дал себе слово. Мне пришлось без боя сдать врагам свой торпедный катер и видеть, как на нем спускают мой флаг. И я поклялся отомстить тем, кто несет за это ответственность»¹⁴. Перед лицом массовых волнений

¹¹ *Kozma M.* Makensens Ungarische Husaren: Tagebuch eines Frontoffiziers, 1914—1918. Berlin; Wien, 1933. S. 459.

¹² *Baarenfels E.B. von.* Erinnerungen (1947) (Österreichisches Staatsarchiv. MS B/120:1), цит. S. 10—13. См. также: *Korp A.* Der Aufstieg vom Soldaten zum Vizekanzler im Dienste der Heimwehr: Eduard Baar von Baarenfels: Diss. Wien, 1998.

¹³ *Starhemberg E.R.* Aufzeichnungen. S. 16—17. См. также: *Fey E.* Schwertbrüder des Deutschen Ordens. Wien, 1937. S. 218—220.

¹⁴ *Killinger M. von.* Der Klabautermann. Eine Lebensgeschichte. 3 Aufl. München, 1936. S. 263.

Рис. 5. Бойцы фрайкора ведут арестованных революционеров по улицам Мюнхена после падения Мюнхенской Советской республики в 1919 г.

и лично полученных оскорблений будущий вождь хеймвера Эрнст Рюдигер фон Штаремберг сделал для себя аналогичный вывод, выражая «страстное желание как можно скорее вернуться к солдатскому существованию и встать на защиту униженного Отечества». Лишь тогда можно будет забыть «позор мрачной действительности»¹⁵.

Не меньшее значение для ремобилизации немецких, австрийских и венгерских ветеранов имел опыт территориальной дезинтеграции. В то время как лишение Германии прав на Эльзас и Лотарингию по Версальскому мирному договору не стало неожиданностью для большинства современников, немецкие политики и левого, и правого толка решительно отвергали польские территориальные притязания на Западную Пруссию, Верхнюю Силезию и Познаньскую область. Согласно Сен-Жерменскому договору, немецко-австрийский огрызок бывшей Габсбургской империи был вынужден уступить Южный Тироль Италии, Южную Штирию — Королевству сербов, хорватов

¹⁵ Starhemberg E.R. Aufzeichnungen. S. 20—22.

и словенцев, Фельдсберг и Бемцелль — Чехословакии, в то же время не получив права на аншлюс с Германским рейхом, что было справедливо расценено политиками умеренно левого и умеренно правого крыла как вопиющее нарушение вильсоновского принципа национального самоопределения. Еще более суровыми оказались условия мира для Венгрии: согласно Трианонскому договору, она теряла две трети своей довоенной территории и треть населения¹⁶.

Однако еще до того, как участники Парижской мирной конференции окончательно определились с новым начертанием европейских границ, ветераны войны путем военного и военизированного насилия пытались по всей Центральной Европе создать новые территориальные реалии — «реалии», которые, по их представлениям, не смогли бы игнорировать парижские миротворцы. Поскольку перемирие, заключенное между державами Антанты и Германией 11 ноября 1918 года, не оговаривало точных размеров территориальных потерь, немецкие, польские и прибалтийские военизированные группировки немедленно попытались силой перекроить границы в свою пользу (см. карту 1). В декабре 1918 года Первое польское восстание привело к волне частую кровопролитных столкновений между польскими инсургентами и германским фрайкором в Верхней Силезии и Западной Пруссии, в то время как в 1919 году до 100 тысяч немецких волонтеров сражались в Прибалтийском регионе за «освобождение немецких городов» Риги и Вильнюса¹⁷. Одновременно с этим австрийские добровольцы с ноября 1918 года вели бои с югославскими войсками в Каринтии¹⁸. Память об этих «победах побежденных» — яростных стычках между югославской армией и австрийскими волонтерами в Каринтии, равно как и одержанной в 1921 году победе германского фрайкора над польскими повстанцами в «битве при Аннаберге» — вскоре заняла ключевое место в культуре военизированного насилия, поскольку свидетельствовала о непоколебимой готовности активистов бороться как с внешними врагами, так и с собственным «слабым» правительством. «Каринтия» и «Аннаберг» стали синонимами мнимого военного превосходства

¹⁶ Общее описание последствий Сен-Жерменского и Трианонского договоров см.: *Evans R. The Successor States // Gerwarth R. (Ed.). Twisted Paths: Europe 1914—45. Oxford, 2007. P. 210—236.*

¹⁷ *Sauer B. Vom «Mythos des ewigen Soldatentum»: der Feldzug deutscher Soldaten im Baltikum im Jahre 1919 // ZfG. Bd. 43. 1993; Wilson T. Frontiers of Violence: Conflict and Identity in Ulster and Upper Silesia, 1918—1922. Oxford, 2010.*

¹⁸ О Каринтии см.: *Darstellungen aus den Nachkriegskämpfen deutscher Truppen und Freikorps. Bd. 7—8. Berlin, 1941—1942*, и автобиографический рассказ Яромира Дьякова в: *Österreichisches Staatsarchiv. B727: Diakow*. См. также: *Blasi W. Erlebte österreichische Geschichte am Beispiel des Jaromir Diakow: Diss. Wien, 1995.*

военизированных отрядов над «славянским врагом». В популярном стихотворении про 2 мая 1919 года — день «освобождения» каринтийской деревни Фелькермаркт, — прославлявшем «свободу» Каринтии от «славянского ига», подчеркивалось, что «борцы за свободу одержали верх над изменой... Славянин, запомни этот важный урок: кулаки каринтийцев тверды как сталь»¹⁹.

Взаимосвязанный опыт поражения, революции и территориальной дезинтеграции также внес вклад в мобилизацию и радикализацию так называемого «молодого военного поколения» — тех подростков, которые были слишком молоды для того, чтобы попасть на фронт, и приобрели свой первый боевой опыт в послевоенных сражениях в Бургенланде, Штирии, Каринтии или Верхней Силезии. Неофициальным летописцем этих младших активистов военизированного движения стал Эрнст фон Заломон, бывший кадет, в 1922 году участвовавший в убийстве германского министра иностранных дел Вальтера Ратенау, а затем издавший популярную автобиографическую трилогию, посвященную пережитому в послевоенные годы: *Изгой, Город и Кадеты*. Оказавшись в ноябре 1918 года на улицах Берлина в кадетской форме, 16-летний фон Заломон прошел через испытание, которое впоследствии описывал как свое «политическое пробуждение»:

Почувствовав, что бледнею, я собрался и приказал себе: «Смирно!» <...> Вокруг себя я ощущал хаос и сумятицу. В голове длинной людской колонны несли огромный флаг, и этот флаг был красным <...> Я застыл на месте и смотрел. Усталая толпа беспорядочно накатывала вслед за флагом. Впереди шагали женщины. Они проходили мимо меня в своих широких юбках, с морщинами, усеивавшими серую кожу на их запавших костлявых лицах <...> Одетые в темные лохмотья, они пели песню, своим тоном не совпадавшую с их нерешительной тяжелой поступью <...> Так вот какими они были, защитники революции. Вот она, темная толпа, которой предстоит вспыхнуть ярким пламенем [революции], толпа, готовая воплотить мечту о крови и баррикадах. Сдаться им было невыносимо. Я насмехался над их призывами, в которых не слышалось ни гордости, ни уверенности в победе <...> Я стоял, смотрел, думал: «Трусые!», «Мразь!», «Чернь!» и <...> наблюдал за этими тощими, неопрятными фигурами; они как крысы, думал я, серые, с налитыми кровью глазами, несущие уличную пыль на своих спинах²⁰.

¹⁹ О Каринтии, а также текст стихотворения см.: *Der Sturm auf Völkermarkt am 2. Mai 1919* (Kriegsarchiv [Wien]. B 694, 31: Knaus).

²⁰ *Salomon E. von. Die Geächteten*. Berlin, 1930. S. 10—11 (английский перевод: *Idem. The Outlaws*. London, 1931).

Для многих юных кадетов, таких как Эрнст фон Заломон, выросших на рассказах о героических баталиях, но не успевших лично побывать в «стальной буре», вступление в милицию обещало желанную возможность воплотить их фантазии о романтизированной воинской жизни. Как верно отмечал Эрнст Рюдигер фон Штаремберг, многие представители молодого военного поколения пытались компенсировать недостаток боевого опыта «грубым воинственным поведением», «почитавшимся за добродетель во многих слоях послевоенной молодежи» и сильно повлиявшим на общую тональность и атмосферу, царившую в военизированных организациях после 1918 года²¹.

Мотивацией для этой воинствующей молодежи, которая в других обстоятельствах, скорее всего, вела бы «нормальную» мирную жизнь, в первую очередь служило яростное нежелание смириться с неожиданным поражением и революционными волнениями, а также решительное стремление испытать себя на поле боя. Так, австрийские и венгерские кадеты, ментально и физически подготовленные к героической смерти на фронте, после неожиданного завершения войны в 1918 году остро ощущали себя жертвами предательства. Вступая в военизированные отряды, в которых преобладали бывшие офицеры штурмовых частей, эти юноши спешили доказать, что достойны находиться в сообществе бойцов, отмеченных многими боевыми наградами, и «героев войны» — в сообществе, дававшем им шанс сделать явью подростковые фантазии о сражениях и подвигах и соответствовать идеализированному образу воинственного мужества, растиражированному военной пропагандой²².

Однако романтические фантазии о воинской славе были не единственной причиной для вступления в военизированные формирования. Многих безземельных батраков — особенно в Венгрии и на беспокойной германской границе — привлекала возможность грабить, мародерствовать, насильничать, вымогать деньги или просто сводить счеты с соседями другой национальности, не опасаясь репрессий со стороны государства. Кроме того, местные военизированные группи-

²¹ *Starhemberg E.R. Aufzeichnungen. S. 26.* О немецком «молодом военном поколении» см.: *Wildt M. Generation des Unbedingten. Hamburg, 2000; Danson A. Youth in the Fatherless Land: War Pedagogy, Nationalism, and Authority in Germany, 1914—1918. Cambridge (Mass.), 2010.* Сопоставимых исследований о «молодом военном поколении» в Австрии и Венгрии на данный момент не существует. Однако согласно более старым исследованиям, доля молодежи среди добровольцев могла достигать 50%. О Венгрии см.: *Kelemen B. Adatok. O. 495 ff. Об Австрии см.: Wiltschegg W. Die Heimwehr. Eine unwiderstehliche Volksbewegung? München, 1985. S. 274—280.*

²² *Gerwarth R. The Central European Counter-Revolution. P. 175 ff.*

Рис. 6. Белые венгерские милиционеры вешают революционера. 1919 г.

ровки нередко создавались скорее из страха перед демобилизованными и обнищавшими солдатами, нежели с какой-либо четкой политической целью²³.

Ветераны и представители «молодого военного поколения» объединенными усилиями создали взрывоопасную субкультуру ультравоинственной мужественности, в рамках которой насилие воспринималось не только как политически необходимый акт самообороны, без которого не подавить коммунистические восстания в Центральной Европе, но и как позитивная ценность сама по себе, как морально оправданное выражение юношеской возмужалости, отличавшей активистов военизированных группировок от «безразличного» большинства буржуазного общества, неспособного сплотиться перед лицом революции и гибели. Вступившие в милицию находили здесь, в противоположность царившему вокруг беспорядку, четкую иерархическую структуру и знакомое ощущение цели и принадлежности. Военизированные группировки представлялись их активистам бастионами солдатского товарищества и «порядка» среди враждебного мира демократического эгалитаризма и коммунистического интернационализма. Именно этот дух непокорности в сочетании с желанием быть частью послевоенного проекта, который бы наделил смыслом оказавшийся бесполезным опыт массовой гибели во время Первой мировой войны, девальвированный поражением, и скреплял эти группировки. Их члены считали себя ядром «нового общества» воителей, представлявшего как вечные ценности нации, так и новые авторитарные концепции государства, в котором эта нация могла бы процветать²⁴.

Склонность военизированных группировок к необузданному насилию в отношении врагов дополнительно усугублялась страхом перед мировой революцией и сообщениями (порой правдивыми, порой преувеличенными либо вымышленными) о зверствах, совершенных коммунистами как внутри соответствующих национальных общин, так и за их пределами. Хотя реальное число жертв «красного террора» 1919 года было относительно небольшим, описания массовых убийств, изнасилований, расчленения трупов и кастрации узников, совершавшихся революционными «варварами» в России и Центральной Европе, занимали весьма заметное место в консервативных газетах и автобио-

²³ Bodó B. Militia Violence and State Power in Hungary, 1919—1922 // *Hungarian Studies Review*. 2006. Vol. 33. P. 121—167, особенно п. 131—132; Ziemann B. War Experiences. P. 227 ff.

²⁴ Reulecke J. «Ich möchte einer werden so wie die...»: Männerbünde im 20. Jahrhundert. Frankfurt a.M., 2001. S. 89 ff.

графиях участников военизированных организаций, будучи призваны оправдать применение насилия против внутренних и внешних врагов, объявленных нелюдьми и обвинявшихся в проведении политики тотального уничтожения²⁵.

ПРОЯВЛЕНИЯ НАСИЛИЯ

Реальный уровень физического насилия в трех побежденных государствах Центральной Европы заметно различался. Ситуация в послереволюционных Германии и Венгрии была намного более экстремальной, чем в Австрии. В таких революционных горячих точках, как Мюнхен, Берлин и промышленные регионы в долинах рек Рур и Заале, жертвами кровавых столкновений между левыми и правыми становились тысячи человек. В одной Венгрии в 1919—1920 годах погибло от 1500 до 4 тысяч человек. Напротив, подавляющее большинство из 859 политических убийств, совершенных в межвоенной Австрии, произошло в начале 1930-х годов, а не в период непосредственно после 1918 года²⁶.

Чтобы понять, чем было вызвано относительное миролюбие австрийских правых в ближайшие годы после окончания войны, необходимо принять во внимание два момента²⁷. Во-первых, явно огра-

²⁵ См., например: *Revolution überall // Innsbrucker Nachrichten*. 1918. 12. Nov. S. 2; *Bestialische Ermordung von Geiseln // Ibid.* 1919. 3. Mai. S. 2 (о баварских коммунистах).

²⁶ Точное число жертв послевоенного военизированного насилия до сих пор является спорным вопросом. О Германии и ее приграничных регионах см.: *Schultze H. Freikorps und Republik, 1918—1920*. Boppard, 1968; *Sauer B. Vom «Mythos des ewigen Soldatentum»: der Feldzug deutscher Soldaten im Baltikum im Jahre 1919 // ZfG*. Bd. 43. 1993; *Wilson T. Frontiers of Violence*. Что касается Венгрии, то, по оценкам Оскара Йаси, в 1918 году входившего в правительство Карольи, контрреволюционерами было убито не менее 4 тысяч человек, но в недавних исследованиях эта цифра была сокращена до 1500 человек. См.: *Jászi O. Revolution and Counter-Revolution in Hungary*. London, 1924. P. 120; *Bodo B. Paramilitary Violence in Hungary after the First World War // East European Quarterly*. 2004. Vol. 38. P. 129—172, см. p. 167. Согласно подсчетам Герхарда Ботца для Австрии, жертвами политического насилия в годы первой Австрийской республики (12 ноября 1918 — 11 февраля 1934 года) пало всего 859 человек, однако в эту цифру не включены жертвы убийств, совершенных многочисленными австрийскими волонтерами, сражавшимися в рядах германского фрайкора (*Botz G. Gewalt in der Politik*. S. 237).

²⁷ О нетипичности Австрийской революции см.: *Boyer J.W. Silent War and Bitter Peace: The Revolution of 1918 in Austria // Austrian History Yearbook*. 2003. Vol. 34. P. 1—56.

ниченая активность австрийских правых (по сравнению с ситуацией в Венгрии и восточнее) в значительной степени объяснялась существованием сильных военизированных левых группировок, наиболее заметными из которых были фольксвер и социалистическая гвардия шуцбунд²⁸. Например, в Тироле 12 тысячам хеймверовцев, из которых вооружены были две трети, в 1922 году противостояло примерно 7500 членов шуцбунда²⁹. В ситуации взаимного противостояния самоограничение во многих отношениях представляло собой стратегию выживания, поскольку победа в потенциальной гражданской войне была отнюдь не гарантирована³⁰. Поэтому в течение 1920-х годов активность обеих сторон главным образом сводилась к символической демонстрации своей силы — например, в ходе по большей части мирных шествий хеймвера и шуцбунда по «вражеской территории»³¹.

Во-вторых — и об этом нередко забывают исследователи, анализирующие ситуацию в межвоенной Австрии, — многие наиболее радикальные активисты из числа правых на протяжении 1918—1921 годов находились в основном *вне* Австрии. Например, австрийские члены печально знаменитого фрайкора «Оберланд», включая будущего вождя хеймвера Эрнста Рюдигера фон Штаремберга, в 1919 году участвовали в разгроме Мюнхенской советской республики. Можно также упомянуть, что во время Третьего польского восстания 1921 года на помощь верхнесилезскому зельбштшуцу, боровшемуся с польскими инсургентами, пришли студенты-добровольцы из Инсбрукского университета. Оба примера свидетельствуют о транснациональной динамике контрреволюционного и этнического насилия в послевоенной Центральной Европе — динамике, способствовавшей конкретному сотрудничеству и контактам между немецкими, финскими, русскими, венгерскими, австрийскими и итальянскими противниками «большевизации» и «балканизации» Европы³². Местные австрийские газеты не-

²⁸ См. об этом в первую очередь на примере Тироля: *Schober R. Die paramilitärischen Verbände in Tirol 1918—1927* // Albrich Th. et. al. (Hrsg.). *Tirol und der Anschluss: Voraussetzungen, Entwicklungen, Rahmenbedingungen 1918—1938*. Innsbruck, 1988. S. 113—141.

²⁹ *Lösch V. Die Geschichte der Tiroler Heimatwehr von ihren Anfängen bis zum Korneuburger Eid (1920—1930)*: Diss. Innsbruck, 1986. S. 162.

³⁰ *Botz G. Handlungsspielräume der Sozialdemokratie während der «Österreichischen Revolution»* // Altmüller R. et. al. (Hrsg.). *Festschrift Mélanges Felix Kreissler*. Wien, 1985. S. 16.

³¹ См.: *Krauss A. Revolution 1918* (Kriegsarchiv [Wien]. B 60, 5e, 1: Krauss).

³² *Gehler M. Studentischer Wehrverband im Grenzlandkampf: Exemplarische Studie zum «Sturmzug Tirol» in Oberschlesien 1921* // *Oberschlesisches Jahrbuch*. 1989. Bd. 5. S. 33—63; *Idem. Studenten und Politik: Der Kampf um die Vorherrschaft an der*

редко публиковали подробные отчеты о кровавых событиях в Италии, Финляндии, России, на Украине, в Венгрии и Баварии, оказывавшие глубокое воздействие на то, как австрийские контрреволюционные активисты воспринимали ситуацию в своей стране³³. В частности, видное место в сознании австрийских активистов военизированного движения занимали революции в Мюнхене и Будапеште (хотя бы в качестве сценария, повторению которого в Австрии они противились всеми силами), и большинство зверств, приписывавшихся левым революционерам, являлось непосредственным отражением ужасных историй о «красном терроре», бушевавшем в соседних с Австрией государствах. Помимо этого, некоторые активисты хеймвера вдохновлялись примером венгерской и немецкой милиций, сражавшихся на границах или против инсургентов-коммунистов, не поддаваясь пацифистскому настрою, охватившему их страны. Штаремберг вспоминал:

Мы с завистью строили фантазии о том, чтобы бороться бок о бок с нашими германскими товарищами, после убийства Эйснера разгромившими Советскую республику, или участвовать в действиях Венгерской добровольческой армии, под руководством Хорти восстановившей честь Венгрии³⁴.

В Венгрии, где «красный террор» 1919 года унес жизни от 400 до 500 человек, жестокие фантазии о возмездии основывались на гораздо более осязаемом непосредственном опыте. В частности, воображение активных националистов особенно подхлестывалось зверствами, совершавшимися так называемыми «Ребятами Ленина» во главе с Йожефом Черни. После падения режима Белы Куна настало время «от-

Universität Innsbruck 1918—1938. Innsbruck, 1990; *Falch S.* Zwischen Heimatwehr und Nationalsozialismus: Der «Bund Oberland» in Tirol // *Geschichte und Region*. 1997. Bd. 6. S. 51—86. Наконец, см.: *Steinacher H.* Oberschlesien. Berlin, 1927.

³³ См., например, следующие статьи в *Innsbrucker Nachrichten*: Der Krieg im Frieden // *Innsbrucker Nachrichten*. 1919. 25. Mai; Gegen den Bolschewismus // *Ibid.* 1919. 17. Nov.; Die Sowjetherrschaft in Ungarn // *Ibid.* 1919. 26. März; Die Verhältnisse in Bayern // *Ibid.* 1919. 10. Apr.; Bayern als Räterepublik // *Ibid.* 1919. 8. Apr.

³⁴ *Starhemberg E.R.* Aufzeichnungen. S. 23. О транснациональном контексте см.: *Gerwarth R.* The Central European Counter-Revolution. P. 175—209. См. также: *Thoss B.* Der Ludendorff-Kreis: München als Zentrum der mitteleuropäischen Gegenrevolution zwischen Revolution und Hitler-Putsch. München, 1978; *Kerekes L.* Die «weiße» Allianz: Bayerisch-österreichisch-ungarische Projekte gegen die Regierung Renner im Jahre 1920 // *Österreichische Osthefte*. 1965. Bd. 7. S. 353—366; *Rape L.* Die österreichischen Heimwehren und die bayerische Rechte 1920—1923. Wien, 1977; *Nusser H.G.* Konservative Wehrverbände in Bayern, Preussen und Österreich. München, 1973.

мстить» за эти преступления. Бывший венгерский офицер Миклош Козма писал в начале августа 1919 года:

Мы постараемся <...> разжечь жаркое пламя национализма <...> Помимо этого, мы будем наказывать. Те, кто месяцами совершал гнусные преступления, должны понести кару. Легко себе представить <...> какой стон и вой поднимут соглашатели и слабонервные, когда мы поставим к стенке нескольких красных мерзавцев и террористов. Ложные лозунги гуманизма и прочих «измов» уже помогли превратить нашу страну в руины. На этот раз такого не случится³⁵.

Призывы Козмы были доведены до крайности на Венгерской равнине, но еще более ярким образом — в ходе Балтийской кампании фрайкора, когда прежде дисциплинированные отряды превратились в мародерствующих наемников наподобие солдат Тридцатилетней войны, в современных атаманов, грабивших и убивавших направо и налево, оставляя за собой по всей стране одни руины³⁶. Еще в 1946—1947 годах, ожидая казни в польской тюрьме, бывший комендант Освенцима Рудольф Гёсс вспоминал Балтийскую кампанию как проявление доселе не слыханного насилия:

Таких диких и жестоких сражений, как в Прибалтике, я не видел ни во время Первой мировой войны, ни в течение всех последующих кампаний фрайкора. Фронта в его обычном понимании не существовало, враг был повсюду. Всякая стычка превращалась в резню, доходящую до тотального уничтожения <...> Бесчисленное множество раз я видел ужасающую картину сожженных хижин и обугленных или разлагающихся тел женщин и детей <...> Тогда я был уверен, что невозможно превзойти это разрушительное безумие!³⁷

Менее кровопролитной, но представлявшей собой качественно новое явление была одновременная интернализация конфликта, выявление и преследование «коммунистических врагов», которых следовало искоренить для того, чтобы могло начаться национальное возрождение. В Германии правыми экстремистами были убиты такие

³⁵ *Kozma M. Az összeomlás 1918—1919. Budapest, 1935. O. 380.* О военном опыте Козмы см.: *Idem. Makensens Ungarische Husaren.*

³⁶ *Liulevicius V.G. War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity and German Occupation in World War I. Cambridge, 2000. P. 233 ff.*

³⁷ *Höß R. Kommandant in Auschwitz. Autobiographische Aufzeichnungen. Stuttgart, 1958. S. 34 ff.*

известные республиканские политики, как Вальтер Ратенау и Маттиас Эрцбергер. В Венгрии членами печально известного батальона Пронаи был похищен и убит ряд видных интеллектуалов, выступавших против венгерского «белого террора», в том числе журналист Бела Бачо и редактор социал-демократической газеты *Népszava* Бела Сомодьи³⁸. 75 тысяч человек попали в заключение, а 100 тысяч отправились в изгнание, главным образом в Советскую Россию, где спасшиеся от хортистских «эскадронов смерти» в итоге были уничтожены Сталиным. Поскольку многие вожди венгерской революции, включая Белу Куна, сбежали из страны прежде, чем их успели арестовать, за их «измену» пришлось расплачиваться другим³⁹.

Схваченных социалистов, евреев и профсоюзных деятелей заставляли в казармы и избивали до потери сознания. «В этих случаях, — вспоминал Пал Пронаи, вождь венгерской милиции и временный командир телохранителей Хорти, — я приказывал дать лишних пятьдесят шомполов этим фанатичным зверолодям, чьи умы были опьянены безумной идеологией Маркса»⁴⁰. Как полагал Пронаи, да и многие другие, лишенных человеческого облика («зверолоуди») и национальной принадлежности (большевики) врагов дозволялось пытаться и убивать без всяких сожалений, поскольку законность и необходимость этим поступкам придавала высокая цель: спасение нации от сползания в социалистическую пропасть и территориального расчленения. Гражданская война и революция порождали у активистов военизированных организаций уверенность в том, что они живут в эпоху необузданного насилия, когда внутренних врагов, нарушивших правила «цивилизованного» военного поведения, можно остановить лишь с помощью такого же крайнего насилия, к которому те — якобы или на самом деле — прибегали во время недолгого «красного террора» в Баварии и Венгрии.

Особую жестокость нередко проявляли молодые участники военизированных организаций, не попавшие на Первую мировую войну. Одним из наиболее известных случаев военизированного зверства в Германии является убийство несколькими марбургскими студентами

³⁸ Об убийстве Сомодьи и Бачо см.: *Gergely E., Schönwald P. A Somogyi-Bacsó-Gyilkosság.* Budapest, 1978.

³⁹ *Tokes R. Béla Kun and the Hungarian Soviet Republic: the origins and role of the Communist Party of Hungary in the revolutions of 1918—1919.* N.Y.; Stanford, 1967. P. 159. См. также: *Borsanyi G. The Life of a Communist Revolutionary: Béla Kun.* N.Y., 1993.

⁴⁰ *Prónay P. A határban a halál kaszá: fejezetek Prónay Pál feljegyzéseiből / Ed. Á. Szabó, E. Pamlényi.* Budapest, 1963. O. 90.

более дюжины арестованных «спартаковцев» в Тюрингии⁴¹. В другом случае молодой студент-доброволец, участвовавший в подавлении коммунистического восстания в Руре в 1920 году, с восторгом писал своим родителям:

Пощады не получает никто. Мы расстреливаем даже раненых. Царит колоссальный — немыслимый — энтузиазм. В нашем батальоне погибло двое, у красных — двести или триста. Любого, кто попадает в наши руки, бьют прикладом и приканчивают пулей⁴².

И даже вождь венгерской милиции Пал Пронаи, знаменитый тем, что безжалостно пытал своих жертв и сжигал их живыми, был положительно изумлен «чрезмерной амбициозностью и высокой мотивированностью новобранцев», пытавшихся впечатлить его, «избивая евреев за воротами казарм или затаскивая их туда, где могли отделать их всерьез»⁴³.

Послевоенный проект «очистки» нации от ее внутренних врагов рассматривался большинством активистов военизированного движения как необходимая предпосылка для «национального возрождения», своего рода насильственная регенерация, способная оправдать военные жертвы, невзирая на поражение и революцию. В некотором смысле эта абстрактная надежда на «возрождение» нации из руин империи была единственным фактором, объединявшим крайне разнородные военизированные группировки в Германии, Австрии и Венгрии. В целом всплеск военизированной активности в первые месяцы после ноября 1918 года скорее представлял собой реакцию на новый политический истеблишмент и на отторжение Антантой части национальных территорий, нежели скоординированную попытку установить какую-либо конкретную форму нового авторитарного порядка. Несмотря на общую оппозицию революции и общую надежду на национальное возрождение, активисты, участвовавшие в деятельности правых военизированных группировок, не обязательно имели общие идеологические цели и амбиции. Как раз напротив: среди активистов правого

⁴¹ См.: *Der Marburger Studentenprozeß*. Leipzig; Berlin, 1921. См. также: *Lemling M. Das «Studentenkorps Marburg» und die «Tragödie von Mechterstädt»* // Krüger P., Nagel A.C. (Hrsg.). *Mechterstädt — 25.3.1920. Skandal und Krise in der Frühphase der Weimarer Republik*. Münster, 1996. S. 44—88.

⁴² Макс Целлер, цит. по: *Jones N.J. Hitler's Heralds: The Story of the Freikorps, 1918—1923*. London, 1987. P. 50.

⁴³ *Prónay P. A határban a halál kaszál*. O. 41.

военизированного движения в Центральной Европе, по сути, имел место глубокий раскол, связанный с различием их представлений о будущей форме государства. Наряду с влиятельными легитимистскими кругами, особенно в венгерской общине Вены, предпринявшей две попытки восстановить на престоле св. Стефана последнего габсбургского императора Карла, существовали протофашисты, презиравшие монархию почти так же сильно, как ненавидели коммунизм. Реставрации Габсбургской монархии (хотя и не обязательно в лице старого кайзера) требовали и некоторые военизированные группировки австрийских роялистов, находившиеся в открытой конфронтации с теми, кто выступал за независимое австрийское правительство синдикалистского типа. Другие — в первую очередь участники австро-баварской Лиги Оберланда, радикального меньшинства численностью около тысячи человек, — стремились к объединению с Германским рейхом⁴⁴. Таким образом, для правых австрийских «великогерманцев» поражение и распад империи были предпосылками еще одного послевоенного проекта, выполнение которого оправдало бы военные жертвы: создания Великого Германского рейха. Например, генерал Альфред Краусс, в 1914 году интерпретировавший саму Первую мировую войну как уникальную возможность «перекроить» структуру власти в Габсбургской империи в пользу ее германоязычных граждан, рассматривал крах этого многонационального государства как возможность для этнического «размежевания народов»⁴⁵. «Мы живем в великую эпоху», — отмечал Краусс в своем несколько путаном эссе 1920 года, поскольку великогерманское «объединение уже ничто не способно отсрочить»⁴⁶.

Более того, как объявлялось в памфлете *Политика германского сопротивления*, составленном членами Лиги Оберланда, национальное «возрождение» возможно лишь посредством решительного критического ниспровержения «идей 1789 года», за которыми стояли традиции Просвещения и гуманизма:

Идеи 1789 года находят выражение в современном индивидуализме, буржуазных представлениях о мире и об экономике, в парламен-

⁴⁴ См.: *Kuron H.J. Freikorps und Bund Oberland: Diss. München, 1960. S. 134; Falch S. Zwischen Heimatwehr und Nationalsozialismus. S. 51; Lösch V. Die Geschichte der Tiroler Heimatwehr von ihren Anfängen bis zum Korneuburger Eid (1920—1930): Diss. Innsbruck, 1986. S. 162.*

⁴⁵ *Krauss A. Schaffen wir ein neues, starkes Österreich! (1914) (Österreichisches Staatsarchiv. B 60: Krauss).*

⁴⁶ *Krauss A. Unser Deutschtum! Salzburg, 1920. S. 8—9.*

таризме и современной демократии <...> Мы, члены Лиги Оберланда, продолжим идти по нашему пути, отмеченному кровью германских мучеников, умерших за грядущий Рейх, и останемся теми, кто мы есть, — штурмовыми отрядами германского движения сопротивления⁴⁷.

Поэтому, несмотря на всеобщее стремление «искупить» двойное унижение в результате военного поражения и революции, было бы неверным полагать, что все участники военизированных контрреволюционных движений в Центральной Европе руководствовались одними и теми же мотивами. Такие выражения, как «дух фрайкора» в Германии, «сегедская идея» в Венгрии (Сегед в 1919 году являлся штаб-квартирой контрреволюционной Национальной армии Хорти), или идеи, стоявшие за «Корнойбургергской клятвой» австрийского хеймвера, явно предполагали единство политических целей и мотивов, в реальности никогда не существовавшее. Эти ретроспективные декларации единства были призваны придать смысл насильственным действиям, обычно проводившимся при отсутствии однозначной политической повестки дня. Тем не менее ссылки на предполагаемую угрозу со стороны «международного большевизма», «международного еврейства» или «международного феминизма», а также страх перед национальной деградацией и территориальной дезинтеграцией задавали четкую общую цель, до поры до времени представлявшуюся более важной, чем разногласия в отношении будущей формы правительства. И все же Вальдемар Пабст, родившийся в Германии убийца Розы Люксембург, впоследствии ставший военным организатором австрийского хеймвера, в 1931 году составил политическую программу Белого интернационала, своего «излюбленного детища будущего», в которой сформулировал «минимальный консенсус» для контрреволюционных движений по всей Европе:

Путь к новой Европе заключается в том, чтобы <...> заменить прежнюю триаду Французской революции [*liberté, égalité, fraternité*], оказавшуюся фальшивой, стерильной и деструктивной, на новую триаду: власть, порядок, справедливость <...> Лишь на основе этого духа может быть построена новая Европа — Европа, ныне раздираемая классово войной и задыхающаяся от лицемерия⁴⁸.

⁴⁷ Die Politik des deutschen Widerstands (1931) (Österreichisches Staatsarchiv. B 1477).

⁴⁸ Bundesarchiv (Berlin). NY4035 / 6, 37—39: Pabst.

Памфлеты, издававшиеся в 1920-х годах воинствующими представителями правых сил, весьма четко демонстрируют, что военизированный мир послевоенной Центральной Европы был миром действий, а не идей. Соответственно одной из тем, наиболее широко обсуждавшихся в военизированных кругах, был вопрос о том, против кого должны быть направлены эти действия. В глазах Альфреда Краусса, бывшего пехотного генерала и главнокомандующего восточными армиями Габсбургской империи, «враги германского народа» включали «французов, англичан, чехов, итальянцев» — что ясно свидетельствует о преимуществах военной пропаганды в период после 1918 года. Однако более опасными, чем националистические амбиции других стран, были интернациональные враги: «Красный интернационал», «Черный интернационал» (политический католицизм) и — «в первую очередь» — «еврейский народ, стремящийся подчинить себе немцев». Все прочие враги, был уверен Краусс, находятся на оплачиваемой службе у этого главного врага⁴⁹.

С учетом широкого распространения подобных настроений не удивительно, что евреи — ничтожное меньшинство, составлявшее менее 5 процентов населения Австрии и Венгрии, — в наибольшей степени пострадали от правого военизированного насилия после Первой мировой войны. Как отмечал в 1922 году еврей Якоб Краус, бежавший от венгерского «белого террора»,

...антисемитизм не утратил своей интенсивности во время войны. Как раз напротив: он принял более зверские формы. Война лишь усилила жестокость антисемитов <...> Окопы были наводнены антисемитскими памфлетами, и в первую очередь это касалось Центральных держав. Чем больше ухудшалось их положение, тем более энергичной и кровавой становилась антисемитская пропаганда. Послевоенные погромы в Венгрии, Польше и на Украине, так же как и антисемитские кампании в Германии и Австрии, были подготовлены в окопах⁵⁰.

Как справедливо писал Краус, одной из главных причин свирепого антисемитизма, охватившего Центральную Европу после 1918 года, являлось то, что евреи стали экраном, на который военизированные правые могли проецировать все то, чего боялись и что ненавидели.

⁴⁹ Krauss A. Unser Deutschtum! S. 7—13.

⁵⁰ Krausz J. (Hrsg.). Martyrium: ein jüdisches Jahrbuch. Wien, 1922. S. 17. См. также: Schuster F.M. Zwischen allen Fronten: Osteuropäische Juden während des Ersten Weltkriegs (1914—1919). Cologne, 2004.

Как ни странно, евреев могли объявить воплощением панславянской революционной угрозы «с востока», создававшей опасность для традиционного строя христианской Центральной Европы, «красными агентами» Москвы и в то же время — агентами мифического «Золотого интернационала» и западных демократий.

В Венгрии, в противоположность Германии и Австрии, государство терпимо относилось к антисемитскому насилию, которому порой аплодировала националистическая печать⁵¹. В докладе об антисемитском насилии, опубликованном в 1922 году еврейской общиной Вены, отмечалось, что «более 3000 евреев было убито в Трансданубии» — обширном регионе Венгрии к западу от Дуная⁵². Хотя эти цифры, вероятно, преувеличены, нет никаких сомнений в том, что «белый террор» целенаправленно метил в евреев, в большом количестве становившихся его жертвами. О типичном случае венгерского антисемитского насилия в октябре 1919 года сообщил в полицию Игнац Бинг из Бехень: «В ночь на 1 октября в нашу общину явилась группа из шестидесяти белогвардейцев и приказала, чтобы все мужчины-евреи немедленно вышли на рыночную площадь». Семнадцать проживавших в общине мужчин-евреев, совершенно непричастных к действиям коммунистов, выполнили приказ. Когда же они собрались, «их стали избивать и пытать, а затем, не проводя никакого допроса, они [солдаты] начали их вешать». Исполнители подобных актов насилия преследовали двойную цель: искоренить «источник большевизма» и публично продемонстрировать, что ожидает врагов, попавших к ним в руки⁵³.

В Австрии и Германии антисемитизм был распространен столь же широко, хотя до 1933—1938 годов он никогда не принимал хотя

⁵¹ О венгерском антисемитизме после 1918 года см.: *Bigler R.M. Heil Hitler and Heil Horthy! The nature of Hungarian racist nationalism and its impact on German-Hungarian relations 1919—1945 // East European Quarterly. 1974. Vol. 8. P. 251—272; Bodo B. «White Terror», Newspapers and the Evolution of Hungarian Anti-Semitism after World War I // Yad Vashem Studies. 2006. Vol. 34; Katzburg N. Hungary and the Jews: Policy and Legislation, 1920—1943. Ramat-Gan, 1981; Fischer R. Entwicklungsstufen des Antisemitismus in Ungarn, 1867—1939: Die Zerstörung der magyarisch-jüdischen Symbiose. München, 1998.*

⁵² *Halmi J. Akten über die Pogrome in Ungarn // Krausz J. (Hrsg.). Martyrium. S. 59. См. также: Jászi O. Magyarországnak a zsidók elleni vértanúsága. München, 1923. S. 168—179; Pogány J. Der Weiße Terror in Ungarn. Wien, 1920. Доклады Британской совместной рабочей делегации в Венгрию см.: The White Terror in Hungary. Report of the British Joint Labour Delegation to Hungary. London, 1920; The Jews in Hungary: Correspondence with His Majesty's Government, presented to the Jewish Board of Deputies and the Council of the Anglo-Jewish Association, October 1920 (TNA. FO 371/3558, 206720).*

⁵³ *Halmi J. Akten über die Pogrome in Ungarn. S. 64.*

бы отдаленно похожих кровавых форм. До 1914 года антисемитизм в Австрии служил расхожей монетой среди политиков правого толка, выражавших острое недовольство массовым переселением в Вену евреев из Галиции и Буковины. Когда же в 1918 году Галиция отошла к Польше, а Буковина — к Румынии, поток еврейских мигрантов лишь усилился вследствие крупномасштабных погромов в Галиции и на Украине. В 1918 году в Вене жило 125 тысяч евреев, хотя германо-австрийские националисты называли цифру 450 тысяч человек⁵⁴. Послевоенный наплыв «восточных евреев» способствовал разжиганию в Вене антисемитских настроений, которые еще со времен Карла Люгера и Георга фон Шонерера составляли фон городской жизни, а в годы войны подпитывались популярным стереотипом «еврея-спекулянта»⁵⁵. По утверждениям ветеранов правого движения, после 1918 года «еврей» стал «повелителем» беззащитного немецкого народа, намереваясь «эксплуатировать наше бедственное положение с целью хорошо нажиться <...> и выдавить из нас последнюю каплю крови»⁵⁶. Отождествление «еврейского народа» с «кукловодами», стоявшими за революцией и крахом империи, в целом связывалось с надеждой на то, что «германский гигант однажды вновь воспрянет», после чего «придет день расплаты за все измены, лицемерие и варварство, за все их преступления против немецкого народа и против человечества»⁵⁷.

Так же как и в Венгрии, австрийские антисемиты обычно апеллировали к христианским принципам и увязывали идею об ответственности евреев за военное поражение со старыми христианскими стереотипами «еврейской измены»⁵⁸. Соответственно такие политики

⁵⁴ См.: Pauley B.F. *Politischer Antisemitismus im Wien der Zwischenkriegszeit* // Botz G. et. al. (Hrsg.). *Eine zerstörte Kultur: Jüdisches Leben und Antisemitismus in Wien seit dem 19. Jahrhundert*. Buchloe, 1990. S. 221—223.

⁵⁵ Об истории антисемитизма до Первой мировой войны см.: Pulzer P. *The Rise of Political Anti-Semitism in Germany and Austria*. 2nd rev. ed. Cambridge (Mass.), 1988; Boyer J.W. *Karl Lueger and the Viennese Jews* // *Yearbook of the Leo Baeck Institute*. 1981. Vol. 26. P. 125—144. Об образе «еврея-спекулянта» в военной Вене см.: Healy M. *Vienna and the Fall of the Habsburg Empire: Total War and Everyday Life in World War I*. Cambridge, 2004. Об антисемитизме в австрийских университетах см.: Gehler M. *Studenten und Politik: Der Kampf um die Vorherrschaft an der Universität Innsbruck 1919—1938*. Innsbruck, 1990. S. 93—98.

⁵⁶ Krauss A. *Unser Deutschtum!* S. 20.

⁵⁷ Ibid. S. 16—17.

⁵⁸ См., например, серию статей о «расово-политических причинах краха» в *Neue Tiroler Stimmen*, 9, 10 и 30 декабря 1918 и 2 января 1919 года (цит. по: Carsten F.L. *Revolution in Central Europe 1918—19*. Berkeley, P. 261). См. также: *Innsbrucker Nachrichten*. 1919. 8. Apr. Об общем контексте см.: Rena P. *Der christlichsoziale*

христианско-социального толка, как вождь Тирольского хеймвера Рихард Штейдле, полагали, что «лишь тщательное искоренение духа еврейства и его пособников может спасти немецкие альпийские земли...»⁵⁹. После 1918 года дополнительным источником антисемитизма стало массовое убеждение в том, что в основе революций 1918—1919 годов лежал «еврейский заговор». При этом постоянно упоминался тот факт, что евреями были интеллектуальный лидер Красной гвардии Лео Ротцигель, а также такие выдающиеся деятели Социал-демократической партии, как Виктор Адлер и Отто Бауэр.

Несмотря на то что физическое насилие против германских или австрийских евреев оставалось исключением, язык насилия, использовавшийся немецкими и австрийскими военизированными группировками, несомненно, предвещал бесконечно более драматичную волну антисемитского насилия конца 1930-х и 1940-х годов. Риторика насильственного антисемитизма — находила ли она выражение в том, что Ганс Альбин Ройтер, возглавляя студентов Граца, объявлял о своем намерении «как можно скорее избавиться от евреев», или в том, что Штаремберг называл «евреев-спекулянтов» «паразитами», — создавала традицию, на которую опирались радикальные националисты в последующие десятилетия⁶⁰.

НАСЛЕДИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО НАСИЛИЯ

Грубые идеи о насильственном «размежевании» на этнически пестрых новых рубежах Германии, Австрии и Венгрии в сочетании с воинствующим антибольшевизмом и радикализированным антисемитизмом, направленными против «внутренних врагов», обременили все три этих общества пагубным наследием. Венгерский «белый террор» в значительной степени отражал в себе впоследствии охвативший эту страну шовинистский и расистский дух, предвестием которого в первую очередь служила неожиданная и кровавая враждебность к евреям. Она в еще более свирепом виде возродилась в 1930-х годах, пользуясь более широкой поддержкой и усугубившись из-за лишений,

Antisemitismus in Wien 1848—1938: Diss. Wien, 1991; *Sagoschen Ch. Judenbilder im Wandel der Zeit: die Entwicklung des katholischen Antisemitismus am Beispiel jüdischer Stereotypen unter besonderer Berücksichtigung der Entwicklung in der ersten Republik*: Diss. Wien, 1998.

⁵⁹ Tagespost. Graz, 1919. 27. Mai.

⁶⁰ NIOD. Doc I—1380 Pr 6—12—97, 46—7: Rauter; *Starhemberg E.R. Meine Stellungnahme zur Judenfrage* (OÖLA. Starhemberg).

вызванных Великой депрессией. В Австрии и в Германии антисемитизм и антиславянские настроения также с новой силой вспыхнули после того, как недолгий период политической стабилизации середины 1920-х годов сменился экономическим кризисом и политической неразберихой. Для многих австрийских, немецких и венгерских фашистов 1930-х опыт 1918—1919 годов сыграл роль решающего катализатора их политической радикализации, уже содержа в себе всю ту политическую повестку дня, осуществление которой было лишь отсрочено в период политической стабильности 1923—1929 годов. При правых диктаторских режимах Центральной Европы всплыли некоторые из наиболее видных активистов военизированного движения первых послевоенных лет. Ференц Салаши и многие другие члены венгерских «Скрещенных стрел» 1940-х годов, включая пресловутого вождя венгерской милиции Пала Пронаи, неоднократно указывали на период между ноябрем 1918 года и подписанием Трианонского договора как на момент своего политического пробуждения. Также и среди деятелей нацистской диктатуры в Австрии и Германии несложно найти тех, чья карьера началась в период непосредственно после завершения войны. Так, Роберт Риттер фон Грейм, после 1922 года возглавлявший Тирольское отделение Лиги Оберланда, в 1945 году сменил Геринга на посту командующего германскими люфтваффе; Ганс Альбин Ройтер, внесший решающий вклад в радикализацию «великогерманского» крыла Штирийского хеймвера, стал высшим руководителем СС и полиции в оккупированных нацистами Нидерландах, в то время как его компатриот и друг Эрнст Кальтенбруннер в 1943 году унаследовал от Рейнхарда Гейдриха должность начальника нацистского Главного управления имперской безопасности. Фашистские диктатуры Центральной Европы давали всем этим людям возможность расплатиться по старым счетам и «решить» некоторые из проблем, порожденных бесславным поражением 1918 года и последующей революцией.

Однако если в Италии — о чем пишет Эмилио Джентиле в одной из глав нашей книги — военизированное насилие являлось важнейшим источником легитимности для тоталитарного режима Муссолини и образцом насильственной практики, направленной против врагов фашистского государства, в Центральной Европе отношения между военизированным насилием периода после 1918 года и фашистскими диктатурами 1930-х имели более сложный характер. Многие из наиболее видных деятелей военизированного движения первых послевоенных лет — включая Людендорфа, Хорти и Штаремберга — были в 1918 году убежденными антибольшевиками и антисемитами, однако

их консерватизм и приверженность региональным интересам делали их подозрительными в глазах нацистов. Штаремберг, до 1923 года поддерживавший тесные личные связи с Гитлером (и даже принимавший участие в неудачном мюнхенском путче 9 ноября 1923 года), в 1930-х годах встал в оппозицию к австрийскому нацистскому движению, отрекся от своего послевоенного антисемитизма, назвав его «чепухой», в 1938 году выступал за независимость Австрии, а во время Второй мировой войны даже служил в английских войсках и в силах Свободной Франции⁶¹. И Штаремберг был не единственным заметным деятелем военизированного движения, чьи представления о национальном австрийском «возрождении» принципиально расходились с идеологией нацизма. Капитан Карл Буриан, после Первой мировой войны основавший и возглавивший монархистскую боевую организацию «Остара», заплатил за свою верность роялистским взглядам, когда в 1930-х годах был арестован гестапо, а в 1944 году казнен⁶². В известной мере подобно тому, как с непосредственной личной преемственностью между фрайкором и Третьим рейхом было покончено летом 1934 года в ходе «ночи длинных ножей», австрийские ветераны военизированного движения пришли к пониманию того, что нацизм не всегда совместим с идеалами, за которые они сражались в 1918 году.

Тот факт, что сами нацисты во многом оборвали личную преемственность между послевоенными военизированными конфликтами и нарождавшимся Третьим рейхом, обезглавив в 1934 году СА и уничтожив после аншлюса 1938 года многих активистов хеймвера, не помешал им пропагандировать «дух фрайкора» в качестве одного из источников вдохновения и провозвестников нацистского движения. Не случайно крупнейшим мемориалом, построенным в нацистской Германии, стал монумент в Аннаберге, воздвигнутый в память о совместных германо-австрийских усилиях по «освобождению» Верхней Силезии во время Третьего польского восстания 1921 года⁶³. Гораздо большее значение, нежели во многом сфабрикованная традиция личной преемственности, имела готовность нацистов к насильственному ответу на вопросы, вставшие, но не решенные в бурный период 1917—1923 годов.

⁶¹ В 1930-х годах Штаремберг отвергал миф о всемирном еврейском заговоре как «чепуху», а «научный» расизм — как пропагандистскую «ложь». См.: *Starhemberg E.R. Meine Stellungnahme zur Judenfrage (Ibid.)*.

⁶² См. досье гестапо на Буриана: *Österreichisches Staatsarchiv. B 1394: Burian*.

⁶³ *Bjork J., Gerwarth R. The Annaberg as a German-Polish Lieu de Memoire // German History. 2007. Vol. 25. P. 372—400.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Государства, образовавшиеся после распада центральноевропейских империй, стали ареной, на которой зародилась заметная по своим масштабам военизированная субкультура, сформировавшаяся под влиянием болезненного опыта войны, поражения, революции и территориальной дезинтеграции. Мужчины — представители военного поколения, активно проявившие себя в этой субкультуре, черпали силу в доктрине гипернационализма и разделяли готовность использовать насилие ради подавления (реальной или воображаемой) революционной угрозы и мести за унижения, якобы пережитые по милости внешних и внутренних врагов.

Но если война заложила основы для создания насильственной субкультуры демобилизованных офицеров, то поражение и революция внесли значительный вклад в радикализацию и расширение этой военизированной среды. Бывшие офицеры, ожесточенные войной и разъяренные ее итогами, объединили силы (и делились своими «ценностями») с представителями младшего поколения, компенсируя отсутствием боевого опыта тем, что нередко превосходили ветеранов войны в смысле радикализма, активности и жестокости. Совместно те и другие сформировали сверхвоинственную мужскую субкультуру, отличавшуюся от «окопного братства» своим социальным составом, «свободой» от ограничений военной дисциплины и самоchinной послевоенной миссией, которая сводилась к уничтожению внутренних и внешних врагов с целью вымостить путь к национальному возрождению.

Пробными камнями для военизированных движений повсюду в регионе становились антибольшевизм, антисемитизм и антиславизм, нередко сливавшиеся в единый враждебный образ «еврейско-славянского большевизма». В отличие от Первой мировой войны теперь насилие в первую очередь было направлено против гражданских лиц, точнее — против тех, в ком подозревали «врагов сообщества», которых следовало тем или иным образом «устранить», прежде чем на руинах, оставленных поражением и революцией, могло вырасти новое утопическое общество. Желание «очистить» новые национальные государства от многочисленных категорий врагов шло рука об руку с принципиальным недоверием к демократическому, капиталистическому «Западу», чьи обещания национального самоопределения вступали в резкое противоречие с послевоенной реальностью в Австрии, Венгрии и германских приграничных регионах. Впрочем, если участники военизиро-

ванных организаций во всех трех странах разделяли общие фантазии о насилии, то они различались своей способностью воплощать эти фантазии в жизнь. Если в послереволюционной Венгрии и на этнически пестром восточногерманском пограничье эти фантазии с большим размахом превращались в реальность, то участникам австрийских военизированных формирований у себя на родине приходилось либо «ограничиваться» мелкими стычками с югославскими войсками на австрийской границе, либо объединять силы с германским фрайкором в Мюнхене или в Верхней Силезии, где имелась возможность для насильственных действий против общего врага.

Несмотря на то что активисты военизированного движения повсюду в бывших империях Габсбургов и Гогенцоллернов составляли незначительное меньшинство, они сумели преодолеть свое маргинальное положение по отношению к большинству ветеранов, создав параллельные миры тесно сплоченных ветеранских сообществ, почти не связанных с большим обществом и объединивших свою послевоенную судьбу с судьбой аналогичных военизированных группировок в других побежденных государствах Центральной Европы, разделявших их решимость бросить вызов моральному и политическому авторитету вильсоновского послевоенного европейского порядка.

Эти международные связи с другими ревизионистскими силами Центральной Европы стали одним из самых долговечных плодов периода непосредственного перехода от войны к «миру». Впрочем, более важным, возможно, было то, что люди, продолжавшие свою военную карьеру долгое время спустя после окончания войны, создали язык и практику насильственного устранения всех тех, кого считали помехой для грядущего национального возрождения, представлявшего собой единственную возможность оправдать жертвы, понесенные во время войны. Именно эти идеи о национальном искуплении посредством насильственного очищения в гораздо большей степени, чем непосредственная личная преемственность между послевоенным периодом и фашистскими диктатурами 1930-х и 1940-х годов, сыграли фатальную роль в судьбе Центральной Европы во время Второй мировой войны.

IV

Пертти Хаапала, Марко Тикка

РЕВОЛЮЦИЯ, ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ТЕРРОР В ФИНЛЯНДИИ (1918 ГОД)

ВВЕДЕНИЕ

Финская гражданская война, разразившаяся в зимние месяцы 1918 года, входила составной частью в общий процесс политического и социального распада великих европейских сухопутных империй в конце Первой мировой войны. После краха Российской империи Финляндия, подобно другим западным территориям и автономным регионам России — таким как государства Балтии и Украина, — провозгласила независимость, но, пока имперские силы — как российские, так и германские — покидали страну, находилась в состоянии политического хаоса¹. В то же время последующая гражданская война в Финляндии была явлением исключительным, в первую очередь по причине своей чрезвычайной кровопролитности. Она унесла более 36 тысяч жизней за шесть месяцев². Наряду с гражданскими войнами в Испании и России, финская гражданская война в смысле числа жертв стала одним из наиболее смертоносных внутренних конфликтов в Европе XX века. В ходе этого конфликта погибло более 1 процента населения страны.

¹ О финской гражданской войне на английском: *Upton A. The Finnish Revolution. Minnesota, 1980; Alapuro R. State and Revolution in Finland. California, 1988; Hoppu T., Haapala P. (Ed.). Tampere 1918: A Town in the Civil War. Tampere, 2010; Lavery J. Finland 1917—19: Three Conflicts, One Country // Scandinavian Review. Vol. 94. 2006; Smith C.J. Finland and The Russian Revolution. Atlanta (Ge.), 1958; Luckett R. The White Generals. An Account of the White Movement and the Russian Civil War. London, 1971. P. 131—153; Mawdsley E. The Russian Civil War. London, 2000. P. 27—29. В самой Финляндии война 1918 года называлась не гражданской войной, а «революцией», «восстанием», «бунтом», «битвой за свободу» или «освободительной войной», официально получив такое название в 1920-х годах в независимой Финляндии. Об истории наименования этой войны см. статьи П. Хаапалы и др. в: *Historiallinen Aikakauskirja. 1993. № 2. Недавнее общее изложение событий войны по-фински: Haapala P., Hoppu T. (Toim.). Sisällissodan pikkujättiläinen. Helsinki, 2009.**

² См.: *Westerlund L. (Toim.). Sotatoiminta vuosina 1914—1922 surmansa saaneet. Tilastoraportti. Helsinki, 2004.*

Рис. 7. Финские красногвардейцы и русский матрос, снятые перед сражением за Пеккалу в феврале 1918 г.

Обращают на себя внимание еще два аспекта. Во-первых, треть жертв гражданской войны — это погибшие не в боях, а в ходе так называемых «красного» и «белого террора», причем убийства совершались не регулярными армиями, а военизированными группировками и действовавшими вне правового поля военно-полевыми судами³. Этот аспект конфликта, отличавший его от «нормальной» войны, самым серьезным образом сказался как на восприятии финской гражданской войны ее современниками, так и на том месте, которое она с тех пор занимает в памяти финского народа. Во-вторых, до гражданской войны Финляндия исключительно долго — с 1809 года — жила в условиях мира. Она не была непосредственно затронута Первой мировой войной и не имела собственной армии. Финны не были обязаны проходить службу в русской армии, и лишь немногие жители страны имели хоть какую-нибудь военную подготовку. Правда, у финской знати существовала давняя традиция отдавать своих сыновей в русскую армию, в которой во время Первой мировой войны служили офицерами сот-

³ Roselius A. Amatöörien sota. Rintamataisteluiden henkilötappiot Suomen sisällissodassa 1918. Helsinki, 2006.

ни выходцев из Финляндии⁴. Кроме того, в 1914 и 1915 годах около 1500 молодых людей вступили добровольцами в германскую и русскую армии⁵. Однако подавляющее большинство из примерно 200 тысяч человек, сражавшихся во время финской гражданской войны в рядах обеих противоборствовавших сил — белых и красных, — прежде не имели боевого опыта, что поднимает вопрос о том, где лежали истоки жестокости этой войны. В данной главе мы попытаемся ответить на этот вопрос, а также объяснить зачастую непредсказуемую и иррациональную природу насилия во время финской гражданской войны⁶.

Причины и ход войны

После 1918 года финская историография — сама по себе крайне политизированная вследствие данного конфликта — предлагала ряд объяснений исключительной жестокости гражданской войны. Если консервативные историки, государственные деятели, правые партии и церковь издавна интерпретировали гражданскую войну как войну за освобождение, избавившую Финляндию от большевистской угрозы и обеспечившую стране национальную независимость, то историки левого толка всегда рассматривали этот конфликт как классический пример классовой войны. В последние десятилетия стала появляться более дифференцированная картина, нередко подчеркивающая сочетание нескольких из следующих факторов: социальные условия, в которых существовали финские трудящиеся классы, социалистическая и националистическая идеологии, якобы несправедливый и репрессивный характер довоенной политической системы, ожесточенная реакция на популизм (по большей части мнимые) «русифицировать» Финляндию, участие Германии и России в гражданской войне, а также давние внутриобщинные трения⁷.

⁴ Screen J.E.O. The Entry of Finnish Officers into Russian Military Service 1809—1917: Diss. / Univ. of London. L., 1976; Luntinen P. Imperial Russian Army and Navy in Finland, 1809—1918 // *Studia Historica*. O. 56. Helsinki, 1996.

⁵ Hoppu T. Historian unohtamat: Suomalaiset vapaaehtoiset Venäjän armeijassa I. maailmansodassa 1914—1918. Helsinki, 2005; Lackman M. Suomen vai Saksan puolesta? Jääkäreiden tuntematon historia. Helsinki, 2000.

⁶ Peltonen U.-M. Civil war victims and the ways of mourning in Finland in 1918 // Christie K., Cribb R. (Ed.). *Historical Injustice and Democratic Transition in Eastern Asia and Northern Europe*. London, 2002. P. 184—197; Haapala P. The Many Truths of 1918 // Hoppu T., Haapala P. (Ed.). *Tampere 1918*. P. 185—192.

⁷ Анализ различных объяснений приводится в: Alapuro R. The Finnish Civil War: Politics, and Microhistory // Castren A.-M., Lonkila M., Peltonen M. (Ed.). *Between*

Объясняя кровавый путь, пройденный Финляндией в 1918 году, современники — как и последующие поколения историков — нередко указывали на тот факт, что страна, находясь в составе Российской империи, была непосредственно затронута революцией в России. Во время гражданской войны финские белые заявляли, что сражаются против большевиков, а не своих сограждан. Эта точка зрения, на которую опиралась белая пропаганда, в течение десятилетий оставалась одним из наиболее популярных объяснений гражданской войны⁸. По сути, война в Финляндии являлась подлинной гражданской войной, конфликтом между противостоявшими друг другу вооруженными финскими гражданами, а не войной против другого государства с участием регулярных армий и солдат. С другой стороны, гражданскую войну в Финляндии невозможно рассматривать вне ее связи с русской революцией и русской гражданской войной. Правда, эта связь не в состоянии объяснить вспышку насилия в самой Финляндии, но она входит в число важнейших факторов, определивших конкретную природу и хронологию этих событий.

Ключевым вопросом при изучении подлинного или мнимого «русского следа» является роль финских социалистов, которых обвиняли в том, что они предали свою страну, организовав «большевистскую революцию». Социалисты действительно осуществили 28 января 1918 года переворот в Хельсинки и других важнейших пунктах Южной Финляндии, назвав его революцией; в своих первых декларациях красные заявляли, что начали «освободительную войну» против угнетателей и против капитализма вообще⁹.

Утверждая, что выступают от имени рабочих и всех угнетенных людей, финские социалисты пользовались классической марксистской риторикой, которую позаимствовали из Германии, а не у русских революционеров. Политическая мобилизация финских рабочих следовала немецкой модели; они имели сплоченную организацию в лице профсоюзов и Социал-демократической партии (так называемой Рабочей

Sociology and History. Helsinki, 2004. P. 130—147; *Haapala P.* Kun yhteiskunta hajosi. Suomi 1914—1920. Helsinki, 1995; *Herlin I.* Valkoista ja punaista hulluutta: Historiantutkijan muotokuva. Helsinki, 1997; *Siltala J.* National Rebirth out of Young Blood. Sacrificial Fantasies in the Finnish Civil War, 1917—1918 // *Scandinavian Journal of History*. Vol. 31. P. 290—307; *Idem.* Sisällissodan psykohistoria. Helsinki, 2009.

⁸ О роли русских в белом дискурсе см.: *Manninen T.* Vapaustaistelu, kansalais-sota ja kapina // *Historica Jyväskyläensia*. O. 24. Jyväskylä, 1982; *Ylikangas H.* Der Weg nach Tampere. Die Niederlage der Roten im finnischen Bürgerkrieg 1918. Berlin, 2002.

⁹ Это ясно следует из официальных документов красных, а также местных документов и газет того времени.

партии), которой до осени 1917 года принадлежало большинство мест в финском парламенте. Хотя в Финляндии во время русской революции не было создано никаких рабочих или солдатских советов, финские социалисты еще со времен революции 1905 года поддерживали тесные связи с ведущими русскими революционерами, особенно с Лениным. Их общим врагом было российское самодержавие. Впрочем, когда в 1914 году разразилась война, финны сохранили верность России и многие из них служили в русской армии — в первую очередь старшими офицерами, но также и рядовыми бойцами. Вплоть до лета 1917 года война способствовала процветанию финских рабочих, в отличие от их русских коллег.

Финско-русские отношения радикально изменились после падения царского режима в марте 1917 года. Хотя государственная власть в Финляндии находилась в руках самих финнов, вследствие германского военного присутствия общая ситуация в Балтийском регионе была напряженной. Русское Временное правительство опасалось финского сепаратизма, который поддерживали большевики. Для них Финляндия, где находились 100 тысяч деморализованных русских солдат, являлась важной базой революции. Что самое существенное, большевики имели в Финляндии союзника — Социал-демократическую партию, которая находилась в оппозиции к Временному правительству, а то, в свою очередь, браталось с финскими правоцентристскими партиями с целью сдерживать влияние социалистов. В июле 1917 года финский парламент, возглавлявшийся социал-демократами, принял закон о верховной власти, согласно которому власть русского Временного правительства не распространялась на Финляндию. Реакция на этот шаг была жесткой: парламент был разогнан русскими солдатами, а на следующих всеобщих выборах социал-демократы лишились прежнего большинства¹⁰.

События 1917 года и ухудшение экономической ситуации в Финляндии создали политический кризис, в ходе которого тесно переплелись друг с другом борьба за власть в России и в Финляндии. Финны не были пассивными партнерами по кризису, активно способствуя его созданию. Когда противоборствовавшие партии в Финляндии не могли прийти к компромиссу, они обращались за поддержкой

¹⁰ Об этих жарких месяцах и об углублении кризиса осенью 1917 года см.: Upton A. *The Finnish Revolution*; Haapala P. *Kun yhteiskunta hajosi*; Ketola E. *Kansaliseen kansanvaltaan. Suomen itsenäisyys, sosiaalidemokratit ja Venäjän vallankumous 1917*. Helsinki, 1987; Eskola S. *Suomen hurja vuosi 1917 Ruotsin peilissä*. Helsinki, 2010; Siltala J. *Sisällissodan psykohistoria*. Helsinki, 2009.

к России (а впоследствии и к Германии). При этом социалисты стали союзниками большевиков, а консерваторы вступили в альянс с германскими военными и нарождавшимися контрреволюционными силами. Несмотря на то что социалисты отказывались подчиняться Ленину и Сталину, а в ноябре упустили прекрасный шанс переворота, они доверяли ленинским обещаниям о национальной независимости и были вынуждены полагаться на военную помощь большевиков, когда в конце концов совершили революцию ради построения своего идеала государства. В глазах финского среднего класса социалисты однозначно выступали на стороне врага, и нет сомнения в том, что некоторые социалисты действительно вдохновлялись Октябрьской революцией как образцом для подражания¹¹.

Сам переворот в январе 1918 года был осуществлен радикальными красногвардейцами, однако социал-демократы немедленно взяли организацию революции в свои руки. В течение нескольких недель красные сумели занять крупные города и большую часть Южной Финляндии. Активного сопротивления им не оказывалось, и казалось вероятным, что они смогут наладить управление государством¹². Красные приняли новую конституцию и начали внедрять элементы прямой демократии¹³. Финские революционеры не собирались устанавливать в Финляндии советскую республику или присоединиться к ленинской России, намереваясь создать независимое демократическое национальное государство по образцу Швейцарии. Тем не менее их политические оппоненты были уверены в том, что Финляндия превращается в большевистское государство¹⁴. В реальности непосредственное участие русских в финской гражданской войне нельзя назвать иначе как маргинальным. Русские добровольцы составляли до 5—10 процентов активных бойцов на стороне красных, причем многие попали в плен и были без долгих разговоров казнены белыми по окончании гражданской войны. Не профессиональной красной армии требовался некий минимум офи-

¹¹ Связи между финскими социалистами и русскими были тщательно задокументированы в: *Ketola E. Kansalliseen kansanvaltaan.*

¹² *Piilonen J. Vallankumous kunnallishallinnossa. Punaisen Suomen historia 1918.* Helsinki, 1982; *Rinta-Tassi O. Kansanvaltuuskunta Punaisen Suomen hallituksena. Punaisen Suomen historia 1918.* Helsinki, 1986.

¹³ *Rinta-Tassi O. Kansanvaltuuskunta Punaisen Suomen hallituksena; Carrez M. La fabrique d'un révolutionnaire: O.W. Kuusinen (1881—1918).* Toulouse, 2008. Т. 2. Куусинен был ведущим идеологом революционного правительства и впоследствии утверждал, что те не были «настоящими революционерами»; см.: *Kuusinen O.W. The Finnish revolution: a Self-Criticism.* London, 1919.

¹⁴ О Шведской партии и ее роли в установлении мира в Финляндии см.: *Es-kola S. Suomen hurja.*

церов; также она не могла воевать без винтовок и пушек, полученных от Ленина. Однако большевистская поддержка этим ограничивалась, и русские силы в реальности были выведены из Финляндии в течение гражданской войны¹⁵.

Согласно альтернативному, более традиционному взгляду на причины гражданской войны, ее истоки следует искать в структурах предвоенного общества. Эта интерпретация предполагает, что политический кризис 1917—1918 годов лишь обнажил скрытые трения в финском обществе. Не вызывает сомнений, что в начале XX века в нем существовал глубокий классовый раскол: Финляндия была отчасти урбанизированной, но в основном аграрной страной, и, соответственно, подавляющее большинство ее трудящихся жило за счет сельского и лесного хозяйства. Городские и промышленные рабочие еще с 1905 года отличались высокой организованностью. Благодаря сильным профсоюзам и поддержке сельских работников из Южной Финляндии социал-демократы после введения в 1907 году всеобщего избирательного права стали крупнейшей партией в парламенте¹⁶.

Раскол финского общества в первую очередь был связан с собственностью на землю и средства производства. Наемные работники, занимавшиеся физическим трудом, составляли до 60 процентов населения, еще 25 процентов приходилось на мелких независимых фермеров, а оставшиеся 15 процентов в основном представляли собой низы среднего класса. Верхи среднего класса и образованная элита были малочисленной прослойкой, но обладали большим влиянием, особенно в качестве государственных служащих. Элита, в свою очередь, разделялась на два взаимно враждебных сегмента: националистически настроенных *Fennomen* (носителей финского языка) и *Svekomen* (говоривших по-шведски), которые сами делились на консервативную и либеральную фракции. В стране существовали две доминирующие политические культуры, обладавшие реальными возможностями для мобилизации населения, — (финский) национализм и социализм, причем обе они подчеркивали необходимость сплочения общества и политически единого независимого национального государства¹⁷.

Ненависть рабочего класса к «богачам», несомненно, эксплуатировалась социалистическими агитаторами и вполне могла быть одной

¹⁵ *Tanskanen A. Venäläiset Suomen sisällissodassa 1918 // Acta universitatis tamperensis. 1978 (русские в финской гражданской войне); Hoppu T. The Fate of Russian Officers // Hoppu T., Haapala P. (Ed.). Tampere 1918. P. 152—153.*

¹⁶ *Haapala P. Kun yhteiskunta hajosi.*

¹⁷ *Ibid.*

из причин жестокости гражданской войны¹⁸. Социальный раскол усугубился суровым экономическим кризисом, поразившим Финляндию летом и осенью 1917 года после продолжительного производственного бума в годы войны. К концу 1917 года возросли безработица, инфляция и нехватка продовольствия в городах, однако серьезные проблемы наблюдались лишь в 1918 году, во время гражданской войны и после нее¹⁹.

Впрочем, было бы чрезмерным упрощением искать причины гражданской войны исключительно в давних структурных линиях разлома, пронизывавших финское общество. Социальная мобильность была в Финляндии довольно высокой по сравнению с большинством европейских обществ. Финский средний класс отличался смешанным происхождением, а малочисленная аристократия лишилась всяких особых привилегий. По сравнению с прочими окраинами Российской империи Финляндия выглядела относительно эгалитарным обществом с политическим равноправием, сравнительно высоким уровнем образования и наличием возможностей для восходящей социальной мобильности. О запутанности социального контекста в период гражданской войны говорит тот факт, что красные одержали верх в более богатых южных регионах страны, однако потерпели поражение от армии, состоявшей из фермеров с бедного севера и возглавлявшейся офицерами из рядов верхнего класса, получившими подготовку в России.

Политический кризис, являвшийся непосредственной причиной гражданской войны, восходит еще к 1899 году, когда российское правительство пыталось ввести в Финляндии всеобщую воинскую обязанность, тем самым фактически подрывая финскую автономию в составе Российской империи. Эта попытка привела к протестам, забастовкам призывников и даже политическим убийствам. Воинская обязанность была отменена после революции 1905 года, которая сопровождалась финской общенациональной забастовкой, однако пределы политической и административной автономии Финляндии оставались неопределенными²⁰.

Разразившаяся в августе 1914 года Первая мировая война не повлияла на стабильность ситуации в Финляндии. Война казалась чем-то

¹⁸ *Ehrnrooth J.* Sanan vallassa, vihan voimalla. Sosialistiset vallankumousopit ja niiden vaikutus Suomen työväenliikkeessä 1905—1914. Helsinki, 1992.

¹⁹ *Haapala P.* Kun yhteiskunta hajosi. S. 155—217; *Harmaja L.* Effects of the war on economic and social life in Finland. New Haven, 1933.

²⁰ *Jussila O.* Suomen suuriruhtinaskunta 1809—1917. Helsinki, 2004; *Haapala P. et al.* (Toim.). Kansa kaikkivaltias. Suurlakko Suomessa 1905. Helsinki, 2008; *Tikka M.* Kun kansa leikki kuningasta. Suomen suuri lakko 1905. Helsinki, 2009.

далеким, несмотря на то что Санкт-Петербург, столица Российской империи, находился почти у финской границы, а в Хельсинки располагалась крупная база русского Балтийского флота. Хотя в Финляндии было размещено приблизительно 100 тысяч русских солдат, первые годы войны прошли мирно, и многие финны сумели хорошо нажиться на военных поставках для русской армии²¹.

После Февральской революции 1917 года Финляндия фактически стала независимой. Было сформировано коалиционное правительство во главе с социал-демократом Оскари Токои, чья партия на выборах 1916 года получила большинство мест в финском парламенте. Однако это правительство продержалось недолго, распавшись в том же 1917 году. Крах коалиционного правительства представляет собой трагический пример политической ошибки, совершенной в критический момент. В период наиболее тяжелого развала и беспорядков — с конца июля по начало ноября 1917 года — Финляндия осталась без действующего правительства, а также без вооруженных сил или полиции, способных поддерживать общественный порядок, поскольку последняя объявила забастовку, требуя гарантий заработной платы. Члены сената один за другим уходили в отставку, подвергаясь критике со стороны народа и печати, но не получая поддержки от своих партий. Вследствие политического кризиса к концу года повсеместно распространились массовое недовольство и недоверие к политикам. Насилие на улицах перестало быть редкостью, ходили слухи об убийствах и о скором германском вторжении. Две основные политические силы, представленные в парламенте, — буржуазная коалиция и социалисты — вели диспут об основах политической власти, обвиняя друг друга в подготовке переворота²².

В этих обстоятельствах соперничавшие политические группировки начали формировать охранные отряды с целью защиты своей собственности и своих политических взглядов²³. Уличное насилие достигло апогея во время всеобщей забастовки в начале ноября 1917 года, когда во время беспорядков было убито более тридцати человек. Одновременно происходили стычки между Рабочей гвардией и буржуазной

²¹ Описание социальных условий в 1914—1920 годах см.: *Haapala P. Kun yhteiskunta hajosi.*

²² В целом об углублении кризиса 1917 года см.: *Haapala P. Vuoden 1917 kriisi // Haapala P., Noppu T. (Toim.). Sisällissodan pikkujättiläinen. S. 58—91.*

²³ Подробную историю гвардейских отрядов см.: *Manninen T. Kaartit vastakkain // Itsenäistymisen vuodet. Suomi 1917—1920. O. 2. Helsinki, 1992. S. 246—396. Социологический анализ мобилизации см.: *Alapuro R. State and Revolution in Finland. Ch. 7—9.**

Охранной гвардией. И те и другие отбирали оружие и боеприпасы у покидавших страну частей императорской российской армии²⁴.

Дальнейшая эскалация политического кризиса и насилия произошла в январе 1918 года, когда социалисты, захватив власть в Хельсинки, заняли также значительную часть Южной Финляндии, тем самым побудив белых к захвату севера страны. Неофициальная линия фронта проходила от Пори на западе страны до Виипури (Выборга) на востоке. Гражданская война в Финляндии, как и в России, была железнодорожной войной: обе стороны стремились контролировать широтные железнодорожные линии с целью обеспечить перемещение войск и доставку боеприпасов²⁵. В Финляндии все еще находились десятки тысяч русских солдат, но они по большей части сохраняли пассивность и были выведены из страны между концом января и маем 1918 года. Напротив, в начале апреля в Южной Финляндии высадились германские части — одновременно с этим белые вели жестокие бои за Тампере. Падение «красного Тампере», крупного промышленного центра страны, ознаменовало начало конца красной власти в Южной Финляндии. Это было первое городское сражение в Скандинавии, и оно отличалось исключительной ожесточенностью. Примерно каждый третий из 1200 погибших здесь красных погиб не в сражении, но был казнен белыми без суда, а после капитуляции города трибунал приговорил к смерти еще почти 300 из 11 с лишним тысяч красных пленных²⁶.

После падения Тампере гражданская война приняла еще более кровавый характер. Сперва красные стали убивать заложников из числа белых; более четверти жертв красного террора — 640 человек — были убиты при отступлении красных²⁷. За этими убийствами последовали репрессии со стороны белых. В течение нескольких недель после капитуляции красных более 4500 человек из их числа были расстреляны²⁸. Кроме того, более 68 тысяч пленных были приговорены специальными судами по большей части к двух- или трехлетнему заключению²⁹.

²⁴ *Manninen T.* Kaartit vastakkain.

²⁵ *Mawdsley E.* The Russian Civil War. London, 2000. P. 16—30.

²⁶ Бои за Тампере описываются в: *Hoppu T., Haapala P.* (Ed.). Tampere 1918. P. 44—147; *Roselius A., Tikka M.* Taistelujen jälkeen välittömästi paikalla ammutut // *Westerlund L.* (Toim.). Sotaoloissa vuosina 1914—1922 surmansa saaneet. S. 107—114.

²⁷ *Paavolainen J.* Poliittiset väkivaltaisuudet Suomessa 1918 I: Punainen terrori. Helsinki, 1966. S. 113.

²⁸ *Tikka M.* Teloitetut, ammutut, murhatut // *Westerlund L.* (Toim.). Sotaoloissa vuosina 1914—1922 surmansa saaneet. S. 105.

²⁹ О концентрационных лагерях см.: *Paavolainen J.* Vankileirit Suomessa 1918. Helsinki, 1971; *Mäkelä P.* Vuosien 1917—19 Kulkutaudit, espanjantauti ja vankileiri-

В течение финской гражданской войны и после нее обе стороны пытались узаконить применение насилия против невооруженных врагов, нередко отрицая тот важный факт, что террор являлся ключевой стратегией, к которой прибегали и красные, и белые³⁰. Сравнение тех способов, посредством которых обе стороны использовали эту стратегию, позволяет выявить ряд структурных параллелей.

ТЕРРОР КАК СТРАТЕГИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В Южной Финляндии революционеры создали собственное временное правительство, чья власть опиралась на силу Красной гвардии — местной военизированной организации, насчитывавшей в своих рядах от 90 до 100 тысяч человек. Красная гвардия поддерживала власть красных на местах, а небольшая часть красногвардейцев находилась на активной службе. Рядовые красногвардейцы, среди которых преобладали фабричные рабочие и батраки, в целом были относительно молодыми людьми: средний возраст красногвардейцев, погибших в бою, составлял 27 лет³¹.

Красные прибегали к террору по двум главным причинам. Во-первых, он служил средством подавления контрреволюционных сил на занятых красными территориях — эта стратегия основывалась на опыте гражданской войны в России³². Во-вторых, за использованием террора стояла идеологическая мотивация. Финская революция — по крайней мере в глазах небольшой части финских революционеров — была классовой войной, направленной на уничтожение классовых врагов. Рядовые красногвардейцы обычно не имели понятия об этих идеологических аспектах — в отличие от революционных вождей. В некоторых местах — особенно в промышленном регионе Кюми и в Тойале под Тампере — они также активно практиковали террор³³. В тех случаях, когда ряды вооруженных добровольцев укреплялись революционными активистами, политическое применение военного

katastrofi. Helsinki, 2007 (о заразных заболеваниях, пандемии гриппа, последствиях гражданской войны и высокой смертности в Финляндии в конце 1910-х годов).

³⁰ Paavola J. Poliittiset väkivaltaisuudet Suomessa 1918 I; *Idem*. Poliittiset väkivaltaisuudet Suomessa 1918 II: Valkoinen terrori. Helsinki, 1967.

³¹ Roselius A. Amatöörien sota. Helsinki, 2006. S. 23—25.

³² Tikka M. Teloitetut, ammutut, murhatut. S. 96—108, 112—113; Leggett G. The Cheka: Lenin's Political Police. Oxford, 1981. P. 55, 150—151; Lincoln W.B. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914—1918. Oxford, 1994. P. 50.

³³ Tikka M. Teloitetut, ammutut, murhatut. S. 96—108.

насилия переступало ту грань, за которой становилось средством ликвидации врагов, принадлежавших к классу, осужденному историей на исчезновение.

Наконец, отдельные лица использовали красный террор по разнообразным личным мотивам — от мести до грабежа. В финской историографии этот аспект гражданской войны сильно преувеличивался, поскольку представлял собой удобное объяснение, не требовавшее анализа скрытой динамики насилия, стоявшей за данным конфликтом. Однако в реальности лишь небольшая часть актов террора имела подобную личную мотивацию. Более того, финскую революцию можно назвать скорее «бархатной», нежели кровавой. Несмотря на то что красные контролировали наиболее населенные регионы Финляндии, за три месяца своей власти они совершили около 1600 актов террора — по большей части в начале и конце войны³⁴.

Красный террор осуществлялся двумя способами. Вблизи от линии фронта действовали военно-полевые суды. В тылу проводниками террора являлись следственные органы красных. На поле боя или после занятия какого-либо района штаб местной Красной гвардии создавал трибунал из числа своих офицеров, выносивший приговоры контрреволюционерам — обычно означавшие расстрел на месте. Когда же красные удерживали власть в том или ином районе неделями и даже месяцами, местный штаб красных передавал полномочия на расследование контрреволюционных действий следственным органам, обычно носившим название «летучих патрулей»³⁵.

Никаких официальных указаний в отношении террора не существовало, и во многих случаях его проведение зависело от личной инициативы. В каждом красногвардейском штабе имелся начальник разведки, ответственный за координацию действий своих рядовых — как правило, молодых фабричных рабочих или батраков, которым время от времени оказывали поддержку квалифицированные рабочие: портные, мастера, кузнецы, машинисты и обойщики. Большинство из них до гражданской войны не имело криминального прошлого; тем не менее эти простые люди принимали участие в произвольных убийствах и казнях белых пленников и «классовых врагов».

По аналогии с красными отрядами армия белых состояла из местных военизированных группировок — так называемой Охранной гвардии. Буржуазный сенат в январе 1918 года объявил местные отряды Охранной гвардии правительственными войсками. Так же как

³⁴ *Paavolainen J.* Poliittiset väkivaltaisuuDET Suomessa 1918 I. S. 92—96.

³⁵ *Tikka M.* Teloitetut, ammutut, murhatut. S. 85—86, 112—113.

и в финской красной армии, офицеры белой армии по большей части являлись бывшими офицерами российской императорской армии, а рядовые бойцы — в основном молодыми людьми, не имевшими никакого военного опыта. Средний возраст убитых в бою составлял 23 года³⁶. В белую армию вступали землевладельцы и их сыновья, студенты и прочие добровольцы из рядов среднего класса.

Оправдывая жестокие репрессии против красных, Белая армия ссылалась на суровое законодательство царского режима. В 1909 году Николай II издал ряд специальных законов, направленных на укрепление военного права в период войны³⁷. Эти законы позволяли государству объявлять местное или региональное военное положение в целях борьбы с забастовками и политическими агитаторами, которую царский режим издавна вел в самой России. Хотя это законодательство критиковалось в Финляндии в годы войны, оно использовалось Белой гвардией (несмотря на падение режима, проводившего его в жизнь) как орудие в борьбе против красных во время гражданской войны. Соответственно, все преступления, включая и оказание вооруженного противодействия Белой армии, подлежали суду трибунала согласно русскому военному праву³⁸. Помимо этого, генерал Карл Густав Эмиль Маннергейм, командовавший Белой армией, 25 февраля издал знаменитый приказ «о расстреле на месте», во имя «самообороны» санкционировавший скорые расправы даже над невооруженными противниками³⁹.

После падения Тампере Белая армия взяла в плен более 11 тысяч мужчин и женщин. Здесь, как и в других захваченных городах Южной Финляндии, ответственность за организацию военно-полевых судов была возложена на местных командующих Белой армией. Штаб командующего производил допросы военнопленных. После капитуляции всех пленных передавали в военные суды⁴⁰. Эти суды, состоявшие из трех человек, назначенных командующим, проводили расследование и разделяли пленных на три группы: в первую входили предполагаемые вожди Красной гвардии, военные преступники, убийцы, мародеры и главные руководители революционных гражданских комиссий — все они подлежали смертной казни; вторая группа включала в себя всех прочих бойцов и сторонников Красной гвардии, подлежавших

³⁶ *Hoppu T.* Historian unohtamat. S. 314; *Roselius A.* Amatöörien sota. S. 24—25.

³⁷ *Tikka M.* Teloitetut, ammutut, murhatut. S. 149—155.

³⁸ См.: *Pipes R.* The Russian Revolution 1899—1919. London, 1997. P. 170—171.

³⁹ *Paavola J.* Poliittiset väkivaltaisuuudet Suomessa 1918 II. S. 58—70.

⁴⁰ *Tikka M.* Teloitetut, ammutut, murhatut. S. 188—192.

заключению в лагерях для военнопленных; третью группу составляли «невиновные» — их следовало освободить. После того как суд выносил приговор, патрули Белой армии или местной Охранной гвардии казнили осужденных или доставляли их в места заключения⁴¹.

Ключевое место в созданной белыми системе репрессий занимал ряд особых частей, подчинявшихся штабам Белой армии и организованных ими с целью ликвидации врагов на «освобожденных» территориях. При штабе генерала Маннергейма проведением таких чисток занимался Отдел по охране оккупированных территорий (*Valloitetujen Alueiden Turvaamis Osasto*). Эти специальные военизированные подразделения состояли из чрезвычайно юных добровольцев — порой ими были 12—15-летние школьники и их учителя. Эти части выслеживали, арестовывали, охраняли, судили и казнили пленных. Один из таких отрядов, действовавших в южной части Тампере, за несколько недель расстрелял более 900 красных и арестовал более 4 тысяч политических противников⁴². После этой исключительно жестокой волны репрессий все оставшееся сопротивление прекратилось.

После первой волны чисток местная Белая гвардия устанавливала на местах свою власть, в то же время продолжая производить аресты. С мая по июнь 1918 года местные гвардейские отряды выявили и арестовали всех красных и их сторонников, избежавших первых чисток. В сотрудничестве с центральными белыми властями местная гвардия приступила к официальным расследованиям и отправляла красных в концентрационные лагеря. Эта операция ложилась тяжелым бременем на местных гвардейцев, поскольку включала сотни расследований и арестов во всех «освобожденных» районах⁴³.

Таким образом, в отсутствие работоспособной исполнительной власти Белая гвардия была вынуждена исполнять парагосударственные функции. Местная полиция во время гражданской войны фактически перестала выполнять свои функции, так как большинство полицейских было уволено, а многие погибли в ходе конфликта. Местная полиция была слишком слабой и раздробленной, чтобы весной 1918 года взять в свои руки контроль хотя бы над некоторыми регионами, за которые шла борьба.

⁴¹ Tikka M. *Teloitetut, ammutut, murhatut*. S. 214—217.

⁴² Tikka M. *Field Courts Martial in Tampere* // Hoppu T., Haapala P. (Ed.). *Tampere 1918*. P. 148—159.

⁴³ *Ibid.* P. 148—160; Tikka M. *Teloitetut, ammutut, murhatut*. S. 114—148; *Idem*. *Valkoisen hämärän maa? Suojeluskunnat, virkavalta ja kansa 1918—1921*. Helsinki, 2006. S. 31—36.

В этой ситуации Белая гвардия фактически стала играть роль государственного органа, легализованную в августе 1918 года, когда по новому закону она была включена в состав полицейских сил⁴⁴. Однако местные гвардейцы, официально подчинявшиеся полицейским частям, продолжали действовать независимо. Летом 1918 года они также оказывали содействие новой тайной полиции и разведке белой армии, надзирая за освобождением красных пленников из концентрационных лагерей⁴⁵.

Парадоксально, но освобождение многих красных пленных летом 1918 года лишь укрепило роль Белой гвардии. Многие консерваторы полагали, что возвращение пленным свободы было преждевременным, и их страхи перед новой попыткой революции в Финляндии лишь усилились после того, как в августе 1918 года финские коммунисты, бежавшие из страны, основали в Москве Финскую коммунистическую партию.

Напряженная атмосфера, сложившаяся в Финляндии после гражданской войны, в последующие годы оборачивалась новыми актами насилия. С 1918 по 1921 год произошло 326 серьезных кровавых инцидентов, в которых было убито 226 человек. Жертв этих актов насилия можно разделить на три группы: 45 процентов — бывшие красные; 27,5 процента — бывшие белые или бойцы Гражданской гвардии; 27,5 процента — случайные пострадавшие⁴⁶. Продолжавшееся насилие, направленное в первую очередь на левых активистов, отражало общую тенденцию, наблюдавшуюся в 1918—1922 годах в послереволюционной Европе, включая Германию, Австрию и Италию⁴⁷. Белая гвардия активно участвовала в расправах над реальными или мнимыми «красными». Тем не менее — опять же в соответствии с общеевропейской тенденцией — чрезмерное насилие, применявшееся контрреволюционными силами, чем дальше, тем больше сдавало свои позиции. Как и в Германии с Венгрией, общественное мнение стало отворачиваться от Белой гвардии как официального подразделения исполнительной власти, что привело к отходу белогвардейцев от активной политики в 1921 году⁴⁸.

⁴⁴ *Selén K.* Sarkatakkien maa. Suojeluskuntajärjestö ja yhteiskunta 1918—1944. Helsinki, 2001. S. 40—45.

⁴⁵ *Tikka M.* Valkoisen hämärän maa? S. 31—43.

⁴⁶ *Ibid.* S. 173—214.

⁴⁷ *Botz G.* Political Violence, its Forms and Strategies in the First Austrian Republic // *Mommsen W.J., Hirschfeld G.* (Ed.). Social Protest, Violence & Terror in Nineteenth- & Twentieth-Century Europe. Hong Kong, 1982. P. 300—305; *Petersen J.* Violence in Italian Fascism, 1919—1925 // *Ibid.* P. 275—299.

⁴⁸ *Tikka M.* Valkoisen hämärän maa? S. 219—221.

Рис. 8. Одержавшие победу белогвардейцы по завершении боев за Тампере

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Финская гражданская война являлась военизированным (*paramilitary*) конфликтом в нескольких отношениях: в отсутствие национальной армии обе стороны, участвовавшие в гражданской войне, полагались главным образом на не имевших военного опыта добровольцев, коллективно подменявших собой недееспособные государственные учреждения, ответственные за поддержание общественного порядка, — в первую очередь полицию и несуществующую национальную армию. Однако руководители как красных, так и белых оказались не способны в полной мере контролировать свои отряды, что способствовало эскалации насилия. В то же время до тех пор, пока исход войны оставался неясным, обе стороны активно поддерживали эту эскалацию в той мере, в какой она была для них выгодна, и прибегали к использованию специальных сил, применявших террор как тактику, обещающую победу в конфликте. Вследствие политической природы конфликта у обеих сторон имелись серьезные оправдания для террора и незаконных казней. Жертвами красного террора пало более 1600 человек, и впятеро больше погибло в результате белого террора, нередко объявлявшегося справедливым возмездием за насилие со стороны красных. С учетом «тотального» характера конфликта не следует удивляться тому, что гражданская война не сразу сменилась

периодом мира и примирения, несмотря на то что принятая в 1919 году новая демократическая конституция замышлялась как компромисс, призванный исцелить раны, нанесенные войной. С 1919 по 1921 год произошло более 300 политически мотивированных актов насилия, вызвавших гибель 226 человек. Таким образом, первые годы демократической республики были отмечены существованием культуры официально одобрявшегося военизированного насилия, носителем которой являлась белая Охранная гвардия, при поддержке государства выполнявшая роль местной милиции.

Такие активисты военизированных организаций, как бойцы Охранной гвардии, также играли ключевую роль на послевоенных судах над теми, кого обвиняли в принадлежности к «красным» и оказании им поддержки, — судах, не опиравшихся на обычные юридические процедуры. Местные части Охранной гвардии проводили «криминальное расследование», а затем нередко начинали охоту за головами, завершавшуюся гибелью скрывавшихся вождей Красной гвардии или красных военных преступников.

Военизированный (*paramilitary*) характер этого конфликта позволяет объяснить своеобразную природу сопровождавшего его насилия, не сдерживавшегося международными нормами войны. Использование обеими сторонами чрезмерного насилия оправдывалось насилием со стороны врагов, крайне преувеличивавшимся в СМИ и в тогдашнем политическом дискурсе. Прошли десятилетия, прежде чем финские историки и широкая публика раскрыли для себя мнимую «загадку» особой жестокости гражданской войны и отказались от таких однобоких политизированных объяснений, как проникновение советской «заразы» в финскую политику или классовая борьба. *Возможность* насилия была создана постепенным процессом распада государства в 1917 году и утраты правительством монополии на использование силы — процессом, который быстро начал оказывать воздействие на гражданское общество, экономику и повседневную жизнь и вызвал деградацию веры в общие ценности и нормы. В этой ситуации переход к насилию оказался удивительно быстрым: те же самые молодые люди, которые всего год назад с энтузиазмом создавали клубы читателей, хоры и танцевальные кружки, теперь организовывали небольшие вооруженные группировки, горевшие желанием уничтожить врага. Внезапная мобилизация слабо связанных друг с другом местных военизированных отрядов была возможна благодаря высокому уровню политической организованности, однако само по себе это не объясняет, почему эта политическая и организационная мобилизация породила

особенно жестокие формы насилия. В то время как известную роль в этом отношении, несомненно, сыграли идеология и политические амбиции вождей обеих сторон, свой вклад в ожесточенность конфликта также внесла своеобразная психологическая динамика гражданской войны между жителями одних и тех же городов и деревень.

Особую значимость финским событиям в контексте прочих примеров, обсуждаемых в данной книге, придает не использование военизированных организаций при отсутствии функционирующей государственной власти, а стремительная эскалация крайних проявлений насилия в стране с сильными гражданскими институтами, с начала XIX века не участвовавшей в каких-либо войнах, включая Первую мировую. Поэтому финский пример демонстрирует, что «брутализация» политики в межвоенной Европе не зависела от участия в Первой мировой войне и что для возникновения идеологически мотивированных военизированных движений нового типа отнюдь не требовалось наличия «ожесточившихся» бывших военнослужащих.

ВОЕНИЗИРОВАННОЕ НАСИЛИЕ В ИТАЛИИ: ОБОСНОВАНИЕ ФАШИЗМА И ИСТОКИ ТОТАЛИТАРИЗМА

В предисловии к книге *Большой совет за первые пять лет фашистской эры*, изданной Фашистской партией в 1927 году, Муссолини утверждал, что разрушение либерального государства началось сразу же после «похода на Рим», когда только что основанный фашистский Большой совет в ночь на 12 января 1923 года решил создать Добровольную милицию национальной безопасности (*Milizia Volontaria per la Sicurezza Nazionale, MVSN*), тем самым обеспечив юридическую основу для военной организации Фашистской партии. Муссолини писал:

Создание милиции являлось принципиальным, уникальным шагом, поставившим правительство в иные условия по сравнению со всеми его предшественниками и превратившим его в режим. Залогом его установления была вооруженная партия. Та ночь в январе 1923 года, когда была основана милиция, стала смертным приговором прежнему демократическо-либеральному государству <...> Начиная с того момента прежнее демократическо-либеральное государство просто ожидало своих похорон, которые были со всеми почестями произведены 3 января 1925 года¹.

По крайней мере в этом отношении дуче был прав. Фашистская партия была первой организованной военной партией, захватившей власть в западноевропейском либеральном государстве и породившей при этом режим нового типа, основанный на однопартийном правлении. Тем самым фашизм стал образцом для прочих европейских националистических военизированных движений, стремившихся к уничтожению демократически избранной власти. Что же касается истоков фашизма, то вполне можно сказать: «В начале было насилие».

¹ Partito Nazionale Fascista. Il Gran Consiglio nei primi cinque anni dell'Era Fascista. Rome, 1927. P. xi.

Это следует понимать в том смысле, что военизированное насилие представляло собой фундаментальную черту коллективной идентичности фашизма как организации, как ментальности, как политической культуры и как стиля жизни и борьбы, не говоря уже о том, что оно являлось главной причиной его триумфа. Далее нами будут рассмотрены важнейшие аспекты взаимоотношений между военизированным насилием и фашизмом.

Изучать фашистское военизированное насилие в Италии в 1919—1923 годах по определению означает исследовать истоки фашистской милиционной партии и диктаторского государства нового типа, созданного фашистами после захвата ими власти 30 октября 1922 года. С целью дать концептуальное объяснение этого типа политической власти некоторые антифашисты предложили в 1923 году термины «тоталитарный» и «тоталитаризм»².

В данной главе будут освещены основные этапы только что описанного процесса. Я постараюсь показать, почему, по моему мнению, практика и культура военизированного насилия являлись «обоснованием фашизма» или, иными словами, принципиальным условием для возникновения, наступления и победы фашизма и, соответственно, для закладки в Италии основ политического режима нового типа, проложившего путь к расцвету тоталитаризма в Западной Европе.

Фашистское военизированное насилие по большей части являлось следствием боевого опыта, приобретенного на фронтах Первой мировой войны, но в то же время и причиной краха всех надежд на создание мира, более безопасного для демократии. Первая мировая война завершилась триумфом демократических государств Европы³. Крах германского милитаризма, распад многовековых самодержавных империй, возникновение новых республиканских государств и усиление роли парламента, предусматривавшееся в новых конституциях, были ключевыми чертами политической демократизации, происходившей в Европе в 1919 году. Для демократических правительств, и особенно для новых парламентских режимов, был характерен «процесс рационализации власти», как выразился русский юрист Борис Миркин-Гецевич, подразумевая под этим «тенденцию к подчинению всей полноты коллективной жизни юридическим нормам»⁴. Эта тенденция в полной

² См.: Gleason A. Totalitarianism. The Inner History of the Cold War. N.Y.; Oxford, 1995. P. 13—15; Gentile E. Fascism in Power: the Totalitarian Experiment // Lyttelton A. (Ed.). Liberal and Fascist Italy, 1900—1945. Oxford, 2002. P. 139—142.

³ См.: Guy-Grand G. La Démocratie et l'après-guerre. Paris, 1922.

⁴ Mirkine-Guetzévitch B. Les constitutions de l'Europe nouvelle. Paris, 1930. P. 11.

Рис. 9. Муссолини со своими сторонниками в Неаполе в октябре 1922 г., накануне «похода на Рим»

мере выражала в себе конституционный принцип народного суверенитета и парламентской власти в государстве, основанном на законе. «Помимо демократии, нет и не может быть иной формы государства, которая признавала бы главенство закона; соответственно, общее конституционное право включает в себя все юридические формы демократии — государства, основанного на законе»⁵.

Однако надежды на прочный мир почти сразу же были разрушены вспышкой военизированного насилия во многих европейских странах. Распространению политического насилия способствовала большевистская революция в России, а также чувство унижения, ощущавшееся националистами вследствие либо поражения в войне, либо «ущербной победы» — какой она представлялась, в частности, в Италии. С этого момента военизированное насилие оставалось характерной чертой Европейского континента вплоть до начала Второй мировой войны. Все это придавало социальным и политическим баталиям, выросшим из конфликта 1914—1918 годов, привкус гражданской войны, и в первую очередь это относится к событиям в Италии.

Италия оказалась одной из победительниц в Первой мировой войне, тем самым преодолев наиболее трагическое испытание из всех,

⁵ Ibid. P. 15.

которым подвергалась за 60 лет, прошедшие с момента национального объединения. Распад Австро-Венгерской империи, расширение границ Италии до перевала Бреннер и до Истрии, включение в состав Италии италоязычных меньшинств Габсбургской империи и, наконец, присутствие за столом переговоров в качестве одной из четырех великих держав — все это могло рассматриваться многими итальянцами как достаточная компенсация за понесенные жертвы: полмиллиона убитых и миллионы раненых. Более того, важная избирательная реформа 1919 года привела к демократическому преобразованию либерального режима; и в самом деле, большинство в парламенте отныне принадлежало массовым политическим партиям — таким как Социалистическая партия и недавно основанная Католическая народная партия. Они представляли широкие слои итальянского населения, прежде исключенного из парламентской политики вследствие ограниченного избирательного права. Тем не менее, несмотря на это, Италия стала первой страной, охваченной военизированным насилием и пережившей крах демократического режима. Более того, это случилось вслед за периодом стремительного роста насилия; например, число самоубийц, составившее в 1918 году 938 человек, выросло в 1919 году до 1633 человек, в 1920-м — до 2661 человека и в 1921-м — до 2750 человек; число тяжких телесных повреждений возросло с 58 148 в 1918 году до 108 208 в 1922 году; наконец, число нарушений общественного порядка увеличилось с 766 в 1918 году до 1004 в 1919 году и с 1785 в 1920 году до 2458 в 1921 году⁶.

Более того, Италия была единственной из стран-победительниц, претерпевшей «брутализацию политики» — в первую очередь благодаря применению военизированного насилия. В этом отношении события в Италии сопоставимы с тем, что происходило в Германии и странах Восточной Европы, — с той лишь разницей, что в случае Италии система, подвергшаяся «брутализации», являлась либеральной и с начала века находилась в процессе перехода к демократии⁷.

⁶ См.: *Gentile E. Storia del partito fascista. 1919—1922. Movimento e milizia. Roma; Bari, 1989. P. 741.* Многие из 700 с лишним страниц этого тома содержат подробный анализ различных форм фашистского военизированного насилия в период 1919—1922 годов. Однако нет ничего более далекого от истины, нежели заявление Эмилио Траверсо о том, что моя интерпретация фашистского насилия носит чисто символический характер (*Traverso E. Interpreting Fascism // Constellations. 2008. September. P. 302—319.*).

⁷ *Mosse G.L. Fallen Soldiers. Reshaping the Memory of the World Wars. N.Y.; Oxford, 1990. Ch. 8.*

Военизированное насилие было развязано в Италии новыми группировками, состоявшими из бывших участников войны, — такими как *Arditi* (штурмовики), основанные Муссолини в марте 1919 года *Fasci di combattimento*, а также вооруженное движение, под предводительством поэта Габриэле Д'Аннунцио в сентябре 1919 года оккупировавшее Фиуме⁸. Выдвинув лозунг «ущербной победы», эти движения пропагандировали идею о том, что Италия, победив врагов на поле боя, оказалась предана на мирной конференции своими союзниками, отказавшимися удовлетворить все территориальные притязания Италии, которые стали бы компенсацией за ее вклад в победу. Однако националистическое военизированное насилие было лишь одной из многочисленных форм политического насилия, охватившего Италию.

Это насилие получило широкое распространение вследствие серьезного экономического и социального кризиса, вызванного Первой мировой войной, а также из-за политического экстремизма социалистов. На своем общенациональном съезде в октябре 1919 года Социалистическая партия, в которой в то время преобладали максималисты, открыто приняла программу социальной революции по примеру большевиков. В новом уставе партии объявлялось: «Без насильственного захвата власти рабочими невозможен переход <...> к временному режиму диктатуры пролетариата»⁹.

В 1919—1920 годах во главе классовой борьбы в большей части Северной и Центральной Италии стояли Социалистическая партия и рабочие организации, в то время как в Южной Италии верх одерживали традиционные либеральные и демократические партии, состоявшие из местных клиентел группировок. После того как осенью и в начале зимы 1919 года Социалистическая партия стала крупнейшей партией в парламенте и подчинила себе большинство местных советов и провинциальных органов власти во многих регионах Центральной Италии и в долине По, социалисты провозгласили намерение насильственным путем ликвидировать институты буржуазного государства¹⁰.

Более того, в важнейших сельских регионах Северной Италии, где социалисты обладали наибольшим влиянием, они в массовом порядке брали под свой контроль экономическую и социальную жизнь, навязывая собственникам свои правила и условия в качестве прелюдии к неминуемой революции и отмене частной собственности. «Красные

⁸ См.: *Ledeer M. The First Duce: D'Annunzio at Fiume. Baltimore, 1977.*

⁹ См.: *Gentile E. Fascismo e antifascismo. I partiti italiani fra le due guerre. Milano, 2000. P. 40—46.*

¹⁰ Ср.: *Gentile E. Storia del partito fascista. P. 146—147.*

баронства» — так коммунист Пальмиро Тольятти называл систему правления, созданную социалистами-максималистами¹¹.

Жестокая классовая борьба, включавшая непрерывные забастовки на государственных и частных предприятиях, достигла апогея осенью 1920 года, во время захвата рабочими заводов, создававшего впечатление, что Италия охвачена анархией и стоит на пороге социальной революции и гражданской войны. Социалистка Анна Кулишова в письме от 4 мая 1920 года своему товарищу Филиппо Турати, одному из основателей Социалистической партии и виднейшему представителю ее реформаторского крыла, так описывала драматическую ситуацию, порожденную в те годы политическим насилием:

Я только что прочла утренние газеты и словно окунулась в красный кошмар гражданской войны, разворачивающейся по всей Италии. Социалисты убивают католиков, Романья охвачена кулачными боями между социалистами и республиканцами, в Лигурии друг с другом сражаются социалисты и анархисты, и везде люди гибнут или получают раны в кровавых столкновениях с полицией и карабинерами <...> Нет сомнения в том, что мы движемся к крупному катаклизму <...> Состязание с коммунистами превосходит все, что мы могли предвидеть: каждая сторона стремится подорвать единство соперников¹².

Интересно отметить, что Кулишова в этом письме никак не упоминает о фашизме и фашистском насилии. Однако следует напомнить, что весной 1920 года фашизм все еще являлся маргинальным течением в итальянской политике. В конце 1919 года, через семь месяцев после того, как Муссолини основал *Fasci di combattimento*, в Италии насчитывалось только 37 *fasci*, в состав которых входило 800 человек. В ноябре следующего года, когда фашистские отряды стали практиковать насилие, в стране существовало 88 *fasci*, имевших в своем составе 20 615 человек. В конце 1920 года фашисты начали решительное антипролетарское наступление, одобрявшееся и поддерживавшееся буржуазией и средним классом, в долине По — в регионах, находившихся под контролем Социалистической партии¹³.

¹¹ Togliatti P. *Baronie rosse* // *Ordine Nuovo*. 1921. 5 giugno.

¹² Turati F., Kuliscioff A. *Carteggio*. Torino, 1977. Vol. 5. P. 469—470.

¹³ См.: Aquarone A. *Violenza e consenso nel fascismo italiano* // *Storia contemporanea*. 1979. Febbraio. P. 145—155; Lyttelton A. *Fascismo e violenza: conflitto sociale e azione politica in Italia nel primo dopoguerra* // *Ibid.* 1982. Dicembre; Petersen J. *Il problema*

Фашизм с самого момента своего зарождения отождествлялся с военизированным насилием. 19 ноября 1918 года, всего через две недели после завершения войны с Австрией, в полицейских донесениях уже отмечались «революционные движения в Милане и Турине», а также подстрекаемые Муссолини и *Arditi* «мятежные движения», объявлявшиеся «первыми признаками неминуемой революции». Авторы донесений добавляли, что Муссолини «повсюду устраивает беспорядки. В своих заявлениях он не смягчает выражений и все время окружен своими последователями: инвалидами войны, нижними чинами из всех родов войск, офицерами и штурмовиками», которые «угрожают ножами всем, кого считают внутренними врагами нации. Под предлогом патриотизма они совершают в Милане всевозможные акты насилия <...> скандируя при этом: “Мы — хозяева улиц, Италия — наша, и мы сделаем с ней все, что будет нам угодно”»¹⁴.

Первое публичное проявление фашистского насилия имело место 15 апреля 1919 года в Милане, когда вооруженные фашисты разгромили редакцию *Avanti!*, официальной газеты Социалистической партии. Созданные Муссолини *Fasci di combattimento* понимали под фашизмом войну со своими противниками, использующую методы военизированного насилия, которые фашисты (по большей части бывшие военнослужащие) почерпнули непосредственно из боевого опыта, полученного на Первой мировой войне¹⁵.

Военизированная организация, созданная специально в целях политического насилия, отличала фашистское движение с первых дней его существования. Согласно полицейскому донесению, *Fasci di combattimento* имели такую организацию в Милане с 1919 года, основав ее «не только для борьбы против законов государства и не только с намерением узурпировать политическую власть, но и с сознательной целью совершения преступлений против частных лиц, полицейских чинов и порядка ради решения политических и электоральных задач в ходе исполнения преднамеренного плана». Далее в донесении говорилось о том, что фашисты создали «примитивную военную структуру, включающую вооруженных офицеров и рядовых, причем многие из них

della violenza nel fascismo italiano // Ibid.; *Nello P.* La rivoluzione fascista ovvero dello squadristo nazionalrivoluzionario // Ibid.

¹⁴ Archivio Centrale dello Stato, Ministero dell'Interno, Direzione generale di Pubblica sicurezza, Affari generali e riservati, categoria C2, «Movimento sovversivo. Milano», цит. по: *Gentile E.* Storia del partito fascista. P. 20.

¹⁵ Ср.: *Ledeer M.* Italy. War as a Style of Life // *Ward S.* (Ed.). The War Generation. Veterans of the First World War. Port Washington (N.Y.); London, 1975. P. 104—134.

носят форму. Они разделены на отряды, каждый из которых подчинен своему командиру». В некоторых случаях «они состоят на жалованье и получают точные инструкции в отношении тех методов, которыми должны выполнять поставленные перед ними задачи». Первоначально эти отряды были вооружены пистолетами, ножами и ручными бомбами, а их бойцам платили по 25 лир в день за охрану помещений, занимавшихся фашистами. Затем в полицейском донесении отмечалось:

Предназначение вооруженных отрядов — вне зависимости от различных второстепенных инцидентов, порой выливающихся в еще более серьезные преступления, — состоит именно в достижении этих predeterminedенных, четко обозначенных и очень часто публично объявляемых целей, с использованием любых подходящих методов, включая нелегальные, в том числе и силой оружия, абсолютно несоразмерной тем провокациям, которые ее вызывают. Все это делается с сознательной целью нанесения увечий и совершения убийств ради преодоления любых препятствий, отделяющих их от решения поставленных задач. Чрезмерная реакция и насилие следуют в ответ даже на простые словесные оскорбления со стороны социалистов¹⁶.

16 октября 1920 года, накануне наступления фашистских отрядов на рабочий класс, официальная фашистская ежедневная газета открыто провозгласила начало гражданской войны против социализма: «Если гражданская война неизбежна, пусть будет гражданская война!» Газета призывала фашистов быть готовыми к «все более решительной вооруженной борьбе не на жизнь, а на смерть» и к «все более яростным битвам, не знающим колебаний и пределов». Катализатором для фашистской атаки послужили несколько убийств фашистов, совершенных социалистами в ноябре—декабре 1920 года. Начиная с этого момента фашистские отряды стали использовать военизированное насилие в ходе систематической кампании по уничтожению политических организаций и профсоюзов рабочего класса¹⁷. В полицейском

¹⁶ Archivio Centrale dello Stato, Ministero dell'Interno, Direzione generale di Pubblica sicurezza, Affari generali e riservati, categoria E1, «Elezioni politiche. Milano», доклад полицейского комиссара Милана от 21 ноября 1919 года, цит. по: *Gentile E. Storia del partito fascista*. P. 477.

¹⁷ См.: *Ibid.* P. 149—162. Об организации, методах и культуре сквадристов см.: *Ibid.* Ch. 7; *Suzzi Valli R. The Myth of Squadristo in the Fascist Regime // Journal of Contemporary History*. 2000. April. P. 131—150; *Reichardt S. Faschistische Kampfunde. Gewalt und Gemeinschaft im Italienischen Squadristum und in der deutschen SA*. Köln, 2002; *Franzinelli M. Squadristi. Protagonisti e tecniche della violenza squadrista 1919—1922*.

донесении, составленном в июне 1921 года, содержится следующее интересное описание фашистского военизированного насилия:

Вооруженные фашисты, передвигаясь на грузовиках, уничтожают рабочие клубы, союзы и кооперативы, похищают и запугивают людей и совершают различные акты насилия — в первую очередь направленные против вождей своих противников. Их единственная цель — карать социалистов, коммунистов и католиков, провинившихся перед ними реальными или мнимыми оскорблениями или несправедливостями <...> Самое худшее — то, что далее точно такая же тактика используется против кооперативов, по большей части основанных социалистами и положительно влияющих на национальную экономику¹⁸.

Таблица 1

Численность Фашистской партии (декабрь 1920 — май 1921 года)

Месяц	Число секций	Число членов
Декабрь 1920	88	20 165
Март 1921	317	80 476
Апрель 1921	471	98 298
Май 1921	1001	187 588

Примечание. Данные приведены на конец каждого месяца.

Если за шесть месяцев в конце 1920 и начале 1921 года фашисты, фактически сломившие сопротивление всех противостоявших им партий, стали сильнейшей партией в Италии, то это произошло главным образом благодаря использованию военизированного насилия. О стремительном распространении фашизма в этот период дает представление таблица 1, показывающая, что численность фашистских организаций возросла десятикратно.

Из таблицы 2 видно, что к концу данного периода (в мае 1921 года) более половины фашистов приходилось на Северную Италию и почти 30 процентов — на юг страны, в то время как Центральная Италия дала лишь 15 процентов активистов движения. При этом в палату

Milano, 2003. О ритуалах и символах сквадризма см.: *Gentile E. The Sacralization of Politics in Fascist Italy. Cambridge (Mass.), 1996. Ch. 1.*

¹⁸ *Ibid.* P. 152—153.

депутатов было избрано 38 кандидатов от фашистов (хотя четверо из них не были туда допущены, так как не достигли минимального 30-летнего возраста)¹⁹.

Таблица 2

**Распределение членов Фашистской партии по регионам
(май 1921 года)**

Регион	Численность	Доля (в процентах)
Север	114 487	56
Центр	28 704	15
Юг	44 397	29
Всего	187 588	100

Что касается социального состава фашистского движения, то к концу 1921 года среди вождей сквадристов преобладали представители среднего класса, в том числе его нижней прослойки. Из 127 национальных и провинциальных лидеров фашистов 77 процентов принадлежали к среднему классу, 4 процента — к буржуазии и только один был рабочим. Лучше всего среди верхушки фашистов были представлены юристы (35 процентов), журналисты (22 процента), учителя (6 процентов), наемные служащие (5 процентов), инженеры (4,7 процента), чиновники (4,7 процента), страховые агенты (3 процента) и землевладельцы (3 процента); оставшиеся 16,6 процента приходились на прочие категории. Из 192 вождей местных *fasci* (фашистских групп более широкого состава по сравнению с военизированными отрядами) 80 процентов принадлежали к среднему классу и его нижнему слою, 10,5 — к буржуазии и 5 — к пролетариату²⁰. Непропорционально большую роль в военизированных отрядах играли студенты; при том, что среди членов партии в 1921 году студентов было всего 13 процентов, среди сквадристов их доля достигала намного больших величин — так, в Болонье она составляла 42,7 процента²¹.

Следует подчеркнуть, что фашисты оправдывали свое военизированное насилие, объявляя его ответом на агрессию со стороны социалистов. Однако в реальности, даже если превосходство социалистов во

¹⁹ *Gentile E.* The Sacralization of Politics. P. 205—206.

²⁰ *Ibid.* P. 364—366, 556—558.

²¹ См.: *Suzzi Valli R.* The Myth of Squadristo. P. 35.

многих случаях вело к разнузданности, оборачиваясь актами насилия против населения и собственности, Социалистическая партия все же не прибегала к систематическому военизированному насилию с целью устранения своих политических противников. Как отмечал республиканский наблюдатель, социалистическое и фашистское насилие были несопоставимы друг с другом, поскольку

...сожжение домов, разгром местных центров, уничтожение документов и членских билетов и убийства граждан в качестве репрессивных актов, по сути, являлись фашистскими методами. И эти методы, еще не взятые на вооружение социалистами — что мы обязаны признать, — к настоящему времени превратились в общий метод политической борьбы, применяемый при полном игнорировании его последствий для партий, людей и идей²².

Согласно данным о политическом насилии, оглашавшимся Министерством внутренних дел в 1920 и 1921 годах, главными жертвами политического насилия в принципе становились социалисты и воинствующие члены нефашистских партий. В 1920 году было убито 172 социалиста, 10 членов Народной партии, 4 фашиста, 51 посторонний человек и 51 сотрудник правоохранительных органов; было ранено 578 социалистов, 99 *popolari*, 57 фашистов, 305 посторонних людей и 437 сотрудников правоохранительных органов²³. С 1 января по 7 апреля 1921 года погибли 41 социалист и 25 фашистов; также расстались с жизнью 41 посторонний человек и 20 сотрудников правоохранительных органов; ранения получили 123 социалиста, 108 фашистов, 107 посторонних и 50 сотрудников правоохранительных органов. С 16 по 31 мая того же года были убиты 31 социалист, 16 фашистов, 20 посторонних и 4 сотрудника правоохранительных органов, а 78 социалистов, 63 фашиста, 56 посторонних и 19 сотрудников правоохранительных органов было ранено. Самое большое число жертв было зарегистрировано во время выборов 1921 года: в один только день выборов (15 мая) погибло 28 человек, в том числе 10 фашистов, 7 социалистов и 11 из числа посторонних и сотрудников правоохранительных органов; в тот же день ранения получило 104 человека, включая 37 фашистов, 38 посторонних, 26 социалистов и 3 сотрудника правоохранительных органов. На следующий день было убито 10 социалистов, 2 фашиста, 2 посторонних человека и 1 сотрудник правоохранительных органов и ранено 34 социалиста, 14 фашистов, 16 посторонних и 4 сотрудника правоохранительных органов²⁴.

²² La natura del fascismo // La critica politica. 1921. 16 novembre.

²³ Статистика цит. по: Gentile E. Storia del partito fascista. P. 472—475.

²⁴ См.: Ibid. P. 202.

После того как фашистское движение в 1921 году оформилось в партию, она стала самой сильной в Италии, а во многих регионах на севере и в центре полуострова, где уничтожила большинство враждебных организаций, правила безраздельно, не сталкиваясь с противодействием. В период, в течение которого фашисты установили авторитарный контроль над политической, экономической и социальной жизнью страны, именно они были ответственны за основную долю политического насилия в итальянском обществе. В июле 1921 года антифашисты попытались дать отпор фашистскому насилию, основав свою собственную военизированную организацию. В Милане, Риме и других городах ими были сформированы группы, известные как *Arditi del popolo*. Они состояли из анархистов, республиканцев, социалистов и коммунистов, объединившихся с целью защитить рабочие организации от жестоких фашистских нападений. Однако вскоре из этого движения вышли социалисты и коммунисты, вследствие чего *Arditi del popolo* не смогли превратиться в военизированную организацию, способную противостоять фашистскому насилию²⁵.

Важно отметить, что после 1921 года фашистское военизированное насилие больше не имело никаких оправданий — даже такого, как угроза большевистской революции в Италии. Даже если такая угроза вообще когда-либо существовала, к тому моменту она исчезла — по целому ряду причин. Первой из них была жестокая реакция со стороны самого фашизма, обеспечившая полное бессилие его противников. Во-вторых, рабочее движение в еще большей степени было ослаблено собственными внутренними конфликтами, которые привели к основанию Коммунистической партии и к новым расколам в Социалистической партии. Однако самым важным фактором, сделавшим любую угрозу социалистической революции в Италии невыносимой, являлся провал попыток русских большевиков экспортировать революцию в Европу. Сам Муссолини заявил в 1921 году, что абсурдно говорить о большевистской угрозе в Италии. Более того, весной 1922 года именно Италия организовала международную конференцию в Генуе, в которой участвовали большевистские представители. Конференция завершилась подписанием договора между Германией и Россией, который положил конец дипломатической изоляции первого в истории коммунистического государства.

В этой ситуации любые попытки фашистов оправдать свои насильственные действия и существование своей военизированной ор-

²⁵ *Francescangeli E.* *Arditi del popolo. Argo Secondari e la prima organizzazione antifascista (1917—1922).* Roma, 2000.

ганизации ссылкой на угрозу большевистской революции выглядели крайне надуманно. После 1921 года даже буржуазия, до того момента поддерживавшая фашизм и фашистское насилие, начала выступать с требованиями о необходимости положить конец деятельности военизированных отрядов и распустить фашистскую военизированную организацию. Однако в реальности эти требования были нереалистичными и фактически лишь стали для фашистов новым предлогом к укреплению своей военизированной организации и к новой волне насилия, на этот раз направленной против партий самой буржуазии.

Наиболее отчетливо это проявилось во время серьезного внутреннего кризиса, охватившего фашизм летом 1921 года, когда вожди *squadristi* расстроили попытку Муссолини заключить мирное соглашение с Социалистической партией и преобразовать фашистское движение в нечто вроде рабочей партии для низов среднего класса. Муссолини полагал, что можно отделить местных фашистских боссов от партийных активистов, провести грань между «бойцами» и «политиками», а затем распустить или по крайней мере перестроить военизированную организацию, подчинив «бойцов» «политикам»²⁶. В реальности же многие главные политические лидеры фашизма сами являлись «бойцами». В их число входили наиболее влиятельные из провинциальных фашистских боссов — Роберто Фариначчи, Дино Гранди, Итало Бальбо, Ренато Риччи, Дино Перроне Компаньи, — отказывавшиеся разоружать фашистское движение с тем, чтобы оно, согласно желаниям Муссолини, превратилось в парламентскую партию.

Squadristi в массе своей взбунтовались против Муссолини, называя его предателем, и в итоге вынудили его к согласию на отождествление новой Национальной фашистской партии, основанной в ноябре 1921 года, с их собственной военизированной организацией. Такую цену Муссолини был вынужден уплатить за то, чтобы и впредь оставаться признанным «дуче» фашизма. Его попытка провести размежевание между «политиками» и «бойцами» и объявить насилие не более чем переходной фазой фашизма закончилась однозначным провалом из-за существования формальной связи между политическими и вооруженными фашистскими организациями, институционализированной в уставе Национальной фашистской партии²⁷.

В конечном счете *squadristi* заставили Муссолини смириться с тем, что идентичность новой Национальной фашистской партии нельзя

²⁶ Различие между «бойцами» и «политиками» принадлежит не Муссолини, а автору данной статьи, использовавшему его при анализе фашизма. См.: *Gentile E. Storia del partito fascista*. P. 215 ff.

²⁷ *Ibid.* P. 397 ff.

отделять от идентичности ее военизированной организации и что сам Муссолини должен быть признан бесспорным «дуче». В программе партии недвусмысленно констатировалось, что «Фашистская национальная партия составляет неразрывное целое со своими боевыми отрядами — добровольной милицией, стоящей на службе у нации и государства и представляющей собой жизненную силу, в которой воплощается фашистская Италия и посредством которой она защищает себя»²⁸.

Так на свет родилось то, что я предложил называть «милиционной партией», — первая массовая партия в новейшей европейской истории, институционализировавшая милитаризацию политики своей собственной организации, своих методов, стиля поведения и принципов борьбы против политических противников, объявлявшихся «внутренним врагом», подлежащим уничтожению²⁹. Следует подчеркнуть, что я прибегаю к такому определению не потому, что Фашистская партия имела военизированный аппарат, а потому, что партия как целое отождествляла себя с военизированной организацией и рассматривала насилие, то есть использование этой военизированной организации в террористических целях, как основополагающий элемент своих действий по отношению к врагам. Однозначная милитаризация политики Фашистской партии подтверждалась в уставе Фашистской милиции, опубликованном 8 октября 1922 года в *Il Popolo d'Italia*; в нем утверждалось, что Фашистская партия «по-прежнему остается милицией» и что «все члены партии обязаны соблюдать особые законы чести Фашистской милиции и ее военную дисциплину, прочно основывающиеся на [авторитете] военной иерархии»³⁰.

Практика насилия, проводником которого выступала фашистская военизированная организация, безусловно, являлась не единственным источником фашизма как массового движения, однако именно она служила тем элементом, вокруг которого фашизм выстраивал свою идентичность и на основе которого развивал свою политическую культуру.

Все основатели фашизма имели за своими плечами опыт насилия, приобретенный еще до Первой мировой войны в среде социализма, революционного синдикализма, радикального национализма и футуристического авангарда. К концу 1918 года эти течения слились в политическую партию, впоследствии принимавшую участие в создании фашизма. Сформулированный Жоржем Сорелем миф о насилии как

²⁸ *Gentile E. Storia del partito fascista. P. 392.*

²⁹ *Ibid. Ch. 7.*

³⁰ Цит. по: *Ibid. P. 537.*

катализаторе возрождения являлся отправной точкой для множества группировок, в 1914—1915 годах давших начало революционно-националистическому интервенционизму — непосредственному предшественнику фашизма. Опыт интервенционизма и войны привнес новые мифы в националистическую культуру насилия. В первую очередь среди них выделялось прославление боевых отрядов как воинствующего авангарда новых итальянцев — людей, чья задача состояла в низвержении прежних политических лидеров буржуазно-либеральной Италии, которая в результате должна будет возродиться и стать еще более великой и сильной страной. Фашизм, как открыто провозглашал Муссолини, был рожден в действии и шел вперед, опираясь на мифы и идеалы, провозглашенные догмами его политики, которая, в свою очередь, понималась как борьба против «внутренних врагов» нации. В статье, опубликованной 20 ноября 1920 года в официальной газете Фашистской партии, главенство насилия обосновывалось следующим образом:

Кулак — это синтез теории <...> Он воплощает в себе невозможность достижения поставленных целей с помощью одних лишь слов. Когда фашист бьет социалиста по голове, он вбивает ему в череп свои идеи. Это гарантированный способ экономить время, имеющий все преимущества тонкого и убедительного синтеза, оказывающего быстрое и решительное воздействие непосредственно на тело противника <...> А что может служить наиболее законченным выражением синтеза, как не пистолетный выстрел? Он движется к цели с начальной скоростью 300 метров в секунду и решает задачу моментально и профессионально <...> Его эффективность заключается в том факте, что он максимально экономичным и быстрым способом раз и навсегда прекращает любые дебаты <...> И, наконец, синтез всех синтезов, и потому излюбленное оружие фашистов: бомба. Фашист любит бомбу, могуществом превосходящую любое неизвестное божество или неких слишком хорошо известных женщин. Восхитительная святость бомбы вызывает у фашиста святое восхищение³¹.

Военизированное насилие пронизывало все элементы фашизма. Первоначальное ядро культуры насилия породило весь аппарат мифов, ритуалов и символов, созданных фашизмом в период его вооруженной борьбы с организациями рабочего класса. Уничтожение рабочих орга-

³¹ *Freddi L. Sintesi // Il Fascio. 1920. 20 novembre.*

низаций подавалось как крестовый поход за освобождение, очищение и возрождение всех территорий и общин, оказавшихся под влиянием Социалистической партии. Они вновь причащались к культуре нации посредством фашистских ритуалов. Нация, почитавшаяся как светское божество фашизма, основывалась на насилии, поскольку то использовалось для легитимации фашистской монополии на патриотизм и, соответственно, гонений на всех тех, кто еще не подчинился фашистской власти, включая и несоциалистов. Такие люди должны были быть подвернуты нападениям, унижениям или изгнанию из собственных домов. Таким образом сакрализация нации превратилась в сакрализацию фашизма, игравшего роль светской религии.

В свою очередь, это способствовало тому, что фашистская военизированная организация приобрела ореол «священной милиции» (как называла ее печать сквадристов), для которой был допустим любой акт насилия. Культ павших фашистов, отныне почитавшихся как мученики, черпал свои истоки в культуре насилия, поднимавшегося на щит в качестве благородного и героического подвига национального возрождения, оплаченного ценой собственной жизни. Более того, в глазах фашистских отрядов военизированное насилие составляло самую основу их союза: причастность к криминальным деяниям, за которыми стоял националистический фанатизм, способствовала сплочению их товарищества, подстрекая их к террористическим акциям в качестве периодического ритуала, укрепляющего единство. Наконец, насилие, демонстрировавшееся фашистами в их ритуалах и символах, играло важную пропагандистскую роль, вовлекая в фашистское движение молодых людей — особенно тех, кто не успел попасть на Первую мировую войну.

Фашисты открыто проповедовали роль мифа (в понимании Сореля). Муссолини 24 октября 1922 года утверждал:

Мы создали свой собственный миф. Этот миф зиждется на вере, на страсти. Он не обязан быть реальностью. Он реален вследствие того, что побуждает к действию, будучи источником веры, надежды и отваги. Наш миф — это нация и ее величие. Все прочее вторично по отношению к этому мифу, этому величию, которое мы хотим превратить в полную реальность³².

³² *Mussolini B. Opera Omnia / Ed. E. & D. Susmel. 35 vol. Firenze, 1951—1963. Vol. 18. P. 457.*

Таким образом, идеология сводилась к мифу, и, соответственно, принадлежность к фашизму отождествлялась с актом веры. Согласие с фашистскими мифами было вопросом подчинения догмам, а политическая активность означала полную преданность делу и экзальтированность чувств, направлявшихся и стимулировавшихся фашизмом посредством мощного обаяния коллективных символов и ритуалов. Вокруг первоначального ядра — культуры насилия и мифа о нации — фашисты в период вооруженной борьбы с организованным пролетариатом выстроили целую систему ритуалов и символов.

Несколько простых поучений стоят больше, чем многословные диссертации, — объяснялось в официальном фашистском органе *Gerarchia* (Иерархия). — А срежиссированные постановки, церемониалы и ритуалы пробуждают чувства куда эффективнее, чем любые поучения. Знамена, реющие на ветру, черные рубашки, каски, гимны, *alalà* [фашистский боевой клич], *fasci* [перевязанные ремнями пучки прутьев, символ фашизма], римское приветствие, обращения к мертвым, народные праздники (*sagre*), торжественные клятвы, военные шествия печатным шагом (*passo militare*) и весь набор ритуалов, вгоняющий в дрожь старую буржуазную «элигу», свидетельствуют также о мощном возрождении, которое переживают врожденные инстинкты расы³³.

Эта по большей части спонтанно формировавшаяся фашистская литургия вобрала в себя прежние ритуальные традиции и символику республиканцев Мадзини и легионеров Д'Аннунцио. Однако сами фашисты воспринимали это как свидетельство возрождения основополагающих свойств итальянской расы — возрождения, находившего выражение в насилии.

Начиная с 1921 года Фашистская партия оспаривает монополию государства на применение силы. Итоги такого поворота проявились со всей трагической очевидностью в 1922 году, когда фашисты приступили к захвату целых городов, низвергая префектов, которых они считали антифашистами просто потому, что те предпочитали соблюдать закон. Более того, с целью форсировать ассимиляцию этнических меньшинств и отплатить парламентариям-антифашистам физическим насилием и изгнанием из их родных городов фашисты также заняли приграничные регионы, недавно присоединенные к Италии.

³³ *Lumbroso G. La genesi e i fini del fascismo // Gerarchia. 1922. Ottobre.*

В 1922 году фашисты обратили свое насилие также на Католическую народную партию и на духовенство. Священник Луиджи Стурдзо, основавший Народную партию, многократно обращался к премьер-министру с протестами против продолжавшегося фашистского насилия. 24 февраля 1922 года он жаловался на бездействие сил охраны правопорядка и должностных лиц:

И в городах, и в селах *Popolari* постоянно сталкиваются с подкупом, угрозами, репрессиями и насилием со стороны фашистов, чья жестокость порой превосходит всякие пределы. Все это происходит совершенно открыто и невозбранно, поскольку власти, ответственные за поддержание общественного порядка, и отряды *Regi Carabinieri* [королевских карабинеров] по большей части ничего не предпринимают, выказывая холодное безразличие перед лицом этих крайне серьезных правонарушений, в то время как обязаны предвидеть и предотвращать их, а в тех случаях, когда таковые все же происходят, принимать соответствующие меры. Мне говорили, что подавляющее большинство дел, заведенных на фашистов, тормозится на стадии предварительных слушаний и в судах в ожидании возможной амнистии³⁴.

На руку фашистскому насилию играло потворство многих местных властей и слабость центрального правительства. С 1919 по 1922 год у власти сменилось пять кабинетов, опиравшихся на ненадежное парламентское большинство. Это привело к кризису парламентского режима, делало убедительной фашистскую антидемократическую пропаганду и подтверждало неспособность государства предотвратить фашистское насилие, положить ему конец и призвать фашистов к ответу. Планируя акты насилия в каком-либо конкретном районе, фашисты прибегали к тактике, включавшей стремительную переброску отрядов из других провинций с тем, чтобы сделать невозможным или хотя бы крайне затруднительным выявление ответственных за агрессию. Полиции и карабинерам лишь в очень редких случаях удавалось дать отпор фашистскому насилию, и тогда фашисты всегда отступали. Однако в 1922 году ситуация достигла той черты, за которой у государства не осталось ни политической воли, ни возможности для борьбы с фашизмом. Когда правительство пригрозило распустить фашистские отряды, вожди фашистов ответили на это, что сквадристы отождествляют себя с Фашистской партией, и издевательски предложили государ-

³⁴ См.: *Gentile E. Storia del partito fascista*. P. 580—581.

ству запретить организацию, насчитывавшую более 300 тысяч членов и уже контролировавшую насильственными методами многие города и провинции. Бессилие правительства еще раз подтвердилось в начале августа 1922 года, когда фашистские отряды силой положили конец забастовке, объявленной антифашистскими партиями в знак протеста против фашистского насилия.

Должным образом оценивая бессилие государства, распад враждебных партий, бездействие рабочего класса и апатию большинства населения после трагического опыта четырех лет войны и последующих четырех лет политического насилия, Фашистская партия решила, что настало время заявить о своих претензиях на власть. Партийное руководство публично провозгласило свое намерение захватить власть и уничтожить либеральное государство: «Сто лет демократии завершились», — объявил Муссолини накануне «похода на Рим» в октябре 1922 года. Предвещая политику будущего фашистского государства, Муссолини добавлял, что фашизм не оставит никаких свобод своим противникам: «Итальянцев можно разделить на три категории: “безразличных”, которые останутся дома и будут выжидать, “сочувствующих”, которые смогут свободно выражать свои взгляды, и, наконец, “врагов”, которым это не будет позволено».

Демократическая газета *La Stampa*, принадлежавшая промышленнику Джованни Аньелли, основателю *FIAT*, уже в июле 1922 года могла предсказывать:

Фашизм — это движение, склонное к использованию любых имеющихся в его распоряжении средств для захвата власти в государстве и обществе и установления абсолютной однопартийной диктатуры. Главные методы, взятые им на вооружение, — его программа, решительность его вождей и рядовых членов и полное подавление всех конституционных публичных и частных свобод, то есть фактически уничтожение Основного закона и всех либеральных завоеваний со времен итальянского *Risorgimento*³⁵.

В 1922 году лишь немногие понимали всю опасность институционализованного военизированного насилия для судеб парламентского режима. Либеральная буржуазия верила в то, что можно приручить фашизм, допустив его в правительство, в то время как большинство антифашистских партий относилось к фашизму как к недолговечному

³⁵ Il governo e la destra // *La Stampa*. 1922. 18 luglio.

движению, которое неизбежно выдохнется после того, как исполнит свою функцию вооруженной гвардии буржуазного государства. Эти иллюзии преобладали даже после «похода на Рим», способствуя гибели парламентского режима от рук Фашистской партии³⁶.

Фашизм взял власть, угрожая вооруженным восстанием против государства. Подчиняясь этой угрозе, король предложил возглавить страну 39-летнему человеку, не имевшему опыта работы в правительстве. Фактически Муссолини лишь годом раньше был избран в палату депутатов и мог рассчитывать на поддержку лишь 30 парламентариев-фашистов. Таким образом, впервые в истории европейских парламентских режимов власть в либеральном государстве была вручена главе милиционной партии, укреплявшей свое влияние посредством военизированного насилия. Нет сомнений в том, что вооруженные силы государства с легкостью могли одержать победу над военизированными фашистскими отрядами и подавить фашистскую революцию в зародыше. Однако ни король, ни правительство не обладали политической волей и моральной отвагой для того, чтобы отдать приказ, который мог бы спасти парламентский режим. Они опасались, что подавление фашистского движения вдохнет новую жизнь в социалистическую революцию, и лелеяли иллюзию о том, что обязанности по управлению государством убедят фашистов отказаться от своих насильственных военизированных методов и приступить к укреплению основ либерального государства.

Возглавив правительство, Муссолини и не подумал прекращать фашистское военизированное насилие, а, напротив, узаконил его в качестве орудия своей личной власти, выведя его из-под контроля местных сквадристских вождей, известных как «расы» (*ras*). Однако Добровольная милиция национальной безопасности не сумела пресечь использования «расами» военизированного насилия с целью консолидации своей локальной власти. Пусть Муссолини на словах обещал нормализацию положения, умиротворение страны и восстановление закона и порядка, но на деле он вместе с прочими фашистами продолжал пользоваться услугами военизированной милиции, как

³⁶ О «походе на Рим» см. фундаментальное, хотя в некоторых отношениях спорное исследование: *Repaci A. La Marcia su Roma: con altri documenti inediti.* Milano, 1972; *De Felice R. Mussolini il fascista. La conquista del potere 1921—1925.* Torino, 1966. P. 282 ff.; *Gentile E. Storia del partito fascista.* Ch. 8. Самой последней работой, при несколько избыточных претензиях автора на оригинальные интерпретации все же содержащей полезные документы, является: *Albanese G. La marcia su Roma.* Roma; Bari, 2006.

и репрессивных сил государства, для окончательного разгрома своих оппонентов и распространения фашистской власти на всю страну.

Вооруженные сквадристы и военизированное насилие по-прежнему оставались гарантией господства Фашистской партии в стране. В апреле 1923 года, выступая в Турине с публичной речью, Чезаре Мария де Векки — лидер пьемонтских фашистов, один из четверки «квадумвиров» во время «похода на Рим» и член правительства, — заявил, что фашистская революция неизбежно состоится,

...может быть, при согласии [всех граждан], может быть, при его отсутствии, но скорее всего — усилиями тех 300 тысяч чернорубашечников, что входят в состав MVSN <...> Сегодня они вооружены карабинами со штыками, но в будущем получают пушки и огнеметы, с помощью которых наведут порядок в стране и дадут понять всем силам за пределами Италии, что нас следует уважать <...> При необходимости, — а я думаю, что без этого не обойдется при окончательном установлении нового строя и достижении нашей высшей цели <...> мы научимся за полчаса объявлять осадное положение и открывать огонь в течение минуты. Думаю, что это решит все проблемы³⁷.

В декабре 1922 года де Векки отправил поздравление туринским сквадристам, убившим 23 рабочих в ответ на раны, полученные двумя фашистами.

Муссолини в своих речах осуждал нелегальные действия фашистов и обещал «нормализацию», умиротворение и восстановление власти закона. Благодаря этим обещаниям он завоевал доверие парламента и получил все полномочия для восстановления порядка и оздоровления национальной финансовой системы. Более того, его правительство пользовалось поддержкой монархии, ведущих фигур в экономике страны, церкви и консервативного общественного мнения как внутри Италии, так и за ее пределами. Конституционные партии объявили о своем доверии новому премьер-министру. Враги Муссолини были слабы и разобщены. Рабочий класс ощущал себя преданным и покорился своей участи; буржуазия успокоилась и была удовлетворена; низы среднего класса одобряли смену правительственного курса. Новый избирательный закон, принятый в 1923 году при поддержке консерваторов и либералов, обеспечивал Муссолини такое парламентское большинство, какого прежде не было ни у одного итальянского

³⁷ Цит. по: Il Mondo. 1923. 26 aprile.

премьер-министра. Экономическая ситуация улучшилась еще до «похода на Рим». Тем не менее казалось, что ничто не препятствует восстановлению парламентского режима, как произошло в других странах Европы после потрясений первых послевоенных лет.

Этому не препятствовало ничего, кроме Фашистской партии и принятого ее вождем решения сделать свое пребывание во главе правительства однозначным и непреложным фактом. 15 декабря 1922 года, на одном из первых заседаний Совета министров, Муссолини упомянул об «абсолютно необратимой природе состоявшейся в октябре смены режима»³⁸. Через четыре дня дуче выступил с предупреждением, сводившимся к тому, что «фашистское государство — сильное государство, готовое любой ценой защищать себя с холодной, неистощимой энергией»³⁹. 10 февраля 1923 года он заявил в палате депутатов: «Мы продержимся по меньшей мере тридцать лет»⁴⁰. 8 июня 1923 года он напомнил сенату о существовании «могучей армии добровольцев, готовой встать на защиту нации и той особой формы политического режима, которая зовется фашизмом»⁴¹.

Захватив власть в парламентском государстве, фашисты не стали распускать свою военизированную организацию, а преобразовали ее в государственный институт — MVSN, — во главе которого встал Муссолини⁴². Решение об этом на первом же своем заседании, состоявшемся 12 января 1923 года, принял новый орган Национальной фашистской партии — фашистский Большой совет, созданный Муссолини вскоре после «похода на Рим». Большой совет объявил, что боевые отряды партии вправе вступать в MVSN, но должны оставаться «принципиально фашистскими [силами], призванными защищать неизбежное и неотвратимое наступление Октябрьской революции, оберегать ее символы, знаки отличия и имена, окружающие святым ореолом ее победоносные битвы и кровь, пролитую за ее дело»⁴³.

³⁸ *Mussolini B. Opera Omnia. Vol. XIX. P. 66.*

³⁹ *Ibid. P. 73.*

⁴⁰ *Atti Parlamentari, Camera dei Deputati, XXVI Legislatura, 1a Sessione, 2a Tornata. P. 8576 (10 февраля 1923 г.).*

⁴¹ *Mussolini B. Opera Omnia. P. XIX, 256.*

⁴² Не имеется полноценных научных работ, посвященных MVSN. Общий обзор, страдающий неадекватностью, особенно в том, что касается исторического анализа, см.: *Aquarone A. La Milizia volontaria per la sicurezza nazionale // Aquarone A., Vernassa M. (Ed.). Il Regime fascista. Bologna, 1974. P. 84—111; Valleri E. Dal Partito armato al regime totalitario: la Milizia // Italia contemporanea. 1980. Ottobre—dicembre. P. 31—60.*

⁴³ *Il Regime Fascista dopo la Marcia su Roma. Raccolta delle deliberazioni del Grand Consiglio con una premessa di Benito Mussolini. Ed. provvisoria. Roma, 1924. P. 18.*

Назначение «сил, созданных для достижения целей фашистской революции» было одобрено на заседании Большого совета 13 февраля, тем самым подтвердившего военизированный характер и задачи организации, которая считала себя неподвластной существующему конституционному строю⁴⁴. Связь фашизма с его военизированным аспектом была окончательно закреплена в апреле того же года, когда Большой совет постановил, что все члены фашистской партии по определению входят в состав ее милиции; на своей следующей сессии Большой совет предписал произвести «быстрый и тщательный отбор кадров чернорубашечников»⁴⁵.

Первым командующим фашистской милицией был назначен Итало Бальбо, ее «образцовый герой». 27-летний Бальбо во время Первой мировой войны служил офицером в элитных альпийских частях, получив много наград, а затем стал республиканцем-антиклерикалом и возглавил фашистское движение в Ферраре. Он являлся одним из наиболее эффективных организаторов *squadristo*, а также одним из главных создателей фашистских ритуалов⁴⁶.

После учреждения MVSN самой сложной проблемой, вставшей при реорганизации фашистских военизированных сил, помимо отсутствия дисциплины у сквадристов, трудностей при отборе офицеров и прохладного отношения со стороны армии, стала нехватка оружия. В 1923 году милиция насчитывала в своем составе около 190 тысяч человек, однако в августе того же года она имела лишь 149 026 винтовок и 151 пулемет⁴⁷. Другой очень серьезной проблемой стал новый конфликт между «бойцами» и «политиками», причиной которого было то, что роли политического вождя и *squadrista* достались одному и тому же человеку. В докладе от 15 июня 1923 года на имя Итало Бальбо как командира MVSN заместитель начальника Генерального штаба команданте Витторио Верне сетовал: «Еще одним фактором, реально тормозящим организацию [вооруженных сил], служит влияние политики на военные вопросы. Сочетание военной и политической ответственности в одних руках стало большой помехой; когда пытаешься разом сделать все, толком не выходит ничего». Более того, соперничество между вождями привело к «возникновению в рамках

⁴⁴ Ibid. P. 19.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ См.: Panunzio S. Italo Balbi. Milano, 1923. P. 34 ff.; Guerri G.B. Italo Balbo. Milano, 1984. P. 34 ff.; Rochat G. Italo Balbo. Torino, 1986; Segre C.G. Italo Balbo. Aviazione e potere aereo. Roma, 1998. P. 13—48.

⁴⁷ Ibid. P. 145.

милиции клиентел вокруг многочисленных [вождей], стремящихся превратить свою позицию в политическую платформу или в средство получения частной и персональной наживы»⁴⁸. Соответственно Верне делал ряд предложений:

А. По возможности оградить Милицию от политического вмешательства, проведя четкую грань между политической и военной ответственностью и провозгласив их несовместимость, а также сформулировав взаимоотношения между Милицией и партией.

В. Произвести безжалостную чистку офицерских кадров с тем, чтобы командиры были полностью уверены в [оставшихся,] достойных такого доверия и способных его оправдать.

С. Любой ценой поддерживать железную дисциплину.

Благодаря такому подходу Милиция действительно останется той серьезной организацией, какой ее называет премьер-министр [Муссолини], и сможет не только защищать режим и фашистскую революцию от внутренних и внешних угроз, но и выполнять другие крайне важные задачи. Она станет наилучшей школой для нации и будет способна сохранять наступательный дух нашей расы.

Невзирая на проблемы реорганизации и раздоры между вождями «солдат» и «политиков» — которые, впрочем, не отменили совмещения «бойца» и «политика» в лице «раса» (провинциального лидера фашистов), — военизированная организация оставалась основным средством, с помощью которого фашистская партия укрепляла и расширяла свою власть над всей страной. Фактически на своей июльской сессии 1923 года Большой совет заявил, что фашизм будет сохранять свои «вооруженные силы» до тех пор, пока «государство не станет полностью фашистским» (что означало полную смену правящего класса) и «пока окончательно не исчезнет малейшая возможность восстания антинациональных элементов». После этого милиции предстояло превратиться в «великую политическую полицию»⁴⁹.

В последующие месяцы двойственная природа Фашистской партии и национального государства (побудившая антифашистов ввести в оборот в 1923 году термин «тоталитаризм») распространилась на все государственные институты — и политические, и военные, как

⁴⁸ Архив Бальбо, Рим. Выражаю благодарность г-ну Паоло Бальбо за любезное разрешение пользоваться его архивом.

⁴⁹ Там же.

в центре, так и на периферии страны. Эта двойственность со всей очевидностью проявилась и в милиции. В конце 1923 года команданте Верне снова указывал на возникавшую при этом дилемму в своем докладе *О настроении и боевом духе Милиции в связи с ее задачами, ее будущим и ее взаимоотношениями со страной и с другими вооруженными организациями государства*:

Дилемма состоит в следующем.

В настоящее время Милиция избыточно милитаризована для того, чтобы оставаться исключительно партийной Милицией; она утратила всю свою гибкость, сильно разрослась и деградировала.

В качестве Национальной Милиции, решающей военные задачи, она в чрезмерной степени остается партийной милицией, обладающей лишь крайне ограниченными военными и боевыми возможностями.

Необходимо покончить с этой двусмысленностью и решительно обозначить будущий путь [ее развития].

Решение, предложенное Верне в конце 1923 года, во многом предугадывало реальное развитие MVSN после 1926 года, когда в стране окончательно установился тоталитарный однопартийный режим, — исключением стал лишь последний пункт этих предложений:

[На милицию должны быть возложены] ясные, четкие и недвусмысленные задачи, а именно:

А. Оборона фашистского режима.

В. Допризывное обучение и подготовка молодежи к службе в армии.

С. Сохранение готовности граждан к войне, в первую очередь посредством послепризывного обучения.

Д. Возвращение [милиции] в ряды армии и флота в случае мобилизации.

Верне указывал, что в первый год своего существования милиция выполняла лишь первую из этих функций. Его замечания в связи с тем, как решалась эта задача на первом году фашистского правления, представляют собой реалистичную оценку препятствий, все еще стоявших на пути фашистской революции, но они же подтверждают, что и для партии, и для милиции восхождение к власти стало необратимым событием. Они были не только правительством, но и режимом, и им

следовало укрепить свою власть, политически устранив всех противников. Верне писал:

Хотя фашистский режим ни разу не сталкивался с серьезными угрозами, остается справедливым то, что наличие этих вооруженных сил, имеющих сильную мотивацию [т.е. милиции], внушает мудрое благоразумие нашим противникам всех мастей.

Первая роль, порученная Милиции, имела ключевое значение в период, непосредственно последовавший за революцией. Она будет постепенно возрастать по мере консолидации режима и расширения его основы среди народных масс. Хотя фашистская революция, вопреки надеждам, не успела достичь всех своих целей, поскольку не создала нового правящего класса, способного заменить собой старый, тем не менее настанет момент — и мы надеемся, что это случится очень скоро, — когда окончательное ослабление внутренних врагов [режима] избавит нас от необходимости иметь специальную Милицию, позволив обойтись обычными полицейскими силами⁵⁰.

Институционализация военизированных формирований политической партии представляла собой совершенно новое явление в истории парламентских демократий. Депутат-социалист Джакомо Маттеотти писал: «Италия — единственная гражданская страна, в которой партийная милиция вооружается и финансируется государством против другой части граждан»⁵¹.

Тем не менее поразительно мало политиков-антифашистов понимало, что парламентский режим не в состоянии пережить правление партии-милиции, обрекающей страну на произвол своих собственных бойцов, пользующейся поддержкой сил правопорядка и преследующей противников так, словно они подлежат уничтожению в качестве внутренних врагов нации.

В апреле 1923 года либерал-антифашист Джованни Амендола предложил описывать методы, использовавшиеся Фашистской партией для ликвидации оппозиции и установления своей власти в государстве, термином «тоталитаризм». Фашизм, писал Амендола,

...стремится не столько управлять Италией, сколько монополизировать контроль над умами всех итальянцев. Одной власти для этого недостаточно <...> Он хочет обратить итальянцев в свою веру <...> Фашизм пре-

⁵⁰ Архив Бальбо, Рим.

⁵¹ *Matteotti G. Scritti sul fascismo*. Pisa, 1983. P. 122.

тендует на то, чтобы быть религией <...> [ему свойственны] чрезмерные амбиции и бесчеловечная бескомпромиссность крестового похода⁵².

Демократ-антифашист Луиджи Сальваторелли в том же месяце отмечал, что фашизм намеревается установить

...тотальную диктатуру одной партии, покончить со всеми прочими партиями и тем самым положить конец политической деятельности в том виде, в каком она понималась в Европе за последние сто лет⁵³.

Тремя днями позже коммунист Пальмиро Тольятти с иронией отзывался о

...том упрямстве, с которым либералы, демократы и *Popolari* продолжают надеяться на то, что конституция может стать преградой для фашизма. Вплоть до нынешнего момента они по-прежнему верят в то, что фашистская диктатура проживет недолго и с течением времени начнет придерживаться законности. Эти надежды не смогло разбить даже учреждение национальной Милиции...⁵⁴

После года фашистского правления Маттеотти, опираясь на четкие документальные свидетельства, обличал фашистов, по-прежнему прибегавших к насилию для установления своего господства в государстве и в обществе — как символического, так и физического. Только фашисты, писал Маттеотти,

...могут носить револьверы и другое оружие. Для того чтобы оставаться на государственной службе и не подвергаться гонениям, фактически требуется наличие партийного билета. Многие государственные служащие — учителя, чиновники, рабочие — были изгнаны со службы или уволены просто потому, что чем-то не устраивали Фашистскую партию.

В целом, делал вывод Маттеотти,

...членство в Фашистской партии превратилось во вторую и более важную форму итальянского гражданства, без которой невозможно пользоваться гражданскими правами и иметь право голоса, и вообще

⁵² Il Mondo. 1923. 1 aprile.

⁵³ Secondo tempo // La Stampa. 1923. 25 aprile.

⁵⁴ Togliatti P. Sviluppi inesorabili // Il Lavoratore. 1923. 28 aprile.

выбирать, где жить, в каких кругах общаться, с кем встречаться, где работать, что говорить и даже что думать⁵⁵.

Амендола, Сальваторелли, Тольятти и Маттеотти не были пророками. Однако они обладали достаточной проницательностью, чтобы раньше многих других понять, что партия, опирающаяся на военизированное насилие и претендующая на насаждение собственной идеологии в качестве новой религии, убивает парламентский режим, не говоря уже о свободе и достоинстве тех, кто не покорился фашистской монополии на политику. Сам Маттеотти был убит в июне 1924 года по приказу ближайших помощников Муссолини, если не его самого. И это явно был не единичный инцидент, а следствие тоталитарных методов, которыми фашизм правил Италией в течение предыдущего года.

Таким образом, военизированное насилие представляло собой «обоснование фашизма». Оно являлось эмбрионом, из которого в последующие годы вырос тоталитарный режим. Как мы видели, понятие «тоталитаризм» с самого начала относилось к террористическим методам, с помощью которых Фашистская партия пришла к власти. После 1924 года те же методы взяло на вооружение государство, в котором установились однопартийное правление и полицейский режим. Совместно с милитаризацией общества, культом дуче и империалистическими войнами они составляли диктатуру принципиально нового типа. На путь, проложенный в 1919—1923 годах военизированным насилием итальянского фашизма, впоследствии вступили многие европейские антидемократически настроенные националисты.

⁵⁵ *Matteotti G. Scritti sul fascismo. P. 124—125.*

БЕЛЫЙ МИФ. РУССКИЙ АНТИБОЛЬШЕВИЗМ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЕВРОПЕ

ВВЕДЕНИЕ

Долгое время прорыв России к XX веку представляли как конец эпохи царизма и угасание домодерного XIX века. В преддверии революции все политические и социальные реформы сопоставлялись с предстоящим радикальным переустройством. Быстрое экономическое и технологическое развитие казалось ведущим к такому перевороту. Хотя Первая мировая война резко и внезапно переориентировала это развитие, в русско-советской коллективной памяти в качестве перелома эпохи остался не 1914 год. Его размытые очертания лишь в последнее время начинают всплывать из забвения¹.

Причина не только в успехе большевиков, сумевших утвердить «Красный Октябрь» 1917 года в качестве мифа основания для новой эпохи, изменившейся империи и социалистического общества будущего. Не менее важно, что в укрепление этой исторической конструкции существенный вклад внесли многочисленные противники утопического проекта большевиков. Чем больше Гражданская война в России превращалась в решающую битву всемирно-исторического значения, тем резче становился контраст между большевизмом и антибольшевизмом. Оба они стали ключевыми элементами двойной легенды, которая получила широкое распространение в европейском контексте.

Современный пересмотр эпохи Первой мировой войны не исчерпывается деконструкцией нарратива о «триумфальном шествии советской власти» или первыми шагами к переоценке места революции в смене эпох. Последние годы шаг за шагом в историю России XX века возвращается Первая мировая война. Наконец настало время посмотреть под этим углом зрения на послевоенную эпоху и включить в пер-

¹ *Cohen A.J.* Oh, That! Myth, Memory, and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union // *Slavic Review*. 2003. Vol. 62. № 1. P. 69—86; *Нарский И.В. и др.* (Ред.). Опыт мировых войн в истории России: Сб. ст. Челябинск, 2007; *Petrone K.* The Great War in Russian Memory. Bloomington; Indianapolis, 2011.

спективу первые годы русской эмиграции, в которой продолжились основные процессы трансформации, начатые «семилетней войной» 1914—1921 годов².

Помимо этого, многие явления послевоенной эпохи обнаруживают преемственность с периодом до Мировой войны. Мобилизация и коммуникация, производство и распределение, единство и разделение были неизменно повторявшимися задачами, которые стояли и перед царской администрацией, и перед последующими революционным и контрреволюционным правительствами. Рамочные условия, при которых было необходимо поддерживать стабильность и порядок, радикально ухудшились за несколько лет «Великой войны», революционного кризиса и Гражданской войны. В европейской истории мало найдется параллелей тому, что пережил театр военных действий на Востоке по масштабам эскалации насилия и разрушений.

Далее на примерах будут показаны некоторые важные аспекты этого эпохального «великого перелома». Ссылки на общественно-политический, военный, идеологический и биографический материал очерчивают контуры «небольшевистской России» — чрезвычайно неоднородной среды с альтернативными векторами развития. Ее корни — в начале столетия, на них налагает отпечаток Первая мировая война, формирует канун революции, сам «Красный Октябрь» и умножает Гражданская война. Лишь в эмиграции это противоречивое наследие сводится к минималистской версии, которая угасла в виде «белой идеи», но начала новую европейскую карьеру в форме «антибольшевизма». Предпосылки расходящихся стратегий выживания, синтетических моделей мира и социальных форм взаимодействия, которые радикально изменили дальнейшее течение истории в XX веке, возникли в войну и послевоенное время. Нестабильность и потери, страх и ужас — а вместе с тем энтузиазм великих утопий и приверженность «общему делу» — отличали многочисленные, в большей или меньшей степени последовательные движения искательства и сообщества единомышленников.

ДОБРОВОЛЬЦЫ И ДЕЗЕРТИРЫ

Первая мировая война поставила царскую империю перед испытаниями, подобными новому «Смутному времени». Никогда прежде

² Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914—1921. Cambridge, 2002.

имперская идея и национальный вопрос не находились в таком противоречии друг с другом. Многочисленные потери в начале военных действий заставляли царское правительство все в большей степени апеллировать к патриотизму населения. Мобилизация для службы на фронте, в резерве, а также не в последнюю очередь для тыловых задач набирала обороты. В то же время власти подозревали часть населения, проживавшего вблизи к линии фронта, в политической «неблагонадежности». Власть подогревала страх перед «предательством» и «саботажем» и взывала к единству «отечества». Выражением публичной истерии стали насильственные переселения, высылки и депортации³. «Наши враги окружают нас сетью шпионов», — говорилось в листовке, которую распространяли на Юго-Западном фронте в апреле 1916 года. Агентов все труднее было разоблачать: они переодевались в униформу русских солдат, офицеров и чиновников, прикидывались «еврейчиками», «торговцами», «старыми бабками» или «мальчишками»⁴. Если у кого-то уже до того были сомнения в стабильности существующего порядка, то тем более он должен был сомневаться теперь, можно ли долго выдерживать одновременную борьбу с внешним и многочисленными «внутренними врагами»⁵.

Призванные на «службу империи» должны были сильнее, чем прежде, защищать «русскую нацию»⁶. Их внимание обращалось на национальные, этнические и культурные различия между подданными. Рассеявший иллюзии первый период войны способствовал тому, что число дезертиров увеличивалось в геометрической прогрессии. Наоборот, чувствительно сокращались и без того скромные масштабы готовности записаться добровольцем. Зато готовность защищать страну от внутренних врагов позднее перешла от императорской к Красной и Белым армиям, а также к бесчисленным партизанским соединениям, «бандам», собственным армиям «атаманов» и этническо-национальным

³ *Lohr E. Nationalizing the Russian Empire. The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge, 2003; Gatrell P. A Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I. Bloomington, 2005.* Об «эффекте домино» в годы Гражданской войны и в послевоенное время см.: *Baron N., Gatrell P. Homelands. War, Population and Statehood in Eastern Europe and Russia, 1918—1924. London, 2004.*

⁴ *Берегись шпионов!*, листовка от 4 апреля 1916 года, опубликована в: *Асташов А.Б. (Ред.).* Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 359 и след.

⁵ *Jahn H. Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca, 1995.*

⁶ *Асташов А.Б. Введение // Он же (Ред.).* Пропаганда на Русском фронте. С. 65—85; *Petrone K. The Great War. P. 165—198; Stockdale M.K. United in Gratitude. Honoring Soldiers and Defining the Nation in Russia's Great War // Kritika. 2006. Vol. 7. № 3. P. 459—485.*

вооруженным формированиям. После того как привязанность солдат и гражданского населения к царскому двору, правительству, империи и государству ослабла, для привлечения рекрутов в регулярную или именованную таковой армию требовались насильственные меры. При первой удобной возможности новобранцы бежали⁷.

Беспрецедентных размеров дезертирство достигло во время поражений лета 1915 года, за которыми последовало хаотическое отступление, закончившееся для целых армейских соединений германским пленом. Кто мог, пробивался самостоятельно по направлению к родным местам. Поток бегущих сопровождали разбой, грабежи, бандитизм и эскалация насилия. Некоторые из этих беглых групп достигли даже Московского военного округа. В 1916 году военные службы отмечают неизвестное до тех пор явление — легко раненные дезертировали на санитарных поездах. На Юго-Западном фронте заградительные отряды каждый месяц имели дело примерно с 5 тысячами дезертиров. Хотя штаб без устали грозил все новыми драконовскими наказаниями, поток дезертиров не уменьшался до самого конца войны. Одни самовольно передвигались по прифронтовой полосе, устраивались в городах и деревнях, выдавали себя за уполномоченных военных заготовительных частей и реквизировали продукты. Другие провоцировали беспорядки, устраивали нападения на полицию и охранников железных дорог. В Петрограде, в большой степени страдавшем от дезертиров, была учреждена комендатура, которая должна была бороться с дезертирством и разгулом уголовщины. На Северном фронте беглецы в массовом порядке обеспечивали себе доступ в запасные батальоны, чтобы переждать здесь время до заключения мира. Надежда на то, что дезертиров удастся собирать и возвращать в организованном порядке на фронт, из-за катастрофического падения дисциплины была тщетной. Офицеры скорее опасались того, что умножившиеся почти до размеров армии скопления дезертиров в тылу были лишены всякого контроля и предоставлены сами себе. Все это представляло собой максимально неблагоприятные условия для успешной защиты «революционного Отечества» после февраля 1917 года⁸.

⁷ *Sanborn J.A. Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905—1925. DeKalb (Ill.), 2003; Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.*

⁸ На основе военных документов об этом пишут: *Асташов А.Б. Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны // Российская история. 2011. № 4. С. 44—52; Гребенкин И.Н. Русский офицер в годы Мировой войны и революции 1914—1918 гг. Рязань, 2010. С. 184—202.*

Большевистский переворот и последующая попытка большевиков силой утвердить государство, форму которого определяли они одни, повлекли за собой появление совершенно новых кредо. Тот, кто после угасания революционной эйфории хотел оставаться «патриотом», должен был приноровиться к новому нормативному кодексу, который менялся в зависимости от течения событий в Гражданской войне, равно как и после нее. Ключевым элементом идентификации оставалось обещание не допустить пересмотра социальных достижений на «родине революции», а по возможности и распространить их за ее границы. Тем не менее Красная армия не была соединением добровольцев. Ее преобразование в массовую армию осуществилось почти исключительно за счет возвращения к воинской повинности и жесткого проведения этой повинности в жизнь. На службу вооруженному пролетариату приходилось заставлять идти прежде всего крестьян. Они или уже присвоили себе помещичьи земли, или использовали распад государственных структур и всеобщий хаос для того, чтобы успеть это сделать. Более или менее удавалось призвать на службу молодых крестьян, которые уже успели послужить в Мировую войну. В конце Гражданской войны насчитывавшая в своих рядах около 5 миллионов солдат Красная армия на три четверти состояла из крестьян. Это было впечатляющим успехом мобилизации уже потому, что массовое дезертирство, так же как в белых армиях, никогда не прекращалось. Особенно в летнее время многие убегали, чтобы помочь в обработке урожая. На пике боев во второй половине 1919 года в дезертирах числилось около полутора миллионов солдат⁹. Ярко выраженные политические мотивы играли здесь для всех сторон в Гражданской войне вторичную роль. В деле штаба Сибирского военного округа от 8 июля 1918 года говорилось:

Призыв добровольцев в армию малоуспешен вследствие непопулярности добровольческой службы вообще: добровольцы идут, главным образом, не по идее, а только с целью заработка. Естественно, что при таких условиях добровольческий элемент мало надежен, рассчитывать на большой приток его нет оснований¹⁰.

Когда белые армии были наконец побеждены, многие крестьяне примкнули к «зеленым» формированиям, чтобы противодействовать

⁹ *Figes O. Peasant Russia, Civil War. The Volga Countryside in Revolution (1917–1921)*. Oxford, 1989. S. 308–316.

¹⁰ Цит. по: *Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году*. Новосибирск, 2010. С. 137.

реквизициям их урожая продотрядами или вмешательству партийных ячеек и большевистских комиссаров в деревенские дела¹¹.

Современные исследователи занимаются анализом того, как предпосылки довоенного времени и Мировой войны, опыт массового убийства, революционных боев и контрреволюционного противодействия, распада империй и проснувшихся национальных амбиций на периферии, зеркального переживания поражения и победы, а также памяти о предшествовавших и еще продолжавшихся локальных конфликтах перешли в эксцессы военизированного насилия в Гражданскую войну и после нее¹². Армейское руководство во время Гражданской войны использовало опыт Первой мировой и развивало его дальше в зависимости от менявшихся условий. «Красные», «белые», а также прочие институты формирования общественного мнения определенно использовали при конструировании образа врага формы, мотивы и технику предшественников в Мировую войну¹³. Подражания можно найти во всех областях пропаганды и агитации — визуальной презентации, языковом редуцировании и медиальном распространении. Многочисленные параллели перекрывают фундаментальные семантические сдвиги. Лишь к концу Гражданской войны в кампании по привлечению сторонников стала видна эта эпохальная смена координат. Претензии большевиков на лидерство в Гражданской войне стали реальностью. Теперь они задавали масштаб, но зато и должны были считаться при восстановлении экономики и стабилизации своей власти с трудно прогнозируемым сопротивлением.

Чтобы мобилизовать в основном политически индифферентных призывников, недостаточно было стремления убедить их программными лозунгами. Постановка под ружье должна была быть преимущественно насильственной. В отличие от Первой мировой, о смысле которой стали задумываться уже через несколько месяцев после начала поражений, готовность примкнуть в армиям Гражданской войны, взять на себя задачи временной администрации или как-то еще выступить на стороне соответствующей региональной или локальной

¹¹ На примере Тамбовской губернии см.: *Landis E.C. Bandits and Partisans. The Antonov Movement in the Russian Civil War.* Pittsburgh, 2008.

¹² Постановку проблемы см.: *Gerwarth R., Horne J. The Great War and Paramilitarism in Europe, 1917—23 // Contemporary European History.* 2010. Vol. 19. № 3. P. 267—273; *Eidem. Vectors of Violence. Paramilitarism in Europe after the Great War, 1917—1923 // Journal of Modern History.* 2011. Vol. 83. № 3. P. 489—512.

¹³ *Lazarski Ch. White Propaganda Efforts in the South during the Russian Civil War, 1918—19 (The Alekseev-Denikin Period) // Slavonic and East European Review.* 1992. Vol. 70. P. 688—707; *White S. The Bolshevik Poster.* New Haven, 1988.

власти в существенной мере зависела от непосредственного эффекта от последствий Мировой войны и революции, ширившейся анархии и неконтролируемых вооруженных конфликтов. По крайней мере, после неоднократной смены власти появлялась тенденция избегать однозначного проявления политических симпатий или вырабатывать такие стратегии выживания, которые оставляли бы открытыми разные возможности.

Добровольчество в опустошенных насилием областях часто больше не означало, что офицер, солдат или неслуживший вступал в вооруженное формирование, которое субъективно связывал с борьбой за «нацию», «родину» или «революцию». Ибо он обычно противостоял противнику, который в иной форме утверждал о себе то же самое. Мотивы, заставлявшие примкнуть к вооруженной группе, часто находились вне идеологических нарративов и лишь постепенно приобретали политический оттенок¹⁴. Одни хотели продолжать практиковавшееся ими военное ремесло, чтобы выжить, другие действовали из побуждения защитить себя, своих родных или свою деревню от брутального внешнего мира. Для третьих представлялась привлекательной возможность принадлежать к вооруженному сообществу, которое обеспечивало свое существование благодаря захваченной добыче. Немало было и тех, кто просто искал приключений, властвуя «с оружием в руках»¹⁵.

ВСАДНИКИ И АТАМАНЫ

Стабильность новых властных структур в Центральной России и в разнородных регионах зависела от того, кто смог собрать вокруг себя остатки профессиональных военных, насколько гибкой была его реакция на непредсказуемые условия и насколько успешным было обеспечение ресурсами. В переходное время между катастрофической военной зимой 1916/17 и летом 1918 года, когда в Центре упрочилась единоличная власть большевиков, государственные и военные макроструктуры рухнули. За оставшиеся ресурсы разгорелась ожесточенная борьба. В то время как большевики смогли превратить центральное ядро государства вокруг столиц Москвы и Петрограда в военную

¹⁴ Kater N. Heute Weiße, morgen Rote. «Kollaboration» als Grenzerfahrung im Russischen Bürgerkrieg // Tauber J. (Hrsg.). «Kollaboration» in Nordosteuropa. Erscheinungsformen und Deutungen im 20. Jahrhundert. Wiesbaden, 2006. S. 379—405.

¹⁵ Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России, 1917—1921. М., 2011; Морозова О.М. Антропология гражданской войны. Ростов-н/Д, 2012.

крепость и организовать централизованное управление, разрозненные противодействовавшие им правительства столкнулись с тяжелой необходимостью компенсировать свое периферийное положение и слабые административные ресурсы. Как и в Советской России, правила политики на периферии диктовало чрезвычайное положение. Провинциальные центры империи не справлялись с ролью «столиц». Будь то Омск в Сибири, Ростов-на-Дону на Юге, Киев на Украине, Севастополь в Крыму или Архангельск на Севере — ни один из центров военных диктатур белых никогда не считался чем-то большим, чем временная остановка в «марше на Москву». Помимо этого, эти центры составляли только узловые пункты слабо скоординированной сети больших и малых лидеров, которые враждовали между собой, даже если провозглашали совместную борьбу с красными. Их противоречившие друг другу амбиции обычно далеко выходили за пределы их реальной сферы влияния. Большая часть феноменальной роли «атаманов» и их конной свиты строилась на гипертрофированной риторике.

С точки зрения большевиков, главной опорой белых и, следовательно, военным центром контрреволюции было казачество¹⁶. За этим последовали ретроспективные — и семантически расходившиеся с историческим образцом — определения русской или сибирской «Вандеи»¹⁷. Скорее это следовало понимать символически, поскольку с точки зрения социальной истории размещавшиеся на периферии имперского ядра казачьи войска имели мало общего с роялистским народным движением Французской революции. У казачества отсутствовала также и ясно выраженная приверженность нации или единому государству. Казаков интересовал не имперский центр, а родная станица. Эта военная каста составляла лишь небольшую часть населения империи, однако имела чрезвычайное значение для обеспечения боеспособности русской армии в Первой мировой войне¹⁸.

Благодаря мобильности казаков их в прошлом всегда задействовали при подавлении внутренних беспорядков. После коллапса Старого

¹⁶ *Holquist P. Making Cossacks Counter-Revolutionary. The Don Host and the 1918 Anti-Soviet Insurgency // Halfin I. (Ed.). Language and Revolution. Making Modern Political Identities. London, 2002. P. 83—103.*

¹⁷ Это понятие широко распространено, ср.: *Калинин И. Русская Вандея. М.; Л., 1926.* См. также мемуары казачьего генерал-майора — монархиста: *Голубинцев С.В. Русская Вандея. Очерки гражданской войны на Дону 1917—1920 гг. Мюнхен, 1959.* Документы см.: *Шишкин В.И. (Ред.). Сибирская Вандея, 1919—1921. М., 2000—2001. Т. 1—2.*

¹⁸ *Stadler H., Steininger R., Berger K.C. (Hrsg.). Die Kosaken im Ersten und Zweiten Weltkrieg. Innsbruck, 2008.*

режима они в большей степени были способны оградить свои территории, куда они возвращались массово или одиночными группами, от быстрого наступления хаоса. Уже при Временном правительстве казачьи вожди, такие как атаман донских казаков Алексей Максимович Каледин, подвергли сомнению авторитет центральных органов. На Государственном совещании в Москве летом 1917 года Каледин защищал элитарный консерватизм казацких «равенства и братства». Только тогда, когда солдат стоял над политикой, «отечество» и «государство» можно было защитить от «анархии и предательства»¹⁹. Дислоцированные по стране казачьи соединения больше не собирались брать в руки оружие в защиту монархии, но большевикам они с самого начала оказывали ожесточенное сопротивление²⁰.

Как правило, заново избранные регулярные атаманы склонялись к тому, чтобы использовать свое военное и административное преимущество в интересах собственного дела. Последний раз в своей долгой истории казаки использовали выгоды мобильных кавалерийских соединений в мобильной войне²¹. Представлявшие собой своего рода «рыцарский орден степи», они знали, что правила этого ордена не годятся для того, чтобы подвинуть их разрозненные общины к совместному действию, равно как и не могут стать единой идеологией всей России²². Когда Гражданская война достигла в 1919 году наивысшей точки, казацкие элитные соединения сражались преимущественно на стороне Добровольческой армии белых на Юге. Они даже могли отождествлять себя с «народом» небольшевистской России, который поставлял ей солдат²³. Характерно, однако, что Деникин отклонил предложение включить казаков в состав Добровольческой армии как самостоятельную Кубанскую армию²⁴.

¹⁹ Речь Каледина от 14 августа 1917 года, цит. по: *Покровский М.Н., Яковлев Я.А.* (Ред.). Государственное совещание. М.; Л., 1930. С. 73—76. Совет народных комиссаров отменил казачьи привилегии своим решением от 13 декабря 1917 года.

²⁰ *Греков А.Н.* Союз казачьих войск в Петрограде в 1917 году // *Донская летопись*. Белград, 1923. № 2. С. 229—231; *Добрынин В.* Борьба с большевизмом на юге России. Участие в борьбе донского казачества, февраль 1917 — март 1920 г. Прага, 1921. С. 27 и след.

²¹ *Plochij S.M.* The Cossack Myth. History and Nationhood in the Age of Empire. Cambridge, 2012; *Лазарев А.В.* Донские казаки в гражданской войне 1917—1920 гг. Историография проблемы. М., 1995.

²² *Голубинцев С.В.* Русская Вандея. С. 5.

²³ *Краснов П.Н.* Всевеликое войско Донское // *APP*. Т. 5. Berlin, 1922. С. 288.

²⁴ *Скобцов Д.Е.* Драма Кубани // *Голос минувшего на чужой стороне*. 1926. № 1 (14). С. 224.

Боеготовность казаков падала в прямой пропорции к удалению мест их поселения от основных фронтов войны. Особенно множились конфликты с антибольшевистским правительством в Сибири²⁵. Действительные или выдававшие себя за таковых атаманы с безмерными личными амбициями доставляли временами армии Колчака больше хлопот в тылу, чем красные партизаны²⁶. Григорий Михайлович Семенов²⁷ и «законченный военный преступник» Иван Павлович Калмыков²⁸, а также генералы регулярной армии Сергей Николаевич Розанов, Дмитрий Леонидович Хорват²⁹, Павел Павлович Иванов-Ринов и есаул Борис Владимирович Анненков³⁰ стремились пробудить в Семиреченской области к новой жизни традиции казацкого прошлого. Семенов оправдывал конфискацию целых железнодорожных составов на том основании, что было бы «преступным» оставлять их большевикам. Его войска недостаточно снабжаются, поэтому «вынужденные реквизиции» неизбежны³¹. К штабу Семенова некоторое время относился и барон Роман Унгерн (фон) Штернберг. Врангель считал его «незаменимым в военное время», но «непереносимым во время мира»³². Как

²⁵ См.: *Bisher J. White Terror. Cossack Warlords of the Trans-Siberian*. London, 2005; *Smith C.F. Atamanshchina in the Russian Far East // Russian History*. 1979. Vol. 6. P. 57—67.

²⁶ *Pereira N.G.O. The Partisan Movement in Western Siberia, 1918—1920 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1990. Bd. 38. № 1. S. 87—97.

²⁷ Награжденный в Первую мировую войну, Семенов был направлен Временным правительством комиссаром в Забайкалье для создания вооруженных добровольческих формирований. После Октября он направил эти формирования на борьбу с большевиками. 19 января 1919 года он провозгласил независимую Бурят-Монгольскую республику под протекторатом Японии. В 1945 году он попал в руки советских властей и был казнен в следующем году (см.: Семеновский судебный процесс // Кентавр. 1993. № 6. С. 82—97).

²⁸ *Будберг А. Дневник // АРР. Берлин, 1923. Т. 12. С. 263, 265. Калмыков сражался во время Первой мировой войны вместе с Семеновым. В конце лета 1918 года, также при поддержке Японии, он установил карательный режим на Транссибирской магистрали в районе Хабаровска.*

²⁹ Д.Л. Хорват, с 1903 года директор КВЖД и убежденный монархист, как и Семенов, был назначен Временным правительством комиссаром на Дальнем Востоке с центром в Харбине (НИА. *Khorvat Collection*, b. 1 [Memoirs, Typescript], Кар. IX, р. 17 ff., XII, р. 2, 4).

³⁰ *Павловский П.И. Анненковщина. По материалам судебного процесса в Семипалатинске. М., 1928; Атаман Анненков // Военно-исторический журнал*. 1990. № 10. С. 66—72; 1991. № 3. С. 68—77; № 6. С. 77—84.

³¹ НИА. *Semenov Collection, Семенов Г.М. История моей борьбы с большевиками [Memoirs, Typescript]*, р. 27 ff. Семенов признавал, что его «раздетые и голодные солдаты» были вынуждены «брать там, где им попадалось на глаза», то есть в его случае у «имущих классов».

³² *Врангель П.Н. Воспоминания. Т. 1. Франкфурт-на-Майне, 1969. С. 12 и след.*

и Семенов, Унгерн сделал карьеру в Мировую войну. Известно о его беспримерных жестокостях, равно как и о его харизме и авторитете среди местного населения в Монголии, где он действовал. Эзотеризм, садистские фантазии и панмонгольские идеи соединились в нем в пестрый впечатляющий образ³³.

Биографии атаманов позволяют проследить истоки и традиции насилия Гражданской войны³⁴. Очевидно, некоторые из них знали друг друга по совместной службе в Отряде особой важности русской армии Первой мировой войны. Под командованием Леонида Николаевича Пунина, которого вскоре стали называть «атаманом», этот конный партизанский отряд занимался диверсионными актами во вражеском тылу. Это было единственное формирование такого рода на Северном фронте, а с декабря 1915 года Отряд стали задействовать под Ригой. При Временном правительстве ранней осенью 1917 года было решено распустить все особые формирования из-за опасения потерять над ними контроль. Однако пунинскому отряду удалось продержаться до февраля 1918 года³⁵. Его бойцы частично остались солдатами-партизанами, которые, как и прежде, выполняли особые задания на железнодорожных станциях, в лесах и сельской местности, частично стали брать на себя полицейские задачи, то есть ловить дезертиров, подавлять бунты, загонять обратно в окопы солдат — короче говоря, противодействовать быстрому распаду

³³ Кузьмин С.Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции. М., 2011; Юзefович Л.А. Самодержец пустыни. Барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил. М., 2010; Белов Е.А. Барон Унгерн фон Штернберг. Биография, идеология, военные походы 1920—1921. М., 2003; Базаров Б.В. Неизвестное из истории панмонголизма. Улан-Удэ, 2002; Palmer J. Der blutige weiße Baron. Die Geschichte eines Adeligen, der zum letzten Khan der Mongolei wurde. Frankfurt a.M., 2010; Sunderland W. Baron Ungern, toxic cosmopolitan // Ab Imperio. 2006. № 3. С. 285—298; Du Quenoy P. Warlordism à la russe: Baron von Ungern-Sternberg's anti-Bolshevik crusade, 1917—21 // Revolutionary Russia. 2003. Vol. 16. № 2. P. 1—27; Smith C.F. The Ungernovshchina: How and Why // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1980. Bd. 28. S. 590—595.

³⁴ См. материал в: Каминский В.В. Выпускники Николаевской академии Генерального Штаба на службе в Красной армии. М., 2011. С. 7—63; Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917—1922 гг. Справочные материалы. М., 2009.

³⁵ Хорошилова О.А. Всадники особого назначения. М., 2013. С. 195. Л.Н. Пунин сначала был командиром пехотной разведки; в августе 1915 года он направил главнокомандующему предложение о создании специальной воинской части. После смертельного ранения Пунина 1 сентября 1916 года командование частью переходило из рук в руки, некоторое время командующим был старший брат погибшего, А.Н. Пунин.

уставшей от войны армии³⁶. Эта переориентация привела к расколу секретной группы, к самоуправству местных командиров в отдельных местах операций и к потере единства. Некоторые объясняли эти отклонения хаосом на фронте, общим расстройством дел и бунтом нижних чинов.

В этой обстановке лозунги большевиков имели фатальное воздействие. Лев Пунин, младший брат атамана, также входивший в особое формирование, отметил в своих записях о положении в начале сентября 1917 года:

Большевизм, сладкая приманка для солдат, стал проникать в отряд, находя там благодатную почву. Кроме того, отношение окружающих частей было враждебным, и часто возникали по этому поводу конфликты. Большую роль также сыграло выступление генерала Корнилова. Отлично понимая, что боевую мощь отряда можно сохранить лишь строгой дисциплиной, начальник отряда и офицеры, а частью сами партизаны, старались вразумить «заболевших» большевизмом людей³⁷.

Остальное довершали интриги офицеров, которые настраивали партизан против руководства.

Сравнение списка штаба особого отряда с перечнем известных атаманов Гражданской войны обнаруживает некоторые пересечения. Так, барон Унгерн до 1916 года сражался под началом Пунина и перешел затем на год на Юго-Западный фронт. Но только когда летом 1917 года он вместе с Семеновым был переведен в Забайкалье, чтобы формировать там части из добровольцев, он посчитал, что пришло время реализовать собственные представления о партизанской войне. Анненков также возглавлял в Мировую войну отдельный партизанский отряд. На Северном фронте Гражданской войны локальная и персональная преемственность между атаманами была самой непосредственной. Здесь бывший подчиненный Пунина, штаб-ротмистр Станислав Никодимович Булак-Балахович провозгласил себя «атаманом». В Псковской губернии он властвовал — некоторое время совместно со своим братом Юзефом — на манер мелкого диктатора. Сначала это происходило по договоренности с наркомвоенмором Львом Давидовичем Троцким,

³⁶ *Хорошилова О.А.* Всадники особого назначения. С. 164 и след. Для Гражданской войны имеются многочисленные свидетельства того, что подобные миссии в белых армиях часто сопровождались насилием над мирным населением, необоснованными арестами и прочими незаконными методами (ГАРФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 21. Л. 1, 12).

³⁷ Цит. по: *Хорошилова О.А.* Всадники особого назначения. С. 190.

с которым Булак-Балахович встречался весной 1918 года в Москве и которому, очевидно, была близка идея элитного отряда из опытных и бесстрашных кавалеристов. Принимали в отряд наряду с партизанами пунинской сотни, украинскими казаками и молодыми поляками и обычных уголовников. Партизаны называли Балаховича «батькой». Его «демократический» режим состоял сначала в «усмирении» недовольного населения и подавлении восстаний. От имени советской власти воины Балаховича устраивали репрессии, конфисковывали имущество и собирали контрибуции. В ноябре 1918 года Балахович перешел к белым. После их поражения он вместе со своими сторонниками примкнул в 1920 году к армии Пилсудского и сражался на стороне Польши против Советской России³⁸.

Особенно катастрофической была ситуация на Украине, где наряду с вооруженными националистическими войсками друг с другом боролись многочисленные банды³⁹. Соединения Нестора Махно и Николая (Никифора) Григорьева играли важную роль в изматывании Добровольческой армии белых, хотя периодически вступали и в стычки с красноармейцами. Не в последнюю очередь ущерб Добровольческой армии нанесло и то обстоятельство, что ее солдаты и офицеры продавали на базарах «реквизированное» добро, начиная от лошадей и заканчивая предметами повседневного обихода⁴⁰. В Ставропольской губернии население жаловалось на бесчинства регулярных частей и бессилие начальства⁴¹. Большевистский лозунг «Грабь награбленное!» нашел отклик и среди их противников, заслуживших репутацию «грабьярмии»⁴². В то же время эта сторона «атаманщины» не может быть распространена на всю ее историю. В ходе Гражданской войны произошло радикальное смещение понятий о власти. Атаманы,

³⁸ Там же. С. 195—201; *Корнатовский Н.А.* Борьба за красный Петроград. М., 2004. С. 47; *Горн В.И.* Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин, 1923. С. 11—14. Немецкие органы сообщали еще в середине 1922 года о вербовке Балаховичем в Польшу интернированных солдат врангелевской армии для борьбы против Красной армии (РА АА. Pol. IV, 846/2, Pol. 5).

³⁹ *Schnell F.* Räume des Schreckens. Gewalt und Gruppenmilitanz in der Ukraine 1905—1933. Hamburg, 2012; *Dornik W.* (Hrsg.) Die Ukraine zwischen Selbstbestimmung und Fremdherrschaft 1917—1922. Graz, 2011.

⁴⁰ Политический отчет информационной службы ОСВАГа из Кубанской области от 18.05.1919 (НИА. Vrangeli' Collection, b. 31, f. 34).

⁴¹ Сообщение из Величаваго от 14 июня 1919 года (*Ibid.*, b. 31, f. 34); Разведсводка Добровольческой армии по Области Войска Донского от 08 мая 1919 года (ГАРФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 34. Л. 2).

⁴² *Валентинов А.А.* Крымская эпопея (По дневникам участников и по документам) // АРР. Берлин, 1922. Т. 5. С. 17.

которые хотели упрочить свое господство, не могли обойтись без выстраивания институционализированных структур. Их манифесты в конечном итоге служили для легитимации вовне и содержали в себе более или менее последовательное политическое ядро.

В то же время кавалерийские соединения и казаки сражались и на стороне большевиков, которые прежде всего старались привлечь на свою сторону социальные низы. Но на пропаганду Красной армии откликнулись в особенности молодые вернувшиеся с фронта казаки («фронтовики»). После того как они пережили революционное воодушевление митингов распадавшейся армии Первой мировой, возвращение в жестко заданные рамки образа жизни «стариков» им удавалось с трудом⁴³. Молодые казаки мечтали об ином равенстве. Они даже были готовы пожертвовать самим званием «казака», поскольку ассоциировали его с «дворянами»⁴⁴. Вначале «старикам» еще удавалось держать неподчинение под контролем путем «нагаечной дисциплины»⁴⁵. Но к 1918 году процесс разложения в самих казацких сообществах зашел так далеко, что добровольческие части казались более дисциплинированными⁴⁶.

На территориях конных элит бушевали собственные гражданские войны. В масштабе империи казацкое военное сословие все еще сохраняло наибольшую боеспособность. В процессе бесконтрольной массовой мобилизации Гражданской войны традиционная система призыва потеряла свою действенность. Наркомвоенмор Троцкий использовал автономистские устремления казаков, чтобы столкнуть их друг с другом и направить против унитаризма белых⁴⁷. «Красные» казаки Первой конной армии легендарного Семена Михайловича Буденного⁴⁸

⁴³ Филимонов А.П. Кубанцы (1917—1918 гг.) // Белое дело. 1927. Т. 2. С. 68 и след.; Добрынин В.В. Вооруженная борьба Дона с большевиками // Донская летопись. Белград, 1923. № 1. С. 95—98; Ладох Г. Очерки гражданской войны на Кубани. Краснодар, 1923. С. 10—17.

⁴⁴ Греков А.Н. Союз казачьих войск. С. 233 и след.

⁴⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин, 1921. Т. 2. С. 241.

⁴⁶ На примере казаков Каледина см.: Там же. С. 173.

⁴⁷ Весной 1918 года представитель Краснова вел переговоры с Троцким в Москве об обмене «дипломатическими миссиями» между Советской Россией и Доном (Падалкин А.П. Поездка в Москву к Ленину с письмом Донского атамана П.Н. Краснова // Донская летопись. Белград, 1924. № 3. С. 261—267).

⁴⁸ О культе будущего советского маршала кавалерии см. его биографию: Соколов Б.В. Буденный. Красный Мюрат. М., 2007, и опубликованные впервые в 1959 и 1973 годах мемуары С.М. Буденного (Буденный С.М. Первая конная армия. М., 2012).

и Второй конной армии донского казака Филиппа Кузьмича Миронова⁴⁹, которые были задействованы в штурме врангелевского Крыма, успешно интегрировались в брутальную стратегию большевиков. Казачество, мнимый оплот монархизма, превратилось в расколотое и дезориентированное сепаратное общество. Как и другие сегменты социального тела империи, оно оказалось неспособным противостоять динамике распада на переходе от Мировой к Гражданской войне. Еще до того, как бои завершились, большевики перешли к беспощадному «рассказачиванию», которое отвечало неумолимой логике их эгалитарного утопического проекта⁵⁰.

ПОРЯДОК И НАСИЛИЕ

Начавшийся в Первую мировую и стремительно набиравший обороты с февраля 1917 года распад государства оставил огромный вакуум власти, который после падения Временного правительства был использован не только Советом народных комиссаров в Петрограде, а затем в Москве, но и множеством других «правительств». Среди них до осени 1918 года выделялись социалистические правительства на Волге, Урале и в Сибири. Свою законность они выводили из Учредительного собрания, насильственно разогнанного большевиками. Колчаковский путч в Омске в ноябре 1918 года окончательно решил судьбу основанной на результатах выборов предыдущего года левой альтернативы. Правда, на Севере России некоторое время еще продолжало существовать возглавлявшееся социалистами правительство в Архангельске. Но это был скорее территориально ограниченный эксперимент, не оказавший влияния на борьбу за власть на общеимперском уровне⁵¹. Борьбу против большевиков возглавили военные диктатуры на Юге (Деникин, затем Врангель), Востоке (Колчак), а также имевшая второстепенное значение, несмотря на бои за Петроград, диктатура Юденича на Северо-Западе. Две первые диктатуры пользовались поддержкой интервентов, но она была противоречивой и нескоординированной. В то же время

⁴⁹ Шанин Т., Данилов В. (Ред.). Филипп Миронов: Тихий Дон в 1917—1921 гг.: Док-ты и мат-лы. М., 1997. Миронов не раз критиковал стратегию Троцкого, в том числе антиказацкую политику. В 1921 году он был расстрелян якобы за призыв к вооруженному восстанию.

⁵⁰ Генис В.Л. Рассказачивание в Советской России // ВИ. 1994. № 1. С. 42—55.

⁵¹ Новикова Л.Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и гражданская война на русском Севере, 1917—1920. М., 2011.

вмешательство во внутреннюю войну многих государств создавало прецедент. В тылу диктатур и поддерживавших их сил интервентов бушевали бои, ответственность за которые возлагалась населением на эти власти, хотя на самом деле они не могли их контролировать. По мере того как «столицы» много раз переходили из рук в руки, «государственность» все более сводилась к сиюминутным администрациям. Как и в Советской России, правительственную практику диктовало чрезвычайное положение⁵². Только в этом случае отсутствовали к тому же сохранявшиеся еще в центре остатки прежних административных структур⁵³.

Упомянутые военные режимы белых в регионах были рудиментарными государственными образованиями и в этом качестве конкурировали с Советской Россией⁵⁴. Вне этих политических амбиций невозможно объяснить ни устройство армий, ни учреждение гражданских администраций или иные меры по установлению политического порядка. Тот факт, что Колчак провозгласил себя Верховным правителем всей небольшевистской России, ничего не изменил в степени изоляции его «Всероссийского правительства», поскольку Восточному и Южному фронтам не удалось соединиться. Тем не менее это правительство хотя бы могло претендовать на символическое первенство.

Правовые и карательные органы сосуществовали, не имея над собой центральных инстанций. Когда власть в областях сменялась многократно, степень насилия возрастала. В случае «пособничества врагу» все стороны применяли беспощадные карательные меры. Этот феномен объяснялся как актуальными соображениями, так и ментальными установками⁵⁵. Генерал Корнилов потребовал от своих офицеров уже в январе 1918 года в борьбе с красными «пленных не брать»⁵⁶. В ходе легендарного Ледового похода по Кубани в марте 1918 года ге-

⁵² См. в общем: *Lüdtkе A., Wildt M. (Hrsg.). Staats-Gewalt: Ausnahmezustand und Sicherheitsregime. Historische Perspektiven. Göttingen, 2008. S. 7—38.*

⁵³ *Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. 2-е изд. М., 2010.*

⁵⁴ Джошуа Санборн причисляет белую Добровольческую армию на Юге к феномену незаконных вооруженных формирований под руководством полевых командиров (*warlordism*) и отказывает ей в статусе государственной силы (*Sanborn J. The Genesis of Russian Warlordism: Violence and Governance during the First World War and the Civil War // Contemporary European History. 2010. Vol. 19. № 3. P. 208*).

⁵⁵ К вопросу индивидуальных и коллективных матриц возмездия: *Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб., 2002. С. 72—140.*

⁵⁶ Речь Корнилова перед Первым офицерским батальоном, начало января 1918 года (*Пауль С.М. С Корниловым // Белое дело. 1927. Т. 3. С. 67*).

нерал обращался к своим солдатам: «Чем больше террора, тем больше побед!»⁵⁷ Николай Васильевич Устрялов, член Омского правительства при Колчаке, отмечал в своем дневнике в сентябре 1919 года, что офицеров Красной армии и политкомиссаров расстреливают или вешают на месте: «C'est l'usage (таково обыкновение. — *Примеч. пер.*), с этим ничего не поделать»⁵⁸. Колчак гарантировал амнистию только «добровольным перебежчикам», а Деникин лишь к середине 1919 года узаконил принципы обращения со служащими и сторонниками советской власти⁵⁹. Решение о том, подвергать ли красных офицеров наказанию военного суда или склонять к переходу на свою сторону, он оставил на усмотрение отдельных командующих.

Несмотря на это, можно лишь условно говорить о административно узаконенном белом терроре. Структурные аспекты последнего, в отличие от красного террора, более разнообразны и комплексны⁶⁰. Отсутствие центральных властей, неудовлетворительное состояние юридических инстанций, неопределенное отношение к законодательному наследию царского времени и Временного правительства отражали немислимый хаос⁶¹. Везде властвовали «законы военного времени»⁶². Государственные органы безопасности («стража», «госохрана») и службы разведки (Азбука, ОСВАГ) действовали практически автономно⁶³. Иногда возникало впечатление, что части Деникина сами создают анархию, в которой они обвиняли большевиков. Протопресвитер Георгий Иванович Шавельский жаловался на взяточничество, разбой, спекуляцию и бесчинства в Добровольческой армии, которая скорее показала себя «бандой»⁶⁴. Офицеры, пытавшиеся остановить

⁵⁷ Павлов В.Е. (Ред.). Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917—1920. Париж, 1962. Т. 1. С. 91.

⁵⁸ Запись в дневнике от 14 сентября 1919 года (НИА. Ustrjalov Collection, b. 1, f. 1, Dnevnik).

⁵⁹ Собрание узаконений и распоряжений правительства. № 17, 26.08.1919 (НИА, Vrangeli' Collection, b. 29, f. 14). Врангель приказал под Армавиром отделить от остальных военнопленных Красной армии 370 командиров, которые все были расстреляны. Нижние чины получили оружие и были включены в стрелковый полк (Врангель П.Н. Воспоминания. Т. 1. С. 85).

⁶⁰ Ср.: Bortnevskij V.G. White Administration and White Terror (The Denikin Period) // Russian Review. 1993. Vol. 52. P. 354—366.

⁶¹ Протокол заседания «Особого совещания» от 21 мая 1919 года (НИА. Vrangeli' Collection, b. 136, f. 2).

⁶² Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 262.

⁶³ Литвин А.Л. Красный и белый террор в России, 1918—1922. Казань, 1995. С. 53.

⁶⁴ Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 364.

мародерствующих солдат, сами становились их жертвами⁶⁵. Поскольку помощи из собственных рядов ждать не приходилось, Деникин учредил Особую комиссию по расследованию злодеяний большевиков. Она руководствовалась Уставом уголовного судопроизводства 1914 года, однако фактически пользовалась особыми правами полевого суда, которые вступали в силу сразу после освобождения местности⁶⁶. Весь собранный документальный материал о «зверствах большевиков» предназначался для «выявления перед лицом всего культурного мира разрушительной деятельности организованного большевизма». Действительные злодеяния при помощи брошюр и опубликованных фотографий превращались в «пропаганду зверств», которая возлагала ответственность за эскалацию насилия на противника⁶⁷. Исследование того, как подогревалось спонтанное вневоенное насилие, как разжигались или использовались для политических целей этнические конфликты у антибольшевистских режимов, только начинается⁶⁸. Ответственными за демографическую катастрофу 1914—1922 годов были, наряду с Мировой войной, революцией и Гражданской войной, прежде всего эпидемии, инфекции и голод. Среди общего числа предполагаемых 12—13 миллионов жертв за этот период на целенаправленный террор в узком смысле приходится лишь небольшая часть⁶⁹. И в любом случае такой террор трудно отграничить от неконтролируемых эксцессов насилия на фронте и в тылу.

Достаточно много документов и исследований опубликовано по антиеврейским погромам⁷⁰. Оценки количества жертв существенно

⁶⁵ Сообщение секретной службы Азбука из Киева, 17 января 1919 года (HIA. Vrangeli Collection, b. 30, f. 7).

⁶⁶ Ibid., b. 111, f. 2; b. 136, f. 2. Ср. неудовлетворительное с точки зрения введения и комментариев издание документов комиссии: *Фельштинский Ю.Г.* Красный террор в годы Гражданской войны, по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. Лондон, 1992.

⁶⁷ Брошюры об актах насилия, например, в Ростове-на-Дону и Царицыне, а также другие материалы и отчеты расследований комиссии см.: BAR. Denikin Collection, b. 24.

⁶⁸ Ср.: *Katzer N.* Die weiße Bewegung in Rußland. Herrschaftsbildung, praktische Politik und politische Programmatik im Bürgerkrieg. Köln, 1999. S. 275—310; *Литвин А.Л.* Красный и белый террор.

⁶⁹ Советская статистика насчитывала 2,1 миллиона непосредственных жертв Гражданской войны и 5,1 миллиона умерших от эпидемий. Наряду с 8 миллионами жертв мирного населения Красная армия потеряла в 1918—1922 годах около 940 тысяч солдат (Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993, С. 407). Исходя из этих цифр, на долю террора, бандитизма и восстаний должно прийти 1,3 миллиона жертв.

⁷⁰ *Милякова Л.Б.* (Ред.). Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и Европейской части России в период Гражданской войны 1918—1922 гг.: Сб.

разнятся. Белые генералы в целом не были зачинщиками погромов и не поддерживали антиеврейские выступления⁷¹. Деникин опасался дестабилизирующих последствий погромов⁷². В некоторых случаях виновных отдавали под суд. Но этим командующие вызвали недовольство офицеров, что обычно вело к отмене приговоров⁷³. Антисемитские настроения — негативный образ жестокого комиссара-еврея или еврейских элит, проникших во все политические партии, — возбуждали отделы пропаганды и агенты спецслужб⁷⁴. На плакатах и в печати коммунисты-евреи были изображены «чудовищами», «пауками» или «мухами»⁷⁵. В этих кампаниях участвовали и представители духовенства православной церкви, хотя патриарх Тихон в своем пастырском послании от 21 июля 1919 года характеризовал насилие против евреев как «бесчестие для тебя, бесчестие для Святой Церкви»⁷⁶.

Непредставимые ужасы и повседневное насилие революции и Гражданской войны описаны неоднократно⁷⁷. Человеческая жизнь ничего не стоила, когда речь шла о защите или ретроспективной легитимации выступления за «справедливое» и «святое дело». Злодеяния белых и красных походили друг на друга. Их корни глубоко уходят в довоенное время. В XIX веке радикальные активисты социальных и национальных движений призывали к насильственному «освобождению» от

док-тов. М., 2007; Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917—1920). М., 2005; Abramson H. A Prayer for the Government. Ukrainians and Jews in Revolutionary Times, 1917—1920. Cambridge, 1999.

⁷¹ Kenez P. Civil War in South Russia, 1919—1920. The Defeat of the Whites. Berkeley, 1977. P. 166—177.

⁷² Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 159.

⁷³ Ричард Пайпс (Pipes R. Die russische Revolution. Berlin, 1993. Bd. 3. S. 168—192) в принципе не видит ответственности Добровольческой армии за погромы на Украине.

⁷⁴ Сообщения секретной службы Азбука от 22 марта 1918 г., 28 марта 1918 г. и без даты (НИА. Vrangell' Collection, b. 30, f. 10; b. 29, f. 1, 2). См. также: Herbeck U. Das Feindbild vom «jüdischen Bolschewiken». Zur Geschichte des russischen Antisemitismus vor und während der Russischen Revolution. Berlin, 2009.

⁷⁵ Бабурина Н.И. (Ред.). Россия — XX век. История страны в плакате. М., 1993; Она же. Русский плакат Первой мировой войны. М., 1992.

⁷⁶ Калинин И.М. Под знаменем Врангеля. Заметки бывшего военного прокурора. Л., 1925. С. 126 и след.; Штиф Н.И. Погромы на Украине. Берлин, 1922. С. 71. Чаще всего приводят в пример имена таких известных духовных лиц, как о. Владимир Востоков, который винил в революции евреев, или митрополит Киевский Антоний (Храповицкий) (BAR. Vostokov Collection, b. 1). О высказывании патриарха Тихона см.: Pipes R. Revolution. Bd. 3. S. 188.

⁷⁷ Микроисторию повседневности в калейдоскопе сменяющихся режимов см.: Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001. С. 222—270.

«гнета царизма»⁷⁸. С наступлением нового века «террористы нового типа» оправдывали свои акции высокими политическими целями⁷⁹. Ассоциировавшаяся с «чернью» «теневая сторона» революции 1905 года соответствовала логике вооруженного восстания, поскольку в баррикадных боях «закоренелый преступник» был нужнее теоретиков⁸⁰.

Первая мировая была, таким образом, не единственным источником, но интенсивной школой насилия⁸¹. Сотни тысяч экстренно мобилизованных крестьянских и рабочих сыновей были изъяты из их привычной жизненной среды. Домой они вернулись с «верой в меч» и «культом силы и воли»⁸². Здесь они столкнулись с не справлявшимися со своими задачами властями, разорванными коммуникациями и анархической самоорганизацией. Самосуд был распространен даже в областях, которые не были непосредственно затронуты Первой мировой войной. И пока страна уходила из-под контроля, Временное правительство хотело создавать правовое государство, провозгласить амнистию, реформировать уголовное право и отменить смертную казнь⁸³. Белые диктатуры были уже далеки от таких амбиций.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ

После Первой мировой войны, революции и Гражданской войны около 2 миллионов человек оказались в эмиграции, стали беженцами или были изгнаны из родных мест. Но социальный и идейный микрокосмос русского общества за рубежом во многих отношениях ориентировался на родину и был тесно с ней связан. Интеллектуальное диссидентство, которое должно было приспособливаться к изменившимся условиям, пережило краткую напряженную пору поиска новых вех и новых связей. Этому периоду мы обязаны биографиями «странников между мирами», которые воплощали собой также пере-

⁷⁸ *Geifman A. Thou Shalt Kill. Revolutionary Terrorism in Russia, 1894—1917. Princeton, 1993.*

⁷⁹ К проблеме «асоциального» насилия и преступности: *Neuberger J. Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900—1914. Berkeley, 1993; Frank S.P. (Ed.). Cultures in flux: lower class values, practices, and resistance in late imperial Russia. Princeton, 1994.*

⁸⁰ Так высказывался А.В. Богданов (цит. по: *Geifman A. Thou Shalt Kill. P. 154*).

⁸¹ *Holquist P. Violent Russia, Deadly Marxism? Russia in the Epoch of Violence, 1905—21 // Kritika. 2003. Vol. 4. № 3. S. 627—652.*

⁸² *Далин Д. После войн и революций. Берлин, 1922. С. 5.*

⁸³ *Hasegawa Ts. Crime, Police, and Mob Justice in Petrograd during the Russian Revolutions of 1917 // Timberlake Ch.E. (Ed.). Religious and Secular Forces in the Late Tsarist Russia. Essays in Honor of D.W. Treadgold. London, 1992. P. 241—271.*

мену убеждений и кредо. Они вращались, пока это было возможно, и в идейном, и в физическом смысле между «Россией в зарубежье» и «родиной социализма», уповая на эволюционное изменение коммунистического режима.

«Борьба идей»⁸⁴ перемешала с начала 1920-х годов между собой «демократический» и «реакционный», «социалистический» и «либеральный» антибольшевизм. Это создало пространство для кампаний по примирению с Советской Россией. Советские органы, со своей стороны, не только наблюдали за интеллигентской средой, но и оказывали на нее через своих агентов прямое влияние. Целью было раздробить антибольшевизм на мелкие фракции и побудить как можно большее число эмигрантов вернуться обратно. Из модулей идейного рынка дезориентированного эмигрантского общества несколько известных мыслителей — прежде всего из числа достигших этой известности благодаря разрушению иерархий — сконструировали концепты «примирения» противоположностей. Не сочетаемые прежде идеологемы складывались с поразительной естественностью в характеристики современности и объяснение мира. Между противоположностями появлялись удивительные пересечения, дававшие основу для смелых гибридов мысли. Они поддерживали иллюзию в возможности диалога с открытым исходом. Националисты открыли для себя преимущества большевизма, большевики больше не казались антагонистами патриотизма.

Знаковыми фигурами парадоксальности этой идеологической пограничной эпохи стали такие течения, как «Смена вех» и евразийцы. Они не боялись объединять идеологические темы белых с амбициями большевистских властей. Соответственно, в настоящем была только одна Россия — советская⁸⁵. Зимний дворец, по Устрялову, одному из ведущих идеологов течения, и с красным флагом оставался символом великодержавности России, приобретая новое достоинство благодаря Интернационалу⁸⁶. В революции сконцентрирована российская история, так как оппозиционная традиция интеллигенции растворилась в ней в бунтарском народном духе. Поэтому она «истинно русская» — даже несмотря на то, что 90 процентов ее лидеров — инородцы или евреи⁸⁷.

⁸⁴ Миллюков П.Н. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Париж, 1927. Т. 2. С. 5.

⁸⁵ См., например: Пешехонов А.В. Почему я не эмигрировал. Берлин, 1923. С. 28; Бобринцев-Пушкин А.В. Новая вера // Смена вех. Прага, 1921. С. 144 и след.

⁸⁶ Устрялов Н.В. Patriotica // Смена вех. С. 56.

⁸⁷ Там же. С. 52 и след.

Радикальные ревизионисты не боялись никаких табу. Мыслить по-новому означало мыслить нетривиально. Ответственность за зло в настоящем нельзя возложить только на победителей. На антибольшевистские организации возлагалась доля вины даже за разразившийся в Советской России голод⁸⁸. Независимо мыслящие должны были признать правительственные методы большевиков намного более реакционными, чем у Колчака⁸⁹. То, что кажется парадоксальным, на самом деле разумно объяснимо: «под знаком большевизма» Россия снова пришла к единству⁹⁰. В лице Ленина или Троцкого она обрела «энергичных и властных регентов», которые не боятся жестокостей, чтобы усмирить народ⁹¹. Рядом с ними Колчак кажется «русским интеллигентом» старого типа⁹². Новой эпохе нужны новые герои: «Король умер, да здравствует король!»⁹³

«Национал-большевизм» давал воинствующий ответ на вопрос, как примирить «славянофилов» и «революцию», примирить белых и красных с новым государством⁹⁴. Разве советско-польская война 1920 года не была доказательством того, что большевики привержены делу патриотов?⁹⁵ Они защищали централизованное государство, которое удалось восстановить им одним. Логика этой аргументации состояла в том, чтобы признать для начала военное превосходство противника. Примириться ли с ним политически и идейно — это был уже другой вопрос. В любом случае требовались иные средства, чем дискредитированные в Гражданскую войну программы партий.

⁸⁸ Потехин Ю.Н. Физика и метафизика русской революции // Смена вех. С. 170.

⁸⁹ Устрялов Н.В. В борьбе за Россию (Сборник статей). Харбин, 1920. С. 1. Ср.: Burbank J. *Intelligentsia and Revolution. Russian Views on Bolshevism, 1917—1922*. N.Y., 1986. P. 222—237.

⁹⁰ Устрялов Н.В. Перелом // Он же. В борьбе за Россию. С. 3—5.

⁹¹ Бобрищев-Пушкин А.В. Новая вера. С. 126.

⁹² Устрялов Н.В. Адмирал Колчак // Он же. В борьбе за Россию. С. 77.

⁹³ Бобрищев-Пушкин А.В. Новая вера. С. 111.

⁹⁴ НИА. Ustrjalov Collection, b. 1, f. 7. Термин «национал-большевизм» Устрялов изобрел, по-видимому, около 1920 года. Ср.: Oberländer E. *Nationalbolschewistische Tendenzen in der russischen Intelligenz: Die «Smena vech»-Diskussion 1921—1922* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1968. Bd. 16. № 2. S. 194—211; Williams R.C. «Changing Landmarks» in Russian Berlin, 1922—1924 // *Slavic Review*. 1968. Vol. 27. № 4. P. 581—593; Brandenberger D. *National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931—1956*. Cambridge, 2002; Dupeux L. «Nationalbolschewismus» in Deutschland 1919—1933. *Kommunistische Strategie und konservative Dynamik*. München, 1985; Koenen G. *Der Russland-Komplex. Die Deutschen und der Osten, 1900—1945*. München, 2005.

⁹⁵ Бобрищев-Пушкин А.В. Новая вера. С. 146.

Удивительный ренессанс переживал и монархизм. После 1917 года ему, казалось, пришел конец. Он никогда не располагал в России сколько-нибудь существенной партийной структурой, но скреплял красной нитью ткань идейных убеждений белых офицеров и политиков. Теперь он снова понадобился, поскольку появился спрос на «неполитические» платформы. Под широким покровом «надпартийного» монархизма свое прибежище нашли бывшие либералы и консерваторы, а также члены маргинализированных в революцию правых партий. Они поддерживали контакты с антидемократическими, националистическими и антисемитскими группами в Германии и Европе. И надеялись получить политическую базу прежде всего благодаря своему культу вождей, жесткой организации и популярности итальянского фашизма⁹⁶. В этом русле некоторое время развивался и мелкотравчатый «русский фашизм» — но его популярность оставалась в эмиграции существенно более ограниченной, чем популярность монархистов⁹⁷.

До середины 1920-х годов слабо контурированные идеологические течения отличала воинственность, которая удовлетворяла очень разные потребности. Несмотря на высокую текучесть и непоследовательные программы, эмиграция стояла перед идеологическим поворотом, которой имел практические последствия. Еще не использованный и не связанный с определенными силами радикализм нашел в оставшейся без ориентиров послевоенной эпохе плодотворную почву. Старые приверженцы правых надеялись восстановить преемственность с предвоенным прошлым, прерванную революцией⁹⁸. Неизвестные новички пытались использовать напряженную атмосферу для того, чтобы публично выдвинуться или попасть в идейные лидеры. Их влияние распространялось не только на русскую эмиграцию. Через симпатизантов в приютивших их странах их идеи стали достоянием набиравшего силы национализма в Европе. Их медийное влияние заставляло думать, что монархизм поддерживает подавляющее большинство эмигрантов

⁹⁶ Шульгин В.В. Три столицы. Берлин, 1927. С. 364. В дебатах исследователей о харизматическом типе господства культ фюрерства в послевоенных движениях, потерпевших поражение, практически не отражен. К постановке проблемы см.: Ennker B. Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts — eine Synthese // Idem., Hein-Kircher H. (Hrsg.). Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts. Marburg, 2010. S. 347—378.

⁹⁷ Stephan J.J. The Russian Fascists. Tragedy and Farce in Exile, 1925—1945. N.Y., 1978.

⁹⁸ По истории русских крайне правых см.: Степанов С.А. Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М., 1992; Rawson D.C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge, 1995.

из России⁹⁹. Ничего не меняло и то обстоятельство, что за признание легитимного наследника престола разгорелся ожесточенный спор, что русская эмигрантская пресса постоянно враждовала между собой, что остальные политические организации были безнадежно расколоты. Русский монархизм был симптомом ментальных перемен и отражал распространенную тоску по сильному авторитарному вождю¹⁰⁰. Благодаря заимствованиям у радикальных движений Европы монархизм придавал антибольшевизму мощный голос в расстроеном хоре. Он находил отклик в русских колониях, салонах, кружках и партийных центрах. И хотя русское «движение» заглохло к концу 1920-х годов, оно сделало антибольшевизм главным лозунгом для собирания раздробленных политических сил в Европе.

«Белое дело» осталось предоставленным самому себе. Через газеты, журналы, книжные серии и мемуары офицеры вступали в интенсивную дискуссию. Она продолжалась десятилетиями и превращала борьбу с большевиками в своего рода дуэль века. Воскрешались в памяти походы эпохи Гражданской войны, собирались эмблемы, участники тех боев обменивались героическими биографиями. Советская героическая сага оказалась подспудно сплетена с этим самоотражением, поскольку ему требовался колоссальный, пусть и демонический противник¹⁰¹. Что в этом сочлененном двойном нарративе или отсутствовало, или проецировалось на противоположную сторону, так это беспощадность ведения войны, безразличие к гражданскому населению и безусловное оправдание насилия. Это обеспечивало видным перебежчикам или возвратившимся в свой лагерь из противного легкость перемены командных постов в одном лагере на службу другому — как, например, в случае Якова Александровича Слащова, «палача Крыма». Вскоре после эвакуации врангелевской армии он вновь покинул Константинополь, вернувшись в Россию для преподавания тактики на курсах «Выстрел» для высшего комсостава

⁹⁹ О монархистской эмиграции в Германии: *Baur J. Die russische Kolonie 1900—1945. Deutsch-russische Beziehungen im 20. Jahrhundert. Wiesbaden, 1998; Schlögel K. (Hrsg.). Die russische Emigration in Deutschland 1918—1941. Leben im europäischen Bürgerkrieg. Berlin, 1995.*

¹⁰⁰ Определение «народно-национальных черт» пыталось сдвинуть монархистов к соседству с национал-социалистами. Ср., например: *Гончаренко О.Г. Белоземгранты между звездой и свастикой. Судьбы белогвардейцев. М., 2005.*

¹⁰¹ О сталинистском мегапроекте многотомной истории Гражданской войны под редакцией М. Горького, К. Ворошилова, С. Буденного и И. Сталина см.: *MacKinnon E. Writing History for Stalin. Isaak Izrailevich Mints and the Istoriiia grazhdanskoi voiny // Kritika. 2005. Vol. 6. № 1. P. 5—54.*

РККА¹⁰². Его пример показывает, что генерал, на которого из-за его жестокости косо смотрели и красные, и белые, мог одновременно пользоваться авторитетом у обеих сторон. Однако основную массу белых офицеров, которые остались после Гражданской войны в России или использовали краткосрочную амнистию советского правительства для возвращения на родину, ждала иная судьба. Советские спецслужбы брали на заметку как «военспецов», которые вступили в Красную армию непосредственно из дореволюционной царской, так и тех, кто позднее перешел на ее сторону или вернулся из эмиграции. Во время Большого террора 1930-х и даже позже, по окончании Второй мировой войны, они становились объектом преследования. Историю этой долгой расплаты по долгам Гражданской войны, а также влияния опыта Гражданской войны на мышление и менталитет политического руководства, особенно Сталина, еще предстоит написать¹⁰³. Видимые контуры этих долгосрочных последствий говорят о том, что раскол послевоенного общества продолжился.

Миф утверждал, что все белые армии защищали Россию, которая, хотя и погибла в реальности, в идеале сохранена эмиграцией. После окончания грязной Гражданской войны даже критически настроенные по отношению к военным политики и дипломаты были вынуждены пересмотреть свой тезис о русской «Вандее» — которая в реальности оказалась не способна перерасти себя и стать «русской контрреволюцией»¹⁰⁴. Призывающему к единству «армейскому патриотизму» отдавали дань разве что офицеры, которые идеализировали прошедшее. Армейский патриотизм придавал им силы не прекращать

¹⁰² *Слащов-Крымский Я.А.* Белый Крым 1920 г. М., 1990. С. 3.

¹⁰³ См.: Книга учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. Харьков, 2011—2012. Т. 1—4; *Волков С.В.* Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога. М., 2012. Т. 1—2. Исследования истории права и ментальности на материале Гражданской войны см.: *Cassiday J.A.* The Enemy on Trial. Early Soviet Courts on Stage and Screen. DeKalb (Ill.), 2000; *Хаустов В.Н., Наумов В.П.* (Ред.). Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш», 1939 — март 1946. М., 2006; *Они же.* (Ред.). Лубянка. Сталин и МГБ СССР, март 1946 — март 1953. М., 2007; *Хлевнюк О.В.* (Ред.). Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР, 1945—1953. М., 2002; *Морозова О.М.* Антропология гражданской войны; *Fitzpatrick Sh.* The Civil War as a Formative Experience // Gleason A., Kenez P., Stites R. (Ed.). *Bolshevik Culture.* Bloomington, 1985. P. 57—76; *Baberowski J.* Verbrannte Erde. Stalins Herrschaft der Gewalt. München, 2012.

¹⁰⁴ Так считал, например, бывший посол России в Париже В.А. Маклаков (*Михайловский Г.Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914—1920. М., 1993. Т. 2. С. 352 и след.).

борьбу с Советами, поменяв лишь ее формы. Не случайно *Энциклопедия Белого движения* включает почти исключительно военных¹⁰⁵.

ОРУЖИЕ ЭМИГРАЦИИ

Активная элита эмигрировавших военных основывалась на том, что разделяло противников большевиков уже во время Гражданской войны: она презирала бессильную политическую оппозицию, которая и после поражения была занята бесплодной идеологической окопной войной. Военные жаждали дела. Признание победы Красной армии исключалось. Поэтому для начала необходимо было воспрепятствовать демобилизации эвакуированных из Крыма войск. Последним требовалась перспектива в будущем. Новая стратегическая концепция была сначала той же, что и раньше: она питалась надеждами скорого нападения соединенных сил на Советскую Россию. Когда стала ясной иллюзорность этих надежд и проявилось разочарование, солдат необходимо было настраивать на час X, который обязывал к постоянной бдительности и боевой готовности.

В межвоенной Европе такие планы встречали отнюдь не одно отвержение¹⁰⁶. Хотя после 1921 года чаша весов склонялась для многих к признанию победителей в Гражданской войне — во всяком случае, пока их программа мировой революции оставалась на уровне риторики. Но в то же время русская военная эмиграция пользовалась достаточной материальной и идейной поддержкой. Ей не требовалось существенно ничего менять в своем антибольшевизме, родившемся в пору боевых действий. Практически лишенный своих противоречивых политических атрибутов, антибольшевизм ограничивался тем, что белые генералы считали сутью «белой идеи», — бескомпромиссной борьбой против нелегитимных узурпаторов 1917 года. Под этим в странах, приютивших эмигрантов, могли подписаться все силы, которые были в конфронтации с транснациональными, антinationальными и интернациональными движениями. Наличие военных лагерей рус-

¹⁰⁵ *Энциклопедия Белого движения* (HIA. Markov Collection, b. 1, f. 1—4).

¹⁰⁶ О планах направить после 1917 года бежавших в Швейцарию русских военнопленных против Советской власти см.: *Bürgisser Th.* «Unerwünschte Gäste». *Russische Soldaten in der Schweiz 1915—1920*. Zürich, 2010. S. 151 ff. Cp.: *Oltmer J.* *Repatriierungspolitik im Spannungsfeld von Antibolschewismus, Asylgewährung und Arbeitsmarktentwicklung. Kriegsgefangene in Deutschland 1918—1922 // Idem.* (Hrsg.). *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs*. Paderborn, 2006. S. 267—294.

ских эмигрантов становилось в связи с этим поводом для ожесточенных публичных дебатов, но все же их не закрывали. Гражданская война продолжалась не только в головах.

Территориально эмиграция составляла разветвленную сеть больших и малых колоний в европейских, азиатских, северо- и южноамериканских метрополиях и провинциальных городках. В военном отношении центр кристаллизации составляла армия, эвакуированная в 1920 году из Крыма сначала в Галлиполи рядом с Константинополем, а затем в Софию, Белград, на Крит и в Северную Африку¹⁰⁷. Она была размещена во временных лагерях. Беженцы с Северо-Западного и Северного фронтов ориентировались на Финляндию и независимые Прибалтийские государства. На западе они устремлялись в Варшаву, Прагу и Берлин. Для многих это были только перевалочные пункты на пути в Париж, Брюссель, Женеву или Рим. Победенные из Сибири и Дальнего Востока нашли пристанище в Харбине и Шанхае¹⁰⁸.

Несмотря на нежелание примкнуть к определенному политическому лагерю, большая часть активного офицерства считала, что она призвана к сохранению ядра русской «государственности», чтобы снова перенести ее, когда придет срок, на территорию России. Врангель, последний главнокомандующий белых, признанный Францией главой правительства России в изгнании, даже отождествлял эвакуированную армию с самой Россией. Держать ее под ружьем было неукоснительным и главным принципом¹⁰⁹. В то же время Врангель отрицал планы интервенции и подчеркивал, что никого не удерживает на службе насильно¹¹⁰. Тем не менее годами продолжали распространяться слухи о том, что русские войска задействованы в планах по подготовке военного переворота, разрабатываемых в странах, приютивших эмиграцию, и готовят удар против Москвы¹¹¹. Чтобы сохранять политический вес, необходимо было поддерживать контакты с оставшимися дипломатическими представительствами в мировых столицах, которые лишь

¹⁰⁷ См. статистику: *Robinson P.* The White Russian Army in Exile, 1920—1941. Oxford, 2002. P. 16.

¹⁰⁸ *Schlögel K.* (Hrsg.). Der große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. München, 1994; *Raeff M.* Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919—1939. N.Y., 1990; *Glenny M., Stone N.* The Other Russia: The Experience of Exile. N.Y., 1991.

¹⁰⁹ Русские в Галлиполи: Сб. ст. Берлин, 1923. С. 241.

¹¹⁰ Интервью газете *Политика* (Белград) от 13 апреля 1922 года (РА АА. Pol. IV, 846/1, Pol. 5).

¹¹¹ Сообщения дипломатических миссий и прессы 1923 и 1924 годов (*Ibid.* Pol. IVa, 846/5).

постепенно заменялись советскими «полпредами»¹¹². Сохранение культурного наследия оставалось невоенной эмиграции, разочарованным ветеранам и оставшимся без работы партийным элитам.

«Россия Два» — за вычетом негативного отзвука термина — оставалась сначала и прежде всего «белогвардейской». Генералы, офицеры и казаки однозначно составляли вместе с их семьями численное большинство¹¹³. Аристократия, промышленники, помещики, бывшие министры и чиновники, мастера, юристы, врачи, священники, служащие, учителя, ученые, инженеры, музыканты, танцоры и актеры, писатели и журналисты, если только и они не относились к военным, придавали этой социологической картине уже постфактум запомнившуюся пестроту¹¹⁴. Изгнанное за границу общество во многих отношениях базировалось на существовавших военных структурах и получало их поддержку¹¹⁵. Гуманитарные благотворительные организации и институты поддержки культуры были обязаны своим существованием этой зарубежной армии и ее средствам. Старый царский генерал, образ которого венчал картину общества «бывших», переживших свое время и осевших на покой за границей, отнюдь не соответствовал реальности. Новое применение себе искали армейские чины всех рангов вплоть до простых солдат из крестьян, а также участники военизированных организаций и агенты разных специальных служб.

В 1926 году советское правительство окончательно закрыло границы для тех, кто собирался покинуть страну, а в следующем году 10-летняя годовщина Октябрьской революции была отмечена массивной кампанией, клеймившей иностранную интервенцию в Гражданской войне в России. Для международных отношений вообще и для судеб русской эмиграции это означало радикальный перелом. Учение о враждебном капиталистическом окружении первого в мире социалистического государства делало послевоенную эпоху перманентным состоянием или превращало ее в преддверие новой войны. Одновременно это учение существенно ограничивало общение между эмигрантами и их

¹¹² *Tongour N. Diplomacy in Exile. Russian Émigrés in Paris, 1918—1925: Diss. Stanford, 1979.* Послы царской России относились к Врангелю очень сдержанно. Они обвиняли его в сокрытии критического положения накануне эвакуации Крыма (Ibid. P. 313). Ср.: *Кононова М.М. Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917—1925 гг.). М., 2004.*

¹¹³ Фундаментальное издание: *Басик И.И., Золотарев В.А. (Ред.). Русская военная эмиграция 20—40-х годов XX века. Док-ты и мат-лы. М., 1998—2013. Т. 1—6.*

¹¹⁴ *Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920—1970). Париж, 1971—1973. Т. 1—2.*

¹¹⁵ *Robinson P. The White Russian Army.*

родиной. Русской «армии в изгнании» грозила полная изоляция. Тот, кто по-прежнему уповал на крестовый поход против Москвы, в будущем должен был не рассчитывать на свои собственные средства, а искать сильных союзников. После 1941 года этот вопрос получил новую остроту. Многонациональная, политически раздробленная гражданская и военная эмиграция попала в трагическое положение. Ее «спор о России» вышел за пределы гипотез¹¹⁶. Какое бы решение ни принимали отдельные личности или целые группы — остаться нейтральным, перейти на сторону германского агрессора, чтобы бороться за мнимое освобождение родины, присоединиться или поддержать армию союзников Советской России, в любом случае это был заведомо проигрышный выбор¹¹⁷. Как бы высоко активисты 1920-х годов ни оценивали свое влияние на общественное мнение и правящие элиты стран, принявших эмигрантов, — теперь речь шла о сознательном выборе или причислении себя к вариантам «коллорабационизма», «пораженчества», «оппортунизма» и «предательства». Против этого конфликта идентичности не помогали ни внутренняя эмиграция в изгнании, ни отстранение от политики. Антибольшевизм исчерпал свое социалистическое, демократическое, либеральное и консервативное наследство.

Небольшие сети специалистов, обладавшие соответствующим опытом, сделали ставку на иные средства. Они не хотели ждать, пока неизвестное будущее даст возможность действовать. Опыт, который они приобрели в качестве разведчиков и агентов военных и гражданских служб безопасности в Первую мировую войну, революцию и Гражданскую войну, они использовали теперь для тайных операций против Советского Союза¹¹⁸. И в этом отношении было очевидно, насколько

¹¹⁶ Информативным источником для анализа реакции на меняющиеся рамочные условия является переписка — например, между либералами Б.А. Бахметьевым и В.А. Маклаковым или между Маклаковым и Шульгиным: Будницкий О.В. «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметьев — В.А. Маклаков. Переписка 1919—1951. М., 2001—2002. Т. 1—3; Он же. (Ред.). Спор о России: В.А. Маклаков — В.В. Шульгин. Переписка 1919—1939 гг. М., 2012.

¹¹⁷ В центре внимания исследователей и общественности находится переход на сторону немцев советского генерала А.А. Власова и его Русская освободительная армия (РОА), однако комплексность условий, в которых принимались решения, учитывается недостаточно. См.: Schröder M. «Denkmal Vlasov» — Zur politischen Instrumentalisierung des russischen Kollaborateurs General Vlasov im Zweiten Weltkrieg und zur Rezeptionsgeschichte nach 1945 // Tauber J. (Hrsg.). «Kollaboration». S. 434—442.

¹¹⁸ Звонарев К.К. Агентурная разведка: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914—1918 гг. М., 2003. Т. 1—2; Жданович А.А. Отечественная контрразведка (1914—1920): Организационное строительство. М., 2004; Кирмель Н.С. Дея-

тесно переплетались друг с другом враждовавшие лагеря метрополии и эмиграции, поскольку советская разведка давно внедрилась в важнейшие организации эмигрантов¹¹⁹. Похищения и покушения на политиков и военных сеяли с обеих сторон страх и недоверие. Наоборот, эмигрантские агенты, преимущественно из монархистов, проникали в Советскую Россию, где устраивали акты саботажа и террора или вступали в тайные сношения с комсоставом РККА¹²⁰. Террор был направлен против советских функционеров в самом СССР или за его границами. История этого подпольного продолжения Гражданской войны обнаруживает удивительные образчики биографий и преемственность, сохраняющуюся вопреки цезуре 1917 года¹²¹. Приобретенные за годы службы в армии Первой мировой войны способности были решающим фактором, определявшим карьеру в практической конспирации между идеологическими фронтами и вопреки им. Таким образом, то, что делали агенты белой контрразведки в 1918—1920 годах, они не обязательно брали из практики Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК). Борьба, с их точки зрения, также не закончилась с военным поражением в Гражданской войне¹²². Противники менялись, но задача оставалась неизменной.

Среди тех, кто осуществлял курс на объединенные акции, особенно выделялся Василий Витальевич Шульгин. Благодаря своей предыдущей деятельности на посту шефа контрразведки у Деникина

тельность контрразведывательных органов белогвардейских правительств и армий в годы Гражданской войны в России (1918—1922 гг.). М., 2007; *Бортневский В.Г.* Белая разведка и контрразведка на Юге России во время Гражданской войны // Отечественная история. 1995. № 5. С. 88—100; *Иванов А.А.* Военная контрразведка Белого Севера в 1918—1920 гг. // ВИ. 2007. № 11. С. 121—130.

¹¹⁹ См., например: *Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 2: 1917—1933 годы.* М., 1996; Т. 3: 1933—1941 годы. М., 1997; *Лубянка. ВЧК—ОГПУ—МГБ—МВД—КГБ, 1917—1991: Справочник.* М., 2003; *Плеханов А.М.* ВЧК—ОГПУ в годы Новой экономической политики, 1921—1928. М., 2006.

¹²⁰ О подпольной организации «Трест» под руководством Кутепова в Советском Союзе см.: *Макаров В.Г. и др.* (Ред.). Тюремная одиссея Василия Шульгина. Материалы следственного дела и дела заключенного. М., 2010. С. 52—61; *Гаспарян А.С.* Операция «Трест». Советская разведка против русской эмиграции, 1921—1937 гг. М., 2008.

¹²¹ О послереволюционном антибольшевистском подполье в Советской России см.: *Канищева Н.И.* (Ред.). Всероссийский Национальный Центр. М., 2001; *Она же.* (Ред.). Тактический Центр. Документы и материалы. М., 2012. Тогдашнюю советскую реакцию см.: *Кичкасов Н.* Белогвардейский террор против СССР. По материалам процесса пяти монархистов-террористов. М., 1928.

¹²² Особенно активной была возглавлявшаяся В.В. Шульгиным секретная служба «Азбука».

и руководителя пользовавшегося современными средствами отдела пропаганды Шульгин понимал, что для успешной деятельности во враждебном окружении необходимы гибкий аппарат и надежные контакты¹²³. Несмотря на политические воззрения, принесшие Шульгину славу «рыцаря монархии», «Дон Кихота» и «последнего могикинина», он отнюдь не ограничивался взглядом в прошлое¹²⁴. В 1920-х годах он разделял обновленное идеальное представление о будущей сильной и обеспечивающей государственное единство русской армии¹²⁵. Эта армия должна была принимать в свои ряды всех, независимо от того, под чьим флагом они сражались прежде. Исключенными из нее должны были стать лишь те красноармейцы, которые выступали за большевистскую власть и в момент ее свержения¹²⁶.

В мемуарах белых военных и тогдашних прогнозах развития событий сражения периода Гражданской войны изображались как символ военного единства¹²⁷. Поверх всех политических барьеров авторы заявляли, что они боролись за «общее дело» — не отрицая, что белые армии не были ни вне политики, ни вне партий. Ни одному из генералов не удалось осуществить свой идеал русской армии. Чтобы представить свое поражение как временное, некоторые авторы создавали миф об армии, которая смогла преобразовать коллективную травму в новую энергию. «Чудо Галлиполи» должно было свидетельствовать о том, что армия Врангеля пережила в эмигрантских военных лагерях «возрождение», которое заставило забыть все разочарования Гражданской войны¹²⁸. Поскольку перспективы свержения советской власти и скорого возвращения в Россию все больше отдалялись, на

¹²³ Будучи депутатом Государственной думы, Шульгин (1878—1976) весной 1917 года поддержал отречение царя ради спасения монархии. В 1918 году он организовал контрразведку Добровольческой армии на Юге России. С 1920 года в эмиграции. После занятия Красной армией Югославии 31 января 1945 года он был арестован советской военной разведкой Смерш и после многочисленных допросов в Москве и Владимире осужден на 25 лет. Помилованный в 1955 году, он жил вплоть до своей смерти во Владимире. Впоследствии реабилитирован. См. документацию в: *Макаров В.Г. и др. (Ред.). Тюремная одиссея.*

¹²⁴ Так называли Шульгина — типично для всей белой эмиграции. См.: Там же. С. 99, примеч. 9; С. 104, примеч. 74.

¹²⁵ См.: *Головин Н.Н. Мысли об устройстве будущей российской вооруженной силы.* Белград, 1925.

¹²⁶ Политическая история русской эмиграции 1920—1940 гг. Док-ты и мат-лы. М., 1999. С. 108.

¹²⁷ О военной публицистике: *Волков С.В. Русская военная эмиграция.* Издательская деятельность. М., 2008.

¹²⁸ *Ušakov A. Gallipoli: Die weiße Armee in den Lagern // Schlögel K. (Hrsg.). Der große Exodus.* S. 21—41.

повестку дня стала демобилизация десятков тысяч профессиональных военных. С точки зрения генералов, ее необходимо было предотвратить или по крайней мере отсрочить любой ценой. Военные не питали никаких иллюзий относительно возможности нового резкого подъема антибольшевистского сопротивления в Советской России. Восстание матросов в Кронштадте в 1921 году вдохновлялось возвращением к социалистическим идеалам революции. Еще меньше симпатий военные выказывали к крестьянскому восстанию в Тамбовской губернии. Крестьянам с их мелким собственничеством они особенно не доверяли — и Гражданская война только углубила эту давнюю антипатию. Не в меньшей степени это относилось и к разочарованным социалистам, которые обвиняли крестьянство в тяге к анархии и в том, что борьбу с большевизмом крестьяне веди в своих собственных интересах. Социалисты особенно опасались того, что их крестьянские сторонники при первой возможности могли примкнуть к белому генералу, который пообещает им землю, а затем установит военную диктатуру¹²⁹.

Страх социалистов перед призраком бонапартизма превосходил их критику большевистского режима. Но не меньше боялись этого призрака и сами большевики. После того как некоторые красные командиры стали пользоваться широкой популярностью в Гражданскую войну, политические лидеры большевизма постоянно опасались военного переворота. Не только из источников спецслужб они знали, что контрразведка эмиграции располагает контактами в РККА. Белые и красные офицеры были знакомы друг с другом по совместной службе и когда-то присягали одним ценностям¹³⁰. В 1920-х годах в эмигрантской среде были распространены оценки советской военной элиты и карьер красных командиров. Но и в окружении Сталина с подозрением относились, например, к амбициям Буденного. Тот любил представлять себя народным героем и «вожаком». Его «ребята» с Дона и Кубани ждали только его приказов, чтобы немедленно седлать коней. В зарубежной прессе муссировались слухи о том, что он может сыграть роль спасителя страны и повести за собой крестьянство. В военных кругах эмиграции скорее делали ставку на Михаила Тухачевского,

¹²⁹ Сообщение правых меньшевиков из Советской России, весна 1920 года [Brovkin V.N. (Ed.). *Dear Comrades. Menshevik Reports on the Bolshevik Revolution and the Civil War*. Stanford, 1995. P. 229].

¹³⁰ О дореволюционной военной элите см.: *Steinberg J.W. All the Tsar's Men. Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898—1914*. Baltimore, 2010; *Rendle M. Defenders of the Motherland. The Tsarist Elite in Revolutionary Russia*. Oxford, 2010. P. 115—156.

авторитет которого, очевидно, постоянно рос. Вокруг него как кандидатуры «красного Бонапарта» курсировали самые невероятные слухи. Эти слухи к тому же целенаправленно поддерживались советской заграничной военной разведкой, которая таким образом выбивала у белого активизма почву из-под ног¹³¹.

Зарубежная русская молодежь скорее прислушивалась к организациям военной части эмиграции, чем следовала за примиренцами. Никакой массовой волны возвращения в Советскую Россию не последовало. Слишком свежи были воспоминания поколения родителей и дедов об ужасах недавнего прошлого, крахе системы ценностей и потере всех основ. Чем бессильнее реагировали члены существовавших политических партий, органов самоуправления, представительств социальных групп и культурных организаций на положение вещей, тем привлекательнее становились личные связи, которые обеспечивали дружба, товарищество или социальные общности. Здесь первостепенную роль играла практическая работа с конкретным ограниченным полем деятельности. В содержательном плане все было текучим. Антибольшевизм предлагал здесь рамки для ориентирования, которые не навязывали условий, но создавали форму.

Поскольку переменам, как оказалось, было подвержено и понимание «советского», надежду на взаимное притирание пестовали и в этой среде. Что здесь было результатом тактического влияния, а что — хода событий, едва ли можно определить. Заграничный отдел ОГПУ в Москве работал над проникновением в эмигрантские организации с целью влиять на внутренние дебаты и предотвращать теракты. Целью были преимущественно организации и отдельные личности, которые, как Русский общевоинский союз (РОВС), имели связи и отделения по всей Европе, в Азии и за океаном. РОВС объединял флотские и армейские организации белых¹³². Свою задачу он видел в том, чтобы создать единое командование, сохранять и поддерживать существующие военные структуры. Ввиду продолжавшихся конфликтов между монархистами

¹³¹ Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов (Состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000. С. 44, 77—125.

¹³² Союз был основан по приказу Врангеля 1 сентября 1924 года в Сремски-Карловцах. Вплоть до своей смерти в 1928 году им руководил Врангель, затем А.П. Кутепов (1928—1930), Е.К. Миллер (1930—1937), Ф.Ф. Абрамов (1937—1938) и А.П. Архангельский (1938—1957). В 1937 году в Союз входили в составе 13 отделений около 30 тысяч человек. К истории и организации см.: Голдин В.И. Солдаты на чужбине: Русский общевоинский союз, Россия и русское зарубежье в XX—XXI веках. Архангельск, 2006; Галас М.Л. Русский общевоинский союз: Организация, цели и идеология // ВИ. 2008. № 4. С. 86—94.

и республиканцами активным военным рекомендовалось избегать их или выйти из рядов политических организаций¹³³.

Для того чтобы привязать к Белому делу молодежь и вне армии, в 1930 году из существовавших на тот момент организаций был образован Союз русской национальной молодежи (СРНМ), который после этого неоднократно менял свое название¹³⁴. Как и у «младороссов», устав и программа СРНМ демонстрировали стремление отдавать должное реалиям, не выкидывая белый флаг. Если первые могли представить себе монархию с советами, вторые полагали возможным создать авторитарно-националистическое государство, которое не пересматривало бы завоевания социальной революции и осуществляло бы экономическое регулирование из центра¹³⁵. Взгляд из эмиграции на то, что происходило в Москве, и взгляд из столицы Советской России на события «России в зарубежье» были привязаны друг к другу.

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ КАК РУССКО-ЕВРОПЕЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ

История белых была короче истории антибольшевизма. В узком смысле слова она состояла из серии военных походов и попыток основания государств, которые находились в оппозиции к Октябрьскому режиму большевиков. Внутренняя связь между собой у них отсутствовала. Белые бесосновательно приписывали процессы общественных перемен, которые были запущены Первой мировой войной, декретам Совета народных комиссаров. Последние лишь санкционировали и ускорили то, что началось уже до них. На ранней фазе истории антибольшевизма к нему принадлежали социалистические партии справа от большевиков, которые не могли решить дилемму: с одной стороны, они приветствовали социальную революцию, с другой — отвергали методы новых владык и их претензии на единоличное представительство во власти.

¹³³ Согласно приказу Врангеля от 8 сентября 1923 года офицерам было запрещено вступать в политические организации.

¹³⁴ Позднее, после многочисленных расколов, организация была известна под именем Национально-трудового союза (НТС). По его истории см. воспоминания Р.В. Полчанинова: *Молодежь русского зарубежья. Воспоминания 1941—1951*. М., 2009. См. также: *Байдалаков В.М. Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена: Воспоминания председателя НТС. 1930—1960 гг.* М., 2002; *Романов Е.Р. В борьбе за Россию. Воспоминания.* М., 1999.

¹³⁵ *Рончевский Р.П.* Младороссы. Материалы к истории сменовеховского движения. Лондон, 1973; *Казем-Бек А.* Россия, младороссы и эмиграция. Париж, 1936.

Попытки государственного строительства самих социалистов довольно быстро потерпели крах, поскольку они боялись коалиции с военными, и особенно с казаками. В этом политическом вакууме нашлось место для конституционных демократов (кадетов). Они стали идейными отцами и разработчиками военных диктатур. Стратегический ход либералов завершил фазу политически пестрого антибольшевизма. Только он позволил окрестить перестрелки на Доне и Кубани зимой 1917/18 года в обратной перспективе легендарным «днем рождения» Белого движения.

Белый миф, созданный в ранней эмиграции генералами, представителями бывших правых партий и монархистами, охватывал совокупность героических легенд и повествований о битвах. Для доказательства законности претензий на наследство царской империи было достаточно нескольких теорем и идеологем: «государственность» и «порядок», «величие» и «единство», «власть» и «самобытность». То, что следовало понимать под моральным минимумом военного времени, — «честь», «чистота», «отвага», «самопожертвование», «солидарность» — определяли только идейные единомышленники. Советская пропаганда и исследователи истории революции воспроизводили и укрепляли этот миф, лишь добавляя к нему и выпячивая теневые стороны. Таким способом было нейтрализовано наследие насилия Гражданской войны. Возложение полной ответственности на другую сторону делало возможным оправдать, умолчать и фальсифицировать собственную.

Помимо дополнявших друг друга белого и красного метанарративов необходимо признать, что политические администрации, учрежденные генералами, — так же как и советская власть, — пытались выстроить государство, отчаянно боролись за стабильность и социальную поддержку населения. Речь при этом шла о политических альтернативах. Как народные комиссары должны были приспособиться и измениться после военной победы, так же пришлось бы адаптироваться и военным диктаторам. Пережитый опыт Гражданской войны лежал грузом на обеих сторонах. Как с этим обошлось советское руководство, нам известно. Что предприняли бы генералы, относится к разряду неслучившейся истории, но не фикции. С 1917 года Россия стала огромным полем для проекций — не только «местом утопии»¹³⁶, но и полем для экспериментов радикальных общественных концепций,

¹³⁶ *Ryklín M. Kommunismus als Religion. Die Intellektuellen und die Oktoberrevolution. Frankfurt a.M., 2008. S. 49.*

которые вызывали как симпатии, так и ужас. Такая двойственная притягательность исходила как от красной, так и от белой власти.

Непосредственным мотором для преобразования России стали военные части распавшейся многонациональной императорской армии Первой мировой войны. Они определили картину послевоенного Востока Европы вплоть до и включая большую часть 1920-х годов. Эта послевоенная эпоха не могла закончиться с поражением белых армий. С этой позиции у антибольшевизма было много обликов и потенциальная массовая база. Большевики это знали и поэтому избрали тактику тотальной обороны. Все, что переместилось из Первой мировой войны в революционную Гражданскую войну на Восток, вернулось с эмиграцией обратно в Европу, а также в Азию и Америку. Многие тысячи ветеранов занимались в зарубежье военной подготовкой, отдавали приказы, обменивались фронтовым опытом, воздвигали памятники павшим и закладывали солдатские кладбища. Поражение белых в России не вывело их за грань времени.

Большие понятия «эпохи идеологий» получают конкретный смысл только применительно к образцовым биографиям и карьерам. Социализированные в условиях войны и кризисов в мелких военных объединениях или идейных кружках, в 1920-х годах офицеры и интеллигенция оказались снова в составе групп, сплотивавшихся совместным опытом и дружескими связями. Опираясь на товарищество и доверие, последователи харизматических фигур искали новые связи и поля для деятельности¹³⁷. Как и в боевых группах «атаманов» и «вождей» эпохи Гражданской войны, в этих идейных объединениях добровольность играла большую роль, чем при вступлении в крупные армейские соединения или в политические партии. Верность своим не исключала вероломности по отношению к чужим. В местах пересечения этих корпораций очевидно, насколько амбивалентными и переплетенными друг с другом были большевизм и антибольшевизм. В гибридной идеологии монархизма 1920-х годов выразился распад интеллектуальных систем мышления и политических программ. Это был феномен переходного времени. Ведь ни свержение царя в феврале 1917 года, ни жестокое убийство царской семьи 17 июля 1918 года не вызвали контрреволюционного восстания. И среди противников большевиков монархисты были в ничтожном меньшинстве, не имевшем влияния на настроения населения.

¹³⁷ См. в общем: *Granovetter M.S. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. № 6. P. 1360—1380.*

Тем радикальнее монархисты стали тогда, когда с поражением белых перспектива восстановления трона стала иллюзорной. Их ревизия истории была основана на идеологических предпосылках, которые восходили к эпохе рубежа XIX—XX веков. Их патриотизм объявлялся надпартийным и внеполитическим, они отрицали все ошибки последнего царя и обвиняли в предательстве его окружение. Будущую Россию они представляли как «белую империю», «народная монархия» которой равно дистанцировалась от абсолютизма и от конституционализма Запада. В меньшей степени подобная концепция особого пути и в большей — радикальный антибольшевизм привлекали к этому лагерю внимание ведущих национал-социалистов¹³⁸. Тем не менее ничто не дает права видеть в ретроспективе в Белом движении «первое выражение фашизма»¹³⁹, хотя в этом поле реакционных идеологов и современных практик антисемитизм и антимаасонство находили живой отклик¹⁴⁰. Параноидальное стремление везде подозревать заговоры способствовало заразителю культу подозрительности и конспиративности. Тому, кто вращался в этом поле, требовались смена личин и аналитические способности, он менял имена, манипулировал фактами, был красноречив, бесстрастен и стоял выше моральных соображений, возбуждал доверие и давал своим сторонникам чувство принадлежности к избранным¹⁴¹.

С этой точки зрения различные версии «атаманщины» представляли собой «большевизм справа»¹⁴², который подтачивал белые контрреволюционные правительства, не будучи им чуждым. Администрация

¹³⁸ Публикация монархиста из Белоруссии И.Л. Солоневича *Россия в концлагере*, которая вышла в 1937 году под заглавием *Die Verlorenen — Eine Chronik namenlosen Leidens* в Эссене и выдержала несколько переизданий, по-видимому, заинтересовала Гитлера, Геббельса и Геринга. Теоретический труд Солоневича *Белая империя* 1930-х годов основан на записях, собранных воедино позднее. См.: Солоневич И.Л. Народная монархия. Буэнос-Айрес, 1973; Он же. Белая империя. Статьи 1936—1940. М., 1997. К его биографии: Никандров Н. Иван Солоневич: народный монархист. М., 2007.

¹³⁹ Сахаров К.В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. С. 319. На генерала Сахарова, очевидно, произвел сильное впечатление «поход на Рим» Муссолини; ответственность за поражение белых он возлагал на Антанту.

¹⁴⁰ Burbank J. *Intelligentsia and Revolution*. P. 170—177. Ср.: Kellogg M. *The Russian Roots of Nazism. White Emigrés and the Making of National Socialism, 1917—1945*. Cambridge, 2005.

¹⁴¹ См.: Palat M.K. (Ed.). *Social Identities in Revolutionary Russia*. Basingstoke, 2001.

¹⁴² Резолюция партийной конференции кадетов в Екатеринодаре 29—30 июня 1919 года (HIA. Vrangeli' Collection, b. 28, f. 43). Ср.: Горн В.И. Гражданская война. С. 48.

белых именовала действия националистических банд Петлюры на Украине «совершенно большевистскими»¹⁴³. Чем более безразличными были непримиримые противники к отношению между политическим содержанием и практическими методами, тем более они походили друг на друга¹⁴⁴. Шульгин замечал ретроспективно, что начатое «почти святыми», «белое дело» в конечном итоге оказалось в руках «почти бандитов»¹⁴⁵. Но если речь шла о «государственности», Шульгин видел и нечто позитивное в результатах Гражданской войны. То, что красные ошибочно принимали за интересы Интернационала, происходило без их ведома в интересах «Богохранимой Державы Российской». Армия красных построена «по-белому» и дойдет до «твердых пределов» будущей России: «Мы заставили их красными руками делать Белое дело. Мы победили»¹⁴⁶.

¹⁴³ Сообщение секретной службы Азбука от 21.12.1918 (НИА. Vrangell Collection, b. 30, f. 4).

¹⁴⁴ В сравнительной перспективе о различных путях к диктатуре см.: *Plaggenborg S. Ordnung und Gewalt. Kemalismus — Faschismus — Sozialismus. München, 2012.*

¹⁴⁵ Шульгин В.В. Дни. 1920. М., 1989. С. 292.

¹⁴⁶ Там же. С. 527 и след. Ср. доклад бывшего члена Временного правительства В.Н. Львова 12 ноября 1921 года в Париже (*Львов В.Н. Советская власть в борьбе за русскую государственность. Берлин, 1922*).

2

НАЦИИ, ГРАНИЦЫ
И ЭТНИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ

БАНДЫ СТРОИТЕЛЕЙ НАЦИИ? РОЛЬ ПОВСТАНЧЕСТВА И ИДЕОЛОГИИ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ НА УКРАИНЕ

При изучении украинской истории опыт Первой мировой войны, несмотря на всю его значимость и травматичность, обычно остается в тени дискуссии о дальнейших (и отчасти современных ей) событиях — в частности таких, как возникновение Украинской народной республики. Современные украинские историки, увлеченные нарративом национального строительства, зачастую забывают, что это государство объявило в январе 1918 года о своей полной независимости именно для того, чтобы участвовать в подписании Брестского мирного договора, которым завершилась война на Восточном фронте. Роль этой войны в формировании Украины XX века окажется еще более существенной, если мы примем во внимание понятия массовой мобилизации во имя нации и этнической принадлежности как признака лояльности, с которыми этот регион познакомился в годы Первой мировой войны. В этом смысле было бы ошибкой придерживаться принятого в украинской и западной историографии определения бурных 1917—1920 годов как эпохи «Украинской революции»¹. Участники бесчисленных крупных и мелких конфликтов на украинской территории, прошедшие школу Первой мировой войны, принесли с собой оружие, боевой опыт, культуру насилия и новый мощный язык национализма. Кроме того, война привела к краху Российской и Австро-Венгерской империй, впервые в истории позволив ненадолго воссоединить Восточную и Западную Украину.

Однако хаотические события 1917—1920 годов в первую очередь следует понимать не как борьбу объединенного украинского народа за независимость, а как хитросплетение сложных идеологических конфликтов и местного насилия, сопровождавшее крах старых династических империй. Будучи одновременно и националистическим

¹ См. интересную попытку выйти за рамки традиционных историографических моделей и обозначить новую исследовательскую повестку: *Hagen M. von. The Dilemmas of Ukrainian Independence and Statehood, 1917—1921 // The Harriman Institute Forum. 1994. Vol. 7. P. 7—11.*

движением, и социалистической революцией, гражданская война на Украине не подразумевала однозначного противостояния социалистов и националистов — которые зачастую были одними и теми же людьми, — однако она включала запутанную борьбу между украинскими патриотами различных оттенков, а также между многочисленными разновидностями местных консерваторов и социалистов, вступавших в ряды российских Красной и Белой армий, в украинские республиканские или монархические отряды, или в банды, возглавлявшиеся местными атаманами. Таким образом, история Украины ярко свидетельствует о сомнительности наших представлений о «революционном», «контрреволюционном» и «этническом» насилии, демонстрируя общую культуру насилия, разделявшуюся всеми сторонами и нередко воплощавшуюся в лице одних и тех же солдат, снова и снова призывавшихся в различные армии, проходившие по украинской земле.

С другой стороны, украинской гражданской войне были присущи некоторые принципиальные черты, ставившие ее в один ряд с прочими вспышками военизированного насилия после Первой мировой войны, освещаемыми в настоящей книге. В частности, бывшая российская Украина представляла собой классическую «зону дробления», в которой с момента свержения российской монархии в марте 1917 года и вплоть до решающей победы большевиков в конце 1920 года отсутствовали работоспособные государственные институты. Крах порядка и законности в украинских провинциях был тесно связан с распадом русской армии поздним летом и осенью 1917 года, когда отступавшие войска и массы дезертиров терроризировали гражданское население. Как и в других европейских странах, разочарованные ветераны приносили с собой свое оружие и свое недовольство — главным образом связанное с земельным вопросом, но отчасти и с более общими злободневными политическими проблемами. Как и в других регионах, эти ветераны были носителями политической культуры поражения, которая в данном случае отличалась многослойностью — на впечатление от поражения русской армии в Первой мировой войне накладывались нереализованные обещания демократической революции и неоднократные неудачи украинских правительств в конфликтах 1918—1920 годов. Как и повсюду, ядро военизированных отрядов составляли молодые ветераны войны, столкнувшиеся с проблемами при возвращении к гражданской жизни.

Однако представляется, что на результатах военизированной борьбы на Украине в большей степени сказались ее особенности, нежели черты, объединявшие ее, например, с Германией. Военизи-

Рис. 10. Атаман Юхим Божко (в центре слева) со своими офицерами и писатель Осип Маковей (в центре справа). Апрель 1919 г.

рованными формированиями на Украине обычно являлись отряды сельской милиции или банды, действовавшие в сельской местности, при отсутствии у тех и у других какой-либо внятной политической программы. Структуры тогдашнего крестьянского общества диктовали преобладание в вооруженных формированиях немолодых мужчин и допускали присутствие женщин в этих отрядах, несмотря на то что роль партизанских вожаков в большинстве случаев играли бывшие младшие офицеры царской армии. Кроме того, вследствие крестьянского характера украинского военизированного движения у него отсутствовала явная национальная выраженность, так как его участники предпочитали действовать вблизи своих родных сел. Их могли призвать в армию, проходившую по их местности, но они старались вступать в нее целыми отрядами и совместно дезертировать после того, как армия уходила. Этим объясняется сильнейший разброс чисел, фигурирующих в источниках, — от 600 с лишним тысяч солдат русской армии, объявивших о своем подчинении Украинской народной республике, до 8 тысяч фактических участников боевых отрядов или до 50-тысячной армии — вполне серьезного войска. Крестьяне могли заметно пополнить ряды любых вооруженных сил, но надолго в них не задерживались.

Помимо этого, события на Украине — за исключением украинско-польского конфликта в бывшей австрийской Галиции — не слишком вписываются в рубрику «этнических» конфликтов в Восточной и Юго-Восточной Европе. На большей части российской Украины этническая принадлежность носила расплывчатый характер, а националистические организации были слабы. Крестьяне привнесли в культуру гражданской войны традиционное недоверие к посторонним и готовность грабить явных «чужаков» (в частности, евреев и меннонитов), причем эти настроения своеобразно преломлялись в призме новейших идеологий (евреи считались сторонниками большевиков, а меннониты — богатыми эксплуататорами). Впрочем, в конечном счете красные победили в гражданской войне, удовлетворив требования украинского крестьянства, связанные с наиболее важным для него вопросом — земельным.

РАЗВАЛ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

Первая мировая война не просто привела к краху многонациональных империй, тем самым дав украинским патриотам шанс на построение своего государства. Воевавшие друг с другом империи сами подготовили почву для будущего европейского строя, взяв на вооружение этническую солидарность как средство взаимного уничтожения. И Российская, и Австро-Венгерская империи пытались взаимно подорвать друг друга, поднимая на щит лозунг об автономной и единой послевоенной Польше, однако имперским чиновникам не приходило в голову, что будущее Польское государство окажется независимым и не будет подчиняться ни той ни другой империи. В случае Украины дело обстояло сложнее. Царское правительство претендовало на украинские области Австрии, ссылаясь на этнический критерий, однако называло их «русскими» этническими землями, в то время как Центральные державы намеревались создать на отторгнутых от Российской империи территориях марионеточное украинское государство, которое не включало бы украинских владений Австрии. В результате обе стороны добились, как выразился Марк фон Хаген, «милитаризации имперской национальной проблемы» вообще и украинской проблемы в частности². Этническая принадлежность превратилась

² *Hagen M. von. War in a European Borderland: Occupations and Occupation Plans in Galicia and Ukraine, 1914—1918. Seattle, 2007; Donald W. Treadgold Studies on Russia, East Europe, and Central Asia. Seattle, 2007. P. 14.*

в орудие мобилизации, а идея о том, что крестьяне по обе стороны русско-австрийской границы принадлежат к одной и той же национальности — которая называлась либо украинской, либо «малороссийским племенем русского народа», — стала общей разменной монетой. Так были заложены идеологические основы современной Украины.

Габсбурги пошли дальше Романовых, в самом начале войны позволив создать добровольческий украинский военный отряд численностью 2500 человек — украинских сечевых стрельцов, — однако военная удача поначалу склонялась на сторону русских. В начале сентября 1914 года русская армия заняла две основные украинские области Австро-Венгрии — Восточную Галицию и Буковину — и удерживала большую часть этого региона до лета 1915 года. У царских властей не имелось четкого плана по присоединению этих земель к империи, однако придерживавшийся националистических взглядов царский губернатор граф Георгий Бобринский немедленно закрыл украинские периодические издания, культурные организации и кооперативы, в то же время попытавшись ввести в школах преподавание на русском языке вместо украинского³. Вместе с тем Австро-Венгрия попыталась эксплуатировать потенциал украинского национализма в борьбе с Российской империей, разрешив группе социалистов-эмигрантов из российской части Украины — Союзу освобождения Украины — пропагандировать идею независимого Украинского государства среди российских военнопленных украинской национальности. Пользуясь официальной поддержкой, эта группа основала в Вене собственное издательство и направила в ряд стран своих эмиссаров.

Следствием войны стали ужасающие опустошения, огромные жертвы и толпы беженцев в австрийской Украине, особенно в Восточной Галиции и Буковине, которые являлись одной из главных арен военных действий на Восточном фронте. В более общем плане колоссальное напряжение военных лет вызвало многочисленные административные и экономические неурядицы в Российской и Австро-Венгерской империях. В обеих странах по мере распада социального и этнического имперского строя нарастало массовое возмущение центральными властями. После того как лояльность населения на приграничных территориях стала определяться в первую очередь его этнической принадлежностью, дни многонациональных династических империй были сочтены.

³ См. превосходное русское исследование царской политики в оккупированной Восточной Галиции: *Бахтурина А.Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000.

При этом распад Российской империи начался с ее столицы, где Волынский полк, состоявший в основном из украинцев, в марте 1917 года первым перешел на сторону демонстрантов. Как и повсюду в бывшей империи, на Украине возникли две параллельные властные структуры: Советы рабочих и солдатских депутатов и комиссары Временного правительства. Однако в первые дни революции намного динамичнее действовал третий претендент на власть — созданный в Киеве 17 марта 1917 года координационный орган украинских активистов, известный как Центральная рада. В этом самопровозглашенном органе, в состав которого входил ряд видных украинских деятелей, вскоре стали задавать тон Украинская партия социалистов-революционеров и Украинская социал-демократическая рабочая партия. Их вождями были не правые националисты, одержимые чистотой нации, а представители левых кругов, требовавшие всего лишь территориальной автономии в рамках федеративной Российской республики.

Тем не менее в бурные весенние месяцы 1917 года национальная программа представлялась наиболее удачным средством выражения разнообразных социальных требований, которые порождали у многих украинских активистов веру в свою способность «разбудить» массы. И действительно, в течение какого-то времени казалось, что национально-патриотические призывы получают восторженный отклик. 1 апреля 1917 года по Киеву под желто-голубыми флагами прошло до 100 тысяч демонстрантов, выступавших за автономию Украины. Впрочем, следует помнить о том, что для масс могло оказаться привлекательным выдвинутое Центральной радой сочетание национально-патриотических воззваний с лозунгами земельной реформы и всеобщего мира⁴.

Этот фактор объясняет, почему так называемая «украинизация» частей русской армии встретила такую горячую поддержку со стороны солдат. Этот процесс, начавшийся весной 1917 года, с самых первых дней осуществлялся в основном усилиями низов, а не верхов. Центральная рада не имела планов по созданию украинской армии. Вожди Рады разделяли свойственные социалистам той эпохи представления о регулярных армиях как об орудии социального и национального

⁴ В течение десятилетий эта цифра (100 тысяч демонстрантов) кочевала из одного исследования в другое, выступая как доказательство поддержки Центральной рады народом. Отрадно видеть у современного украинского историка интерпретацию этого числа как отражения крупномасштабных социальных и национальных сдвигов 1917 года, *воспринимавшегося* современниками как признак массовой поддержки Центральной рады. См.: Солдатенко В. Ф. Українська революція. Історичний нарис. Київ, 1999. С. 139, 292.

угнетения и считали, что армию и полицию заменит добровольческая народная милиция. Тем не менее по примеру поляков, имевших в русской армии свои этнические формирования, а весной 1917 года получивших разрешение создать дополнительные национальные части, солдаты других национальностей тоже стали добиваться перевода в этнические подразделения, поскольку этот процесс требовал реорганизации и длительного пребывания в арьергарде, а порой даже отъезда с фронта. В марте 1917 года без разрешения командования русской армии и Центральной рады в Киеве был сформирован 1-й казачий полк имени Богдана Хмельницкого. Эта национально-патриотическая инициатива отдельных офицеров была активно поддержана солдатами местных резервных частей, со страхом ожидавшими отправки в траншеи. Центральная рада также сообразила, что в городе полезно иметь «украинские» воинские части, и одобрила солдатское начинание. К маю русское военное командование наконец признало первый украинский полк, но лишь на том условии, что он немедленно отбудет на фронт. В конечном счете только одна часть, входившая в состав этого «полка», никогда не насчитывавшего более трех тысяч штыков, с большой помпой была отправлена на Юго-Западный фронт, где вскоре развалилась⁵. Тем не менее прецедент был создан.

С целью укрепить свою легитимность и заручиться народной поддержкой Центральная рада весной и летом 1917 года провела в Киеве ряд съездов: Национальный конгресс, Военный съезд, Крестьянский съезд, Рабочий съезд — и все они направили в Раду своих делегатов. В мае тысяча делегатов, представлявших приблизительно миллион украинских солдат, служивших в русской армии (из общего числа 3,5 миллиона украинцев, составлявших в 1917 году примерно 40 процентов русской армии), собрались в Киеве на 1-й Всеукраинский войсковой съезд. В условиях борьбы за власть с российским Временным правительством Центральная рада допустила принятие резолюций о массовой «украинизации» воинских частей в русской армии и о создании Генерального украинского военного комитета (ГУВК) — прообраза Военного министерства, во главе которого встал украинский социал-демократ, бухгалтер по профессии, Симон Петлюра, — хотя съезд также подтвердил социалистическую линию на постепенную замену армии «народной милицией»⁶.

⁵ Голубко В. Армія Української Народної Республіки, 1917—1918: Утворення та боротьба за державу. Львів, 1997. С. 44—48.

⁶ Там же. С. 51—52.

К лету 1917 года несанкционированная украинизация воинских частей шла полным ходом. Первым объявил себя «украинским» 39-й армейский корпус, размещавшийся на Волыни и в основе своей (по некоторым оценкам, не менее чем на 80 процентов) состоявший из этнических украинцев. Резервные части, получавшие название «украинских», нередко противились отправке на фронт, если на нее не давал своего разрешения ГУВК, в то время как некоторые фронтовые части самовольно уходили в тыл с целью вернуться на Украину — под предлогом реорганизации⁷. Глава Центральной рады, историк Михаил Грушевский, впоследствии вспоминал курьезный эпизод: направлявшийся на фронт из Саратова полк во время краткой остановки в Киеве попытался объявить себя украинским полком имени Грушевского. Историк согласился, чтобы полк был назван его именем, и даже принял полковой парад, однако тактично предложил солдатам все же добраться до фронта. Кажется, о саратовском украинском полке имени Михаила Грушевского больше никто никогда не слышал⁸.

Центральная рада, в целом приветствовавшая заявления военных о своей лояльности ей и ГУВК, в то же время оказалась втянута в запутанную борьбу за власть с Временным правительством, которая требовала по меньшей мере формального оказания поддержки воюющей армии в непосредственном будущем. В начале июля 1917 года медлительность украинского правительства при решении вопросов о мире и о национальной армии привела к бунту, едва не закончившемуся свержением Рады. Около 5 тысяч новобранцев и солдат, ожидавших нового назначения в пересыльном лагере под Киевом, отказались идти на фронт, требуя зачисления в новый украинский полк имени Павло Полуботка (казацкого гетмана начала XVIII века). Явно по наущению националистически настроенных младших офицеров, ранее участвовавших в создании полка имени Богдана Хмельницкого, солдаты заявили о своем желании оставаться под Киевом с целью «защитить свободу Украины». Они не пожелали подчиниться приказу ГУВК об отправке на фронт и прогнали высокопоставленную делегацию Рады во главе с Владимиром Винниченко и Петлюрой. 5 июля восставшие отобрали оружие у другой резервной части и двинулись на Киев, где без труда заняли полицейское управление и военные склады, едва не захватив и Центральный банк, прежде чем их в конце концов остановили и разоружили (а затем силой отправили на фронт) части, все еще лояльные Временному правительству — а не киевской Централь-

⁷ Голубко В. Армія Української Народної Республіки, С. 67—68.

⁸ Грушевський М. Спомини // Київ. 1989. № 10. С. 146.

ной Раде. В декларации, изданной восставшими, они объявляли себя «украинскими казаками», собирающимися «восстановить порядок на Украине» и «изгнать всех русских и [украинских] ренегатов» с высоких должностей⁹.

В конце июля командование русской армии наконец одобрило украинизацию как одно из последних оставшихся средств, позволявших удержать части от массового дезертирства и обеспечить приток новобранцев из Украины. Новый главнокомандующий, генерал Лавр Корнилов, подписал приказ об украинизации десяти дивизий, хотя в условиях возраставшего хаоса и дезертирства удачей завершилась лишь реорганизация 34-го (или 1-го украинского) армейского корпуса под командованием генерала Павла Скоропадского, русского аристократа, имевшего в числе своих дальних предков украинских казаков. Одной из причин здесь было то, что дивизии 34-го корпуса были выведены с фронта на реорганизацию, а затем размещены на Украине; кроме того, украинизация в прочих фронтовых частях не удалась из-за противодействия командиров и высокого уровня дезертирства; тех же солдат, которые желали служить в украинских частях, нередко просто переводили в 34-й корпус, который вскоре стал насчитывать уже 40 тысяч бойцов. Напротив, украинизация резервных тыловых частей проходила успешно, и к осени существовало уже 130 украинских частей общей численностью до 120 тысяч солдат. Некоторые другие источники оценивают численность украинских частей в 637 тысяч человек¹⁰.

Тем не менее такие цифры, как миллион украинских солдат, представленных тысячей делегатов на военном съезде, или сотни тысяч человек, насчитывавшихся в формально «украинизированных» частях, выглядят внушительно лишь на бумаге. Как с досадой признавал сам Грушевский, солдатские массы «восторженно отзывались на революционные лозунги, обещавшие вернуть [их] с фронта, однако вяло реагировали на призывы сражаться, от кого бы те ни исходили». Ему вторил другой видный украинский активист, Дмитрий Дорошенко: «Когда осенью [1917 года] появились большевики и бросили в солдатскую массу более элементарные и заманчивые лозунги, чем те, которые распространяли российские и украинские эсеры, то этот “миллион” растаял бесследно в самое короткое время»¹¹.

⁹ Солдатенко В. Ф. Центральна Рада та українізація армії // Український історичний журнал. 1992. № 6. С. 28—29.

¹⁰ Голубко В. Армія Української Народної Республіки. С. 78—90, 149.

¹¹ Грушевський М. Спомини. С. 124; Дорошенко Д. Война и революция на Украине // Попов Н. Н. (Ред.). Революция на Украине по мемуарам белых. 2-е изд. Киев, 1990. С. 71.

Как мы уже видели, начиная с весны 1917 года важную роль в украинской политике стали играть солдаты русской армии. Регулярные части, расположенные в столице, поддерживали Временное правительство, в то время как другие резервные и фронтовые части склонялись то на сторону большевиков, то на сторону украинских властей — первые выдвигали более радикальную социальную программу, а последние обещали более реальный шанс на возвращение по домам. В то же время близость линии фронта означала, что тысячи дезертиров, нередко имевших оружие, привнесли в повседневную жизнь украинских городов и сел культуру насилия и право сильного.

Большинство солдат являлись крестьянами в военной форме, а Центральная рада медлила с удовлетворением главного крестьянского требования: земельного передела. В начале осени 1917 года, по мере того как в села возвращалось все больше дезертиров и комиссованных ветеранов, крестьяне стали брать дело в свои руки и приступили к массовым насильственным захватам земель, принадлежавших знати и короне. Украинское правительство теряло как доверие своей главной опоры — крестьянства, так и контроль над ситуацией в деревне. Подобно многим социалистам того времени, глава украинского Генерального секретариата Винниченко и другие украинские лидеры верили в неминуемое «отмирание» буржуазного государственного аппарата, регулярной армии и полиции. Ослепленные утопической мечтой, они не создали никаких институтов, способных к поддержанию общественного порядка, равно как и дееспособной бюрократической системы. По мере разрушения общественного строя местные советы в городах и временные органы самообороны на селе обращали все меньше и меньше внимания на прокламации, издававшиеся в Киеве.

ПОЯВЛЕНИЕ «ВОЛЬНЫХ КАЗАКОВ»

Рост хаоса и беззакония в деревне привел к возникновению впечатляющего крестьянского движения самообороны, присвоившего традиционное название «казаки». Последние рудименты казачьего государства и территориальной полковой структуры исчезли на Украине к началу XIX века, однако память о казачьем прошлом жила в народных легендах, отчасти потому, что для закрепощенных и обедневших крестьян, так же как и для авторов патриотического направления,

она играла роль мифа о былой свободе и благоденствии¹². (Желанный статус казака с XV по конец XVIII века действительно давал личную свободу.) В 1855 году, во время Крымской войны, массы крепостных крестьян в Киевской губернии объявляли себя «казаками» в надежде на то, что правительство примет их на военную службу и тем самым даст им свободу. Поэтому неудивительно, что добровольная милиция, в течение 1917 года спонтанно возникавшая в украинской деревне, стала называться «вольными казаками».

Как и в случае со многими другими «вымышленными традициями», сознательно мобилизующими память о прошлом ради создания новой легитимности, при более пристальном взгляде на возникновение «вольных казаков» выясняется, что в формировании этого нового института заметную роль сыграла патриотическая интеллигенция. Хотя источники того времени приписывают основание первого отряда «вольных казаков» в апреле 1917 года в Звенигородском уезде Киевской губернии Никодиму Смоктию — богатому крестьянину, имевшему предков-казаков, — ему наверняка помогли два националистически настроенных студента Киевского коммерческого училища, В. Ковтуненко и Г. Пищаленко, вернувшиеся в свой родной уезд создавать новую революционную администрацию¹³. Вплоть до лета лишь немногие на Украине знали об этой местной инициативе по охране общественного порядка с помощью отрядов, одетых в шаровары и вышитые рубахи и вооруженных шашками. Однако в первых числах июня двое представителей звенигородских «вольных казаков» появились в своем живописном архаическом облачении на 2-м Украинском войсковом съезде, вызвав сенсацию. Лишнюю привлекательность такому патриотическому воплощению местных сил самообороны добавляло то, что потребность в их создании к тому моменту ощущалась повсеместно. В течение лета, после того как к дискуссии об этой «народной инициативе» подключились газеты, отряды «вольных казаков» начали возникать по всей Украине, в первую очередь в Киевской, Полтавской, Черниговской и Екатеринославской губерниях. И центральные, и местные власти требовали, чтобы в эти отряды было позволено записываться лишь мужчинам, негодным к военной службе; и до тех пор, пока име-

¹² О казачьем мифе в украинской литературе XIX века см.: *Grabowicz G. Three Perspectives on the Cossack Past: Gogol, Ševčenko, Kuliš // Harvard Ukrainian Studies. 1981. Vol. 5. P. 135—170.*

¹³ *Верстюк В.Ф. Вільне козацтво як вияв революційної творчості мас // Смолій В.А. (Відп. ред.). Історія українського козацтва. Нариси у двох томах. Київ, 2001. Т. 2. С. 419—420.*

лась возможность следить за выполнением этого требования, «вольные казаки» состояли в основном из крестьян в возрасте до 18 и более 43 лет. Впрочем, появлялись сообщения о том, что кое-где в «вольные казаки» принимают женщин и что в других местах от кандидатов требуют формального заявления о принадлежности к украинской нации. К октябрю 1917 года на Украине официально насчитывалось уже 72 отряда «вольных казаков» общей численностью 15 586 человек, хотя, по оценкам современников, в ГУВК не зарегистрировалось еще около 300 отрядов, включавших порядка 40 тысяч человек¹⁴.

Однако Центральная рада с осторожностью относилась к этому новому народному движению. Она постоянно откладывала утверждение его устава, а запланированный съезд «вольных казаков» так и не был проведен. По сути, социалистических лидеров Рады беспокоило то, что институт «вольного казачества» давал богатым крестьянам инструмент политического и военного влияния, и это могло иметь самые серьезные последствия для политической ситуации в стране. В октябре совещание уездных комиссаров Рады проголосовало за запрет «вольных казаков», но в том же месяце в городке Чигирин, расположенном на некотором удалении от столицы, без официального одобрения центральных властей был проведен съезд «вольных казаков». В условиях очень ограниченного представительства местных отрядов организаторы съезда сумели протолкнуть предложение о том, чтобы выбрать наказным атаманом, то есть временным вождем казаков, того же генерала Скоропадского, который отличился при украинизации 34-го армейского корпуса. Поскольку у левых руководителей Рады имелось целых три причины не доверять Скоропадскому — тот был русским аристократом, крупным землевладельцем и царским генералом, — этот шаг лишь подтвердил их худшие подозрения о том, что «вольные казаки» становятся орудием консервативного бонапартистского переворота. ГУВК так и не признал избрания Скоропадского; вместо этого в начале ноября, когда Рада наконец утвердила устав «вольных казаков», они были формально подчинены министру внутренних дел или его заместителю. Одновременно Рада попыталась захватить штаб «вольных казаков» в городе Белая Церковь к югу от Киева, но получила отпор, после чего вожди казаков пригрозили походом на Киев в случае повторения попытки разоружить и распустить «вольных казаков»¹⁵.

К осени 1917 года политическая ситуация на Украине во все большей степени определялась военизированными группировками, поддер-

¹⁴ Верстюк В.Ф. Вільне козацтво. С. 434—435.

¹⁵ Голубко В. Армія Української Народної Республіки. С. 123.

живавшими различные политические силы. Во время большевистского переворота, произошедшего в Петрограде в ноябре 1917 года, в Киеве развернулись бои между регулярными войсками, верными Временному правительству, и военизированными отрядами большевиков и Центральной рады. Последние вступили друг с другом в союз с целью изгнания прежней власти, но к концу декабря уже боролись друг с другом за контроль над Украиной. Как только большевики на съезде советов в восточноукраинском городе Харькове 25 декабря 1917 года провозгласили Украину советской республикой, прибывшие из России большевистские отряды совместно с местными красногвардейцами начали наступление на Киев.

Война с большевиками завершилась для Украинской республики катастрофой. Большинство солдат, находившихся на Восточном фронте и ранее присягнувших Центральной раде, разъехалось по своим селам. Собственно, 4 января 1918 года украинское Военное министерство само издало приказ о демобилизации всех солдат «украинизированных» частей бывшей русской армии, поскольку большинство этих частей к тому времени уже прекратило существование или проявляло враждебность по отношению к Раде. Однако попытки создать новую украинскую армию не принесли успеха. В отчаянии правительство прибегло к наемническому принципу, предлагая крупные денежные суммы атаманам, обещавшим организовать военные отряды¹⁶. По иронии судьбы, «вольные казаки» оказались в числе немногих вооруженных группировок, готовых поддерживать украинское правительство, еще недавно пытавшееся распустить их. Действующая украинская армия, подчинявшаяся военному министру Симону Петлюре, состояла из 15 тысяч иррегулярных «вольных казаков» и добровольцев, которые, впрочем, оставались организованной силой, лишь действуя в окрестностях своих родных уездов. В условиях фактически начавшейся гражданской войны моральное состояние войск имело большее значение, чем их численность, а украинские части в целом не отличались серьезной боеспособностью. Согласно украинским историкам, большевики начали наступление, имея в своем распоряжении не более 8 тысяч бойцов¹⁷. Но при этом они были лучше организованы, располагали отличными пропагандистами и могли предложить разочарованным массам более радикальную социальную программу. Они выиграли кампанию в большей степени путем убеждения, нежели силы,

¹⁶ Там же. С. 163.

¹⁷ Гошуляк І.Л. Про причини поразки Центральної Ради // Український історичний журнал. 1994. № 1. С. 36.

поскольку солдаты украинских добровольческих полков массами переходили на сторону большевиков или просто возвращались в свои села. Осведомленный мемуарист сообщает о том, что украинское военное командование скрывало известия о своей первой неудачной попытке послать в декабре 1917 года армию против большевиков:

Когда перед Рождеством на большевиков, к тому моменту захвативших Харьков, была отправлена армия, почти все ее солдаты, включая и полк имени Богдана Хмельницкого, разошлись по родным селам, забрав с собой оружие и лошадей. Военное руководство держало это в большом секрете, поскольку все еще надеялось, что казаки после праздников вернутся в свои отряды, однако эти надежды оказались напрасными — казаки были счастливы наконец-то оказаться дома¹⁸.

Пока с севера наступала Красная армия, пробольшевистски настроенные рабочие подняли в ряде украинских городов восстания, из которых самым известным стало киевское восстание в январе 1918 года, возглавлявшееся рабочими Арсенала и лишь с большим трудом (и с крайней жестокостью — было казнено около 300 рабочих) подавленное войсками, верными Центральной раде. Впоследствии оно было изображено в знаменитом фильме Александра Довженко *Арсенал*. Неделю спустя украинское правительство было вынуждено покинуть столицу; единственная надежная военная часть, выбранная для охраны республиканского руководства, в реальности состояла не из восточных украинцев, а из бывших австрийских военнопленных галицийско-украинского происхождения¹⁹. В один из последних дней осады Киева, 29 января 1918 года, большевистские силы окружили и уничтожили на станции Круты отряд, насчитывавший около 300 украинских добровольцев — студентов и гимназистов. Подобно расстрелянным рабочим Арсенала, вошедшим в пантеон советских героев, они стали мучениками в глазах украинцев, разделявших антисоветские взгляды. Взят Киев, большевистские войска во главе с известным своей жестокостью Михаилом Муравьевым предали смерти, по некоторым сообщениям, от 2 до 5 тысяч «классовых врагов»²⁰, но продержались в столице всего три недели. Впрочем, было бы ошибкой полагать, что солдаты Красной армии вошли в Киев как дисциплинированные фанатики большевизма, вооруженные бесчеловечной идеологией. В реальности бо́льшая

¹⁸ Чикаленко Е. Уривок з моїх споминів за 1917 р. Прага, 1932. С. 28.

¹⁹ Голубко В. Армія Української Народної Республіки. С. 168.

²⁰ Смолий В.А. История Украины. Киев, 1997. С. 230.

часть этих сил представляла собой иррегулярные отряды, готовые подчиняться только своим атаманам. Украинский функционер-большевик Георгий Лапчинский вспоминал: «Это были странно одетые, абсолютно недисциплинированные люди, с ног до головы увешанные всевозможным оружием — от винтовок до сабель и пистолетов всех моделей — и гранатами. Между их командирами постоянно вспыхивали споры и потасовки»²¹.

Всего за несколько дней до сдачи Киева Центральная рада подписала сепаратный мирный договор с Центральными державами от имени Украинской народной республики — существовавшей на правах автономии в составе России с ноября 1917 года, но 25 января 1918 года провозгласившей независимость именно для того, чтобы стать легитимной участницей международных соглашений. На основании Брестского договора на Украину вошли германские и австрийские войска численностью 450 тысяч штыков, вынудив большевиков отступить. Недовольные левой Радой, немцы в конце апреля организовали консервативный переворот, в результате которого монархом Украины, или гетманом (традиционный титул казацких вождей), был объявлен генерал Скоропадский. Однако консервативный режим не имел серьезных шансов на выживание. Германские карательные экспедиции, имевшие целью покончить с мародерствовавшими крестьянскими бандами, и насильственное изъятие зерна вскоре спровоцировали беспрецедентные волнения на селе. После капитуляции Центральных держав и вывода их войск с Украины в ноябре 1918 года Владимир Винниченко и Симон Петлюра, два видных социалистических министра Генерального секретариата, создали Директорию (названную так по образцу французского революционного правительства 1795—1799 годов) — комитет из пяти человек, призванный координировать антимонархическое восстание. В штаб-квартиру Директории, находившуюся в Белой Церкви под Киевом, стекались десятки тысяч крестьян — вероятно, в большинстве своем бывших «вольных казаков», — к которым присоединилась изменившая гетману основная часть его небольших сил.

КРАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Если события на российской Украине выглядели в глазах современников такими же хаотичными и запутанными, какими они

²¹ *Лапчинський Г. Боротьба за Київ. Січень 1918 р. // Літопис Революції. 1928. № 2. С. 212.*

кажутся позднейшим исследователям, то революционные события на австрийской Украине создают впечатление борьбы с четко обозначенным этническим врагом. После краха Австро-Венгерской империи в ноябре 1918 года власть над Восточной Галицией оспаривали два новых государства: воссозданная Польша и только что провозглашенная Западно-Украинская Народная Республика. Первоначально группа молодых украинских офицеров австрийской армии без труда захватила власть в провинциальной столице Львове (Лемберге), однако затем развернулись уличные бои с местными поляками, и к концу месяца польское восстание заставило украинцев покинуть их новую столицу. Конфликт между двумя государствами вылился в полномасштабную польско-украинскую войну, в которой враждующие стороны четко различались своей этнической принадлежностью — в противоположность сравнительной незначительности этого фактора и частого перехода бойцов из одной армии в другую на российской Украине.

Также в отличие от Восточной Украины, Западно-Украинская Народная Республика имела возможность опираться на давние традиции украинской политической и общественной жизни в Австро-Венгрии. Новое государство сумело создать эффективный административный аппарат и поддерживало общественный порядок на контролируемых им территориях²². В Галиции не наблюдалось спонтанного повстанческого движения на селе, а украино-еврейские отношения оставались сравнительно дружественными в течение всего существования республики. Однако чего однозначно не удалось добиться, так это воплощения давней мечты о воссоединении Украины. Несмотря на его торжественное провозглашение в Киеве 22 января 1919 года, оно так и не было осуществлено. Умеренные западноукраинские политики не могли найти общий язык с восточными социалистами, и вдобавок на западе и на востоке бушевали две гражданских войны, имевшие совершенно разные цели и состав участников. В то время как западные украинцы воевали с поляками, восточным украинцам Польша представлялась естественным союзником против их главных врагов — большевиков и русских белых. Точно так же и галичане не возражали против союза с белыми в борьбе с Польшей. Впрочем, как вскоре выяснилось и на западе, и на востоке, дружба с врагами противоположной стороны отнюдь не являлась гарантией победы.

Благодаря своей давней традиции общинной организации украинцы в Восточной Галиции смогли создать то, чего никогда не было у Киева: надежное регулярное войско, так называемую Украинскую

²² См.: *Макарчук С.А. Українська Республіка галичан. Львів, 1997.*

галицкую армию (УГА). Если бы не изнурительная борьба с намного более сильными поляками, галичане могли бы добиться перелома в гражданской войне на Восточной Украине. Несмотря на нехватку старших офицеров, в УГА служило много немецких и австрийских майоров и полковников, а на посту ее главнокомандующего сменилось два бывших русских генерала — Михаил Омельянович-Павленко и Александр Греков. Главным активом УГА являлись ее рядовые и младшие офицеры: до 60 тысяч сознательных и дисциплинированных крестьян и горожан из Восточной Галиции²³. Украинская армия начала контрнаступление в феврале 1919 года и вскоре окружила Львов, однако прибытие крупных сил из собственно Польши решило исход борьбы в Галиции. Стремясь сделать независимую Польшу противовесом как Германии, так и большевистской России, державы Антанты на Парижской мирной конференции отказались от вильсоновского принципа самоопределения по отношению к Восточной Галиции. Они позволили перевести туда 100-тысячную польскую армию генерала Юзефа Халлера, обученную и оснащенную во Франции. В то же время нарастание социальных противоречий бросило тень на хрестоматийный образ западных украинцев, объединившихся для защиты своей родины. Крестьяне были недовольны неспособностью украинского правительства осуществить земельную реформу, а в Дрогобыче — единственном промышленном центре региона — рабочие подняли пробольшевистское восстание. Впрочем, прежде чем внутренние проблемы успели обостриться, западные украинцы проиграли войну полякам. 16 июля 1919 года остатки УГА и республиканской администрации переправились через реку Збруч на территорию бывшей российской Украины. Одновременно страны Антанты согласились на «временную» польскую оккупацию Восточной Галиции, после 1923 года ставшую постоянной.

Перебравшись на Восточную Украину, хорошо организованные, националистически настроенные галичане стали одной из множества мелких армий, бродивших по стране и постоянно менявших союзников. Однако последнее слово принадлежало не этим отрядам и даже не огромным русским армиям красных и белых, сражавшимся друг с другом на территории Украины (причем в каждой из них имела значительная доля этнических украинцев), а украинскому крестьянству.

Военное положение украинского правительства (отныне называвшегося Директорией) ухудшилось почти сразу же, как в декабре

²³ См.: Литвин М.Р., Науменко К.Е. Історія галицького стрілецьтва. Львів, 1991. С. 97.

1918 года оно взяло власть после эвакуации немцев. В Одессу и другие южные города на поддержку белым, обещавшим восстановить единое антибольшевистское государство, прибыли французские войска общей численностью около 60 тысяч человек. Одновременно большевики начали новое наступление с севера. Винниченко, возглавлявший Директорию, полагал, что единственный способ заручиться народной поддержкой — выдвинуть не менее радикальную социальную программу, чем большевистская. Он даже говорил о возможном участии Украины в революционной войне советских республик (включавших Россию и Венгрию, в тот момент охваченную коммунистическим восстанием) против европейской реакции²⁴. Однако переговоры с большевиками провалились, и их войска — опять существенно пополнившиеся украинскими добровольцами и призывниками — быстро наступали на Киев. Крестьяне, поддерживавшие Директорию против Скоропадского, вернулись по своим селам, и украинское правительство снова осталось без армии. В любом случае военные действия большевиков против Директории носили маргинальный характер по сравнению с масштабом боев, развернувшихся на Украине между красными и белыми. Впрочем, эти события тоже можно рассматривать в рамках украинской гражданской войны в той степени, в какой этнические украинцы, служившие в войсках Директории, у большевиков и в Белой армии, убивали друг друга во имя победы той «Украины», к которой были обращены их мечты.

Спасаясь от большевиков, Директория перебралась из Киева на запад — сначала в Винницу, затем в Ровно и наконец в Каменец-Подольский. В июле 1919 года галичане присоединились к обессилевшей Директории на последнем клочке земли вокруг Каменец-Подольского, который та еще контролировала. К тому моменту Винниченко ушел в отставку, потому что его радикальные социалистические взгляды препятствовали заключению возможных соглашений с Антантой; его место занял придерживавшийся более националистических взглядов Симон Петлюра. Между тем большевики взяли под свой контроль большинство украинских городов, но ухитрились лишь оттолкнуть от себя крестьян, силой реквизируя у них зерно. Вместо того чтобы раздавать землю крестьянам, новые власти предпочитали превращать конфискованные крупные поместья в совхозы.

²⁴ Винниченко В. Відродження нації. Репринтне изд. Київ, 1990. Т. 3. С. 322—323.

ВЛАСТЬ АТАМАНОВ

Подобная политика лишь раздула пламя крестьянского восстания, нередко выливавшегося в борьбу против любых чужаков. Вся украинская деревня превратилась в сплошное море анархии, поделенное между местными крестьянскими вожаками — атаманами. Некоторые из них возглавляли многотысячные крестьянские армии, благодаря чему могли оказывать влияние на политическую ситуацию в стране²⁵. В число наиболее известных атаманов входили Матвей Григорьев, бывший царский офицер и левый эсер, весной 1919 года выбивший французский экспедиционный корпус из Одессы, однако затем повернувший свои отряды против большевиков, и крестьянин-анархист Нестор Махно, который собрал в южных степях 40-тысячную армию и поддерживал то большевиков, то Директорию, а затем пытался воплотить в жизнь собственный проект создания крестьянской анархической республики. Были и другие колоритные персонажи, память о которых сохранилась в фольклоре, в том числе как минимум три атаманши, носившие имя Маруся.

Тот факт, что в 1919 году в Киеве одна слабая власть сменяла другую, не оказал никакого влияния на село. Украинское крестьянство после Первой мировой войны и последующего коллапса местных институтов оказалось вооружено до зубов, обладало боевым опытом и было более самоуверенным, чем когда-либо прежде. Хотя местные крестьянские банды часто переходили с одной стороны на другую, порой сражаясь под лозунгами социалистической революции или независимой Украины, в первую очередь их интересовало выживание, захват пахотной земли и грабежи. Использование термина «атаман» свидетельствовало о спонтанном возрождении казацких традиций, однако повстанцы не были сознательными украинскими националистами. В большей степени они мотивировались местными проблемами, предрассудками и наивным анархизмом.

По сути, было бы ошибкой думать, что солдаты-дезертиры и «вольные казаки» 1917 года чем-то отличались от бандитов и недовольных мобилизованных крестьян 1918—1919 годов. Нередко это наверняка были одни и те же люди, вооруженные теми же самыми винтовками,

²⁵ Общий обзор крестьянского повстанческого движения на Украине в 1918—1920 годах см.: Ганжа О.І. Опір селян становленню тоталітарного режиму в УСРР. Київ, 1996. Другое удачное изложение этих событий с упором на контрмеры со стороны советской власти см.: Graziosi A. The Great Soviet Peasant War: Bolsheviks and Peasants, 1917—1933. Cambridge (Mass.), 1996. P. 11—37.

даже если им приходилось менять форму при мобилизации в очередную армию. Сообщения о крахе общественного порядка и о появлении местных атаманов часто фигурируют в газетах и воспоминаниях начиная с осени 1917 года. 4 октября 1917 года в передовице влиятельной газеты *Нова Рада* говорилось:

Изо всех частей страны, но в первую очередь с правого берега Днепра, из Подольской, Волынской и Киевской губерний в Генеральный секретариат приходят отчаянные телеграммы об ужасающей анархии, грабежах, уничтожении государственной собственности и об убийствах. Вернулись даже погромы эксцессы, наблюдавшиеся при старом режиме, а с ними — покушения на собственность и жизнь еврейского народа. Вообще, обычным делом стали посягательства на частную собственность, нападения на отдельных людей и на целые группы, при том, что преступникам придает смелости осознание безнаказанности за их злодеяния. Нарушения общественного порядка, грабежи и насилия совершаются не только бандами дезертиров, но и регулярными армейскими частями, расквартированными на Украине, направляющимися на фронт или отозванными с фронта. Посевы, жилища, зерно, прочая собственность и даже людские жизни гибнут из-за отсутствия на местах представителей государства, обладающих широкими полномочиями и местной поддержкой²⁶.

В официальных донесениях об отступлении 2-го гвардейского корпуса и различных групп дезертиров через Волынскую губернию в октябре 1917 года действия солдат сравнивались с татарским набегом XVI века: «Уничтожению подвергается все: посевы, скот, куры; из прудов спускают воду; солдаты насилуют женщин; в селах, через которые прошла армия, остаются только обугленные стены»²⁷.

Если так себя вели крестьяне в армейских шинелях, то нет оснований ожидать, что от грабежей и насилия воздерживались бы крестьяне, одетые «вольными казаками». Они, несомненно, защищали собственные общины или по крайней мере тех жителей своих сёл, которых считали «своими», однако с самых первых дней существования «вольных казаков» в Звенигородском уезде появились сообщения об их «беззаконных действиях». К осени 1917 года «вольные казаки» производили в ближайших городах обыски и конфискации, вызывавшие энергичные протесты со стороны местных властей, подвергали раз-

²⁶ Нова Рада. 1917. 4 октября. С. 1.

²⁷ Цит. по: *Верстюк В.Ф.* Вільне козацтво. С. 449.

граблению крупные поместья и самовольно арестовывали людей. По словам самого Скоропадского, Генеральный штаб вольных казаков добыл средства на свою деятельность, обложив налогом местных евреев²⁸. К февралю 1918 года черта между местными крестьянскими бандами, совершавшими грабежи, и «вольными казаками», якобы охранявшими общественный порядок на селе, была уже столь расплывчатой, что руководство казаков попыталось провести их перерегистрацию и выдавать зарегистрированным казакам разрешение на ношение оружия, которое отличало бы их от бандитов. Однако в обстановке возраставшего хаоса от этого начинания пришлось отказаться. Утратив к концу марта 1918 года всякий контроль над восставшими крестьянами, называвшими себя казаками, Директория распустила «вольных казаков». В дальнейшем их руководители оказывали поддержку режиму Скоропадского, но местные отряды во все большей степени вели независимое существование в качестве крестьянских банд²⁹. Показательным был конец самого казачьего Генерального штаба: в январе 1918 года его разогнала какая-то пробольшевицкая армейская авторемонтная часть, проходившая через Белую Церковь. Элитная казачья гвардейская рота, приданная Генеральному штабу, дезертировала, забрав с собой лошадей, но перед этим совместно с местными крестьянами-мародерами разграбила и сожгла соседний исторический дворец Браницких³⁰.

Возможно, самым трагическим последствием хаоса, царившего на Украине в 1917—1920 и особенно в 1919 году, были кровавые еврейские погромы, унесшие более 30 тысяч жизней. В роли погромщиков выступали все стороны, участвовавшие в гражданской войне: белые, отряды Директории, независимые атаманы и Красная армия. Однако за исключением некоторых идеологически мотивированных белых погромов, погромщиками обычно являлись пьяные толпы антисемитски настроенных грабителей, игнорировавших приказы командования. 40 процентов погромов, зафиксированных в документах, приходится на долю войск, подчинявшихся Директории, — больше, чем на какую-либо другую сторону, — вследствие чего их главнокомандующий, Симон Петлюра, приобрел на Западе репутацию свирепого антисемита. Но несмотря на это местное насилие, направленное против евреев, на общенациональном уровне Украинская Народная Республика отличалась внимательным отношением к национальным меньшинствам. Она была первым современным государством, создавшим Министерство

²⁸ Там же. С. 430, 451, 453.

²⁹ Голубко В. Армія Української Народної Республіки. С. 183, 195—196.

³⁰ Верстюк В.Ф. Вільне козацтво. С. 453—454.

по делам евреев и гарантировавшим защиту еврейской культуры. Но ему не хватало влияния. Правительство УНР, действуя из самых лучших побуждений, издавало указы, осуждавшие погромы, и пыталось их расследовать. Между тем банды мародеров, нередко номинально входившие в состав Украинской, Красной или Белой армий, просто перебирались в соседнее село, подвергая его жителей новым грабегам и насилию.

Согласно далеко не полным статистическим сведениям, в 1917 году на Украине произошло около 60 антиеврейских погромов, в 1918 году — около 80, но уже в 1919 году было зафиксировано 934 погрома, а в 1920 году — 178. Эти цифры также говорят о том, что уровень насилия во многом определялся антисемитскими настроениями отдельных атаманов. Наибольшей жестокостью отличались отряды атамана Григорьева — в 52 совершенных ими погромах в среднем за погром погибало 67 евреев, что намного выше аналогичных цифр для погромов, произведенных войсками Директории (34 убитых за погром), Белой армией (25 убитых), «разрозненными бандами» (15) и Красной армией (7)³¹. В идеологическом плане лишь Белая армия в какой-то степени поощряла погромы, однако Григорьев был известен своим антисемитизмом, а подобные ему атаманы чаще встречались в иррегулярных войсках, связанных с Директорией, чем в Красной армии. Вместе с тем «разрозненные банды», вероятно, состояли из местных жителей, больше заинтересованных в грабежах, чем в убийствах по идеологическим мотивам.

Вероятно, это в еще большей степени верно для происходивших в то же время, но менее известных погромов меннонитских поселений на Южной Украине. Подобно евреям, меннониты представляли собой явных «чужаков» в украинской деревне, но при этом они обычно жили компактными поселениями, имевшими у местных крестьян репутацию «зажиточных». Хотя большинство нападений на меннонитские села совершалось исключительно ради грабежей — по крайней мере, это можно сказать об отрядах местного влиятельного атамана Нестора Махно, — погромы оправдывались эгалитарной риторикой о перераспределении богатств, которая, разумеется, не объясняла кровавых расправ над меннонитами³².

³¹ Abramson H. Jewish Representation in the Independent Ukrainian Governments of 1917—1920 // *Slavic Review*. 1991. Vol. 50. № 3. P. 547—548.

³² См.: Toews J.B. The Origins and Activities of the Mennonite «Selbstschutz» in the Ukraine (1918—1919) // *Mennonite Quarterly Review*. 1972. Vol. 46. P. 5—40; *Idem*. No Songs Were Sung at the Graveside: The Blumenort (Russia) Massacre (10—12 November 1919) // *Ibid*. 1995. Vol. 13. P. 51—70.

Наведение порядка на Украине оказалось почти невыполнимой задачей не только для Директории, но и для сменивших ее в 1919 году большевиков. Они едва успели выявить проблемы, требовавшие решения, как в июне из Юго-Восточной России, с Дона, начала наступление сплоченная и организованная Белая армия, вооруженная Антантой. В июле с запада развернули наступление отряды Петлюры, усиленные частями УГА. На этот раз мобилизованные крестьяне массами покидали красных, переходя на более сильную сторону. Зажатые между Белой армией и войсками Директории, в конце августа большевики отступили в Россию, преследуемые по пятам отрядами белого генерала Антона Деникина. Правда, дружественный нейтралитет между украинцами и белыми длился недолго — лишь до тех пор, пока белые не вытеснили украинские части из Киева. Кроме того, белые приступили к выполнению своих планов по восстановлению дореволюционного социального строя, возвращая земли крупным помещикам и запретив украинский язык. На волне нараставшего массового недовольства белыми Директория в конце сентября объявила им войну.

Впрочем, сражения с сильной Белой армией не принесли украинским войскам успеха. В октябре, в условиях, когда поставки медикаментов были блокированы Антантой, в рядах украинцев разразилась эпидемия тифа, уничтожившая около 70 процентов бойцов Директории. Разбитые и лишившиеся большей части своих войск, они в конце концов сдались. Галичане вступили в секретные переговоры с белыми, завершившиеся тем, что УГА 6 ноября перешла в подчинение к Деникину. В то же время Петлюра достиг соглашения с заклятым врагом галичан — Польшей. Это довершило разрыв между обеими украинскими армиями, и военная катастрофа стала неизбежна. Польская армия вошла в западные Волынскую и Подольскую губернии, по которым скитались Петлюра и его правительство в нескольких железнодорожных вагонах. Остатки Директории подвергались нападением со стороны местных крестьянских банд; государственная казна была разграблена, персонал Военного министерства брошен где-то по дороге³³. 15 ноября Петлюра официально объявил себя диктатором и вскоре после этого бежал в Варшаву.

Пока вблизи польской границы происходили эти события, красные снова выгнали белых из центральных губерний Украины. В декабре 1919 года большевики в третий раз взяли Киев. Вернув себе власть на Украине, они подвергли свою прежнюю политику серьезной переоценке. Кремль согласился на формальную независимость Советской

³³ Мазепа І. Україна в огні й бурі революції: 1917—1922. Київ, 2003. С. 317—324.

Украины (в федерации с Советской Россией), официально признал украинский язык и стал проводить более осторожную аграрную политику. Ради умиротворения села большевики весной 1920 года прекратили создавать совхозы и коммуны, вместо этого приступив к крупномасштабной раздаче конфискованной земли крестьянам³⁴. Эта мера обеспечила им массовую поддержку в решающий момент гражданской войны. К осени 1920 года последствия этого шага были сведены на нет насильственным изъятием зерна у крестьян, вызвавшим новые бунты на селе, однако большевикам к тому моменту удалось окончательно склонить чашу весов на свою сторону.

Две последние кампании российской Гражданской войны тоже происходили на украинской территории, хотя в реальности они представляли собой скорее постскрипtum к титанической борьбе между красными и белыми, развернувшейся годом ранее. В апреле—октябре 1920 года по Украине пронеслась стремительная советско-польская война, в конце концов покончившая с экспансионистскими амбициями обоих молодых государств. Сначала поляки взяли Киев и посадили там Петлюру в качестве марионеточного правителя Украины, однако затем лишь «чудо на Висле» помогло им остановить красную конницу на подступах к Варшаве. В ноябре того же года красные взяли штурмом последний оплот белых на юге Украины — Крым — и жестоко казнили тысячи офицеров и «классово чуждых элементов», не успевших сбежать морем в Турцию (те, кому это удалось, постепенно разъехались по всему свету). После этого большевикам все равно пришлось потратить много времени и усилий для подавления крестьянских восстаний различных политических оттенков, но их победа была уже делом решенным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если недолгая польско-украинская война в бывшей Австро-Венгерской империи вполне вписывается в рамки «восточноевропейского» этнического конфликта, то гражданская война на обширных просторах бывшей российской Украины ставит под сомнение как эту модель, так и традиционное понимание военизированного насилия. Нечеткая этническая идентичность и преобладание социальных вопросов при-

³⁴ Рубльов О.С., Реєнт О.П. Українські визвольні змагання 1917—1921 рр. Київ, 1999. С. 228.

вели к развитию многостороннего конфликта, участники которого могли переходить с одной стороны на другую в зависимости от того, какая из сильнейших армий, в каждый конкретный момент участвовавших в боях на Украине, сражалась под теми лозунгами, которые в наибольшей степени соответствовали представлениям данного лица о будущем страны. Впрочем, для большинства украинцев идеология имела значение только применительно к вопросу выживания и местным проблемам. Власть в деревне находилась в руках крестьянских банд, нередко претендовавших на роль местной милиции; и хотя жителей могли призвать в любую армию, проходившую по той или иной местности, ключевым фактором в украинской гражданской войне являлось влияние местных атаманов. Идеология тоже играла определенную роль — в конце концов, конфликт между красными и белыми имел откровенно идеологический характер, а все украинские правительства пытались обеспечить независимое существование своей нации, — но эта роль нередко служила лишь призмой, преломлявшей мечты и фобии по большей части неграмотных повстанцев-крестьян в новейших терминах социализма или национализма. В итоге решающим фактором, обеспечившим большевикам победу на Украине, стала программа земельного передела, хотя кое-кого могла привлечь социалистическая мечта, а других отталкивали поспешные ассимиляционные мероприятия.

Было бы заманчиво возводить корни насилия, сопровождавшего сталинскую коллективизацию сельского хозяйства, к эпохе Гражданской войны — тем более что многие большевистские активисты и председатели колхозов были ветеранами Красной армии. Тем не менее коллективизация представляла собой очевидный пример государственного, централизованно осуществлявшегося насилия, основанного на советской идеологии и отличавшегося двойной целью — ликвидировать частную собственность на землю и уничтожить кулаков, объявленных классовыми врагами. Это насилие было связано с событиями предыдущего десятилетия лишь в той степени, в какой вся политическая культура большевистского режима сформировалась под влиянием Гражданской войны, на что нередко указывают исследователи сталинизма³⁵. Возможно, в большей степени с военизированным насилием Гражданской войны была связана подпольная Организация украинских националистов (ОУН), действовавшая в западных

³⁵ См., например: *Fitzpatrick Sh. The Russian Revolution. 2nd ed. N.Y., 1994. P. 87—92.*

украинских областях, входивших в состав Польши. Членами ОУН по большей части были ветераны Первой мировой войны, обычно также являвшиеся ветеранами войны украино-польской и нередко участниками борьбы с большевиками в Центральной Украине. Врожденное сходство ОУН с прочими правыми военизированными организациями межвоенной Европы подчеркивалось свойственными этой организации культурой поражения, вирулентным национализмом и готовностью к применению силы.

ГРАЖДАНЕ СТАНОВЯТСЯ СОЛДАТАМИ: ВОЕНИЗИРОВАННЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ПРИБАЛТИКЕ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ВВЕДЕНИЕ:

ВОЙНА, ВОЕНИЗИРОВАННЫЕ ДВИЖЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ПРИБАЛТИЙСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

После Первой мировой войны Литва, Латвия, Эстония, Финляндия и Польша превратились в классические постимперские «зоны дробления». В течение 1918—1920 годов северо-западные приграничные территории бывшей Российской империи захлестнула новая волна кровопролитных боевых действий. Красные, белые, немцы, литовцы, латыши, эстонцы, финны и поляки сражались друг с другом, проявляя свирепость, зачастую достигавшую уровня ожесточенности 1914—1915 годов. В противоположность Первой мировой войне это послевоенное насилие отличалось менее значительными масштабами, иррегулярным характером и непостоянством. Но при этом для него была характерна более заметная идеологическая и этническая мотивированность, а также более пестрый состав участников, в число которых входили не только традиционные армии, но также гражданские отряды самообороны, партизаны и добровольческие военизированные формирования. Различные националистические и контрреволюционные течения противостояли друг другу и большевистскому революционному проекту, и все они претендовали на те или иные части данного региона с целью установления на них «нового строя». Некоторым западным наблюдателям, в том числе таким заметным, как Уинстон Черчилль, эти жестокие схватки представлялись не более чем «войнами пигмеев», однако не следует недооценивать их значения для местных жителей¹. Вообще, одной из уникальных черт этого региона является то, что, в отличие от Западной Европы, память о Первой мировой войне здесь полностью отошла в тень воспоминаний об

¹ Hyde-Price A. *Germany and European Order*. Manchester, 2001. P. 75.

этом послевоенном конфликте, наследие которого продолжает жить в местной националистической мифологии и в современной политике².

По мере того как поспешно формировались новые армии, состоявшие из ветеранов прежних имперских войск и новобранцев, различие между «военизированными» и «военными» организациями становилось все более расплывчатым. Послевоенные годы стали «золотой эрой» военизированных движений, возникавших как по всей Центральной и Восточной Европе, так и в других регионах³. Важную роль в этом послевоенном конфликте наряду с традиционными национальными, революционными и контрреволюционными армиями играли различные военизированные формирования. В новых государствах — Литве, Латвии и Эстонии — военизированные отряды включали красных и «зеленых» партизан, немецких и белых русских добровольцев, а также польское, литовское, латвийское и эстонское ополчение.

Данная глава в первую очередь посвящена одной из наименее известных из этих военизированных группировок — литовским «шаулисам» (*Šauliai*, Союз стрелков Литвы, или ССЛ). Однако мы также дадим сравнительный обзор двух других военизированных организаций, возникших в Латвии и Эстонии: латышских «айзсаргов» (*Aizsargi*, «Защитники») и эстонского «Кайтселийта» (*Kaitseliit*, Лига обороны). Все три организации были созданы в 1918—1919 годах в качестве гражданской милиции самообороны. К 1940 году каждая из них насчитывала более чем 60 тысяч членов («Кайтселийт» со своими вспомогательными организациями — более 100 тысяч членов), однако к концу 1940 года все они были упразднены советским режимом, а их лидеры арестованы, посажены в тюрьму, депортированы или казнены. Мы изучим идеологические корни этих организаций, их военные функции, политические цели и инициативы, а также их долгосрочное наследие — с целью объяснить их превращение в крупномасштабные социальные движения, имевшие между собой больше сходства, чем различий.

При этом более широкая задача будет заключаться в поиске взаимосвязи между военизированными движениями и национальным

² *Liulevičius V.G. Building Nationalism: Monuments, Museums, and the Politics of War Memory in Inter-War Lithuania // Nord-Ost Archiv. 2008. Vol. 27. P. 230—234.*

³ Новый сравнительный подход к европейским военизированным движениям был предложен Робертом Гервартом: *Gerwarth R. The Central European Counter-Revolution: Paramilitary Violence in Germany, Austria and Hungary after the Great War // Past & Present. 2008. Vol. 200. P. 175—209.* См. также недавнюю работу: *Prusin A.V. The Lands Between: Conflict in the East European Borderlands, 1870—1992. Oxford, 2010, особенно Ch. 3.*

Рис. 11. Группа «литовских стрелков», снятых в 1920 г.

строительством. Являлось ли военизированное насилие последствием Первой мировой войны или результатом послевоенных конфликтов? Каковы были источники его легитимности? Можно ли назвать его стратегией национального строительства? В чем состоит его долговременное наследие?

Вследствие запоздалого и незавершенного процесса национального строительства, тормозившегося российским империализмом и Первой мировой войной, последовавшие прибалтийские «освободительные войны» (1918—1920 годов) породили радикальную стратегию национального строительства: национальный милитаризм⁴. Он представлял собой особую разновидность «тотальной мобилизации», требовавшую поставить под ружье все население. В то время как его непосредственные причины коренились в конфликтах, вспыхнувших после окончания Первой мировой войны, его идеологические и психологические основы сформировались под влиянием Первой миро-

⁴ Теорию о запоздалом национальном строительстве выдвинул Мирослав Хрох. См.: *Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations.* Cambridge, 1985. P. 86—88.

вой войны и русской революции. Самое важное заключается в том, что военизированное движение было симптоматическим следствием этого национального милитаризма, в первую очередь стремившегося превратить гражданское население в граждан-солдат.

Однако по своей сути это военизированное движение также являлось интеграционной политикой, не только призывавшей под свои знамена все больше и больше солдат, но и стремившейся к воздействию на местную политическую ситуацию и идентичности. В этом смысле данная политика являлась как контрреволюционной (оборонительной), так и революционной (наступательной). Соответственно «шаулисы», «айзсарги» и «Кайтселийт» участвовали одновременно в военных действиях, в политической и культурной жизни и в национальном строительстве. Никогда не теряя своего солдафонского духа, после завершения послевоенных конфликтов эти организации превратились в массовые общественные и культурные движения. Их эволюционный характер представляет собой один из наименее изученных и понятных аспектов их краткой, но динамичной истории. Или, как удачно выразился один из основателей «шаулисов» Владас Путвис-Путвинскис (1873—1929), «Литва была нашей, но мы сами себе не принадлежали»⁵. Иными словами, новое национальное государство, возникшее в кипящем котле Первой мировой войны, нуждалось в «национализации» для того, чтобы стать долговечным политическим проектом.

Вследствие своих радикальных призывов к популистской национальной революции «шаулисы», «айзсарги» (и в меньшей степени «Кайтселийт») становились источником серьезных трений между нацией и государством⁶. В условиях, когда государство было едва способно к решению задачи национального строительства и выживания в условиях войны, в игру вступали военизированные организации, призывая к политическому «пробуждению» и милитаризации всех граждан. Однако при этом они требовали для себя автономного статуса в рамках государства. В 1919 году Путвис называл «шаулисов» «маленькой разновидностью государства»⁷. Разумеется, подобные претензии порождали подозрения у государственных чиновников (особенно в рядах армии), нередко относившихся к военизированным организациям как

⁵ *Pūtvis. Memoirs* // Marcinkevičius-Mantautas A. (Red.). *Vladas Putvinskis-Pūtvis: gyvenimas ir parinktieji raštai*. Čikaga, 1973. T. 1. P. 150.

⁶ Люлевичюс описывает дихотомию между нацией и государством как один из ключевых аспектов межвоенного литовского национализма. См.: *Liulevičius V.G. Building Nationalism*. P. 235.

⁷ *Pūtvis. Memoirs*. T. 1. P. 150.

к своим конкурентам. В Латвии армия пыталась контролировать «айзсаргов» после того, как президент Карлис Ульманис начал приближать их к себе в качестве своей личной вооруженной политической силы⁸.

Связь между гражданами и их готовностью сражаться, разумеется, укреплялась благодаря динамичному течению военных действий. Ни одно из новых Прибалтийских национальных государств (возникших в 1918 году) не было в 1918—1919 годах уверено в своих шансах на выживание. В течение короткого промежутка времени между декабрем 1918 и декабрем 1919 года Литве, Латвии и Эстонии пришлось отражать наступление Красной армии, занявшей более половины их территории. Особенно серьезным было положение в Латвии, где латышам в июне 1919 года противостояли не только красные, но и прибалтийские немцы (ландсвер) и германский фрайкор. Благодаря эстонской помощи немецкая угроза была устранена в сражении под Венденом 23 июля 1919 года. В этом бою объединенные силы латышей и эстонцев разбили немцев, тем самым покончив с их господством в Латвии. Ситуацию еще более запутывало то, что в июле—декабре 1919 года в Латвию и Литву также вторглись германские и белые русские войска под командованием генерала Павла Бермондта-Авалова. Наконец, в августе 1920 года поляки, преследуя отступавшую Красную армию, напали на Литву и 8 октября захватили Вильнюс. Передышка для эстонцев настала только в декабре 1919 года, для литовцев — в июле 1920 и для латышей — в августе 1920 года, когда были подписаны отдельные мирные договоры с Советской Россией⁹.

Неудивительно, что такие масштабные боевые действия требовали мобилизации всех имевшихся экономических и людских ресурсов. Однако милитаризация граждан была также теснейшим образом связана с тем, что прибалтийские народы пережили за годы Первой мировой войны. Прибалтийские общества с 1914 года сталкивались с военными мобилизациями, присутствием воюющих армий, массовыми эвакуациями и военным насилием¹⁰. Всего в армию Российской империи было призвано более 64 тысяч литовцев и 100 тысяч эстонцев (из них погибло 11 и 10 тысяч соответственно)¹¹. Латышей было призвано еще больше — 130 тысяч, так как Россия мобилизовала латышских

⁸ Lumans V.O. *Latvia in World War II*. Fordham, 2006. P. 27.

⁹ Краткий обзор истории Прибалтики в 1918—1920 годах см.: Rauch G. von. *The Baltic States: The Years of Independence: Estonia, Latvia, Lithuania, 1917—1940*. London, 1995.

¹⁰ Эстония подверглась военному насилию лишь в 1918 году.

¹¹ Lesčius V. *Lietuvos kariuomenė, 1918—1920*. Vilnius, 1998. P. 19.

стрелков на отражение германского наступления в 1915—1917 годах¹². Более того, Литва и почти половина Латвии бóльшую часть войны пробыли под германской военной оккупацией с ее жесткой политикой реквизиций и экономической эксплуатации. Эстонию немцы заняли целиком лишь в феврале 1918 года.

Большевистская революция с ее воинственными лозунгами «классовой борьбы» стала еще одним мощным источником военного радикализма, нашедшего особенно сильный отклик в Латвии и отразившегося в попытках Советской России насадить в 1918—1919 годах в Прибалтийских государствах недолговечные большевистские правительства¹³. Вместе с тем массовое возвращение в 1918—1921 годах более 200 тысяч беженцев Первой мировой войны из России в Литву и почти 400 тысяч из России в Латвию дало этим национальным государствам возможность найти выход своему чувству тревоги и политическому радикализму¹⁴.

Истоки прибалтийского военизированного насилия

Корни эстонского «Кайтселийта», латвийских «айсаргов» и литовских «шаулисов» восходят к культуре Первой мировой войны. Все эти организации стали порождением национального милитаризма, поощрявшегося молодыми национальными государствами, боровшимися за выживание в хаосе послевоенного периода. Соответственно, в противоположность таким предвоенным движениям, как чешские (и польские) «соколы», которые являлись их идеологическими предтечами (хотя сильное влияние на «Кайтселийт» оказало также финское движение *Suojeluskunta*), прибалтийские движения носили более военизированный характер. Все они были созданы в качестве гражданских милиций «самообороны» в условиях войны с целью обеспечить внутреннюю безопасность, однако вскоре превратились в крупномасштабные социальные движения. Все три играли в 1919—1920 годах

¹² Parrott A. The Baltic States from 1914 to 1923: The First World War and the Wars of Independence // *Baltic Defence Review*. 2002. Vol. 8. P. 147.

¹³ Литовско-Белорусская советская республика (Литбел) просуществовала лишь с февраля по август 1919 года. Латвийская и Эстонская советские республики прекратили существование в конце 1919 года.

¹⁴ О влиянии беженцев на процессы государственного строительства в бывшей Российской империи см.: *Baron N., Gatrell P. (Ed.). Homelands: War, Population Displacement and Statehood in the East-West Borderlands, 1918—1924*. London, 2004. P. 74—98.

важную военную роль наряду с регулярными армиями. Вследствие своей квазинезависимости по крайней мере два из них (ССЛ и «айзсарги») также спровоцировали трения и расколы во властных структурах соответствующих государств. Наконец, все они были постепенно подчинены государством в качестве орудий патриотического воспитания и мобилизации.

«Шаулисы» были созданы в июне 1919 года в качестве гражданских сил самообороны при вторжении большевиков. Однако их идеологические корни сформировались во время Первой мировой войны. Их можно проследить, изучая биографию одного из основателей и идеологических вождей этого движения — Путвиса¹⁵. Он родился в 1873 году в старинной, но обедневшей польскоязычной дворянской семье. Путвис был одним из немногих литовских помещиков, полностью порвавших свои социальные и культурные связи с Польшей. В 1896 году вместе с женой-дворянкой он перешел в стан литовских патриотов¹⁶. На третьем десятке жизни Путвис стал новым человеком, выучив литовский язык и заведя себе новых друзей среди литовской интеллигенции крестьянского происхождения. Большую часть молодости он провел в отцовском поместье, отдавая все силы сельскому хозяйству и пытаясь улучшить социальные условия для крестьян-арендаторов. Дважды подвергавшийся аресту (в 1906 и 1914 годах) за свою пролитовскую деятельность, во время Первой мировой войны Путвис был сослан в Центральную Россию. Там он пережил неприятный инцидент, когда разъяренная русская толпа пыталась убить его, приняв за «германца».

Получив после революции свободу, в Новочеркасске (на Украине) в 1917 году он некоторое время был членом украинского отряда самообороны. Согласно мемуарам Путвиса, именно этот опыт, а также довоенное изучение чешских «соколов» и швейцарских военизированных организаций вдохновили его на создание военизированных сил самообороны в Литве¹⁷. Кроме того, Путвис искренне восхищался белофинской милицией (*Suojeluskunnat*), которую считал образцом успешной мобилизации и патриотического воспитания гражданского населения¹⁸. Именно эти военизированные движения вдохновили Путвиса на аналогичное начинание у себя на родине.

¹⁵ Наилучшим источником по истории ССЛ и биографии его лидера является собрание произведений Путвиса: *Marcinkevičius-Mantautas A. (Red.). Vladas Putvinskis-Pūtvis: gyvenimas ir parinktieji raštai*. Čikaga, 1973. Т. 1—3.

¹⁶ *Pūtvis. Memoirs*. P. 73.

¹⁷ *Ibid.* P. 169—170.

¹⁸ *Ibid.* P. 170.

В своих работах Путвис открыто признавал транснациональный характер того, что он называл «движением стрелков». Отслеживая его предмодерные корни, Путвис утверждал, что «оно будет жить до тех пор, пока жива нация; ему навеки суждено стать источником государственности и ее защитником»¹⁹. Он был убежден в том, что лишь те нации, которые способны осуществить военную мобилизацию своего гражданского населения на защиту своих национальных земель, имеют шанс на выживание и процветание. В отношении Литвы он говорил, что «идеи стрелков в нашей стране до сих пор слабы вследствие недоразвитости национального самосознания, несмотря на существование государства»²⁰.

Вернувшись в Литву в 1918 году, Путвис начал собирать личный стрелковый арсенал. Современники вспоминали, что он всегда ходил с пистолетом, засунутым за ремень. Его одержимость оружием ярко описала его дочь София, вспоминая, что в их поместье всегда было полно всевозможного оружия, принадлежавшего отцу. Одна из его любимых забав заключалась в том, чтобы одним движением выхватить револьвер и выстрелить. Путвис в шутку называл это упражнение «стрельбой в губернатора»²¹.

Совместно с кучкой единомышленников из числа интеллигенции он основал ССЛ как «внепартийную добровольческую организацию» под эгидой Литовского спортивного союза, в первую очередь имея в виду цель «защиты литовской независимости»²². Помимо строевых упражнений, накопления оружия и выполнения функций гражданской милиции, ССЛ также занимался спортивной подготовкой, патриотическим воспитанием и агитацией. Первоначально, подобно чешским «соколам», зарегистрированным как спортивное общество, ССЛ состоял из небольшого числа интеллектуалов и государственных служащих (всего около 30 человек) — главным образом родственников и знакомых Путвиса. Идея вооружения государственных служащих была одобрена в правительственных кругах, поскольку в мае 1919 года большевики все еще угрожали Литве. «Батальон интеллектуалов» еженедельно собирался в местном парке ради упражнений и строевой под-

¹⁹ *Pūtvis. Memoirs.* P. 170.

²⁰ *Pūtvis. Istorinis žvilgsnis į šauliškumą // Marcinkevičius-Mantautas A. (Red.). Vladas Putvinskis-Pūtvis.* T. 2. P. 108.

²¹ Воспоминания Софии Путвите см.: *Marcinkevičius-Mantautas A. (Red.). Vladas Putvinskis-Pūtvis.* T. 1. P. 114.

²² Главный устав ССЛ (Литовский центральный государственный архив. Ф. 561. Раздел 2. Д. 2. С. 3).

готовки²³. Путвис так описывал воодушевление этих первых собраний: «Мы действовали по-любительски, но стремились не к деньгам или карьере, а к тому, чтобы помочь своей стране. Это была психология солдат-добровольцев, а не государственных чиновников»²⁴.

Идеология «шаулисов» основывалась на представлениях Путвиса о несоответствии в отношениях между нацией и государством. Он утверждал, что «главная проблема национальной идеи — это государство; и самая большая ошибка заключается в том, что эта идея выражается во всех своих формах лишь через государство»²⁵. Хотя Путвис считал, что «хорошее государство необходимо для нации», он видел в государстве лишь заменимую структуру, которая может быть разрушена и создана заново. Чего нельзя заменить, так это национального духа, национальной воли. Согласно его взглядам, цель «шаулисов» заключалась в защите и выработке этого национального духа. Гердерианские представления Путвиса о государстве подкреплялись также верой в то, что «шаулисы» должны стать духовной элитой литовской нации. Путвис обосновывал это тем, что в ходе истории литовцы лишились своей аристократии, превратившейся в польскую. В целом элитистские настроения этого кружка отражали ситуацию в деревне, где государственные структуры оставались достаточно слабыми и местное население еще надо было убеждать в необходимости поддержки каунасского правительства²⁶.

В отличие от «шаулисов», появившихся на свет в результате частных усилий небольшой группы государственных служащих и интеллектуалов, «айзсарги» и «Кайтселийт» были созданы в порядке государственной инициативы. История «айзсаргов» началась 30 марта 1919 года с указа главы латвийского временного правительства Карлиса Ульманиса. Движение «Кайтселийт» было основано эстонским правительством 11 ноября 1918 года и сразу же подчинено непосредственно министру обороны. «Кайтселийт» был сформирован на основе *Omakaitse* («Ополчения») — организации типа милиции, созданной в 1917 году для защиты эстонского населения от революционного хаоса. В 1918 году германские оккупационные власти запретили *Omakaitse* из-за того,

²³ Помимо этого названия, его первые участники также называли его Железным батальоном. См.: *Marcinkevičius-Mantautas A. (Red.). Vladas Putvinskis-Pūtvis. T. 1. P. 141.*

²⁴ *Pūtvis. Memoirs. P. 150.*

²⁵ *Pūtvis. Idėjyno vieningumas // Ibid. T. 2. P. 11.*

²⁶ Об этом свидетельствует тот факт, что первый призыв всех литовских мужчин в армию 13 февраля 1919 года сопровождался высоким уровнем уклонения: из 17 400 призванных на службу было зачислено только 6800, а 4800 вовсе не явились. См.: *Lesčius V. Lietuvos kariuomenė, 1918—1920. P. 158.*

что эта организация выступала за эстонскую независимость, провозглашенную перед самой германской оккупацией в феврале 1918 года.

ВОЙНА КАК ИСТОЧНИК РАЗВИТИЯ

Казалось, что после устранения непосредственной большевистской угрозы Каунасу в конце лета 1919 года «шаулисы» утратили ту цель, с которой были созданы. В какой-то момент на традиционный сбор в парке пришли лишь Путвис и трое его самых верных сторонников²⁷. Однако в августе Путвис сумел возродить «шаулисов», переписав их устав и решив преобразовать движение в независимую военизированную организацию с центральным аппаратом, постоянным членством и региональными отделениями. В октябре 1919 года министр обороны Повилас Жадейкис подтвердил независимый статус «шаулисов» и пообещал им поддержку армии. Вскоре «шаулисы» сменили гражданскую одежду на военную форму. Оружие они либо приобретали на личные сбережения, либо получали из армии. Для сплочения своих сторонников Путвис использовал призыв к духовному возрождению, а также к созданию «нового защитника Литвы — гражданина-солдата»²⁸.

Другим мощным стимулом к обновлению «шаулисов» стала попытка Польской военной организации (POW) низложить каунасское правительство 28—29 августа 1919 года. В эти дни вооруженные «шаулисы» вышли на улицу, встав на охрану правительственных зданий и производя розыск членов POW. С этого момента яркой чертой программы «шаулисов» стала их антипольская позиция. После того как Литва успешно отразила вторжение красных отрядов и оказалась втянута в военный конфликт с Польшей, антибольшевизм «шаулисов» постепенно сменился антипольской пропагандой. Так, в 1923 году главная газета ССЛ *Trimitas* (*Труба*) риторически вопрошала: «Литовец, кто твой главный враг? Поляк!»²⁹

Вторжение Бермондта-Авалова в Северную Литву в июле 1919 года и продолжавшееся присутствие большевиков (они все еще удерживали Восточную Литву) породили вооруженное сопротивление со стороны местного литовского крестьянства. Начиная с конца лета 1919 года различные партизанские отряды и части самообороны возникали

²⁷ *Matusas J. Lietuvos šaulių sąjungos istorija. Vilnius, 1992. P. 12.*

²⁸ Воспоминания Микаса Микелькевичуса см.: *Marcinkevičius-Mantautas A. (Red.). Vladas Putvinskis-Pūtvis. T. 1. P. 157.*

²⁹ *Lietuvi, kas tavo didžiausias priešas? // Trimitas. 1923. № 159. P. 3.*

в Шяуляе, Паневежисе, Седе, Пасвалисе, Ионишкелисе и других местах. К осени в одной только Северной Литве насчитывалось около 30 партизанских отрядов³⁰. Первоначально их связи с Каунасом были ничтожными: большинство из них действовало как независимые группы, пытавшиеся нарушить большевистские и германские коммуникации и защитить местное население от реквизиций и бандитизма³¹.

«Шаулисы» взяли на себя роль зонтичной организации для этих отрядов, самочинно выступая в качестве связующего звена между ними и армией с правительством. Отдельные члены ССЛ отправлялись в различные города для организации партизанской деятельности, сбора разведывательных данных и ведения политической пропаганды среди населения. При органах местной администрации создавались ячейки, исполнявшие функции гражданской милиции. К декабрю 1919 года ССЛ, по его заявлениям, насчитывал уже 16 региональных отделений и 39 отрядов³². Организационная структура этой сети сопротивления оставалась гибкой и рыхлой: многие партизанские ячейки по-прежнему действовали как независимые силы в тылу у врага и поддерживали лишь неформальные связи с руководством ССЛ в Каунасе.

Однако не следует недооценивать военного значения этих партизанских отрядов ССЛ. Рука об руку с национальной армией они активно сражались с врагом в таких операциях, как сражение за город Шяуляй в ноябре 1919 года³³. В одном лишь районе Расеня войска Бермондта в результате деятельности партизанских отрядов потеряли 10 офицеров, 137 солдат и 35 лошадей³⁴. Большинство местного населения поддерживало эти отряды, поскольку многие из них носили местный характер и рассматривались как силы самообороны от мародерствовавших германских и русских солдат. Также партизанские отряды «шаулисов» активно действовали на польско-литовском фронте. Начиная с лета 1919 года они принимали участие в акциях саботажа и военной разведке в Юго-Восточной Литве. С осени 1920 года Центральный штаб ССЛ руководил их военизированной деятельностью на всем польско-литовском фронте³⁵.

³⁰ Lesčius V. Lietuvos kariuomenė nepriklausomybės kovose, 1918—1920. Vilnius, 2004. P. 230.

³¹ Ibid. P. 230.

³² Marcinkevičius-Mantautas A. (Red.). Vladas Putvinskis-Pūtvis. T. 1. P. 176.

³³ Lesčius V. Lietuvos kariuomenė. 2004. P. 230—231.

³⁴ Ibid. P. 232.

³⁵ Marcinkevičius-Mantautas A. (Red.). Vladas Putvinskis-Pūtvis. T. 1. P. 182.

Литовская армия имела возможность использовать ширившуюся сеть этих военизированных группировок в своих интересах. В ноябре 1920 года ССЛ создал специальное Информационное бюро (*Žinių koncentracijos biuras*) для получения разведанных из различных частей Литвы. Это учреждение руководило сетью из 50 с лишним шпионов, добывавших информацию для ССЛ, армии и гражданских властей. Согласно некоторым оценкам, в течение 1919—1922 годов оно зарегистрировало более 1300 «врагов государства» и вскрыло около 250 случаев «антиправительственной деятельности»³⁶. В категорию «врагов» в первую очередь зачисляли сторонников большевиков и поляков, а также лиц, саботировавших исполнение правительственных указов.

Если «шаулисы» являлись добровольческой организацией, то «айзсарги» и «Кайтселийт», по крайней мере первоначально, играли роль милиции самообороны, в которую принудительно записывали всех мужчин, непригодных к службе в национальной армии. Эта стратегия отражала крайнюю нехватку военных кадров, с которой столкнулись все Прибалтийские государства на первых этапах своего существования. Кроме того, этой стратегией был обусловлен иной темп роста численности военизированных организаций в Латвии и Эстонии: если в рядах «шаулисов» в январе 1919 года насчитывалось только 800 человек, то в «Кайтселийт» в ноябре 1919 года состояло более 100 тысяч человек (в том числе 32 тысячи имевших военную подготовку)³⁷. На последних этапах балтийских войн за независимость численность латвийских и эстонских военизированных организаций сравнивалась с численностью соответствующих национальных армий и даже превышала ее³⁸. Этот поразительный рост прекратился в 1922 году в Латвии и в 1920 году в Эстонии, когда большинство принудительно призванных мужчин было отчислено после завершения военных действий. После этого «айзсарги» и «Кайтселийт», как и «шаулисы», превратились в добровольческие ассоциации.

У нас нет четких данных о том, сколько ветеранов войны и солдат было участниками прибалтийских военизированных формирований. Однако нет особых сомнений в том, что такие лица играли важную

³⁶ *Matusas J. Lietuvos šaulių sąjungos istorija. P. 58.*

³⁷ *Defence League // Miljan T. Historical Dictionary of Estonia. Lanham, 2004. P. 167.* Численность *Aizsargi* составляла в 1920 году 10 тысяч.

³⁸ В январе 1919 года эстонская армия насчитывала около 13 тысяч солдат. В латвийской армии осенью 1919 года числилось 19 тысяч человек. См.: *Laur M. (Ed.). History of Estonia. Tallinn, 2002. P. 214; Henn J. von. (Hrsg.). Von den Baltischen Provinzen zu den Baltischen Staaten. Marburg, 1977. S. 367.*

роль в их истории (особенно на первом ее этапе, в 1919—1920 годах). Поскольку «Кайтселийт» функционировал как военный резерв для армии, в рядах этой организации оказалось большинство ветеранов Войны за независимость³⁹. В Литве во многих местных частях «шаулисов» состояли бывшие солдаты царской армии, руководившие их работой и делившие своим военным опытом⁴⁰. После военной реформы 1935 года сотни офицеров запаса литовской армии вступили в ССЛ⁴¹. В Латвии в 1929 году «айзсарги» более чем на 60 процентов состояли из бывших солдат⁴². Благодаря присутствию этих закаленных войной ветеранов военизированные части становились серьезной угрозой для регулярных армий, с которыми они сражались. Майор польской армии С. Александрович писал в своих мемуарах: «Мы несли потери от их партизан-“шаулисов” <...> Взятые в плен и приговоренные к расстрелу, они не позволяли завязывать им глаза»⁴³.

ВНУТРЕННИЙ ФРОНТ: ПРОПАГАНДА И КУЛЬТУРНАЯ РАБОТА

Все три прибалтийских движения, о которых идет речь, были созданы как гражданское ополчение, имея задачей предотвратить непосредственную внешнюю угрозу, а также обеспечить внутреннюю безопасность и оказать военную поддержку регулярным армиям. При этом все три движения заявляли о своей внепартийности. Однако все они явно играли политическую роль, поддерживая власти своих стран, ведя националистическую пропаганду и занимаясь культурной агитацией. Их численность вновь начала возрастать с середины 1920-х годов после их переоформления в культурно-патриотические движения. Ни одно из них не утратило своей военной окраски (строевые упражнения, парады, оружие и форменная одежда оставались составной частью их идентичности), но их социальная и культурная активность быстро набирала размах и амбициозность. В результате развития этих движений в конце 1920-х годов во всех трех появились крупные женские и молодежные отделения. В Литве и Эстонии в 1939—1940 годах

³⁹ Kasekamp A. The Radical Right in Interwar Estonia. N.Y., 2000. P. 96.

⁴⁰ Česnulevičiūtė P. Perloja 1378—1923. Vilnius, 2008. P. 119.

⁴¹ Raštikis S. Kovose dėl Lietuvos. Vilnius, 1990. T. 1. P. 403.

⁴² Aizsargi // Švābe A. (Red.). Latvju enciklopedija. 1 sēj. Rīga, 2005. L. 29.

⁴³ Vareikis V. Lietuvos šaulių sąjungos politinė ir karinė veikla (1919—1923). Kaunas, 1999. P. 62.

в составе «шаулисов» и «Кайтселийта» насчитывалось около 15—16 тысяч женщин и столько же молодежи⁴⁴.

Способность трех этих движений к социальной трансформации ярко проявилась в создании ими массовых социальных и культурных сетей и, в частности, в их усилиях по проникновению в молодежную среду. После 1926 года при «шаулисах» была основана молодежная ассоциация *Jaunoji Lietuva* («Юная Литва»), чья основная цель заключалась в патриотическом воспитании. К 1940 году в ней состояло почти 40 тысяч человек. В 1939 году ССЛ спонсировал 125 хоров, 400 театральных трупп, 4 театра, 105 оркестров, 350 библиотек и 115 клубов⁴⁵. В 1930-х годах более половины литовских учителей были членами ССЛ. Также национальное строительство являлось ключевой задачей огромной сети социальных и культурных клубов и обществ, созданных «айзсаргами». В клубах «айзсаргов» числилось две трети зарегистрированных спортсменов; под эгидой этой организации функционировало 159 оркестров (объединявших 2 тысячи человек) и 229 хоров (7800 человек). Отдел пропаганды «айзсаргов» в 1935—1939 годах организовал более 10 тысяч лекций⁴⁶. Эстонский «Кайтселийт» не уделял такого же внимания социальной и культурной сферам, зато был более активен в том, что касалось патриотического воспитания и спорта⁴⁷.

К 1940 году в рядах «Кайтселийта» состояло более 100 тысяч человек (включая женщин и молодежь), в то время как в «айзсаргах» насчитывалось 68 тысяч, а в «шаулисах» — 62 тысячи членов. По отношению к численности населения это составляло почти 9 процентов всех жителей Эстонии и приблизительно по 3 процента населения Латвии и Литвы. По-видимому, тем самым подтверждается мнение Руутсоо о том, что «Кайтселийт» по сравнению с двумя другими движениями имел наиболее ярко выраженный «народный характер» и отличался наиболее высокой социальной репрезентативностью⁴⁸.

⁴⁴ *Mankevičius V. Historical Survey of Voluntary Non-Governmental Organizations in Lithuania Before 1940 // Revue Baltique. 1999. T. 15. P. 86; Kasekamp A. The Radical Right in Interwar Estonia. P. 95.*

⁴⁵ *Šaulių sąjunga // Biržiška V. (Red.). Lietuvių enciklopedija. Boston, 1963. T. 29. P. 380.*

⁴⁶ *Butulis I. Autoritäre Ideologie und Praxis des Ulmanis-Regimes in Lettland, 1939—1940 // Oberländer E. (Hrsg.). Autoritäre Regime in Ostmittel und Südosteuropa 1919—1940. Paderborn, 2001. S. 263, 274, 285.*

⁴⁷ *Ruutsoo R. European Traditions and the Development of Civic Society in the Baltic States: 1918—1940 // Giordano Ch. (Ed.). Baltic States: Looking at Small Societies on Europe's Margin. Fribourg, 2003. P. 45.*

⁴⁸ *Ibid. P. 44.*

Социальный состав этих движений при всех различиях весьма точно отражал аграрный характер межвоенных прибалтийских обществ. В первую очередь эти движения поддерживались фермерами: их доля в «шаулисах» составляла в 1940 году не менее 80 процентов⁴⁹. В 1928 году 95 процентов участников «айзсаргов» являлись крестьянами, 25 процентов из которых были безземельными⁵⁰. Лишь в «Кайтселийте» доля хозяев ферм была менее значительной — всего 34 процента, при том что на долю рабочих приходилось 12 процентов, а на долю государственных служащих — 9 процентов. Доля интеллигенции среди «шаулисов» достигала в 1940 году лишь скромных 6 процентов⁵¹. Если «Кайтселийт» был весьма популярен среди всех основных социальных слоев эстонского населения, то «айзсарги» из всех этих движений имели наименьшую поддержку со стороны рабочего класса. Главным образом это объяснялось тем фактом, что из всех Прибалтийских государств в Латвии было наиболее заметно противостояние между левыми и правыми силами⁵².

Все три движения лишь частично зависели от финансовой поддержки со стороны государства, хотя степень этой зависимости была разной. Все три жили за счет членских взносов и поступлений из таких источников, как лотереи, благотворительные вечера, клубы, концерты и спонсорская помощь. Кроме того, им принадлежала сеть «народных домов», библиотек и благотворительных заведений. Так, в 1939 году у «айзсаргов» имелось 89 «народных домов» в деревне, а у «шаулисов» — 72⁵³. Наибольшей финансовой независимостью, по-видимому, отличался «Кайтселийт», обеспечивавший более половины своего бюджета благодаря членским взносам, лотереям и благотворительным сборам⁵⁴. В 1927 году на долю негосударственных источников приходилась треть бюджета «айзсаргов» — и, вероятно, примерно так же обстояло дело на протяжении всего межвоенного периода⁵⁵. Положение «шаулисов» было менее стабильным: в 1930 году они получили от го-

⁴⁹ *Biržiška V.* (Red.). *Lietuvių enciklopedija*. T. 29. P. 381; *Ruutsoo R.* *European Traditions*. P. 44.

⁵⁰ *Švābe A.* (Red.). *Latvju enciklopedija*. 1 sēj. L. 29.

⁵¹ Не считая студентов и учителей, участвовавших в деятельности ССЛ. См.: *Biržiška V.* (Red.). *Lietuvių enciklopedija*. T. 29, 380.

⁵² *Ruutsoo R.* *European Traditions*. P. 44. Тем не менее были и исключения — например, местное отделение «айзсаргов» в Вентспилсе на 26 процентов состояло из рабочих.

⁵³ *Biržiška V.* (Red.). *Lietuvių enciklopedija*. T. 29, 380.

⁵⁴ *Ruutsoo R.* *European Traditions*. P. 43.

⁵⁵ *Švābe A.* (Red.). *Latvju enciklopedija*. 1 sēj. L. 1, 30.

сударства огромную сумму в 650 тысяч литов, но в 1935 году помощь сократилась всего до 350 тысяч литов. Тем не менее в 1940 году более двух третей бюджета «шаулисов» составляли членские взносы, доходы от публичных мероприятий и поступления от эмигрантов⁵⁶.

Преобразующее воздействие военизированных движений на общество можно наиболее подробно проследить на примере Литвы. Несмотря на заявленный внепартийный характер ССЛ, он открыто занимался политической пропагандой и патриотической агитацией среди различных групп населения. По сути, вся его идеология основывалась на понятии национальной мобилизации, которая должна была заново сформировать местную идентичность и превратить граждан из пассивных наблюдателей в активных участников государственной и национальной жизни. Мобилизация на внутреннем фронте рассматривалась как одна из ключевых задач движения, ради которой не следовало жалеть ни сил, ни средств. Путвис требовал: «В военное время мы должны защищать тылы армии <...> мы должны работать вместе. Все институты, все граждане — женщины, старики и дети, — все они должны работать, все должны находиться на своем месте...»⁵⁷. Это был открытый призыв к национализации всего общества — к задаче, которую стремилась выполнить литовская интеллигенция до Первой мировой войны⁵⁸.

Ради достижения этой цели «шаулисы» вели крупномасштабную пропагандистскую кампанию в периодической печати и иных изданиях. За расширение агитации в массах отвечала только что созданная Секция пропаганды и культуры. С мая 1920 года ССЛ издавал свою газету *Trimitas* (*Труба*), тираж которой достигал 30 тысяч экземпляров, в то время как популярные брошюры ССЛ — такие как *Руководство для «шаулисов»* и *Идея и работа* — расходились тиражом до 35 тысяч экземпляров⁵⁹. Страницы *Трубы* заполнялись патриотическими призывами, обращенными к внутреннему фронту, политическими новостями, поэзией, прозой и рассказами о героической борьбе как армии, так и «шаулисов».

Эту пропагандистскую кампанию можно с полным правом назвать культурным поворотом, призванным преобразовать жизнь простых

⁵⁶ *Biržiška V.* (Red.). *Lietuvių enciklopedija*. T. 29. P. 380.

⁵⁷ *Pūtvis*. *Kaip atsirado Lietuvos Šauliai* // *Marcinkevičius-Mantautas A.* (Red.). *Vladas Putvinskis-Pūtvis*. T. 2. P. 113.

⁵⁸ О трудностях обеспечения литовского национального движения массовой поддержкой см.: *Balkelis T.* *The Making of Modern Lithuania*. London, 2009.

⁵⁹ *Marcinkevičius-Mantautas A.* (Red.). *Vladas Putvinskis-Pūtvis*. T. 1. P. 183.

граждан путем пробуждения их национального сознания и чувства гражданства. На собраниях «шаулисов» особое внимание уделялось сохранению и передаче национальных традиций, семейных ценностей, чувства долга, дисциплины и трудовой этики. В их клубах, распространившихся по всей Литве, обычным делом стали патриотические лекции и дискуссии, военные парады и коллективное проведение таких традиционных праздников, как Иванов день⁶⁰.

Устав «шаулисов» позволял принимать в их ряды женщин и несовершеннолетних. С 1921 года при некоторых местных отрядах начали создаваться специальные группы *Vučiai* («всадников») — юношеского отделения «шаулисов», — в которые привлекалась молодежь в возрасте от 15 до 17 лет⁶¹. Вскоре «всадники» приобрели такую популярность, что это стало вызывать озабоченность у учителей и чиновников в сфере образования, которые даже пытались запретить их в 1930-х годах⁶². Между тем женщины участвовали в деятельности ССЛ еще с середины 1919 года, главным образом работая на внутреннем фронте в качестве конторских служащих, медсестер и учителей. В пропагандистской статье *Доблесть «шаулисов»* Путвис заявлял, что главная задача мужчин «шаулисов» — оберегать целомудрие литовских женщин, в то время как «женщины обязаны сохранять свое женское достоинство»⁶³.

Обширная пропагандистская кампания затрагивала даже такие малочисленные группы населения, как алкоголики. Руководство ССЛ публично осуждало традиции пьянства, распространенные и среди членов Союза. Путвис призывал алкоголиков вступать в ряды «шаулисов» с тем, чтобы помочь им в их «национальной работе». Интересно, что Путвис выражал алкоголикам сочувствие в их «тяжелой, но героической борьбе со своим недугом» и выказывал презрение в адрес «тех, кто пьет умеренно <...> и оправдывает употребление алкоголя с этической точки зрения»⁶⁴. Также «шаулисы» активно участвовали в борьбе с нелегальным изготовлением самогона и его продажей по всей стране, фактически взяв на себя роль «полиции нравов».

Хотя эта кампания в первую очередь была направлена на этнических литовцев, ССЛ также потратил много усилий на то, чтобы зару-

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ *Vytis* (по-литовски — «всадник») был отличительным символом традиционного флага средневекового Великого княжества Литовского.

⁶² *Matusas J. Lietuvos šaulių sąjungos istorija*. P. 181.

⁶³ *Pūtvis. Šaulių riteriškumas* // Marcinkevičius-Mantautas A. (Red.). *Vladas Putvinskis-Pūtvis*. T. 1. P. 186.

⁶⁴ *Pūtvis. Broliai girtuokliai—alkoholikai* // Ibid. T. 2. P. 266.

читься поддержкой со стороны евреев. В 1919 году он издал обращение к литовским евреям, призывая их к активному участию в обороне государства⁶⁵. При этом Путвис ссыался на демократические права, полученные евреями, и взывал к их гражданским чувствам⁶⁶. Тем не менее нет свидетельств того, что евреи вступали в ССЛ в скольконибудь значительном числе. В противоположность руководству ССЛ, многие его рядовые члены были настроены откровенно антисемитски. В 1923 году в Каунасе, Шяуляе и других городах радикальные члены ССЛ и студенты били витрины в еврейских магазинах и замазывали еврейские и русские надписи⁶⁷. *Trimitas* же в 1922 году объявила евреев «непроизводительной и деградирующей нацией»⁶⁸.

Резкий рост численности ССЛ (к апрелю 1922 года превысившей 9 тысяч человек) повлек за собой необходимость ужесточить политический и моральный контроль в его рядах⁶⁹. В 1922 году Путвис приступил к амбициозной внутренней реформе «шаулисов». Следовало сократить число неуправляемых элементов, вступивших в ряды «шаулисов» в течение войны, и повысить нравственный уровень их руководства⁷⁰. С этой целью Путвис начал создавать «элитные ячейки», призванные подавать пример дисциплины и преданности. Итогом должно было стать нравственное обновление «шаулисов». Путвис писал: «Наша стратегия — подлинно революционная, но не бунтовщическая <...> Мы стремимся к нравственному изменению самой нашей жизни...»⁷¹.

ОТНОШЕНИЯ С АРМИЕЙ

«Шаулисы», «айзсарги» и «Кайтселийт» ни в коем случае не были единственными организациями, представлявшими национальный милитаризм в странах Прибалтики. Главными столпами этой идеологии служили национальные армии. Они не только обеспечивали военную защиту национальных государств, но и являлись политическими, социальными и культурными институтами, активно участвовавшими в на-

⁶⁵ Это воззвание опубликовано в: *Pagrindiniai Lietuvos šaulių sąjungos įstatai*. Kaunas, 1919.

⁶⁶ *Pūtvis*. Lietuvos piliečiai žydai // *Marcinkevičius-Mantautas A.* (Red.). *Vladas Putvinskis-Pūtvis*. T. 2. P. 236—237.

⁶⁷ *Gaučys P.* *Tarp dviejų pasaulių*. Vilnius, 1992. P. 73.

⁶⁸ *Blažiūnas J.* *Žydai—mūsų bičiuliai* // *Trimitas*. 1922. № 48. P. 20.

⁶⁹ *Jegelevičius S.* *Nemunaitis ir jo parapija*. II knyga. Vilnius, 2002. P. 727.

⁷⁰ *Marcinkevičius-Mantautas A.* (Red.). *Vladas Putvinskis-Pūtvis*. T. 1. P. 202.

⁷¹ *Pūtvis*. Šauliai, ruoškim gyvenimo perversmą // *Trimitas*. 1922. № 13. P. 4.

циональном строительстве⁷². В крестьянах-призывниках, оказавшихся в рядах армии, воспитывали национальное и гражданское сознание, попутно обучая их различным навыкам и ремеслам⁷³.

Однако на ранних этапах эти армии также прошли через военизированную фазу. В начале 1919 года их командные структуры оставались подвижными и неразработанными, офицеры превышали своим числом рядовых, отсутствовало деление на рода войск, подготовка бойцов была слабой, а их оснащение — достойным жалости. Неудивительно, что в начальный период «войн за независимость» новым прибалтийским армиям приходилось полагаться на помощь иностранных войск и военных специалистов⁷⁴.

Литовская добровольческая армия, созданная 23 ноября 1918 года, первоначально набиралась по добровольному принципу. Однако вследствие нехватки людей она быстро превратилась в призывную армию. Ее костяк составляли младшие офицеры бывшей царской армии, ветераны Первой мировой войны, вернувшиеся в Литву из России в 1918—1920 годах. В июле 1920 года литовскую армию возглавил бывший капитан царской армии Константинас Жукас⁷⁵. Тем не менее к маю 1919 года она превратилась в боеспособное войско, насчитывавшее около 11 тысяч солдат⁷⁶. В Эстонии лишь трое из 90 офицеров (главным образом обучавшихся в России), организовавших эстонские вооруженные силы, имели опыт командования дивизией, и еще 70 — опыт командования батальоном⁷⁷.

Возраставшая популярность «шаулисов» не уберегла их от подозрений со стороны армейских чиновников, относившихся к ним как к сборищу неуправляемых элементов. Некоторые офицеры официально жаловались на то, что «шаулисы» совершают акты личной мести в отношении гражданских лиц, что они полностью деморализованы и участвуют в незаконных арестах, реквизициях и грабежах⁷⁸. Нередкая подмена «шаулисами» полицейских сил приводила к путанице и протестам со стороны местного населения. В результате этого нажима правительство в октябре 1920 года издало указ, запрещающий «шаулисам»

⁷² *Liulevičius V.G. Building Nationalism. P. 234.*

⁷³ *Vardys V.S., Sedaitis J.B. Lithuania: The Rebel Nation. Boulder (Colo.); Oxford, 1997. P. 42.*

⁷⁴ *Parrott A. The Baltic States from 1914 to 1923. P. 156.*

⁷⁵ *Lesčius V. Lietuvos kariuomenė. 1998. P. 90.*

⁷⁶ *Ibid. 162.*

⁷⁷ *Miljan T. Historical Dictionary of Estonia. P. 109.*

⁷⁸ См. доклад Лауринайтиса, опубликованный в: *Vareikis V. Lietuvos šaulių sąjungos politinė ir karinė veikla, 1919—1923. Kaunas, 1999. P. 68.*

проводить обыски, аресты и реквизиции без официального приказа командующего армией⁷⁹.

Напряженные отношения между «шаулисами» и армией еще сильнее омрачились в результате инцидента, произошедшего во время собрания ССЛ под Каунасом в Иванов день 23 июня 1922 года. Празднование, в котором участвовало около 100 «шаулисов» и почти 3 тысячи зрителей, завершилось стычкой между толпой полупьяных солдат местного гарнизона и «шаулисами», открывшими огонь и ранившими пятерых солдат⁸⁰. Этот инцидент получил негативное освещение в национальной печати и повредил репутации ССЛ⁸¹. Попытка Путвиса защитить «шаулисов» в печати была пресечена военной цензурой. Более того, итогом этого инцидента стал официальный парламентский запрос, когда заместитель министра обороны обвинил ССЛ в организации беспорядков. Вскоре последовали и другие публичные обвинения: на этот раз речь шла о преобладании родственников Путвиса в Центральном бюро ССЛ, отсутствии твердого руководства у движения и о подозрениях в финансовых махинациях. Путвис принял эти обвинения очень близко к сердцу и 24 июля 1922 года подал в отставку с поста главы ССЛ.

Руководство армии не желало делиться монополией на официально санкционированное насилие с военизированной организацией, претендовавшей на роль авангарда нации. На низовом уровне между ССЛ и армией происходили мелкие конфликты — обычно в тех случаях, когда «шаулисы» пытались претендовать на свою долю трофеев, захваченных в бою⁸². Также «шаулисы» были недовольны армейским приказом от 5 декабря 1919 года о регистрации всего огнестрельного оружия (но вынуждены были его исполнять). Однако более серьезные трения всплыли на поверхность тогда, когда высокопоставленные армейские чиновники попытались ограничить публичный характер ССЛ и его независимость. Явным отражением этих поползновений стали попытки подвергнуть цензуре газету ССЛ в середине 1922 года, а также переписать устав ССЛ и внедрить в него в качестве вице-шефа представителя армии в сентябре 1922 года⁸³. С этого момента военная сторона деятельности ССЛ полностью оказалась под армейским контролем, так как движению было позволено сохранить независимость

⁷⁹ *Vareikis V. Lietuvos šaulių sąjungos. P. 52.*

⁸⁰ *Baisus įvykis // Trimitas. 1922. № 25. P. 12—13.*

⁸¹ *Steigiamasis Seimas // Lietuvos žinios. 1922. [9 июля.] № 105. P. 2.*

⁸² *Matusas J. Lietuvos šaulių sąjungos istorija. P. 182.*

⁸³ *Marcinkevičius-Mantautas A. (Red.). Vladas Putvinskis-Pūtvis. T. 1. P. 225.*

только в социальной и культурной сфере. Наконец, после проведенных в 1935 году реформ ССЛ оказался в непосредственном подчинении у командующего армией, фактически превратившись в ее военный резерв.

С середины 1920-х годов прибалтийские правительства (и в первую очередь армейское руководство) усилили свои попытки интегрировать все три военизированных движения в официальные армейские структуры. Обычно это достигалось путем непосредственного подчинения лидеров этих движений командующим армиями, назначения армейских офицеров в руководящие органы движений, введения более строгого контроля за применением оружия и прикрепления военизированных частей к местным административным структурам. К концу 1920-х годов все три организации были территориально разделены и привязаны к местным администрациям. Например, территориальная организация «айзсаргов» предусматривала наличие отделений при всех муниципалитетах (*pagasts*), сгруппированных в девятнадцать полков — по одному для каждого латвийского уезда (*aprinkis*)⁸⁴. В целом эти изменения укрепляли ярко выраженную иерархическую структуру движений, самой характерной чертой которых было наличие харизматических лидеров (Владас Путвис, Винцас Креве-Мицкявичус, Альфредс Берзиньш, Йохан Лайдонер) и тесных связей с военным и правящим истеблишментом.

По-видимому, из всех трех прибалтийских движений «шаулисы» дольше всех сохраняли свою полунезависимость. В 1919—1921 годах они функционировали главным образом как независимый орган. С 1921 года в военных делах они подчинялись армии, но лишь в 1935 году вся их деятельность (включая социальную и культурную) оказалась под полным контролем командующего армией. В Латвии за контроль над «айзсаргами» боролись армия и Ульманис: после переворота 1934 года «айзсарги» были выведены из подчинения Министерству внутренних дел и переданы в ведение нового Министерства общественных работ, которое возглавлял вождь «айзсаргов» Альфредс Берзиньш, бывший доверенным лицом Ульманиса⁸⁵. Латвийский диктатор покровительствовал «айзсаргам» за счет армии, что лишь усилило трения в отношениях между ними. К концу 1930-х годов литовское и латвийское военизированные движения были превращены в военный резерв регулярной армии. Между тем «Кайтселийт» играл

⁸⁴ *Lumans V.O. Latvia in World War II. P. 27.*

⁸⁵ *Ibid. P. 27, 45.*

роль армейского резерва с самых первых дней своего существования: с декабря 1918 года он подчинялся непосредственно главнокомандующему эстонской армией.

Кроме того, все три движения поддерживали определенные связи друг с другом, но в первую очередь с аналогичным финским движением. «Шаулисы» и «айзсарги» сохраняли дружеские организационные связи с *Suojeluskunta*, время от времени обмениваясь визитами⁸⁶. В июне 1939 года руководителю «айзсаргов» Карлису Праульсу устроили пышную торжественную встречу в Литве на праздновании 20-летия «шаулисов».

НАСЛЕДИЕ

Мобилизирующее воздействие балтийских военизированных движений являлось одним из ключевых факторов, обеспечивших выживание трех Прибалтийских национальных государств в бурях и испытаниях первых послевоенных лет. С другой стороны, существование крупных и хорошо развитых военизированных организаций, обладавших обширными социальными сетями, оказывало серьезное воздействие на межвоенную политическую ситуацию в Прибалтике и внесло свой вклад в скорое падение непрочных прибалтийских демократий. В этом отношении страны Прибалтики следовали военизированным тенденциям, наблюдавшимся после Первой мировой войны в Италии и в веймарской Германии.

Правые антиправительственные путчи, завершившиеся установлением авторитарных режимов Сметоны, Ульманиса и Пятса, были организованы военными кругами, имевшими тесные связи с армией и военизированными организациями. Однако из всех трех прибалтийских движений лишь «айзсарги» непосредственно участвовали в президентском перевороте 1934 года, после чего фактически превратились в личную гвардию диктатора Ульманиса. В Литве путч Сметоны 1926 года был подготовлен небольшой группой армейских офицеров. Однако после переворота «шаулисы» с энтузиазмом поддерживали новый режим, выполняя при нем роль политической полиции и являясь орудием внутренней безопасности. Лишь эстонский диктатор Пятс не мог полагаться на чрезвычайно популистский и неоднородный

⁸⁶ Ščerbinskis V. Intentions and Reality: Latvian—Finnish Military Co-operation in the 1920s and 1930s // *Baltic Defence Review*. 1999. № 2. P. 126.

«Кайтселийт»: после путча 1934 года из его рядов пришлось изгонять тысячи социалистов и правых «Борцов за свободу»⁸⁷.

Несмотря на то что все три прибалтийских военизированных движения заявляли о своей внепартийности, в реальности лишь «Кайтселийт» приблизился к такому состоянию. Все организаторы путчей повторяли, что от имени нации спасают свое государство либо от коммунистов, либо от правых радикалов. В реальности же угроза левой революции сильно преувеличивалась ими, так как все три прибалтийские коммунистические партии уже находились под запретом, а профсоюзы были здесь малочисленными и неэффективными. Тем не менее авторитарные режимы успешно использовали «шаулисов», «айзсаргов» и «Кайтселийт» для обуздания таких прибалтийских ультранационалистических группировок, как *Geležinis vilkas* («Железный волк») в Литве, *Perkonkrusts* («Громовой крест») в Латвии и *Vabadusojalased* («Борцы за свободу») в Эстонии.

Однако самой мрачной страницей в наследии прибалтийских военизированных организаций остается их участие в Холокосте. Хотя советские власти распустили «шаулисов», «айзсаргов» и «Кайтселийт» в 1940 году, а их руководство было ликвидировано, неформальные социальные сети этих движений уцелели. Экс-«шаулисы» оказались в числе самых активных сторонников Временного правительства Литвы, пытавшегося восстановить независимость страны перед ее захватом нацистами 23 июня 1941 года. Этот политический эксперимент продолжался недолго, так как был пресечен нацистами. И все же новое правительство успело дискредитировать себя, неофициально одобрив убийства евреев, совершавшиеся отрядами вооруженных «литовских партизан» и нацистами в первые месяцы германской оккупации. 24 июня 1941 года представитель Временного правительства издал приказ о мобилизации в районе Каунаса, обращенный ко всем экс-«шаулисам»⁸⁸. Многие из бывших «шаулисов» являлись наиболее активными участниками этих «партизанских отрядов», совершавших массовые убийства, аресты и грабежи евреев по всей Литве⁸⁹. Некото-

⁸⁷ Kasekamp A. The Radical Right in Interwar Estonia. P. 96.

⁸⁸ Приказ № 1 военного коменданта Каунаса от 24 июня 1941 года жителям Каунаса и Каунасского округа (Литовский центральный государственный архив. Ф. R—1444. Раздел 1. Д. 8. С. 7).

⁸⁹ Так, например, бывшие члены ССЛ активно участвовали в ликвидации еврейских общин в Езнасе, Лейпалингисе, Бабтае, Салантае, Кретинге, Скуодасе и Эйшишкесе. См.: *Vibnys A. Holocaust in Lithuanian Province in 1941* [доклад, изданный Международной комиссией по оценке преступлений нацистского и советского оккупационных режимов в Литве] // <<http://www.komisija.lt>>.

рые из экс-«шаулисов» даже служили в печально известном *Ūpatingasis būrys* (Специальном отряде) в Панеряе (Понарах), где было уничтожено более 80 тысяч человек — почти исключительно евреев⁹⁰.

Весьма похожим было и военное досье бывших «айзсаргов»: многие из них присоединились к различным местным «группам самообороны», которые совместно с нацистами или независимо от них участвовали в массовых убийствах, арестах и депортациях евреев в Риге, Лиепае, Даугавпилсе и многих других местах⁹¹. В число жестоких командос Арайса, состоявших в основном из латышских добровольцев, входили многие бывшие члены «айзсаргов» и «Громового креста»⁹². В июне 1943 года, делая уступку латвийскому самоуправлению, нацисты одобрили воссоздание «айзсаргов». Между тем эстонцы сумели возродить свою военизированную организацию под ее старым названием *Omakaitse* («Ополчение») в первые дни июля 1941 года⁹³. И некоторые части *Omakaitse* также приняли участие в облавах на евреев и их убийствах. Замешанными в них якобы оказались от тысячи до 1200 из более чем 30 тысяч членов этой организации⁹⁴. В целом наследие прибалтийских военизированных движений, проявившееся во время Второй мировой войны, до сих пор остается в основном за рамками дискуссий и является одним из самых болезненных эпизодов в их истории.

В межвоенные годы патриотические деяния «шаулисов», «айзсаргов» и «Кайтселията» быстро вошли в канон местной национальной мифологии наряду с героическими военными подвигами прибалтийских национальных армий. Наследие «освободительных

⁹⁰ Некоторые руководители этого отряда, в том числе Юозас Шидлаускас и Балис Норвайша, были бывшими членами ССЛ. См. также: *Michalski Cz. Ponary—the Golgotha of Wilno Region // Konspekt: A Journal of the Academy of Pedagogy in Cracow. 2000—2001. P. 45; Sakowicz K. Ponary Diary 1941—1943: A Bystander's Account of a Mass Murder. London; New Haven, 2005. P. 12.*

⁹¹ *Lumans V.O. Latvia in World War II. P. 242—243.*

⁹² Командос Арайса были отрядом из 200—300 латышских добровольцев, объединившихся вокруг бывшего латвийского полицейского Виктора Арайса в июне 1941 года. Они активно участвовали в массовых убийствах евреев в Латвии и других странах.

⁹³ *Kaasik P, Raudvassar M. Estonia from June to October, 1941: Forest Brothers and Summer War // Hiio T., Maripuu M., Paavle I. Estonia 1940—1945: Reports of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes Against Humanity. Tallinn, 2006. P. 495—517.*

⁹⁴ *Phase II: The German Occupation of Estonia in 1941—1944 [доклад Эстонской международной комиссии по расследованию преступлений против человечности]. Tallinn, 2006. P. 21.*

войн» прославлялось и увековечивалось в многочисленных изданиях, официальных праздниках, учебниках истории, фольклоре, солдатских кладбищах, памятниках и государственных музеях. В наши дни в центре Каунаса — бывшей столицы межвоенной Литвы — существуют отдельные музеи истории литовской армии и «шаулисов». В Латвии символическими объектами национального значения остаются Братское кладбище и Монумент свободы, построенный в 1935 году и посвященный жертвам латвийской войны за независимость. «Кайтселийт» гордо вступил в новое тысячелетие в качестве патриотической гвардии, насчитывающей в своих рядах 15 тысяч мужчин, 4 тысячи женщин и 4600 детей⁹⁵. Возрождение и дальнейшее существование прибалтийских военизированных движений после 1989—1990 годов свидетельствуют о долгосрочном наследии этих движений в истории национального строительства в Литве, Латвии и Эстонии. Несмотря на то что их наследие времен нацистской оккупации остается спорным, они сохраняют привилегированное положение в коллективной памяти прибалтийских обществ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализируя возникновение ранних структур гражданского общества в межвоенных Прибалтийских государствах, Рейн Руутсоо предположил существование значительного сходства между эстонским, латвийским и литовским военизированными движениями. Он утверждает, что «без подобных “организационных ресурсов” прибалтийские нации едва ли сумели бы спонтанно подняться против захватчиков»⁹⁶. Являясь «связующими элементами», укреплявшими, по мнению Руутсоо, социальную ткань Прибалтийских государств, эти движения в то же время привели к созданию массовых военизированных организаций. Политическое и культурное влияние этих военизированных формирований на ситуацию в межвоенных Прибалтийских государствах до сих пор изучено слабо. Более того, их наследие времен Второй мировой войны остается, мягко говоря, противоречивым из-за их участия в Холокосте.

Все три балтийских военизированных движения были порождены идеологией национального милитаризма, возникшего в кипящем котле

⁹⁵ *Miljan T. Historical Dictionary of Estonia. P. 168.*

⁹⁶ *Ruutsoo R. European Traditions. P. 43.*

непрерывных войн. В Литву и Латвию война пришла в 1914—1915 годах, в Эстонию — в 1918 году. И она не закончилась в том же году, как на Западе, а продолжалась вплоть до начала 1920-х годов. Ключевая цель этой идеологии заключалась в превращении прибалтийского гражданского населения в потенциальных солдат-патриотов. Это предполагалось осуществить посредством тщательно организованных военных мобилизаций, пропагандистских кампаний и при помощи партизанских группировок, возникших во время «освободительных войн». Таким образом, слияние военизированных структур со спонтанными вооруженными движениями сопротивления являлось типичной, если не уникальной, чертой прибалтийских военизированных движений.

Несмотря на второстепенные различия, ранние этапы существования «шаулисов» и «айсаргов» («Кайтселийт», по-видимому, был исключением) стали периодом напряженных отношений между нацией и государством, возникших в результате их неравномерного развития в послевоенные годы. Военизированные движения являлись и источником этого процесса, и реакцией на него. Государство могло делиться своей монополией на официальное насилие с военизированными структурами лишь до тех пор, пока его выживание требовало мобилизации всех экономических и людских ресурсов ради ведения войны. Однако возникновение массовых общественных движений, возглавлявшихся военизированными организациями, заявлявшими о своей преданности не государству, а нации или одному из ее вождей, порождало враждебность со стороны военного истеблишмента, требовавшего подчинения себе. К концу 1930-х годов литовское и латвийское движения в основном утратили свою независимость от государства.

Военизированные движения также рассматривались как эффективная стратегия национального строительства, укреплявшая политическую лояльность граждан, их чувство патриотизма и долга, а также готовность встать на защиту своей родины. К концу 1920-х годов политические лидеры всех трех Прибалтийских государств уже отлично осознавали преобразующий патриотический потенциал, скрывавшийся в этих военизированных организациях, и все они пытались использовать их как орудие национальной агитации и патриотического воспитания. Военизированные движения оправдывались как средство обороны национального государства и его территории: последняя понималась как символическая «родина», как спорное политическое пространство и как экономический ресурс. Кроме того, ее оборона воспринималась как защита духовно-культурной сущности нации от

иностранных захватчиков. Соответственно, идеология прибалтийских военизированных движений была бы немыслима без стереотипных негативных образов «большевика», «немца» или «поляка». Первая советская оккупация (1940—1941 годов) стала ключевым фактором, радикализовавшим военизированные формирования и вновь пробудившим их к военной активности. Их социальные сети пережили формальный роспуск их организаций советской властью в 1940 году и внесли свой вклад в вооруженные прибалтийские движения сопротивления во время и особенно после Второй мировой войны.

Однако военизированный характер «шаулисов», «айзсаргов» и «Кайтселията» в своих формах воспроизводил характерные черты мобилизаций эпохи революций и Первой мировой войны. Своим реформаторским пылом и организационными структурами они были обязаны чешским «соколам» — старейшему и мощнейшему военизированному движению Восточной Европы. Такие вожди прибалтийских военизированных движений, как, например, Путвис, неоднократно выражали свое восхищение «соколами» и признавали в них источник своего интеллектуального вдохновения. Тем не менее своим милитаризмом прибалтийские движения больше напоминали такие военизированные формирования, как белофинская милиция (*Suojeluskunmat*) и Польская военная организация (POW). В отличие от движения «соколов», выросшего в мирные годы из спортивного клуба, прибалтийские, польское и финское движения родились и возмужали в условиях войны. Как правило, заметную роль в их рядах играли ветераны бывших императорских армий. В целом послевоенные конфликты всем им прибавили солдафонского духа, сделав их более жестокими, структурированными, иерархическими и политически радикальными. В настоящее время эти военизированные движения больше помнят за их военные деяния, нежели за их социальную и культурную активность.

ИСТОКИ, АТРИБУТЫ И НАСЛЕДИЕ ВОЕНИЗИРОВАННОГО НАСИЛИЯ НА БАЛКАНАХ

ВВЕДЕНИЕ: ВОЕНИЗИРОВАННЫЕ ДВИЖЕНИЯ НА БАЛКАНАХ

В данной главе будут прослежены преемственность и разрывы в традиции военизированного насилия на Балканах начиная с первых лет XX века. Проникновение национализма в этот регион в XIX веке породило жестокое соперничество между различными проектами государственного и национального строительства. Как демонстрирует история Балканских войн, это яростное соперничество предвосхитило европейский конфликт 1914—1918 годов; военизированное насилие на Балканах не являлось побочным продуктом насилия Первой мировой войны. Тем не менее ключевым периодом для данного региона стали 1917—1923 годы, поскольку эта эпоха, открывшая регион для многочисленных внешних влияний, изменила контуры происходившей здесь борьбы. Сражения между довоенными военизированными группировками в эти годы вступили в новый этап, так как достижение этнонационалистических целей оказалось увязано с пересмотром или защитой послевоенных соглашений и тем самым попало в сферу действия более серьезных сил общеевропейского масштаба. На довоенные программы наложились вильсоновская и ленинская идеологии, которые также связывали местные военизированные движения с крупными транснациональными сетями, способствуя появлению новых альянсов, новых друзей и новых врагов. Немаловажно и то, что распад Австро-Венгрии и создание в 1918 году крупного южнославянского государства объединили прежде разрозненные регионы и игроков, приведя к возникновению новых и к расширению старых «зон насилия»¹. Несмотря на то что первая волна послевоенного насилия к 1923 году в целом улеглась, транснациональные сети военизированного насилия сохранялись на протяжении всего межвоенного периода. Они имели

¹ Понятие «зона насилия» позаимствовано из одноименной важной серии изданий *Oxford University Press* под редакцией Дональда Блоксэма и Марка Ливина.

важное значение для ревизионистских групп 1930-х годов и во время Второй мировой войны.

ПРЕДТЕЧИ: БАЛКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТРАДИЦИЯ

Для того чтобы понять контекст насилия в данном регионе в 1917—1923 годах, необходимо сперва изучить цикл национальных войн и революций, игравших важную роль в истории региона с начала XIX века и вплоть до кануна Первой мировой войны. Как отмечал Бела Кирали во введении к важному сборнику работ по истории двух Балканских войн, этот цикл начался с Первого сербского восстания 1804 года, его кульминацией стали война в Боснии в 1876—1878 годах и подписание Берлинского договора (1878 год), а завершился он вместе с Балканскими войнами (1912—1913 годы)².

В этом отношении различные нации Балканского региона участвовали в одном и том же историческом процессе: продолжительном и нередко кровавом выходе из состава Османской империи и обретении государственности. Хронология является полезным эвристическим инструментом, однако следует помнить, что каждая балканская нация пробуждалась и развивалась по-своему и эти процессы в значительной степени накладывались друг на друга и вступали между собой в конфликты. В «максималистском» смысле каждая отдельная программа национальной интеграции в тот или иной момент времени вступала в противоречие как минимум с одной из остальных программ, создавая по всему региону горячие точки или «зоны конфликта». Нигде эти трения не проявились более очевидно, чем в Македонии³ — последнем регионе, подлежавшем «освобождению» от турецкой власти. Здесь сталкивались взаимно конфликтующие территориальные притязания сербских, болгарских, греческих и македонских националистов.

С ослаблением османской власти на Балканах каждое из этих государств предпринимало меры для «национализации» этого региона

² См.: Király B. East Central European Society and Warfare in the Era of the Balkan Wars // Király B., Đorđević D. East Central European Society and the Balkan Wars. New York, 1987. P. 6.

³ Термин «Македония» здесь используется в приблизительном смысле. До 1912 года этот регион был разделен между османскими вилайетами Косово, Монастир и Салоника. Как отмечает Марк Мазовер, при османах «Македония представляла собой регион, не имевший четких границ и даже не существовавший в качестве формальной административной единицы Османской империи». См.: Mazower M. The Balkans: From the End of Byzantium to the Present Day. London, 2000.

*Рис. 12. Йован Бабунский в образе типичного четника.
На Бабунском лежит ответственность за ряд послевоенных зверств
в Албании и Македонии*

по своему подобию, используя пропаганду, массовую агитацию и насилие. Интересы болгар и македонских автономистов, порой (хотя и не всегда) достигавшие равного размаха, представляла основанная в 1893 году в Салониках группа, впоследствии получившая известность как Внутренняя македонская революционная организация (ВМРО)⁴. Начиная с 1895 года ВМРО при помощи мелких групп вооруженных людей, известных как «четники» (или «комитаджи», как называли их турки), вела агитацию среди населения и совершала нападения на представителей османских властей. Такие же задачи ставили перед собой некоторые фракции в Сербском королевстве, создавшие в 1902 году в Белграде комитет, который посылал сербских четников на османские Балканы с целью усиления (или насаждения) сербских националистических настроений. Подобно ВМРО, миссия сербских четников заключалась в «национализации» османских земель и их славянского населения, в пробуждении у населения еще не вполне сформировавшегося национального самосознания. Сербских четников, действовавших в Македонии до и после 1918 года, нередко называли «национальными работниками» (*nationalni radnici*); они совершали акты насилия против турок и против других групп четников, но в то же время старались распространять сербское влияние посредством пропаганды в школах, церквях, печатных материалах и так далее⁵.

В отличие от других европейских военизированных отрядов — таких как хеймверы или фрайкоры, — балканские четники не были порождением ни Первой мировой войны, ни даже Балканских войн.

⁴ В течение периода, освещаемого в данной главе, эта организация существовала под разными названиями. См.: *Perry D. The Politics of Terror: The Macedonian Revolutionary Movements 1893—1903*. London, 1988. P. 40—41. Более подробно об этой организации с разных точек зрения см.: *Swire J. Bulgarian Conspiracy*. London, 1939; *Todoroff K. The Macedonian Organization Yesterday and Today // Foreign Affairs*. 1928. Vol. 6. № 3; *Barker E. Macedonia: Its Place in Balkan Power Politics*. Westport, 1980; *Bogoev K. The Macedonian Revolutionary Liberation Organization (IMRO) in the Past Hundred Years // Macedonian Review*. 1993. Vol. 23. № 2—3; *Rossos A. Macedonianism and Macedonian Nationalism on the Left // Banac L., Verdery K. (Ed.). National Character and Ideology in Interwar Eastern Europe*. New Haven, 1995; *Pettifer J. (Ed.). The New Macedonian Question*. Basingstoke, 2001.

⁵ О сербских четниках после 1903 года см. статью: *Četnička akcija // Narodna enciklopedija: srpskohrvatsko-slovenačka*. 4 vol. Zagreb, 1925—1929; *Хаџи-Васиљевић Ј. Четничка акција у Старој Србији и Македонији*. Београд, 1928; *Краков С. Пламен четништва*. Београд, 1930; *Јовановић А. Споменица двадесетпетгодишнице ослобођење јужне Србије 1912—1937*. Скопје, 1937; *Симић С. Српска револуционарна организација 1903—1912, Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903—1912*. Београд, 1998; *Илић В. Српска четничка акција 1903—1912*. Београд, 2006.

Традиция крупных, организованных военизированных отрядов, имевших внятные политические цели и официальную поддержку, была заложена еще в начале XX века. Такие отряды занимались насаждением собственной национальной программы в регионах, еще находившихся под властью турок, и встречали противодействие со стороны как властей Османской империи, так и иных националистически настроенных четников. Последний конфликт продолжался и после изгнания турок из этого региона.

БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ (1912—1913 ГОДЫ)

И Сербия, и Болгария во время Балканских войн в дополнение к регулярным армиям использовали военизированные формирования — в отличие от крупных национальных армий, знакомые с местными условиями и обстановкой⁶. Во время короткого промежутка между окончанием Второй Балканской и началом Первой мировой войны балканские военизированные группировки не собирались довольствоваться одним лишь изгнанием турок из Европы. Сербские попытки «сербизировать» Македонию включали террор против «болгарофильского» населения, проводившийся силами четников, а также нападения на соперничающие военизированные группировки. Эти попытки встречали соответствующее противодействие со стороны ВМРО, которая накануне Первой мировой войны претерпевала процесс реформирования, инициированный ее новыми вождями — Александром Протогеровым и Тодором Александровым⁷. Закрепление сербских побед и сербская территориальная экспансия сталкивались с сопротивлением также и в районах, имевших значительное албанское население⁸. Например, в Косово, аннексированном Сербией во время Первой Балканской войны, такие вожди кланов, как Иса Болетини и Байрам Цур, призывали к вооруженной борьбе с сербами ради расширения территорий, находящихся под контролем албанских кланов. Другие албанские лидеры — например Эсад Паша — относились

⁶ Факт, который отмечал Лев Троцкий в своих репортажах об этом конфликте. См.: *Trotsky L. The War Correspondence of Leon Trotsky: The Balkan Wars 1912—1913*. N.Y., 2008. P. 161—162. См. также: *Илић В. Учешће српских комита у кумановској операцији 1912. године* // *Војно-Историјски Гласник*. 43 год., № 1—3. Београд, 1992.

⁷ *Swire J. Bulgarian Conspiracy*. P. 129—130.

⁸ См.: *Mikić D. The Albanians and Serbia during the Balkan Wars* // *Király B., Đorđević D. East Central European Society*. См. также: *Богдановић Д. Књига о Косову*. Београд, 1985. С. 165—76.

к сербам более благосклонно и даже осведомляли сербскую армию о готовившихся против нее операциях⁹. Сербские войска в этом регионе нередко реагировали на угрозы с чрезмерной жестокостью, и их попытки разоружить, склонить на свою сторону или иным образом «умиротворить» албанское население на территориях, захваченных во время Балканских войн, нередко лишь усиливали антисербские настроения¹⁰.

Если не считать изгнания турок, на Балканах накануне Первой мировой войны сохранялись все прежние источники напряженности. Более того, в 1912—1913 годах вспыхнуло много новых конфликтов. Ричард Крэмpton называл Вторую Балканскую войну «важнейшей поворотной точкой в современной болгарской истории»¹¹. Поражение 1913 года породило мощный ревизионистский импульс среди многих элементов в Болгарии и Македонии, включая ВМРО, и серьезно подорвало добрососедские отношения как с Сербией (и наследовавшей ей Югославией), так и с Грецией.

Королевство Сербия, однозначный победитель в обеих Балканских войнах, по максимуму удовлетворило свои территориальные притязания на юге, не получив разве что выхода к морю. «Невозвращенными» в 1913 году оставались только захваченные Габсбургами южнославянские регионы Босния и Герцеговина и — на севере — земли Воеводины. Несмотря на то что долгосрочной целью сербских националистов еще с XIX века, безусловно, являлось воссоединение с габсбургскими территориями, имевшими сербское население, после Балканских войн Сербия едва ли была в состоянии затеять новую войну — с таким сильным врагом. Страна еще не оправилась от двух Балканских войн с их материальными и людскими потерями, ее армия мало чем отличалась от «толпы крестьян»¹², а все усилия официальных структур были направлены на «национализацию» свежеприобретенных территорий на юге — процесс, который продолжился и в межвоенный период.

Тем не менее и внутри, и вне Сербии существовали фракции, стремившиеся немедленно свести счеты с Австро-Венгрией. Последние два года перед началом Первой мировой войны были отмечены рядом неудачных покушений на должностных лиц и высокопоставленных сановников Габсбургской империи, организованных южнославянской

⁹ Mikić D. The Albanians. P. 190—191.

¹⁰ Богдановић Д. Књига о Косову. С. 176.

¹¹ Crampton R. Bulgaria. Oxford, 2008. P. 204.

¹² См.: Lyon J.M.B. «A Peasant Mob»: The Serbian Army on the Eve of the Great War // The Journal of Military History. 1997. Vol. 61. № 3.

революционной молодежью. Убийство Франца-Фердинанда в июне 1914 года боснийским сербом, студентом Гаврилой Принципом едва не стало очередным из этих неудачных покушений. Но в конечном счете оно ознаменовало собой начало новой фазы балканского конфликта.

1914—1918: ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ

Если Первая Балканская война велась с тем, чтобы завершить процесс национального освобождения из-под имперской власти, а причиной для второй войны стали конкурирующие программы национальной интеграции, то в ходе Первой мировой на фоне успехов, неудач и военных целей великих держав продолжилось решение задач 1912—1913 годов в условиях новой международной ситуации. Как отмечали Барбара и Чарльз Йелавич, балканские нации во время Первой мировой войны всего лишь «желали завершить процесс национального объединения»¹³. Однако это желание — или, точнее, эти желания — неизбежно переплетались с намерениями Центральных держав и Антанты. События 1917 года в России привнесли еще один аспект и в саму войну, и в последующие кровавые события в данном регионе.

Союз Сербии с Антантой во время Первой мировой войны был предопределен противостоянием Сербии с Австро-Венгрией, а враждебность между двумя этими странами придавала сербскому национализму антиимперский оттенок. Война с Габсбургами стала войной за «освобождение и объединение» всех южных славян в одно государство (то есть за включение габсбургских земель, населенных южными славянами, в состав большого сербско-югославского государства)¹⁴. Эта цель стала идеологическим оправданием войны с Габсбургами, связывая текущую войну с антитурецкой борьбой XIX и начала XX века. Неожиданные победы над австро-венграми в начале войны упрочили популярность «маленькой отважной Сербии» и укрепили ее союз с Антантой. Однако предполагавшееся включение Далмации в состав крупного южнославянского государства поссорило Сербию с Италией, которой были обещаны эти территории в обмен на участие в войне на стороне Антанты.

С другой стороны, Болгария сражалась против Антанты не из-за сочувствия делу Центральных держав, а с целью вернуть земли,

¹³ Jelavich B., Jelavich Ch. *The Establishment of Balkan States, 1834—1920*. Washington, 1977. P. 284.

¹⁴ См.: *Екмечић М. Ратни циљеви Србије 1914*. Београд, 1973. С. 80—112.

потерянные в ходе Второй Балканской войны. Вступление Болгарии в войну в конце 1915 года способствовало разгрому и оккупации Сербии и привело к аннексии Македонии (или к ее воссоединению с Болгарией). ВМРО, «полностью отождествлявшая себя с проболгарскими силами»¹⁵, в годы войны играла в Македонии роль жандармерии, активно содействуя «болгаризации» этого региона. Вследствие участия ВМРО в национализации Македонии и репрессивных акциях против неболгарского населения многие из ее вождей, включая Тодора Александра и Александра Протогера, после 1918 года были объявлены в Югославии военными преступниками¹⁶. Однако болгарская политика в Македонии, включая и ее военизированный аспект, в смысле своих задач и методов была почти полностью идентична предшествовавшей ей сербской и последовавшей югославской политике. Как здесь, так и (в меньшей степени) в оккупированной Сербии насилие диктовалось, по терминологии Алана Крамера, «динамикой уничтожения»¹⁷ — стремлением не только нанести врагу военное поражение, но и стереть все следы его культуры, ликвидировать все признаки того, что он вообще когда-либо был здесь.

Наталия Матич Зрнич, сербка, находившаяся в 1915—1918 годах на территории Сербии, оккупированной болгарскими войсками, на себе испытала давление национальной жизни и насилие, сопровождавшее эту «динамику уничтожения». Например, оккупационные власти, столкнувшись с проблемой четников, производили аресты мужского населения в возрасте от 17 до 50 лет¹⁸, за которыми последовало более систематическое и целенаправленное интернирование сербских священников¹⁹, а также введение болгарской учебной программы в школах²⁰. Именно к этому

¹⁵ Rossos A. *Macedonia and the Macedonians: A History*. Stanford, 2008. P. 129.

¹⁶ Делегаты от южных славян на мирных конференциях в Париже представили список из 1662 «военных преступников», скрывавшихся в Болгарии, 216 из которых были руководителями ВМРО. См.: Reiss R.A. [*Rodolphe Archibald*] *The Comitadji Question in Southern Serbia*. London, 1925. P. 41. Жестокие «преступления», совершавшиеся «болгарами» во время военной оккупации этого региона, служили постоянным предметом внимания югославской печати в период сразу же после окончания войны — не в последнюю очередь из-за того, что подобные элементы и после 1918 года продолжали считаться угрозой для безопасности. См., например: Политика. 1919. Септ. 3; Нов. 20; 1920. Окт. 18.

¹⁷ Kramer A. *Dynamic of Destruction: Culture and Mass Killing in the First World War*. Oxford, 2007. P. 1—2.

¹⁸ Irvine J.A., Lilly C.S. *Natalija: Life in the Balkan Powder Keg, 1880—1956*. Budapest; N.Y., 2008. См. также: Mitrović A. *Serbia's Great War, 1914—1918*. London, 2007. P. 221.

¹⁹ Ibid. P. 223.

²⁰ Ibid. P. 235.

приводило «желание завершить процесс национального объединения» во многих областях Балкан во время и после Первой мировой войны: к культурному и физическому насилию, входившему составной частью в систематическую программу изменения национального состава и характера отдельных регионов.

Однако и Сербия в условиях болгарской и австро-венгерской оккупации могла опираться на собственный опыт и традиции военизированных формирований. Верховное сербское командование, находившееся в Салониках, смогло оказать содействие крупному сербскому восстанию, вспыхнувшему в 1917 году в болгарской оккупационной зоне вследствие попыток призывать сербов на службу в болгарскую армию. Эта политика была идентична той, которую ранее проводила сербская армия, в начале 1914 года пытавшаяся провести рекрутский набор среди болгар в Македонии. В тот раз уклоняться от призыва населению помогала ВМРО²¹. В 1917 году сербских четников возглавляли партизанские вожаки Коста Войнович «Косовац» и Коста Милованович «Печанац» — последний перебрался в Сербию из Салоник с целью руководить восстанием²². Вождю ВМРО Александру Протогерову болгарская армия поручила проведение вспомогательных операций при действиях против повстанцев, сопровождавшихся суровыми репрессиями по всей стране. Так под зонтиком общеевропейского конфликта разгорелся один из самых кровавых этапов борьбы между болгарскими и сербами, которая началась со стычек четников в начале XX века и продолжилась после 1918 года.

Таким образом, отнюдь не Первая мировая война создала условия для военизированного насилия в этом регионе после 1918 года. Однако она внесла изменения в прежние конфликты и расширила их масштабы. Как уже отмечалось, антиимперские военные цели Сербии обеспечили идеологическую преемственность между национально-революционной борьбой против турок, сопровождавшей Балканские войны, и участием в Первой мировой войне под знаменем борьбы с Габсбургами. В противоположность победоносной Сербии, Болгария в 1918 году опять оказалась среди проигравших, пройдя через вторую «национальную катастрофу» и вновь уступив Сербии-Югославии большинство своих территориальных приобретений в Македонии. Шок поражения ввергнет Болгарию в революцию, а затем и в жестокую контрреволюцию,

²¹ Swire J. Bulgarian Conspiracy. P. 130.

²² Подробное описание этого восстания и его последствий см.: Митровић А. Устаничке борбе у Србији 1916—1918. Београд, 1987.

причем военизированные группировки будут играть заметную роль и в первом, и во втором случае.

Если победившая Сербия и побежденная Болгария в этом плане представляли в 1918 году полную противоположность друг другу, то другие части региона занимали то или иное промежуточное положение между этими полюсами. Так, в 1914 году было раздавлено Албанское государство, не успевшее выйти из стадии младенчества; расчлененное и оккупированное почти всеми своими соседями, оно не восстановило суверенитета вплоть до окончания войны. В 1914—1918 годах какие-либо внятные албанские национальные настроения почти совершенно утонули в хитросплетении клановых и региональных интересов, носители которых сражались и против Антанты, и против Центральных держав, и против друг друга²³. Черногория в 1918 году тоже была расколота. С начала войны и вплоть до капитуляции перед австро-венгерскими силами в начале 1916 года она состояла в военном союзе с Сербией. Это крохотное королевство — единственное из стран-победительниц, которое прославилось своим неучастием в мирных конференциях, символом чего служил ее «пустой стул» в Версале. По сути, желавшие сесть на этот стул силы, выступавшие за независимость страны, носили маргинальный характер; реальная борьба после 1918 года происходила между двумя фракциями — «белыми», выступавшими за безоговорочное объединение с Сербией, и «зелеными», требовавшими такого объединения с Сербией на правах автономии в составе федерации²⁴. Еще сильнее ситуацию осложняли южнославянские земли, прежде входившие в состав Габсбургской империи. И здесь не наблюдалось единства мнений в отношении распада Австро-Венгрии и создания южнославянского государства. Некоторые (в частности, те, кто был связан с молодежным революционным движением) приветствовали создание Югославии²⁵, а кое-кто был даже готов прибегнуть к насилию ради ее защиты. Другие — в том числе ряд высокопоставленных офицеров габсбургской армии южнославянского происхождения — восприняли события 1918 года и создание Югославии как поражение.

²³ См.: *Jelavich B., Jelavich Ch. The Establishment of Balkan States. P. 316.*

²⁴ См.: *Паковић Н. Црна гора у Првом светском рату 1914—1918. Цетиње, 1969. С. 428—429; Pavlović S. Balkan Anschluss: The Annexation of Montenegro and the Creation of a Common South Slav State. Purdue, 2008. P. 153.*

²⁵ В первые десять лет своего существования южнославянское государство носило название Королевство сербов, хорватов и словенцев и лишь в 1929 году было переименовано в Югославию. Ради краткости изложения в дальнейшем мы будем называть это государство Югославией.

Промежуточную позицию между двумя этими крайностями занимали многие южные славяне, более или менее безразличные к войне Габсбургов либо не доверявшие ни габсбургским, ни югославским властям во время перехода от империи к национальному государству.

Зоны насилия после 1918 года

Вероятно, самыми значительными событиями в данном регионе после 1918 года являлись распад Австро-Венгрии и создание Югославии. Первое из этих событий связало Балканы с волнами насилия, затопившими Центральную Европу после краха Австро-Венгрии, и породило новую «зону насилия». Второе событие втянуло в балканские дела Италию как ревизионистское государство, ставшее мощным спонсором и координатором военизированных сил региона. Соответственно, для изучения военизированного насилия на Балканах после 1918 года представляется полезным разделить этот регион на две «зоны». Первая охватывает Южные Балканы: Македонию, Косово, Северную Албанию и прочие территории, оспаривавшиеся и до 1914, и после 1918 года различными балканскими националистическими силами. Вторая зона включает Адриатическое побережье, итало-югославскую границу и «Центральную Европу»: Хорватию, Славонию, Австрию и Венгрию, то есть области, в которых военизированное насилие было либо частично, либо целиком связано с распадом Австро-Венгрии²⁶. Разумеется, эти зоны в значительной степени перекрывались и, как мы увидим ниже, были связаны друг с другом через транснациональные сети и идеологии, распространившиеся по всей послевоенной Европе.

Зона 1: «Классический юг»

Из всех Балканских стран самый бурный переход от войны к миру в 1918—1919 годах претерпела Болгария²⁷. Потрясения, вызванные поражением, привели здесь к новой расстановке политических сил и даже к появлению новых военизированных формирований, таких как «Оранжевая гвардия» — сельская милиция, созданная при Болгарском

²⁶ См.: Gerwarth R. The Central European Counter-Revolution: Paramilitary Violence in Germany, Austria, and Hungary after the Great War // Past and Present. 2008. Vol. 200.

²⁷ События этого периода освещаются в: Бирман М.А. Революционная ситуация в Болгарии в 1918—1919 гг. М., 1957.

земледельческом народном союзе Александра Стамболийского²⁸. Военизированная атмосфера, сложившаяся в болгарской политике после 1918 года, была связана с нестабильностью, вызванной окончанием войны; местное насилие в некоторых отношениях было аналогично насилию, наблюдавшемуся в других побежденных странах — таких как Германия, Австрия и Венгрия.

Однако масштабы и амбиции всех этих группировок меркли в сравнении с ВМРО, которая стала крупнейшей военизированной организацией на Балканах в послевоенный период. Деятельность четников ВМРО в 1918—1920 годах на время приостановилась. Однако суровые условия подписанного в ноябре 1919 года Нейского мирного договора, подтверждавшего болгарские территориальные потери, имели своим следствием вступление этой организации в новую фазу продолжавшегося конфликта, целью которого оставалось насильственное изгнание чужой власти и чужих элементов из Македонии. Начиная с весны 1920 года четники возрожденной ВМРО стали просачиваться из Болгарии в Югославию и совершать вооруженные нападения на югославских жандармов и гражданских лиц²⁹. Эти акции с большим или меньшим размахом продолжались в течение всех 1920-х годов.

В 1920—1923 годах ослабленное Болгарское государство и его политические лидеры пребывали в тени ВМРО. Относительная слабость Болгарского государства по сравнению с ВМРО получила сенсационное и жестокое подтверждение в июне 1923 года, когда эта организация приняла участие в военном перевороте, завершившемся свержением болгарского премьер-министра Стамболийского. В глазах ВМРО величайший грех Стамболийского заключался в его попытках примирить Болгарию с соседями и с новым европейским статус-кво путем отказа от территориальных претензий в Македонии. Крестьянский вождь был похищен, подвергнут пыткам и убит людьми ВМРО. Впоследствии ее члены хвалились тем, что «отрезали руку», которой Стамболийский подписал договор о Македонии с югославским правительством (кроме того, в Софию прислали отрубленную голову Стамболийского). Так крестьянский вождь расплатился за попытку покончить с зависимо-

²⁸ См.: Bell J.D. *Peasants in Power: Alexander Stamboliski and the Bulgarian Agrarian National Union 1899—1923*. Princeton, 1977. P. 149.

²⁹ Начиная с апреля 1920 года югославский министр внутренних дел сообщал о стычках между перешедшими границу четниками и жандармами в Битоли, Штипе, Крива-Паланке, Кратово и других городах и селах поблизости от болгаро-югославской границы. Нападения продолжались до лета, и местные власти просили Белград увеличить число жандармов в соответствующих регионах. См.: А.И. Ф. 14: МУП. Фас. 28. Јед. 76.

стью болгарской политики от дорого обошедшейся стране программы национальной экспансии и от довоенных связей с ВМРО.

В Сербии, отныне входившей в состав Югославии, сложилось диаметрально иное соотношение сил между государством и военизированными формированиями. Югославская армия, ядро которой составляла прежняя армия Сербского королевства, после 1918 года не знала себе в регионе конкурентов в качестве вооруженной силы традиционного типа³⁰. Одна из ее задач заключалась в укреплении границ только что созданной Югославии и в «умиротворении» непокорных территорий, оказавшихся в их пределах. На юге это означало сражения с такими военизированными силами, как ВМРО, а также с албанскими партизанами — качаками, — действовавшими в Косово и в Северной Албании. Сербские военизированные формирования, по крайней мере первоначально, оказывали содействие сербской армии в этих «южных областях». Четники — такие как «летучие отряды» Йована Стойковича «Бабунского», партизанского вождя, принимавшего участие в Балканских войнах и в Первой мировой войне, а также люди Косты Печанаца, тоже четника и одного из руководителей восстания 1917 года против оккупантов, — считались более подходящими для проведения операций, которые сербское Верховное командование эвфемистически называло «умиротворением»³¹. По словам одного четника, уклонившегося от командования такими летучими отрядами, «умиротворение» означало полную свободу «наказывать так, как вам заблагорассудится, всех, кто замешан в антигосударственной деятельности»³².

Несмотря на создание Югославии, «южные» регионы Косово и Македония оставались по преимуществу сербской, а не общегославской проблемой. Эти регионы официально назывались «Старая Сербия» (Косово) и «Южная Сербия» (Македония), и почти сразу же после завершения войны здесь стала проводиться политика культурной и национальной ассимиляции. Сербские лидеры продолжали относиться к этим регионам так же, как до 1914 года, то есть как к неотъемлемым частям национальной сербской территории, на которых еще не завершился процесс интеграции и которые служили ареной жестокого конфликта между конкурировавшими программами национальной интеграции и ассимиляции.

³⁰ Югославская армия насчитывала около 100 тысяч солдат. Ср. с размерами болгарской армии, которая в соответствии с условиями Нейского договора могла иметь не более 20 тысяч солдат.

³¹ Отряды Печанаца также действовали в Косово; см.: *Борозан Ђ., Димит Љ.* Југословенска држава и албанци. Београд, 1999. Т. 1. С. 125.

³² *Трбић В.* Мемоари. Кн. 1: 1912—1918. Београд, 1996. С. 146.

В ходе этой ассимиляции славянское население названных регионов было объявлено сербами, а болгарские культурные, религиозные и учебные институты были закрыты (так же, как были закрыты соответствующие сербские институты во время войны). В долгосрочном плане белградские власти приступили к политике колонизации, которая, по крайней мере на бумаге, проводилась в интересах ветеранов сербской армии. Одна из задач этой политики заключалась в насаждении (сербского) национального духа в регионе³³. Лидеры, пробуждавшие национальное самосознание, еще в XIX веке объявили эти территории важными историческими местностями: в Косово в 1389 году произошла битва на Косовом поле, а македонский город Скопье являлся столицей средневековой сербской империи Душана Сильного. Сербские патриоты, называвшие эти регионы «классическим югом»³⁴, после 1918 года старались принять все меры к тому, чтобы современность оказалась достойной преемницей классической истории.

Балканская революционная традиция соответствующим образом адаптировалась к этой цивилизаторской миссии. Уже летом 1919 года сербско-югославские власти решили, что такие вспомогательные военизированные формирования, как отряды Косты Печанаца и Йована Бабунского, непригодны для решения государственных задач в этих областях³⁵. Армия в конечном счете была сочтена более подходящим орудием для поддержания порядка в регионе, однако четники сохраняли за собой определенную роль. Некоторые бывшие активисты военизированного движения приняли сделанное во время войны предложение правительства о предоставлении им земельных наделов в Косово и Македонии и переселились туда после 1918 года. В глазах националистов они были совершенно благонадежны, так как сражались за сербские интересы на юге в 1912—1918 годах. Такие бывшие бойцы, как Коста Печанац, Илья Трифунович «Бирчанин», Стефан Симич, Василие Трбич, Пуниша Рачич и Алекса Йованович, также внесли заметный вклад в культурную жизнь региона в качестве учителей, политиков, писателей и пр. Они создавали общества, целью которых было возведение памятников в честь сербских побед 1912—1918 годов,

³³ Крстић Ђ. Колонизација у јужној Србији. Сарајево, 1928.

³⁴ Этот термин встречается во многих газетах и журналах, издававшихся в этом регионе после 1918 года с целью содействия его «национализации». Примерами таких изданий служат *Јужна Србија*, *Српско Косово*, *Јужни преглед*, *Вардар*.

³⁵ См.: Jovanović V. Jugoslovenska država i južna Srbija 1918—1929. Beograd, 2002. S. 104—106; Tasić D. Između slave i optužbe: Kosta Milanović Pečanac 1919 // Историја 20. века. 2007. Т. 2. С. 122.

а также объединенные певческие и филантропические организации, ставившие перед собой задачу изменить культурный и физический пейзаж региона³⁶.

Вследствие сохранявшейся угрозы со стороны качаков и ВМРО многие из этих людей не вполне расстались со своей ролью бойцов военизированных формирований. Более того, на ранних этапах программы колонизации предполагалось как можно быстрее заселить такие беспокойные регионы, как Косово, лояльными элементами — бывшими добровольцами, сражавшимися в рядах сербской армии³⁷. Об отношении к послевоенным военизированным группировкам как к стражам спокойствия и сербского присутствия на юге свидетельствовало создание таких организаций, как базировавшаяся в Штипе Ассоциация по борьбе с болгарскими бандитами, требовавшая от государства содействия (в виде оружия) с целью защиты от антисербских сил на юге³⁸. Такие требования приобрели особую настойчивость после убийства двадцати сербов в колонии Кадрифаково (Овче поле) на территории Македонии в 1922 году³⁹. Вообще, согласно донесениям, чаще всего колонисты в южных регионах жаловались на то, что им не выдают оружие для самообороны⁴⁰.

Зона 2: Адриатическое побережье и Центральная Европа

В то время как на «классическом юге» наблюдалась преемственность между довоенным и послевоенным военизированным насилием, другая зона конфликтов в регионе возникла как следствие распада Австро-Венгрии и создания Югославии после окончания войны. Италия, претендовавшая на югославские территории, примыкавшие к Адриатике, поддерживала и даже создавала на этих территориях транснациональные военизированные сети, существовавшие в течение долгого времени после 1923 года. Помимо этого, в состав Югославии частично вошли земли, прежде принадлежавшие Австро-Венгрии,

³⁶ Переписку некоторых из этих обществ можно найти в: АЈ. Ф. 74: Краљевски двор. Фас. 219—221.

³⁷ Согласно предложению, поступившему из Министерства аграрной реформы в сентябре 1919 года. См.: *Борозан Ђ., Димић Љ.* Југословенска држава и албанци. Т. 1. С. 323.

³⁸ АЈ. Ф. 74: Краљевски двор. Фас. 50. Јед. 69.

³⁹ *Jovanović V.* Tokovi i ishod međuratne kolonizacije Makedonije, Kosova, i Metohije // *Tokovi istorije.* 2006. Т. 3.

⁴⁰ *Крстић Ђ.* Колонизација у јужној Србији. С. 60.

а в конце войны превратившиеся в кровавую центральноевропейскую «зону дробления».

Наиболее непосредственным и значительным проявлением насилия, связанного с распадом Австро-Венгрии, в этом регионе стали вооруженные банды крестьян, так называемые «зеленые кадры», наводнившие хорватскую и славонскую деревню в 1918 году. «Зеленые кадры» представляли собой аморфное и неоднородное движение, чьи цели и намерения, как правило, были менее идеологизированы, чем у многих других европейских военизированных группировок, действовавших в 1917—1923 годах. В состав «зеленых кадров» входили дезертиры из габсбургской армии, скрывавшиеся от призыва местные крестьяне, а также бывшие военнопленные, вернувшиеся из революционной России. В глазах властей они свидетельствовали о проникновении в регион «большевистской заразы». На самом же деле влияние коммунистической идеологии на «зеленые кадры» в лучшем случае было крайне поверхностным: «кадристы» в первую очередь стремились избежать службы в габсбургской армии⁴¹. Фактически «зеленые кадры» были одним из проявлений пацифистской, антивоенной революционности, охватившей Центральную Европу на последних этапах Первой мировой войны⁴².

«Зеленые кадры» включали в себя основную массу бывших габсбургских солдат, вовлеченных в военизированное насилие после 1918 года. Однако небольшая группа бывших габсбургских офицеров хорватского происхождения, с готовностью сражавшихся на стороне Австро-Венгрии вплоть до ее поражения, противилась вхождению бывших имперских южнославянских земель в состав (Югославского) национального государства. Эти офицеры налаживали транснациональные связи — в том числе и с бывшими офицерами из Венгрии и Австрии, после 1918 года вставшими на сторону контрреволюции. В течение 1918—1920 годов офицеры-эмигранты создали Хорватский комитет — пропагандистскую организацию, выступавшую за независимость Хорватии от Югославии, — и военизированную группиров-

⁴¹ В этом плане показателен отчет, составленный в июле 1918 года чиновником из Земуна. Он сообщает о стычке с «возвращенцем» — солдатом габсбургской армии, который воевал в России и стал там свидетелем революции, после чего отказался сражаться за Австро-Венгрию. Этот бывший солдат обещал, что «из всех вернувшихся из русского плена никто не пойдет на фронт, где бы этот фронт ни был» (HDA. F. 1363: Politička situacija. Kut. 3).

⁴² Анализ этой революционной зоны см.: *Hajdu T. Socialist Revolution in Central Europe, 1917—1921 // Porter R., Teich M. (Ed.). Revolution in History. Cambridge, 1986.*

ку Хорватский легион⁴³. По оценкам югославских властей, знавших о формировании этих групп, они насчитывали около 300 человек: 250 офицеров и 50 «старших офицеров»⁴⁴. Малочисленность собственных военизированных отрядов хорваты пытались компенсировать посредством связей с венгерскими и австрийскими военизированными группировками. «Центральноевропейская контрреволюция», как окрестил Роберт Герварт эту военизированную сеть⁴⁵, представляла собой куда более грозную силу, нежели крохотная группа хорватских эмигрантов, брошенных крахом Австро-Венгрии на произвол судьбы. Более того, бывших офицеров объединял не только боевой опыт, полученный в рядах габсбургской армии (и явно оставивший заметный след на многих участниках центральноевропейской контрреволюции), но и желание пересмотреть заключенные мирные договоры и лишить Антанту ее победы.

Самым влиятельным покровителем этих офицеров в данном регионе была Италия — бывшая союзница Сербии, вступившая в войну после того, как державы Антанты пообещали отдать ей территории в Далмации, но в результате так их и не получившая⁴⁶. В ответ Италия вела в этом регионе двойственную политику: с одной стороны, она пыталась добиться территориальных уступок, напоминая союзникам об обещаниях, сделанных во время войны, а с другой — покровительствовала антиюгославским группировкам в регионе и координировала их деятельность. Именно этот компонент итальянской политики способствовал наведению связей между двумя зонами конфликтов в регионе и созданию транснациональных сетей военизированных группировок, сохранявшихся в течение всего межвоенного периода.

Эмигранты из Хорватского комитета и Хорватского легиона были представлены венгерскими ревизионистами-легитимистами итальянскому послу в Вене, после чего стали получать через него итальянское оружие для замышлявшегося «переворота» в Югославии⁴⁷. Более того, главному вербовщику Легиона Степану Дуичу, бывшему подполковнику габсбургской армии, было разрешено объехать итальянские лагеря военнопленных, в которых он искал желающих встать под хорватские знамена в борьбе против Южнославянского государства⁴⁸.

⁴³ См.: *Vinaver V. Jugoslavija i Mađarska 1918—1933*. Beograd, 1971. S. 120—124.

⁴⁴ HDA. F. 1363: Politička situacija. Kut. 5.

⁴⁵ *Gerwarth R. The Central European Counter-Revolution*.

⁴⁶ См.: *Živojinović D. America, Italy, and the Birth of Yugoslavia, 1917—1919*. Boulder, 1970.

⁴⁷ *Vinaver V. Jugoslavija i Mađarska*. S. 120.

⁴⁸ HDA. F. 1363: Politička situacija. Kut. 5.

Югославские власти также обоснованно усматривали руку Италии за событиями, происходившими в их южных регионах. Через несколько недель после окончания войны представители сербской армии в Косово сетовали на то, что Италия, теоретически являвшаяся их союзницей, поддерживает здесь антисербскую агитацию и албанское восстание⁴⁹. Эти подозрения сохранялись и летом 1919 года, когда в Министерство внутренних дел был направлен доклад, авторы которого отмечали, что попытки разоружить местное население были сорваны Италией, снабжавшей антисербские элементы «австрийским оружием»⁵⁰. В начале февраля 1920 года командующий частями Третьей армии в Скопье утверждал, что итальянцы рекрутируют албанцев и тренируют их для подрывных действий против Югославии⁵¹. «Двойственность» итальянской политики особенно ярко проявилась в Черногории: итальянская дипломатия поддерживала здесь отряды низложенного короля Николы Петровича и федералистов («зеленых»), участвовавшие в вооруженном конфликте с силами, выступавшими за объединение страны с Югославией. ВМРО в этот период тоже получала итальянскую поддержку в борьбе против Югославии⁵².

Чтобы понять сущность этих военизированных сетей и ту роль, которую они играли на Балканах в межвоенный период, мы можем сослаться на Пэтришию Клэвин, предложившую метафору транснационализма как «пчелиных сот» — «структуры, поддерживающей и формирующей идентичность национальных государств, институтов, а также конкретного социального и географического пространства»⁵³. Несмотря на то что территориальные интересы Италии на Балканах ограничивались Адриатическим побережьем, поддержка, оказывавшаяся ею различным мелким антиюгославским силам — хорватским, македонским и албанским, — способствовала созданию военизированной сети, построенной не по географическому признаку, а по признаку ревизионизма. Этот структурирующий фактор связывал южную зону конфликтов с центральноевропейской и адриатической зонами, объединяя военизированные силы самого разного происхождения (габсбургских офицеров, черногорских федералистов, ВМРО).

⁴⁹ Согласно донесению, поступившему в декабре 1918 года от Югославской дивизии Сербской армии. См.: *Борозан Ђ., Димит Љ.* Југословенска држава и албанци. Т. 1. С. 211.

⁵⁰ Там же. С. 309.

⁵¹ Там же. С. 533.

⁵² См.: *Troebst S.* Mussolini, Makedonien, und die Mächte 1922—1930. Köln, 1987.

⁵³ *Clavin P.* Defining Transnationalism // *Contemporary European History*. Vol. 14. № 4. P. 438—439.

В то время как каналы поддержки исходили из Италии, эти группы сотрудничали и друг с другом в своих действиях против Сербии-Югославии. Например, существовал совместный македонско-хорватский заговор с целью убийства югославского короля Александра во время церемонии его бракосочетания в 1922 году. Эта операция, очевидно планировавшаяся эмигрантами, ранее состоявшими в Хорватском легионе, предусматривала участие македонского стрелка и бывшего члена ВМРО⁵⁴. Такая структура — Италия поддерживает балканских ревизионистов, которые, в свою очередь, оказывают содействие друг другу, — сохранялась на протяжении всего межвоенного периода. Югославы внимательно наблюдали за дипломатическими маневрами Италии до, во время и после парижских мирных конференций и за сплетавшимися внутри и вокруг их страны «ревизионистскими сетями», существование которых почти не скрывалось их участниками⁵⁵.

Итальянская угроза служила одной из причин возникновения военизированных группировок югославских унитаристов на Адриатическом побережье и вдоль итало-словенской границы. Здесь многие рассматривали послевоенные территориальные амбиции Италии как продолжение ее попыток экспансии в данном регионе, предпринимавшихся во время войны. Результатом стало распространение «жестких» антиитальянских, унитаристских настроений на Адриатическом побережье, что определило специфику этого региона и привело к формированию здесь новой зоны насилия.

Так, в 1921 году в Сплите была создана крупная военизированная группировка — Организация югославских националистов (ОРЮНА). Она не вполне обоснованно объявляла себя наследницей революционного крыла в довоенном молодежном движении южных славян. Действительно, ряд ее вождей — таких как Любо Леонтич и Нико Бартулович — участвовал в довоенном молодежном движении. ОРЮНА прославляла как акты индивидуального террора, совершавшиеся до войны революционной молодежью (в первую очередь убийство Франца-Фердинанда Гаврилой Принципом), так и насилие 1914—1918 годов — на том основании, что оно привело к созданию Югославии. Именно это прославление вкупе с явственно ощущавшейся в регионе угрозой, исходившей от Италии, подтолкнуло ОРЮНА к осуществле-

⁵⁴ См.: TNA. FO 371/7679—8097.

⁵⁵ Ведущая сербская ежедневная газета *Политика* в октябре 1919 года сообщала о том, что Югославию окружают «темные силы», имея в виду антиюгославски настроенных хорватских эмигрантов и ту помощь, которую они получали от Италии. См.: *Политика*. 1919. 3 октября.

нию новых актов насилия после 1918 года. Члены ОРЮНА нападали на коммунистов, сторонников Хорватской крестьянской партии и отставных офицеров габсбургской армии. Бывшие вожди сербских четников Илья Трифунович и Коста Печанац в 1920-х годах возглавляли «боевые группы» ОРЮНА⁵⁶. Со временем на смену ОРЮНА пришла другая военизированная группировка — ТИГР (названная по первым буквам местностей, на которые претендовали как Италия, так и Югославия: Триест, Истрия, Гориция и Риека), которая продолжила антиитальянское сопротивление в регионе⁵⁷.

Взятые вместе, эти «зоны насилия» дают представление о тех путях, которыми на Балканы проникали общие тенденции военизированного насилия и потрясений, характерные для Европы после Первой мировой войны. Борьба между сербскими четниками и албанскими качаками на «классическом юге» стала продолжением традиции, существовавшей еще до войны и связанной со специфическими условиями национальных антиосманских революций в данном регионе. Эта традиция пережила изгнание турок из региона, поскольку местные военизированные группировки занимались не только вытеснением ослабевшей империи с Балкан, но и осуществлением собственных программ национальной интеграции. «Интернационализация» этих военизированных конфликтов в результате Первой мировой войны привела к разрастанию насилия. Одной из причин было то, что такие союзники Сербии, как Великобритания и Франция, во имя мира допустили продолжение войны в этом регионе. Однако более важную роль сыграли неудовлетворенные территориальные амбиции Италии на Адриатике, провоцировавшие и подпитывавшие уже существовавшие конфликты. В свою очередь, итальянские амбиции в данном регионе способствовали сближению славянского населения приморских областей с новым Югославским государством, воспринимавшимся в качестве защитника от итальянских территориальных притязаний.

⁵⁶ См. главный орган ОРЮНА *Победа*, 17 мая 1924 года. Точную численность ОРЮНА определить затруднительно. На I съезде ОРЮНА в 1923 году утверждалось, что в ее рядах состоит 100 тысяч человек, хотя, как отмечает историк Бранислав Глигориевич, эта цифра вскоре могла сократиться до 2 тысяч человек. См.: *Gligorijević B. Organizacija jugoslovenskih nacionalista (ORJUNA) // Istorija XX veka: Zbornik Radova. Beograd, 1963. T. 10. Иван Авакумович оценивает максимальную численность ОРЮНА в 40 тысяч человек. См.: Avakumović I. Yugoslavia's Fascist Movements // Sugar P. (Ed.). Native Fascism in the Successor States 1918—1945. Santa Barbara, 1971.*

⁵⁷ См.: *Mlakar B. Radical Nationalism and Fascist Elements in Political Movements in Slovenia Between the Two World Wars // Slovene Studies. 2009. Vol. 31. № 1.*

Кровавые акции ТИГР и ОРЮНА отчасти служили проявлением этого желания обезопаситься от итальянских поползновений.

Наконец, распад Австро-Венгрии и возникший политический вакуум связали этот регион с центральноевропейской зоной конфликта, в которой действовали такие постабсбургские военизированные группировки, как хеймверы, «Ребята Ленина» Белы Куна и венгерские контрреволюционеры. «Зеленые кадры», Хорватский легион и Хорватский комитет также относились к этой центральноевропейской зоне. Итальянское влияние и создание Югославии способствовали их сближению с такими балканскими военизированными группировками, как ВМРО, после 1918 года.

ИДЕОЛОГИЯ И НАСЛЕДИЕ НАСИЛИЯ

Оправдывая свою деятельность в глазах международной аудитории, большинство упомянутых в этой главе группировок формулировало свои требования в вильсоновских терминах. Например, ВМРО в своих обращениях к Лиге наций призывала ее признать право македонцев на самоопределение, которого их лишали югославские власти. На это же право ссылались черногорцы, выступавшие за независимость, и воинствующие хорватские эмигранты. В большинстве случаев вильсоновское право на самоопределение представляло собой не новую, освободительную идеологию, мобилизовавшую военизированные силы на участие в конфликте, а всего лишь новые мехи для старого вина. Для группировок, подобных ВМРО, а также для позднейших ревизионистских организаций — таких как хорватские усташи — оно играло роль моральных, юридических и универсалистских рамок, становившихся основой для конкретных требований.

Еще одним идолом угнетенных народов после 1918 года, разумеется, был Ленин. Мы уже видели, что ленинская идеология и риторика проникла в Юго-Восточную Европу вместе с вернувшимися из плена солдатами габсбургской армии. Обещание Ленина покончить с войной произвело глубокое впечатление на этих людей, которых именно нежелание воевать заставляло симпатизировать его идеям. Малочисленная группа таких «возвращенцев», глубоко проникшаяся духом марксизма-ленинизма, после 1918 года стала ядром Коммунистической партии Югославии⁵⁸. Тем не менее их неспособность разжечь социа-

⁵⁸ См. на эту тему: *Banac I. South Slav Prisoners of War in Revolutionary Russia // Pastor P., Williamson S.R., Jr. (Ed.). War and Society in East Central Europe. Vol. 5: Ori-*

листическую революцию в Югославии (что удалось их товарищам в Венгрии) может быть отчасти объяснена неготовностью большинства вернувшихся с фронта крестьян в бывших южнославянских землях Габсбургской империи к радикальной социальной революции после окончания войны. Отказ сражаться за Габсбургов стал причиной революционных событий 1918 года в сельской Хорватии, но после того, как война завершилась, насилие в этих местах утратило прежний размах.

Однако коммунистическая идеология пользовалась массовой поддержкой в Македонии и Черногории, о чем свидетельствовали впечатляющие успехи коммунистов на выборах в Югославское учредительное собрание в ноябре 1920 года⁵⁹. По-видимому, избиратели из этих регионов голосовали за коммунистов в знак протеста против нового режима и его жестокостей. В дальнейшем Коминтерн высоко оценил революционный потенциал данного региона и принял резолюцию, призывавшую к расчленению Югославии, за которым должны были последовать отдельные южнославянские национальные революции, предшествуя социалистической революции. Такая позиция делала ленинизм более многообещающей антиюгославской и антисербской платформой по сравнению с вильсонизмом.

В случае ВМРО зов коммунистической сирены еще до окончания войны способствовал усугублению уже существовавшего идеологического раскола между «левой» и «правой» фракциями этой организации⁶⁰. Тодор Александров в апреле 1924 года сделал шаг к примирению, предложив создать единое коммунистическое крыло с участием обеих фракций. В потенциале сила такого союза была бы очень велика. С одной стороны, ВМРО смогла бы опереться на международное коммунистическое движение и, что более важно, получать «всестороннюю моральную, материальную и политическую поддержку от СССР»⁶¹. С другой стороны, СССР приобретал важного революционного союзника в данном регионе. Отнюдь не являясь пешкой на балканской шахматной доске (как воспринимали ситуацию итальянцы), ВМРО представляла собой крупнейшую военизированную организацию

gins and Prisoners of War. N.Y., 1983; *Oćak I. U borbi za ideje Oktobra: jugoslavenski povratnici iz sovjetske Rusije (1918—1921)*. Zagreb, 1976.

⁵⁹ См.: *Banac I. The National Question in Yugoslavia: Origins, History, Politics*. Ithaca (N.Y.), 1984. P. 331.

⁶⁰ См.: *Rossos A. Macedonianism and Macedonian Nationalism on the Left*. P. 238—239.

⁶¹ Declaration of the Central Committee of the IMRO on the Unification of the Macedonian Movement of Liberation // *Macedonia: Documents and Materials*. Sofia, 1978. P. 756—758.

в регионе, которая при наличии внутреннего единства и в случае заключения союза с коммунистами могла бы серьезно изменить послевоенный политический расклад. Однако заигрывания Александра с Москвой привели лишь к дальнейшему углублению раскола в рядах ВМРО и к начавшимся в 1924 году междоусобным столкновениям, итогом которых стало убийство как самого Александра, так и его «наследника» Александра Протогерава.

Хотя «поворот влево» катастрофически сказался на единстве ВМРО, в смысле международной политики и транснациональных союзов это был совершенно логичный шаг. Москва была для македонцев намного более подходящим партнером, чем Лондон или Париж, поскольку Франция и Великобритания стремились построить стабильную послевоенную систему, опирающуюся на их победу. Составной частью этой системы было создание сильного и жизнеспособного Южнославянского государства на Балканах, в рамках которого приоритет получали югославские территориальные и политические требования. В первые годы после завершения войны это желание поддерживать Югославию имело двоякие последствия. С одной стороны, сербские военизированные формирования рассматривали свою деятельность в южных регионах как один из аспектов общих международных усилий по консолидации победы союзных держав и нового европейского строя. С другой стороны, союзники — такие как Франция и Великобритания — молчаливо одобряли это насилие, поскольку оно отвечало их собственным стратегическим интересам на Балканах. Документы британского Министерства внутренних дел показывают, что англичане знали об этом насилии и воспринимали его как неизбежное зло⁶².

Эта легитимность, основанная на победе союзников, а также преобладание частных интересов над общими способствовали провалу консенсусной политики в Югославии. Поскольку югославские власти зачастую не имели массовой поддержки по всей стране, они делали ставку на военизированные формирования и отряды милиции⁶³. Такие группировки, как ОРЮНА, «Сербская националистическая молодежь»

⁶² В ежегодном докладе о Королевстве сербов, хорватов и словенцев за 1922 год британское Министерство иностранных дел, упоминая о возможности внешнего расследования продолжавшихся «болгарских набегов» на югославскую Македонию, отмечало: «Сомнительно, чтобы сербское правительство [sic] <...> приветствовало прибытие европейской комиссии, созданной с целью изучить неудовлетворительное управление Македонией». См.: TNA. FO 371 8910—10134 (Serb-Croat-Slovene Kingdom Annual Report, 1922).

⁶³ См.: Šehić N. Četništvo u Bosni i Hercegovini (1918—1941): politička uloga i oblici djelatnosti četničkih udruženja. Sarajevo, 1971. S. 164—171; Јовановић Н. Политички

и послевоенное движение четников, участвовали в политической жизни страны, блокируясь с теми или иными партиями и применяя насилие с целью запугивания и разгрома оппозиционных групп — особенно в Боснии, Македонии и Косово. Для того чтобы понять, как Югославия пришла от слабой демократии к диктатуре, необходимо также осознать ту роль, которую играли эти группы в формировании и развитии государства в течение 1920-х годов.

Принимали ли четники 1912—1923 годов участие в движении сопротивления 1941—1945 годов? Нусрет Шехич, видный специалист по истории межвоенных организаций четников, выяснил, что если такое и случалось, то редко. Различные отряды четников, действовавшие в 1941—1945 годах, в основном состояли из сербских офицеров и солдат югославской армии, не сдавшихся в плен после разгрома Югославии державами Оси. Среди них встречались и пожилые ветераны антиосманского движения четников — такие как Илья Трифунович «Бирчанин», который, несмотря на свой возраст и увечье (он потерял руку на Первой мировой войне), сражался в рядах Динарской дивизии югославских войск на родине (как называли себя четники) вплоть до своей смерти в 1943 году. С другой стороны, Коста Милованович «Печанац» после недолгой борьбы с албанскими партизанами на юге страны перешел со своим небольшим отрядом на сторону оккупационного режима в Сербии⁶⁴.

Еще более призрачными были связи между коммунистическим партизанским подпольем времен Второй мировой войны и коммунистическим движением после Первой мировой войны. Хотя партизанский вожак Иосип Броз «Тито» был солдатом габсбургской армии (впрочем, он не принимал участия в движении «зеленых», сопровождавшем окончание Первой мировой войны), югославский коммунизм в межвоенный период испытал много превратностей судьбы. Межвоенный югославский режим весьма решительно пресекал деятельность Коммунистической партии, а югославские коммунисты, бежавшие в Москву, по большей части пали там жертвами «чисток» 1930-х годов (Тито был самым известным из уцелевших). Ветераны Первой мировой войны в 1941—1945 годах оказались не у дел: наиболее опытными бойцами партизанских отрядов являлись так называемые «испанцы» — ветераны Интернациональных бригад, участвовавшие

сукоби у Југославији 1925—1928. Београд, 1974. С. 47—54; Ramet S. The Three Yugoslavias: State-Building and Legitimation, 1918—2005. Bloomington, 2006. P. 58—59.

⁶⁴ Его силы насчитывали от 3 до 6 тысяч человек, которые подчинялись Печанацу вплоть до его гибели в 1944 году.

в испанской гражданской войне⁶⁵. При разговоре как о партизанах, так и о четниках не следует забывать о том, что между 1917—1923 годами и началом Второй мировой войны в этом регионе сменилось целое поколение. Многие активисты прежней эпохи «ушли на покой», то есть слишком состарились для того, чтобы принимать в сражениях такое же активное участие, как во время и после Первой мировой войны. Многие другие умерли.

Тем не менее транснациональная сеть антисербских и антиюгославских сил, создававшаяся Италией после окончания Первой мировой войны, по большей части уцелела в течение межвоенного периода. Также и усташи — хорватская военизированной-террористическая организация, основанная после установления диктатуры короля Александра, — в значительной степени пополнялись из рядов югославских эмигрантов первой волны, покинувших страну после 1918 года. Подобно ранней югославской эмиграции, усташи в основном являлись бывшими габсбургскими офицерами и хорватами, связанными с Хорватской правой партией (*Hrvatska stranka prava*, или «франкисты»), и стремились к тому, чтобы уничтожить единую Югославию, подстрекая хорватов к восстанию против государства и осуществляя акты террора. Оба проявления этого антиюгославского ревизионистского движения поддерживались Италией, снабжавшей усташей оружием и разрешившей им создавать тренировочные лагеря на своей территории, точно так же, как она оказывала материальную помощь хорватским эмигрантам сразу после 1918 года. Ревизионистское движение, опиравшееся на Италию, оказалось наиболее прочной и долговечной транснациональной сетью на Балканах в межвоенный период, и именно в деятельности этих группировок наиболее зримо проявилось наследие военизированного насилия 1917—1923 годов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Насильственные попытки навязать собственную программу национальной интеграции спорным регионам на Балканах имели достаточно много общих черт с проектами насильственной национализации, после 1918 года осуществлявшимися военизированными

⁶⁵ Например, в их число входил Коча Попович, командовавший Первой пролетарской бригадой Партизанской армии. См. также: *Pavlaković V. Our Spaniards: Croatian Communists, Fascists, and the Spanish Civil War, 1936—1939. Ph.D. thesis / Univ. of Washington. 2005.*

группировками в Австрии, Венгрии, Германии, Польше и на Украине. Как показывает Угур Умит Унгор в главе, написанной для настоящей книги, насилие, которому балканские военизированные группировки подвергали мусульманское гражданское население во время и после Балканских войн, являлось составной частью попыток изменить этнический и национальный состав данных территорий и впоследствии воспроизводилось по всей Европе в 1917—1923 годах. Если балканские военизированные организации и армии балканских государств в 1912—1913 годах быстро добились полного изгнания турок из региона, то национализация этих территорий в долгосрочном плане проходила намного менее успешно⁶⁶. Собственно, те же традиции военизированных движений, которые способствовали вытеснению турок с Балкан, пагубно отразились на попытках создать жизнеспособные демократические национальные государства после 1918 года — за что, по иронии судьбы, и сражались эти военизированные группировки до 1914 года. Военизированные группировки, поддерживавшие послевоенный статус-кво и создание Югославии, были удовлетворены итогами 1917—1923 годов — в отличие от соперничавших с ними ревизионистских организаций, сократившихся в размерах и потерпевших поражение к 1923 году, но все же продержавшихся в течение всего межвоенного периода. В конце концов их время вновь настало в годы Второй мировой войны.

⁶⁶ Придя к власти в Югославии после Второй мировой войны, коммунисты решили отказаться от неудачной межвоенной политики ассимиляции в Косово и Македонии, предоставив этим регионам некоторую политическую автономию.

ВОЕНИЗИРОВАННОЕ НАСИЛИЕ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ НАКАНУНЕ ЕЕ КРАХА

ВВЕДЕНИЕ

В 1912—1923 годах, в ходе распада Габсбургской, Османской и Российской империй на поле боя были убиты миллионы солдат. Но кроме них в число погибших входили и сотни тысяч людей из числа гражданского населения, ставшие жертвами изгнания, погромов и других видов преследований и массового насилия. Балканские войны 1912—1913 годов привели к практически полному вытеснению Османской империи с Балкан и нанесли сокрушительный удар по османской политической культуре. В 1915—1916 годах было уничтожено подавляющее большинство анатолийских армян, убитых главным образом (но не исключительно) военизированными частями младотурок. Наконец, для истории как Северного, так и Южного Кавказа весьма важен период 1917—1923 годов, сопровождавшийся войнами на уничтожение и массовыми убийствами гражданских лиц. Фоном, на котором разворачивались все три эпизода, служил глубокий кризис межгосударственных связей и социетальных условий, а также межэтнических отношений как внутри государств, так и в международной сфере¹.

Во всех трех случаях военизированные группировки сыграли решающую роль при разжигании и осуществлении насилия, направленного как на вооруженных участников военных действий, так и на

¹ См. четыре недавние отдельные попытки осветить насилие периода с 1870 по 1923 год с точки зрения более широкого подхода к современному массовому насилию как результату распада европейских континентальных империй: *Lieberman B. Terrible Fate: Ethnic Cleansing in the Making of Modern Europe*. Chicago, 2006; *Bloxham D. Genocide, the World Wars and the Unweaving of Europe*. Edgware, 2008; *Idem. The Final Solution: A Genocide*. Oxford, 2009; *Carmichael C. Genocide Before the Holocaust*. New Haven, 2009. Также см. по-прежнему полезный обзор: *Levene M. Creating a Modern «Zone of Genocide»: The Impact of Nation- and State-Formation on Eastern Anatolia, 1878—1923 // Holocaust and Genocide Studies*. 1998. Vol. 12. P. 393—433.

безоружных гражданских лиц. В таких регионах, как Македония, Понт, Нагорный Карабах, эти группировки совершали всевозможные акты насилия, включая уничтожение и сожжение множества сел, избиения и пытки, насильственное обращение в иную веру и массовые убийства без разбора. Османские военизированные формирования, вовлеченные в этот процесс, в основном — но не исключительно — состояли из безработных молодых людей, выходцев с городского дна. Многие из них были беженцами с Балкан. По данным одного из исследователей, максимальная численность таких группировок достигала 30 тысяч человек². Их жертвами становились османские, российские и персидские армяне и ассирийцы, а также османские греки.

Проследить связи между упомянутыми эпизодами было бы весьма амбициозным начинанием. Многие исследования этого калейдоскопа насилия обращались прежде всего к его внутривнутриполитическому аспекту. Так, армянский геноцид зачастую рассматривается как следствие турецкой национальной идеологии или интриг партии младотурок «Единение и прогресс» (ЕП). В аналогичном ключе насилие на Кавказе главным образом изучалось в рамках истории российской Гражданской войны и Советского Союза. При несомненном значении этих подходов транснациональная перспектива может привести нас к более глубокому пониманию процессов, породивших это насилие, его масштабов и последствий.

Концепция военизированного насилия оказывается весьма полезной при рассмотрении этого материала. Далее будет указано, что крах государственной власти и соответствующей монополии на насилие во время и после Первой мировой войны давал политическим элитам и вожакам военизированных формирований (так называемым *фидаинам*) уникальную возможность установить или консолидировать свою власть в этих постимперских зонах дробления. В центре нашего внимания будут находиться корни и обоснования военизированного насилия, а не военное противоборство регулярных армий. Как и почему создавались военизированные части? Какую роль они играли в насилии, охватившем эти территории? Какие отношения существовали между государствами и военизированными формированиями? В частности, пристальному рассмотрению будут подвергнуты взаимоотношения между виктимизацией и реваншизмом. Изучение других исторических эпизодов показывает, что появление травмированных и виктимизированных представителей одного общества в другом

² *Stoddard Ph.H.* The Ottoman Government and the Arabs, 1911—1918: A Preliminary Study of the *Teşkilât-ı Mahsusa*: PhD diss. / Princeton Univ., 1963.

Рис. 13. Бойцы армянского военизированного отряда на Южном Кавказе. 1919 г.

обществе может иметь двойные последствия: дестабилизацию и радикализацию внутривнутриполитической культуры в новом обществе вкуче с обеспечением его политической элиты кандидатами в бойцы военизированных формирований³. Жертвы насилия в одном обществе, пересекая границу, сами творят насилие в другом обществе.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И АРМЯНСКИЙ ГЕНОЦИД

Как указывал в предыдущей главе Джон Пол Ньюмен, военизированное движение в Османской империи имело давнюю историю. Оно получало все большее распространение на Балканах в конце XIX века, выражаясь в вялотекущих гражданских войнах между различными военизированными группировками⁴. Болгарские, македонские, сербские,

³ Mócsy I.I. *The Uprooted: Hungarian Refugees and their Impact on Hungary's Domestic Politics, 1918—1921*. N.Y., 1983.

⁴ Этот вопрос вкратце освещен в: Brandolini G.V. *Low Intensity Conflicts*. Bergamo, 2002.

греческие и мусульманские отряды сражались друг с другом с целью защиты своих семей и общин, насаждения своих религиозных или идеологических взглядов, а также мести за прежние насилия или за реальные и мнимые несправедливости. Османское государство, отчаянно борющееся с этими конфликтами, нередко само прибегало к военизированному насилию и к террору⁵. Например, всякий раз, как мусульманские банды убивали болгар, они оставляли для местного окружного губернатора записку со следующими словами: «Этот человек был убит с целью отомстить за мусульман, убитых там-то и там-то»⁶. Внутренняя переписка ЕП проливает свет на то, как младотурки учились на примере этих банд. Так, в письме без даты, адресованном доктору Бахеддину Шакиру, доктор Мехмед Назим сообщает о некоем Хасане-Моряке следующее:

Программа Хасана-Моряка состоит в том, чтобы убивать по десять болгар за каждого убитого мусульманина. При этом ему неважно, кто станет его жертвой. Ни мужчина, ни женщина, ни молодой болгарин, ни старый — никто не спасется от топора Хасана-Моряка до тех пор, пока он не убьет десятерых. Хасан-Моряк стал богом нескольких округов, и болгары дрожат, слыша его имя <...> Эти банды держат болгар в большем страхе, чем сотысячное войско, расквартированное правительством в их землях⁷.

Таким образом, террор, выразившийся в убийстве гражданских лиц, рассматривался как законный метод обеспечить подчинение потенциально непокорного населения.

Военизированное насилие данного периода перешло важный рубеж одновременно с младотурецким переворотом 23 января 1913 года. В последующие месяцы партия ЕП, более не имевшая нужды в том, чтобы править страной из-за кулис, постепенно установила в империи жестокую диктатуру. Энвер-паша отвоевал Эдирне, произвел себя в генералы и стал военным министром. Новый кабинет возглавил глава партии и министр внутренних дел Талаат-паша. Политическое насилие превратилось в обыденность. Военизированные банды, лояльные

⁵ Klein J. Power in the Periphery: The Hamidiye Light Cavalry and the Struggle over Ottoman Kurdistan, 1890—1914. PhD thesis / Princeton Univ., 2002.

⁶ Hanioglu M.S. Preparation for a Revolution: The Young Turks, 1902—1908. Oxford, 2001. P. 223.

⁷ Д-р Мехмед Назим — д-ру Бахеддину Шакиру, письмо без даты, цит. в: Ibid. P. 223.

фракциям Талаата-паши и особенно Энвера-паши, совершали многочисленные убийства. Хусейн Кахит (1875—1957), издатель одной из самых влиятельных газет того периода, был свидетелем одной из таких политических расправ, когда на его глазах убийца из числа сторонников Энвера-паши застрелил человека, критиковавшего новый режим⁸. Движущей силой государственного террора являлись младотурки. Фидайны, прежде находившиеся в подполье, взяли власть в свои руки. Обретя легитимность, они принесли свою политическую культуру насилия в Анатолию. Их опыт военизированных боевых действий в сельской Румелии насаждался в правительственных учреждениях, имея своим следствием брутализацию Османского государства.

Начиная с января 1913 года доктор Мехмед Назим и доктор Бахеддин Шакир приступили к объединению достаточно разобщенных и независимых военизированных формирований в единую Специальную организацию (*Teşkilât-ı Mahsusa*). Во время Первой мировой войны существовали пять типов османских военизированных сил. Во-первых, это сельская жандармерия (*jandarma*), представленная как статичными, так и мобильными частями. Подготовленная по современным армейским стандартам и возглавлявшаяся профессиональным офицерским корпусом, жандармерия занималась поддержанием порядка в деревне. Во-вторых, имелась племенная кавалерия (*aşiret alayları*), созданная на базе 29 курдских и черкесских кавалерийских полков. Эти части, во главе которых стояли племенные вожди, выполняли различные задачи, связанные с внутренней безопасностью. Третью группу представляли собой «добровольцы» (*gönüllüler*), набравшиеся из мусульманских этносов за пределами Османской империи. В большинстве своем эта группа состояла из турецких беженцев с Балкан, нередко плывавших жадной мести и рвавшихся в бой. Четвертой являлась вышеупомянутая Специальная организация (*Teşkilât-ı Mahsusa*), первоначально игравшая роль разведслужбы, призванной возбуждать восстания на вражеской территории и осуществлять шпионскую, контрразведывательную и антиповстанческую деятельность. Отныне командованию этой организации были подчинены и другие группы⁹.

Наконец, в пятую группу входили просто «банды» (*çete*) — всевозможные нерегулярные партизанские группировки, не вполне подчинявшиеся центральному командованию и контролю, но нередко действовавшие как личные военизированные отряды отдельных

⁸ Yalçın H.C. Siyasal Anılar. İstanbul, 1976. S. 170.

⁹ Türk Silahlı Kuvvetleri Tarihi. 3. Cilt, 6. Kısım. Ankara, 1971. S. 129—240.

вождей младотурок. В эти части особенно охотно шли так называемые «бродяги» (*serseri*) или «хулиганы» (*kabadayı*) — бедные, безработные молодые люди с городского дна, из подозрительных кофеен и криминальных кругов. Считалось, что эти формирования играют важную роль на полях сражений, при подавлении восстаний и выполнении разной «грязной работы». Им либо выплачивали жалование, либо выдавали *carte blanche* на грабежи. Многие из этих головорезов пользовались покровительством высокопоставленных младотурок, причастных к их преступлениям¹⁰. Помимо превращения военизированных частей в бандитские группировки, наблюдался и обратный процесс: партия ЕП начала создавать военизированные формирования из числа осужденных преступников, освобожденных из тюрем. Эта операция, осуществлявшаяся доктором Бахеддином Шакиром и доктором Назимом и в организационном плане опиравшаяся на разветвленную партийную сеть в провинции, проводилась под контролем Талаата-паши и Энвера-паши.

В августе 1914 года секретарь Эрзерумского отделения партии Филибели Ахмет Хилми (1885—1926), сам являвшийся беженцем из Пловдива, в переписке с Талаатом-пашой предложил освободить заключенных из центральной тюрьмы в Трабзоне и зачислить их в военизированные части под командованием офицеров регулярной армии. При этом особое предпочтение должно было оказываться заключенным, «имеющим репутацию вожаков преступных банд». Талаат-паша ответил утвердительно: «Те заключенные, которые нужны в иррегулярных частях, будут освобождены, их список будет составлен и выслан»¹¹. С целью упростить формирование таких частей Министерство юстиции объявило специальную амнистию на основании временного закона, в 1916 году ставшего постоянным¹². В результате этих мер тысячи заключенных были выпущены из османских тюрем и завербованы в военизированные части. Эти заключенные, которых даже функционеры ЕП называли «зверями и уголовниками»¹³, нередко являлись местными преступниками и бандитами, осужденными за такие преступления, как грабежи, вымогательство и убийства. Согласно

¹⁰ Gingeras R. *Sorrowful Shores: Violence, Ethnicity, and the End of the Ottoman Empire, 1912—1923*. Oxford, 2009. P. 6, 51.

¹¹ *Mil A. Umumi Harpte Teşkilâtı Mahsusa // Vakit*. 1933. 5., 29. Kasım.; переиздано как: Cemil (Denker) A. I. *Dünya Savaşı'nda Teşkilât-ı Mahsusa*. İstanbul, 1997.

¹² *Tunaya T.Z. Türkiye'de Siyasal Partiler*. Vol. 3: İttihat ve Terakki. İstanbul, 1997. S. 285—286.

¹³ *Cemil (Denker) A. I. Dünya Savaşı'nda Teşkilât-ı Mahsusa*. S. 196.

одному источнику, в течение недели их муштровали в Стамбуле, а затем отправляли в различные регионы: «Эти банды состояли из убийц и воров, отпущенных на волю. В течение недели их обучали во дворе Военного министерства, а затем при посредничестве Специальной организации посылали на кавказскую границу»¹⁴. Военизированные части, подобно грозовым тучам войны, скапливались по всей Анатолии, наводняя провинцию за провинцией.

С 11 ноября 1914 года Османская империя официально находилась в состоянии войны с Россией, Францией и Великобританией. Согласно одному из недавних исследований, решение ЕП об объявлении войны было «составной частью стратегии по достижению долгосрочной безопасности, экономического развития и, в конечном счете, национального возрождения»¹⁵. ЕП немедленно начала создание частей иррегулярной милиции с целью вторжения в Россию и Персию. Эти секретные воинские части влились в уже существовавшую Специальную организацию. Новые партизанские отряды набирались из числа заключенных, курдских племен и мусульманских беженцев и возглавлялись теми же людьми, к услугам которых ЕП прибегала во время Балканских войн. 18 ноября Талаат-паша лично приказал составить списки «заключенных, имеющих высокий авторитет»¹⁶. Вся эта операция, во главе которой стоял доктор Бахеддин Шакир, по мере возможности проводилась независимо от армейских структур. Тем не менее неизбежными были случаи двойного подчинения, во время войны служившие источником путаницы и пониженной боеспособности¹⁷.

В начале зимы 1914/15 года эти группы начали просачиваться на российскую и персидскую территорию, имея задачей подстрекательство мусульманского населения к восстаниям и к переходу на сторону османских сил¹⁸. Одна из этих операций проводилась в персидском Азербайджане (Северо-Западный Иран), вторая — на Южном Кавказе (современные Северо-Восточная Турция и Грузия). Первая обернулась «катастрофическим успехом», вторая — полным провалом. Война на Восточном фронте разгорелась вовсю после того, как Энвер-паша,

¹⁴ Refik A. Kafkas Yollarında: İki Komite, İki Kıtıl. İstanbul, 1998 [1919]. S. 157.

¹⁵ Aksakal M. The Ottoman Road to War in 1914: The Ottoman Empire and the First World War. Cambridge, 2008. P. 191.

¹⁶ BOA. DH.ŞFR 47/70 (Талаат-паша — властям провинций, 18 ноября 1914 г.).

¹⁷ Erickson E. Armenian Massacres: New Records Undercut Old Blame // Middle East Quarterly. 2006. Summer. P. 67—75.

¹⁸ См. одно из первых официальных турецких описаний этих кампаний: Çakmak F. Büyük Harpte Şark Cephesi Hareketleri: Şark Vilâyetlerimizde, Kafkasyada ve İranda. Ankara, 1936.

движимый соображениями безопасности и экспансионистскими побуждениями, 29 декабря 1914 года начал наступление на российскую армию под Сарыкамышем и был наголову разбит, тем самым открыв русским войскам путь в глубину османской территории¹⁹. Американские дипломаты, находившиеся в Стамбуле, после этого сражения засвидетельствовали резкую смену настроений среди тех младотурок, с которыми они часто контактировали.

Военизированные части не всегда сражались на передовой. Они либо проникали за линию фронта и пытались разжечь мусульманское восстание в тылу у русских войск, либо бесчинствовали в тыловых поселениях. Офицеры османской армии, служившие на Кавказском фронте, давали подробные отчеты о поведении военизированных частей:

Наиболее отличившиеся офицеры и самые отважные бойцы из частей 9-го армейского корпуса в Эрзеруме были направлены в вооруженные отряды, сформированные Бахеддином Шакиром. Впоследствии я узнал, что эти отряды отнюдь не шли впереди нас, а, напротив, следовали за нами и занимались грабежом деревень²⁰.

Другой османский офицер позднее вспоминал:

Там, где проходил их путь, они <...> совершали жестокости и помыкали местным населением, добиваясь от него обеспечения всем. Они делали все, что им заблагорассудится <...> Энвер-паша доверял этим отрядам разбойников. Он знал, что они бесчинствуют и грабят деревни. То, что он не боролся с этими отрядами, было его слабостью. Все, кто входил в эту Специальную организацию, были бандитами, бродягами, дервишами и дезертирами. Мы всячески противодействовали созданию этих организаций, но не могли тягаться силами с Энвером-пашой и таким заправилой ЕП, как Бахеддин Шакир²¹.

В ходе этой иррегулярной войны военизированные отряды нападали на армянские деревни, безнаказанно грабя, насилуя и убивая

¹⁹ Erickson E.J. *Ordered to Die: A History of the Ottoman Army in the First World War*. Westport (Conn.), 2000. P. 51—74. Подробное описание Сарыкамышской катастрофы см.: Müderrisoğlu A. *Sarıkaş Dramı*. 2. bsk. İstanbul, 1997.

²⁰ Цит. по: A Shameful Act: The Armenian Genocide and the Question of Turkish Responsibility. N.Y., 2006. P. 138.

²¹ Samih A. *Umumi Harpte Kafkas Cephesi Hattıraları // Kurun*. 1935. 19. Nisan.

их жителей. Именно это поведение привело к трениям в отношениях между Специальной организацией и армией. Бахеддин Шакир жаловался в Стамбул на низкий боевой дух и отсутствие энтузиазма у солдат регулярной армии. Офицеры османской армии, в свою очередь, скептически отзывались о боеспособности военизированных формирований. Энверу-паше нередко приходилось улаживать разногласия между обеими силами²².

Союзники Османской империи — в первую очередь германские военные и дипломаты — также были встревожены этим насилием. Германский миссионер Йоханнес Лепсиус (1858—1926) втайне издал отчет с данными о числе убитых армян: 1726 в округах Ардануч и Олту, примерно 7 тысяч в округе Артвин²³. Германский консул в Эрзеруме сообщал: «Армянское население очень обеспокоено и боится резни; в селе Эсни под Эрзерумом турецкие башибузуки застрелили армянского священника. Сведения об эксцессах поступают и из других сел»²⁴. Эти жалобы дошли до германского посла Ганса фон Вангенхейма (1859—1915), который выразил канцлеру Теобальду фон Бетман-Гольвегу (1856—1921) свою озабоченность тем, что действия военизированных формирований по обе стороны границы нередко выливаются в «злоупотребления и эксцессы» (*Übergriffen und Ausschreitungen*) по отношению к армянскому населению региона²⁵.

Османское наступление в Персии и оккупация персидской территории означали аналогичную участь для местных армян и ассирийцев. Персия была разделена на британскую и российскую зоны влияния, причем север страны фактически оккупировали российские силы. Поскольку потенциально это создавало угрозу для Османской империи, Энвер-паша отдал приказ наступать в сторону Каспийского моря, и Иран превратился в поле сражения между Россией и Турцией²⁶. Вперед рвались две армии: Первый экспедиционный отряд под ко-

²² İlden K.Ş. Sarıkamış: Birinci Dünya Savaşı Başlangıcında Üçüncü Ordu: Kuşatma Manevrası ve Meydan Savaşı: Anı. İstanbul, 1998. S. 158—160.

²³ Lepsius J. Der Todesgang des Armenischen Volkes: Bericht über das Schicksal des Armenischen Volkes in der Türkei während des Weltkrieges. Potsdam, 1919. S. 78—79.

²⁴ РА АА. Botschaft Konstantinopel 168 (консул в Эрзеруме — в посольство, 5 декабря 1914 года).

²⁵ Ibid. R14085 (Вагенхейм — Бетман-Гольвегу, 29 декабря 1914 года).

²⁶ Согласно традиционным описаниям двух восточных кампаний Османской империи, они представляли собой идеологическую попытку пробить путь в Среднюю Азию и создать великую Турецкую империю — «Туран». Недавние исследования убедительно показывают, что младотурки мотивировались главным образом соображениями безопасности: Reynolds M.A. Buffers, not Brethren: Young Turk Military Policy in the First World War and the Myth of Panturanism // Past and Present. 2009. Vol. 203. P. 137—179.

мандованием Халила-паши (1882—1957), дяди Энвера-паши, и Пятый экспедиционный отряд под командованием фанатичного младотурка Тахира Джевдет-Бея — губернатора Вана и шурина Энвера-паши. Военизированные части, состоявшие из жандармерии, добровольцев и курдов, опустошали территории к западу от озера Урмия. Дотла сжигались села вместе со всеми школами, библиотеками, церквями, лавками, миссиями, жилыми домами и официальными учреждениями. Мужчин поголовно убивали, женщин насиловали и тоже нередко убивали. Жертвами этих злодеяний становилось захваченное врасплох армянское и ассирийское население Персии — страны, официально объявившей о нейтралитете в войне между Россией и Османской империей²⁷.

Русский консул Павел Введенский (1880—1938)²⁸, выпускник Российского института востоковедения, бегло говоривший по-персидски, 10 марта 1915 года стал первым должностным лицом, побывавшим в этом районе после происшедшей там резни. Прибыв в деревню неподалеку от города Салмас, он обнаружил там крытый колодец, заполненный обезглавленными телами. Убитых, по-видимому, вешали вниз головой, затем отрубали им головы и сбрасывали тела в колодец. Мужчин небольшими группами ставили лицом к стене и по очереди раскраивали им черепа мотыгой. Введенский насчитал не менее пятнадцати колодцев и несколько амбаров, забитых разлагающимися трупами. В другом месте он нашел пленных, которым отрубали головы после того, как заставляли просовывать их между ступеньками лестницы²⁹. Российский вице-командующий, объехавший район, докладывал: «Лично я своими глазами видел сотни заколотых трупов в ямах, смрад от которых заражал воздух этих городов, видел обезглавленные трупы, отрубленные топорами на камнях, руки, голени, отрезанные пальцы, скальпированные черепа, трупы под обломками, десятки погибших под заборами»³⁰. Сражение между русской и османской армиями под Дилманом завершилось полной победой российской Кавказской ар-

²⁷ Подробное описание насилия в отношении гражданских лиц в Персии см.: Gaunt D. *Massacres, Resistance, Protectors: Muslim-Christian Relations in Eastern Anatolia during World War I*. Piscataway (N.J.), 2006. P. 81—120.

²⁸ Во время Большого террора Введенский был арестован 10 апреля 1938 года по обвинению в международном шпионаже. 15 сентября 1938 года он был приговорен, расстрелян и похоронен на печально известном полигоне «Коммунарка» в Московской области.

²⁹ Генис В. Вице-консул Введенский. Служба в Персии и Бухарском ханстве (1906—1920 гг.): Российская дипломатия в судьбах. М., 2003. С. 44 и след.

³⁰ Письмо от 9 марта 1915 года: *Нерсиан М.Г.* (Ред.). Геноцид армян в Османской империи: Сб. док-тов и мат-лов. Ереван, 1982. С. 276—277.

мии, которой помогал Армянский добровольческий батальон во главе со знаменитым командиром Андраником Озаянном (1865—1927).

Вернувшись с Кавказского фронта, Энвер-паша написал письмо армянскому патриарху Коньи, в котором выражал ему свое уважение и восхищался храбростью, проявленной армянскими солдатами во время сражения при Сарыкамыше. Он даже привел в пример сержанта Оганеса, получившего медаль за доблесть³¹. Возможно, в реальности Энвер-паша совсем не так относился к участию османских армян в войне. В личной беседе с издателем Хусейном Джахитом он возлагал на армян вину за поражение и предлагал сослать их куда-нибудь туда, где они не будут создавать проблем³². Талаат-паша также заявлял, что армяне всадили нож в спину армии³³. Американский дипломат Льюис Айнстайн (1877—1967) писал в дневнике, что Талаат-паша «был другим шесть лет назад, когда я виделся с ним каждый день <...> вас подкупала в нем внешняя откровенность, выгодно отличавшая его от уклончивых гамидовских чиновников». Однако после Балканских войн, отмечал Айнстайн, Талаат-паша изменился: «Он верен только своей организации и проводит политику безжалостного отуречивания <...> Он открыто объявляет, что гонения являются ответом на поражение при Сарыкамыше, на изгнание турок из Азербайджана и на оккупацию Вана, обвиняя во всем этом армян»³⁴. Руководство ЕП пришло к выводу о том, что катастрофические поражения при Сарыкамыше и Дилмане объясняются «армянским предательством». Итальянский консул в Ване сообщал, что армии Халила-паши и Джевдет-Бея, вытесненные на османскую территорию, отыгрывались на османских армянах, убивая их без разбора и присваивая их имущество³⁵. В прифронтовом Битлисе губернатор Мустафа Абдулхалик Ренда вызвал к себе армянского гражданского инспектора Михрана Бояджана и в открытую угрожал ему: «Настало время мести (*Şimdi intikâm zamanıdır*)»³⁶. Согласно американским и германским миссионерам, проживавшим в том районе, армейские части разграбили и уничтожили там 50 армянских сел³⁷.

³¹ *Lepsius J.* Der Todesgang des Armenischen Volkes. S. 161—162.

³² *Yalçın H.C.* Siyasal Anılar. İstanbul, 1976. S. 233.

³³ *Adak H.* Identifying the «Internal Tumors» of World War I: *Talat Paşa'nın Hatıraları* [Talat Paşa's Memoirs], or the Travels of a Unionist Apologia into «History» // Bähr A. et. al. (Hrsg.). Räume des Selbst: Selbstzeugnisforschung Transkulturell. Köln, 2007. S. 151—172.

³⁴ *Einstein L.* Inside Constantinople: A Diplomatist's Diary During the Dardanelles Expedition, April—September, 1915. London, 1917. P. 175—176.

³⁵ *Barby H.* Au pays de l'épouvante. Paris, 1917. P. 230—240.

³⁶ *Der Yeghiayan Z.* My Patriarchal Memoirs. Barrington (R.I.), 2002. P. 273.

³⁷ *Dadrian V.N.* The Role of the Special Organization in the Armenian Genocide during the First World War // Panayi P. (Ed.) Minorities in Wartime: National and Racial

Двойное военное поражение имело следствием резкую радикализацию антиармянской политики в центре империи, инспирировав гонения на армян зимой 1914/15 года, включая увольнение всех армянских должностных лиц³⁸. Далее последовала вторая фаза событий, начавшаяся одновременно с высадкой союзных сил в Галлиполи 24 апреля 1915 года, которая довела до точки кипения страхи перед якобы готовившимся армянским восстанием. В ту же ночь Талаат-паша приказал произвести аресты армянской элиты по всей Османской империи. В Стамбуле было схвачено от 235 до 270 армянских священников, врачей, редакторов, журналистов, юристов, учителей и политиков, депортированных в глубь страны, где большинство из них было убито³⁹. То же происходило и в других провинциях. Таким образом армянская община была фактически лишена политических, интеллектуальных, культурных и религиозных лидеров. Началом третьей фазы стал приказ об общей депортации всех османских армян в Сирийскую пустыню. Согласно недавним исследованиям, эти депортации переросли в массовые убийства, унеся жизни примерно миллиона армян и фактически являясь геноцидом⁴⁰.

Особо значительный вклад в армянский геноцид внесли младотурецкие военизированные формирования. Кампанию массовых убийств осуществляли десятки тысяч турок, курдов и черкесов. Во время войны они почти не отрицали и не скрывали своего участия в этих событиях. Один умеренный турецкий интеллектуал описывал, как в годы войны ему довелось встретиться и беседовать со знаменитым черкесским головорезом Черкез-Ахмедом, вожаком одного из самых безжалостных «эскадронов смерти»:

Черкез-Ахмед был одним из главных действующих лиц армянской трагедии. Я хотел услышать рассказ об этих кровавых событиях из уст того, по чьей вине они случились, и спросил Черкез-Ахмеда о том, что он делал в восточных провинциях. Он положил ногу на ногу, выдохнул изо рта дым сигареты и сказал: «Дорогой брат, происходящее задевает мою честь. Я служил моей стране. Посуди сам — я превратил Ван и его окрестности в земли Каабы. Сейчас ты не найдешь там ни

Groupings in Europe, North America and Australia during the World Wars. Oxford, 1993. P. 50—82, 63 ff.

³⁸ Üngör Ü.Ü. When Persecution Bleeds into Mass Murder: the Processive Nature of Genocide // Genocide Studies and Prevention. 2006. Vol. 1. P. 173—196.

³⁹ Shamtanchian M. The Fatal Night: An Eyewitness Account of the Extermination of Armenian Intellectuals in 1915. Studio City (Cal.), 2007.

⁴⁰ Kévorkian R.H. Le génocide des Arméniens. Paris, 2006.

одного армянина. Я оказал родине такую услугу, а теперь мерзавцы вроде Талаата-паши попивают в Стамбуле ледяное пиво и обливают меня грязью! Нет, моя честь такого не потерпит!» Мне хотелось узнать от него больше подробностей: «Так что же случилось с Зохрабом и прочими?» — «А ты не слышал? Я их всех прикончил (*hepsini geberttim*)». Выпустив в воздух струйку дыма, он разгладил левой рукой усы и продолжил рассказ: «Они выехали из Алеппо. Мы перехватили их на дороге и сразу же окружили их машину. Они поняли, что с ними все кончено. Варткес сказал: “Ладно, господин Ахмед, вы убьете нас, но как же арабы? Они уже и так вами недовольны”. Я ответил: “Не твое дело, гадина!” — и первой же пулей из маузера вышиб ему мозги. Затем я схватил Зохраба, бросил его себе под ноги, схватил большой камень и стал им бить, бить, бить по его черепу, пока тот не расколосся»⁴¹.

Другой член Специальной организации так оправдывал подобные жестокости:

Некоторые считают, что наш комитет — это лишь мародерство и грабежи. Я же, напротив, вижу в нем воплощение патриотизма. Член комитета жертвует родине всё, даже свою жизнь. Когда на кону стоят интересы родины и народа, член комитета не знает жалости. Он уничтожает то, что должен уничтожить, он сжигает дома, когда это необходимо, он разрушает и проливает кровь. Всех врагов следует извести под корень, не оставляя ни одной головы на плечах. Мы часто бывали в подобных ситуациях и делали то, что от нас требовалось. Оглядываясь назад, я думаю: «Если бы не эта решительность, что случилось бы с нашей страной, чья нога бы ее попирала и чьими рабами нам суждено было бы стать?»⁴²

В то время как многие участники военизированных организаций возвращались домой с огромной добычей и не подвергались никаким преследованиям, некоторым все же приходилось держать ответ перед политической элитой младотурок. На взаимоотношения между военизированными формированиями и государством проливают свет мемуары начальника штаба 4-й армии, генерала Али Фуата Эрдена (1883—1957). Он пишет, что находил среди личных вещей бойцов этих

⁴¹ Refik A. Kafkas Yollarında. S. 42.

⁴² Çiçek H. Dr. Bahattin Şakir: İttihat ve Terakki'den Teşkilatı Mahsus'a bir Türk Jakobenisi. İstanbul, 2004. S. 110.

группировок окровавленные золотые монеты, и упоминает о том, что 28 сентября 1915 года Джемаль-паша получил от Талаата-паши следующую короткую телеграмму о Черкез-Ахмеди: «Вероятно, подлежит ликвидации. В будущем может быть весьма опасен». Черкез-Ахмед был арестован, предстал перед военным трибуналом, осужден и повешен в Дамаске 30 сентября 1915 года вместе со своим подручным. Эрден добавляет:

Мы многим обязаны палачам и убийцам. Они желали встать выше тех, кто нуждался в них и пользовался их услугами. Орудия, требующиеся для грязной работы, необходимы в чрезвычайных ситуациях; впрочем, точно так же следует не прославлять их, а избавляться от них после того, как они выполнят свое дело и перестанут быть нужны (подобно туалетной бумаге)⁴³.

Тем не менее к участникам военизированных формирований, замешанным в геноциде, очень часто относятся как к неразборчивым убийцам, не имевшим иных причин для своих деяний, кроме врожденной (турецкой или мусульманской) жестокости и кровожадности. Однако мотивом к коллективной мести османским христианам для многих из них могло служить пережитое на Балканах. Соответственно, не исключено, что корни армянского геноцида частично восходят к утрате власти и территорий, военному поражению и «бесчестию» на Балканах, при наличии такого связующего вектора, как военизированное насилие. Аффективный контекст играл важную роль в той мере, в какой мобилизация рядовых убийц опиралась на манипулирование такими эмоциями, как страх, ненависть и возмущение⁴⁴. Геноцид вырос на почве, подготовленной фатальным сочетанием экзистенциального страха и животной ненависти, и воплотился в жизнь на далеком Восточном фронте в виде серии решений, принятых после вторжения в Россию и в Персию в декабре 1914 года. Могущественные партийные, государственные и армейские кадры пришли к людоедскому консенсусу в ходе напряженных административных интриг, стратегических диспутов и фракционной борьбы, сопровождавших самые мрачные часы существования империи.

⁴³ *Erden A.F. Birinci Dünya Harbi'nde Suriye Hatıraları. İstanbul, 2003. S. 267—269.*

⁴⁴ Исследование этого феномена см.: *Petersen R.D. Understanding Ethnic Violence: Fear, Hatred, and Resentment in Twentieth-Century Eastern Europe. Cambridge, 2002. P. 17—84.*

Османские армяне были не единственной жертвой младотурецкого насилия. Греки, проживавшие по берегам Эгейского и Черного морей, сталкивались с нараставшим экономическим бойкотом, массовыми изгнаниями и убийствами лидеров общин. Еще в первой половине 1914 года более 100 тысяч османских греков было выдворено в Грецию в попытке обезопасить побережье, сделав его население этнически однородным⁴⁵. В течение войны османских греков терроризировали, выселяли из жилищ и депортировали, хотя до полномасштабного геноцида дело не дошло — в частности из-за того, что младотурецкая элита хотела использовать греческое меньшинство как разменную карту на возможных будущих переговорах. Однако в результате греческой оккупации Смирны 15 мая 1919 года и последующего массового насилия против турецкого гражданского населения антигреческая политика младотурок резко радикализовалась. Теперь младотурки понимали, что наличие местного греческого населения в качестве большинства или заметного меньшинства дает греческому правительству реальную возможность оккупировать османские территории. Младотурецкая элита обратила свое внимание на два особенно уязвимых региона: Восточное Причерноморье (Понт) и район Смирны. И тот и другой являлись местом проживания греческой общины, относительно слабо пострадавшей в годы войны. Мирная жизнь греков закончилась летом 1921 года, когда отряды Специальной организации под командованием печально знаменитого Топаль-Османа (1883—1923) стали сжигать греческие села на побережье Понта, убивая и изгоняя их обитателей⁴⁶. Вскоре настал и черед Смирны. После того как 9 сентября 1922 года победоносная армия Мустафы Кемаля вступила в Смирну, те же самые военизированные части, которые уничтожали армян, получили *carte blanche* на очистку города от османских греков. «Эскадроны смерти» младотурок подожгли христианские кварталы и буквально утопили смирненских греков в море⁴⁷. К концу этого десятилетия социальной катастрофы община османских греков представляла собой лишь жалкие остатки того, какой она была до войны. Выжившие были изгнаны из родных мест и обменены на мусульман из Греции.

⁴⁵ Mourellos Y.G. The 1914 Persecutions and the First Attempt at an Exchange of Minorities Between Greece and Turkey // *Balkan Studies*. 1985. Vol. 26. P. 388—413.

⁴⁶ Llewellyn-Smith M. *Ionian Vision: Greece in Asia Minor, 1919—1922*. N.Y., 1973. P. 211.

⁴⁷ Georgelin H. *La fin de Smyrne: Du cosmopolitisme aux nationalismes*. Paris, 2005. P. 201—226.

ВОЕНИЗИРОВАННОЕ НАСИЛИЕ НА КАВКАЗЕ

Вторым эпизодом массового насилия, происходившего в контексте Первой мировой войны, явилась деятельность военизированных формирований на Южном Кавказе после 1917 года. В традиционных исследованиях насилия этого периода оно увязывается с глубоко укоренившейся ненавистью между азербайджанцами и армянами, с жестокостью казаков или с крахом правопорядка в результате коллапса Российского государства. Однако в этой картине не хватает транснационального компонента, пришедшего из Османской империи. В конце концов многие уцелевшие армяне стали беженцами, жаждавшими мести, в этом отношении не слишком отличаясь от балканских турок. После революции, покончившей с императорской властью в России, и произошедшего год спустя поражения Османской империи в Первой мировой войне Южный Кавказ превратился в типичную зону дробления, где власть двух династических империй сменилась нарождавшимися националистическими силами, стремившимися одержать верх над соперниками. Одним из важных аспектов этого процесса являлась армяно-азербайджанская война, в ходе которой армянские политические партии вступили в союз с большевиками, а азербайджанские противостояли им, играя роль «белых». Итогом стало несколько эпизодов взаимной армяно-азербайджанской резни. Самыми знаменитыми из них были резня азербайджанцев в Баку в «черную пятницу» 31 марта 1918 года и резня армян в Шуше, столице Нагорного Карабаха, 22—26 марта 1920 года. Говоря более конкретно, этот период был отмечен крахом военной дисциплины и вертикали командования, распадом политического консенсуса в отношении законности власти и насилия, а также прекращением поставок продовольствия. В этих условиях такие армянские националистические партии, как «Дашнакцутюн», тоже объявили, что будут мстить за события, которые армяне называли «великим преступлением» (*Medz Yeghern*) — то есть геноцидом 1915—1916 годов⁴⁸. Мечь армян осуществлялась в три этапа: в 1916—1918 годах — на оккупированной османской территории, в 1917—1922 годах — на Южном Кавказе и с начала 1920-х годов — по всему миру, против бывших вождей младотурок.

⁴⁸ Croissant M.P. The Armenia-Azerbaijan Conflict: Causes and Implications. London, 1998. P. 14.

Первая фаза армянского мщения пришлась на период оккупации Восточной Анатолии русскими войсками. Вступив на чужую землю, многие русские офицеры и командующие прониклись сильными предубеждениями в отношении местного мусульманского населения. Армянские части, возглавлявшиеся русскими командирами, к тому моменту, вероятно, уже имели сильные предубеждения в отношении турок и курдов⁴⁹. Рассказы армянских беженцев о массовых убийствах вызывали в воображении русских военных эссенциалистские образы варварства, якобы от природы присущего курдам и туркам. На местное мусульманское население обрушились жестокие репрессии. Русская армия проводила «карательные экспедиции» против враждебных элементов в оккупированной зоне. С особым пылом подобные задания исполняли армянские военизированные части и казачьи отряды. Несмотря на то что официальная российская политика требовала сдерживания межэтнических трений, некоторые русские офицеры только усугубляли их, проводя в мусульманских поселениях политику выжженной земли. Например, генерал Ляхов

...обвинял туземных мусульман в предательстве и послал своих казаков из Батума с приказом убивать всех туземцев на месте, сжигать все села и все мечети. И они очень старательно выполнили эту задачу: на пути в Артвин по долине Чороха мы не видели ни одного обитаемого жилища, ни одного живого существа⁵⁰.

Офицер донских казаков Ф.И. Елисеев (1892—1987) так писал в своих мемуарах об обращении с османскими курдами:

Мы заняли их земли, разрушили их жилища «на топливо», забрали все их зерно на корм многочисленной коннице, резали овец и коров себе на пропитание, почти ничего не платя за это. Любой строевой начальник самого младшего ранга, остановившись в курдском селе или прибыв за фуражом, мог позволить «все» над населением. Любой рядовой воин, войдя в мрачную каменную пещеру курда, считал себя вправе делать все, что он захотел бы: отбирать у него последний лаваш... мог выгнать главу семьи из его норы и тут же приставать к его жене, сестре, дочерям... И мы психологическое состояние курдов поняли остро лишь тогда, когда Красная Армия и советская власть пришли

⁴⁹ Обзор их военных операций см.: *Korganoff G. La participation des Arméniens à la guerre mondiale sur le front du Caucase: 1914—1918. Paris, 1927.*

⁵⁰ *Price M.Ph. War and Revolution in Asiatic Russia. London, 1918. P. 223 ff.*

с севера в наши казачьи края и поступили с казаками так, как мы поступали с курдами...⁵¹

Эти операции унесли жизнь примерно 45 тысяч жителей долины реки Чорох на Юго-Западном Кавказе⁵².

Немногим лучше вели себя армянские военизированные добровольческие отряды. По словам Елисеева, во время войны служившего в казачьем полку на Кавказе, турецкие и курдские части не брали пленников-армян, и в ответ армянские военизированные подразделения не брали курдских и турецких пленных. Это была этническая война на уничтожение⁵³. Молодой Виктор Шкловский (1893—1984) писал, что армянские части шли в бой, «уже ненависть курдов», и что такое отношение лишало «мирных курдов, и даже детей, покровительства законов войны»⁵⁴. Турецкие и курдские деревни подвергались разграблению, опустошению и сожжению. «[Во время войны] я видел Галицию, видел Польшу, — добавляет Шкловский, — но все это было раем в сравнении с Курдистаном». Он рассказывает о резне в курдской деревне, чьи жители убили трех солдат, явившихся за добычей. Карательный отряд в отместку безжалостно уничтожил 200 курдов «без различия пола и возраста»⁵⁵. Британский военный корреспондент Морган Филип Прайс (1885—1973), верхом следовавший за русской армией и армянскими добровольческими частями, так описывал свои впечатления:

Однажды я выехал из лагеря и наткнулся на маленькую курдскую деревню. Большинство ее жителей ушло с турками, но, проезжая по улице, я увидел трупы курдов — мужчин и двух женщин — со свежими ранами на головах и теле. Тут передо мной возникли двое армян-добровольцев из нашего лагеря, тащивших из дома добычу. Я остановил их и спросил, кто эти мертвые курды. «А, — сказали они, — это мы их только что убили». — «Зачем?» — спросил я. На их лицах проступило изумление. «Что за вопрос? Мы убиваем всех курдов на месте. Они наши враги, и мы их убиваем, потому что, если оставить их здесь, они нам навредят»⁵⁶.

⁵¹ Елисеев Ф.И. Казаки на Кавказском фронте, 1914—1917: Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах. М., 2001. С. 143—144.

⁵² Lang D.M. A Modern History of Soviet Georgia. Westport (Conn.), 1962. P. 185.

⁵³ Елисеев Ф.И. Казаки на Кавказском фронте. С. 85.

⁵⁴ Shklovskii V. Sentimental Journey: Memoirs, 1917—1922. Ithaca (N.Y.), 1970. P. 86—87, 99.

⁵⁵ Ibid. P. 100—101.

⁵⁶ Price M.Ph. War and Revolution in Asiatic Russia. P. 140—141.

Таким образом, на практике различие между комбатантами и не-комбатантами совершенно исчезло.

Одним из вождей армянских военизированных формирований был Мурад Хакобян (1874—1918), уроженец центральной османской провинции Сивас. При старом режиме Хакобян участвовал в демонстрациях против плохого обращения с армянами, но поскольку мирные протесты оказались тщетными, он создал свой отряд и перешел к партизанским действиям. Во время Первой мировой войны он чудом избежал неминуемой смерти и ушел со своими «фидаями» на территорию, занятую русскими. Добравшись до Тбилиси, он привел в порядок свои силы и присоединился к русской армии, наступавшей на Эрзинджан и Сивас. По мере приближения к родным местам его отряды встречали все больше и больше разрушенных армянских сел и под Эрзинджаном уже без всякого стеснения убивали мирных жителей. С декабря 1917 по март 1918 года люди Хакобяна вымещали свою ярость на турках и курдах, проживавших между Сивасом и Эрзерумом⁵⁷. Эта резня почти не освещается в армянских источниках. Один из ее участников — юноша, осиротевший во время геноцида, но выживший, перебравшийся в зону русской оккупации и там в конце декабря 1917 года присоединившийся к частям Хакобяна, — признает в своих мемуарах, что убил много турок, желая отомстить им⁵⁸. Оксен Тегхцунян, армянский беженец, уцелевший в Ереване во время Гражданской войны в России, вспоминал:

Однажды один из моих сотрудников заявил, что бросает работу, чтобы вступить в армию — в любой отряд, сражающийся с турками. Это был очень симпатичный парень примерно моего возраста, но все его помыслы поглощала кипучая ненависть к туркам. Во время бегства из Вана он потерял родителей и всю свою семью и пылал жадной мщеницей. «Я должен убить по два турка за каждого погибшего родственника, — говорил он. — Лишь тогда я успокоюсь и смогу работать»⁵⁹.

Этот человек вступил в одну из военизированных частей, и автор больше ничего о нем не слышал.

Начало второй фазе армянского военизированного насилия положил Брестский мир (заключенный 3 марта 1918 года). Талаат-паша требовал для Османской империи провинции Ардаган, Батум и Карс

⁵⁷ *Varandian M. Murad of Sepastia. Arlington (Mass.), 2006.*

⁵⁸ *Esmerian M. Aksori ew baderazmi gragnerun mechen. Boston, 1952.*

⁵⁹ *Teghtsoonian O. From Van to Toronto: A Life in Two Worlds. N.Y., 2003. P. 92.*

и добился таких уступок. К тому моменту крайне нестабильная ситуация сложилась в Баку: разгоралось противостояние между партией азербайджанских националистов «Мусават» и «Дашнакцутюном», и большевистские силы в этом городе оказались между молотом и наковальней. После развала Кавказского фронта у Бакинского совета не осталось сил, на которые он мог бы полагаться. Глава Бакинской коммуны Степан Шаумян (1878—1918) отчаянно требовал от Ленина военного подкрепления и гуманитарной помощи, но его призывы остались без ответа⁶⁰. В итоге Бакинский совет был вынужден вступить в союз с «Дашнакцутюном», чтобы опереться на него в борьбе против наступавшей осmano-азербайджанской армии и «пятой колонны» — азербайджанских националистов в самом Баку. Очевидно, такой шаг еще сильнее оттолкнул азербайджанскую общину Баку от большевиков⁶¹. Встревоженные в том числе и возмужавшей военной мощью армян, азербайджанцы поддались на провокацию большевиков и стали стрелять по их бойцам. В ходе последующих столкновений армянским военизированным формированиям была молчаливо предоставлена полная свобода действий при подавлении «восстания». В результате армянскими военизированными частями в самом Баку и его окрестностях было убито до 12 тысяч азербайджанцев⁶².

За Брестским миром последовала еще одна победа младотурок: Энвер-паша угрозами принудил Демократическую республику Армению к подписанию Батумского договора (4 июня 1918 года), который вынуждал армян к большим территориальным уступкам и ставил их в очень жесткие инфраструктурные условия. Эти два договора повлекли за собой принципиальные изменения в соотношении сил на Южном Кавказе в 1918 году. Крах российской власти в этом регионе создавал политический вакуум, который были готовы заполнить младотурки. Брестский мир и выход большевиков из «империалистической войны» стали для них большим подарком: теперь они могли вернуть себе восточные провинции Османской империи и занять Южный Кавказ⁶³. После заключения Брестского мира избранная группа грузинских, азербайджанских и армянских политических представителей

⁶⁰ Телеграмма С. Шаумяна В. Ленину, 17 августа 1918 года (Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 411—412).

⁶¹ *Kazemzadeh F. The Struggle for Transcaucasia (1917—1921). N.Y., 1951. P. 75.*

⁶² *Smith M. Anatomy of Rumor: Murder Scandal, the Musavat Party and Narrative of the Russian Revolution in Baku, 1917—1920 // Journal of Contemporary History. 2001. Vol. 36. P. 211—240.*

⁶³ *Allen W.E.D., Muratov P.P. Caucasian Battlefields: A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border, 1828—1921. Cambridge, 1953. P. 421—429.*

провозгласила создание независимой Закавказской демократической федеративной республики⁶⁴. Мотивируясь стремлением добраться до нефтяных месторождений Азербайджана и в меньшей степени — пантюркистской идеологией, младотурки вторглись в это молодое государство и начали наступление на Баку. 13 сентября 1918 года объединенная осmano-азербайджанская армия Нури-паши (1881—1949), брата Энвера-паши, уже стояла на окраинах Баку и была готова к штурму города. Вступив в Баку, военизированные отряды начали охотиться на армян и убивать их без разбора, стремясь отомстить за резню 31 марта⁶⁵.

К лету 1918 года на Южном Кавказе существовало уже несколько очагов этнической войны между азербайджанцами и армянами. Со стороны армян военизированное насилие в этот период осуществляли добровольческие части, во главе которых стояли два известных командира — Андраник Озаян (1865—1927) и Драстамат Канаян (1884—1956). Оба участвовали в сражениях с османской армией, защищали армянские интересы, а также были замешаны в насилии против турок, курдов и азербайджанцев. Вероятно, из них двоих наиболее заметной фигурой являлся Озаян, родившийся в османском городе Шабин-Карахисар. В юном возрасте он примкнул к армянскому революционному движению, преследовавшему политику оборонительного и наступательного политического насилия, направленного против османских должностных лиц, курдских племенных вождей и армян, не признававших революционную идеологию. Во время Первой мировой войны Озаян создавал добровольческие отряды и сражался в их рядах против османской армии, тем самым внося вклад в русские победы⁶⁶. В 1918 году он не признал навязанный турками Батумский договор и вместе с военизированным отрядом численностью 3—5 тысяч человек, за которым следовали тысячи беженцев из числа османских армян, отошел в Зангезур⁶⁷. Там, на территории самопровозглашенной «Республики Горная Армения», включавшей мультитнические Нахичеванский, Зангезурский и Карабахский округа, военизированные отряды Озаяна уничтожали и изгоняли азербайджанское население. Разумеется, этого не одобряло даже армянское правительство в Ере-

⁶⁴ Текст декларации см.: Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тбилиси, 1919. С. 27—28.

⁶⁵ Reynolds M. The Ottoman-Russian Struggle for Eastern Anatolia and the Caucasus, 1908—1918: Identity, Ideology and the Geopolitics of World Order: PhD thesis / Princeton Univ., 2003. P. 436—513.

⁶⁶ Chalabian A. General Andranik and the Armenian Revolutionary Movement. Southfield (Mi.), 1988.

⁶⁷ Hovannisian R.G. The Republic of Armenia: The First Year, 1918—1919. Berkeley (Cal.), 1971. P. 86—87.

ване, тщетно пытавшееся образумить Озаян. В конце концов армянские власти объявили его персоной нон-грата и отдали приказ разоружить его, если он покажется в пределах республики⁶⁸. 23—26 марта 1920 года, после неудачного армянского набега на Шушу — столицу Карабаха, жившие в Шуше азербайджанцы в порядке «превентивной мести» убили тысячи армян⁶⁹.

Озаян, презиравший армянское правительство, отправился в США надеясь убедить президента Вильсона вступить за армян. Однако явившись в ноябре 1919 года в Белый дом, Озаян был встречен личным секретарем президента Джозефом Патриком Темелти (1879—1954), который заявил, что президент не сможет лично принять посетителя по причине нездоровья. Обиженный и разочарованный, Озаян подверг резкой критике политику Вильсона и США в отношении Армении и удалился в изгнание в город Фресно (Калифорния)⁷⁰. Но другие армянские политические лидеры отказывались смириться с несправедливостями, которым подвергались армяне. Партия «Дашнакцутюн» на своем съезде в 1919 году решила взять правосудие в свои руки и организовала серию покушений на лидеров младотурок, эмигрировавших после оккупации Стамбула победившими британскими и французскими войсками. Эта подпольная операция носила название «Немезида». Талаата-пашу убил в Берлине 15 марта 1921 года Согомон Тейлирян. Потеряв во время геноцида семью, он сумел разжалобить присяжных и был оправдан судом. Бахеддина Шакира и Джемалю Азми (губернатора Трабзона) застрелил в Берлине 17 апреля 1922 года Арам Ергаян. Джемаль-паша был убит в Тбилиси 21 июля 1922 года Степаном Джагигяном — убийство произошло в квартале от дома Лаврентия Берии, который стал свидетелем последствий покушения и, по некоторым сообщениям, сам был в нем замешан. 5 декабря 1921 года Аршавир Ширагян убил Саида-Халима-пашу, великого визиря в 1913—1916 годах, непричастного к геноциду. Агенты дашнаков убили и многих армян, которых обвиняли в сотрудничестве с младотурками и в антиармянской пропаганде во время геноцида⁷¹. Круг мести замкнулся.

⁶⁸ *Hovannisian R.G. Armenia on the Road to Independence. Berkeley (Cal.), 1969. P. 194—195, 214.*

⁶⁹ *Hovannisian R.G. The Republic of Armenia. Berkeley (Cal.), 1996. Vol. 3: From London to Sèvres, February—August 1920. P. 152.*

⁷⁰ *Chalabian A. Dro (Drastamat Kanayan): Armenia's First Defense Minister of the Modern Era. Los Angeles (Cal.), 2009. P. 152—156.*

⁷¹ *Derogy J. Resistance and Revenge: the Armenian Assassination of the Turkish Leaders Responsible for the 1915 Massacres and Deportations. New Brunswick (N.J.), 1990; Alexander E. A Crime of Vengeance: An Armenian Struggle for Justice. N.Y., 1991;*

Армянские войска Дро Канаяна, Андраника Озаяна и Мурада Хакобяна, не входившие в состав регулярных армий и не подчинявшиеся военному командованию, нередко присваивали себе монополию на насилие в отдельных районах. Важно отметить, что среди участников военизированных формирований многие были обездоленными беженцами из Османской империи. Возможно, люди, уничтожавшие села и убивавшие мирных жителей, во многом вдохновлялись жаждой мести. Немаловажно и то, что кавказские азербайджанцы ни в коем случае не были ответственными за геноцид армян — точно так же, как османские армяне не несли ответственности за преследования балканских мусульман и их изгнание в 1913 году.

МЕХАНИЗМЫ ВОЕНИЗИРОВАННОГО НАСИЛИЯ

В 1995 году специалист по армянскому геноциду Ваагн Дадриан издал важную работу *История армянского геноцида*, в которой уничтожение османских армян во время Первой мировой войны рассматривалось с исторической и юридической точек зрения. Выразительный подзаголовок этой книги, *Этнический конфликт: Балканы — Анатолия — Кавказ*, подразумевает наличие преемственности и взаимосвязи между тремя крупномасштабными эпизодами массового насилия: Балканскими войнами 1912—1913 годов, армянским геноцидом 1915—1916 годов и этнической гражданской войной на Южном Кавказе в 1917—1922 годах. Работа Дадриана многообещающая и обоснованная, но все же не вполне удовлетворительна с точки зрения объяснения насилия. Автор утверждает, что причинами войн и конфликтов этого периода являлись мнимая исконная ненависть между четко определенными этническими группами, которые коллективно действовали, исходя из идентичных мотивов и взаимных чувств, а также врожденное убеждение в своем превосходстве и смутная концепция, называемая автором «культурой резни»⁷². Эта концепция не получает у автора дальнейшего развития и преподносится довольно статичным и эссенциалистским образом.

Hosfeld R. Operation Nemesis: Die Türkei, Deutschland und der Völkermord an den Armeniern. Köln, 2005.

⁷² *Dadrian V.N.* The History of the Armenian Genocide: Ethnic Conflict from the Balkans to Anatolia into the Caucasus. Providence (R.I.), 1995. P. 121, 157. В другой работе Дадриан использует термин «субкультура первобытного варварства», тоже никак его не обговаривая и не определяя: *Idem.* Children as Victims of Genocide: the Armenian Case // *Journal of Genocide Research.* 2003. Vol. 5. P. 421—439.

В данной главе я попытался вновь поднять проблему, обозначенную подзаголовком книги Дадряна, и заявить ее в качестве направления для новых исследований. Три этих конфликта, несомненно, были связаны друг с другом. Природа этой связи носит направленный и отчасти причинно-следственный характер. Насилие иррегулярной гражданской войны на Балканах и Балканских войн 1912—1913 годов переместилось во время Первой мировой войны в Анатолию, а оттуда распространилось на Кавказ. Более того, одни политические элиты учились у других. Успех балканского национализма стал образцом для османских меньшинств, чьи националистически настроенные политики заключили, во-первых, что «сила — это право» и что насилие позволяет осуществлять захват территорий в качестве *fait accompli* и, во-вторых, что европейские державы не станут вмешиваться в случае изгнания меньшинств или еще более жестокого обращения с ними⁷³. Цепную реакцию этого транснационального процесса не были в силах остановить ни соседние государства, ни великие державы. Тот факт, что геноцид анатолийских армян проводился на глазах у германских дипломатов и военных или что бакинских азербайджанцев убивали в присутствии британской армии, свидетельствует об относительной независимости политического насилия. Более точно определить природу связи между этими тремя эпизодами массового насилия позволят дальнейшие исследования.

Бесспорной была та роль, которую играли конкурировавшие национальные претензии и проблемы этнической безопасности в обстановке распада имперской системы. Крах государственной монополии на применение силы привел к тому, что целый ряд этнических групп — армяне, курды, турки, греки и другие — лишились важнейшего блага, традиционно предоставляемого государством: безопасности. Распространение анархии привело к тому, что забота о безопасности стала первоочередной задачей политических элит этих групп. Им следовало решить, представляют ли для них угрозу соседние группы, — при том что в свете двух предыдущих войн ответ на этот вопрос было дать несложно. В частности, боязнь оказаться в меньшинстве и быть уничтоженными подпитывалась надуманными представлениями о мнимой групповой сплоченности «противников». Элиты полагали, что наступление — более эффективный способ ликвидировать собственную уязвимость, чем оборона, и потому прибегали к превентивным вой-

⁷³ Морализаторский подход к этому процессу с точки зрения современного турецкого национализма см.: *Sonyel S.R. Minorities and the Destruction of the Ottoman Empire. Ankara, 1993.*

нам — таким как младотурецкое наступление в Восточной Анатолии и вторжение на Кавказ или занятие армянами Зангезура и Нагорного Карабаха.

Таким образом, военизированное насилие представляло собой общую тему этих кровавых эпизодов и в то же время служило связующим звеном между ними. Сравнительные исследования участия военизированных формирований в таких массовых преступлениях, как геноцид и этнические чистки, демонстрируют, что власти охотно прибегали к услугам военизированных группировок, так как это позволяло им уйти от ответственности за насилие, совершавшееся такими группировками над вражеским населением. Режим всегда мог отмежеваться от военизированных организаций, утверждая, что те действовали самовольно⁷⁴. Но если поступки младотурецкого правительства в 1913—1918 годах, несомненно, вписываются в эту модель, то в меньшей степени она применима к периоду 1919—1923 годов, когда в Османской империи существовали две власти: либеральное стамбульское правительство, пытавшееся исправить зло, причиненное действиями ЕП, и младотурки с их закаленными военизированными формированиями, которые отступили в Анкару, не признали Севрского договора и в 1919—1922 годах вели Войну за независимость (грекотурецкую и армяно-турецкую войну). В случае молодой Армянской республики наблюдается такая же динамика: мы видим раскол политического пейзажа, аналогичный процессам, происходившим тогда же во многих европейских странах. В то время как государство стремилось к миру (хотя бы и «унизительному»), заключая договоры с соседями, независимые лидеры военизированных организаций продолжали осуществление своей националистической миссии. Эти группировки совершали серьезные преступления против человечности в попытках создания этнически однородных регионов — «протонациональных государств» — путем очистки как можно большей территории от населявших ее меньшинств. Убийства и депортации азербайджанцев на Южном Кавказе являются типичным примером этой логики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первая мировая война, несомненно, колоссальным образом отразилась на судьбах младотурок. Она поляризовала турецкое общество,

⁷⁴ Alvarez A. *Militias and Genocide // War Crimes, Genocide, & Crimes against Humanity*. 2006. Vol. 2. P. 1—33.

оставив многочисленные шрамы и обиды, в то время как военные успехи противников порождали у младотурок постоянный страх окружения и уязвимости, содержащий элементы паранойи и ксенофобии. Более того, крах экономики, вызванный войной, а также преследования христиан младотурками завели в тупик промышленность и сельское хозяйство, что сказалось не только в экономической, но также и в социальной и политической сферах. Младотурки приобрели опыт управления страной главным образом в контексте мировой войны. Это имело несколько последствий для дальнейшего развития партии: по мере того как война и политика все теснее переплетались друг с другом, а язык власти насыщался военным жаргоном, партия постепенно превращалась в боевое братство. Более того, опыт войны привел к военизации политической культуры младотурецкого движения и оставил наследие, включавшее готовность к насилию, самовластному правлению, упрощенному судопроизводству и централизованной администрации.

Война продемонстрировала также, что военизированные группировки полезно держать «на скамейке запасных» и прибегать к их услугам в кризисные периоды. Локальное этническое сопротивление правлению младотурок, оказанное армянами в Ване (1915), греками в Понте (1920), черкесами и албанцами в Южной Мармаре (1920), курдами-суннитами в Диярбакыре (1925) и курдами-шиитами в Дерсиме (1937), подавлялось посредством военизированного насилия. Кроме того, решительный отказ Турции от признания парижских мирных соглашений в межвоенный период позволил ей завоевать уважение и восхищение со стороны других изгоев послевоенного строя — таких как Венгрия и, безусловно, Германия⁷⁵.

В долгосрочном плане военизированное насилие в кризисные эпохи стало в Турции традицией, проверенной временем. Курдское националистическое движение, подавлявшееся с 1920-х годов, возродилось в 1950-х и вышло на важный этап после основания Курдской рабочей партии. 15 августа 1984 года она объявила войну Турецкому государству, после чего местные стычки переросли в полномасштабную партизанскую войну, которая продолжалась 13 лет и унесла жизни более 40 тысяч человек⁷⁶. Глубокое разочарование в результатах военных действий, охватившее турецкую военную элиту, привело

⁷⁵ Sencer E. *Virtuous Praetorians: Military Culture and the Defense Press in Germany and Turkey, 1929—1939*: PhD diss. / Ohio State Univ., 2008.

⁷⁶ Özcan A.K. *Turkey's Kurds: a theoretical analysis of the PKK and Abdullah Öcalan*. London, 2006.

к формированию экстралегальных военизированных частей, проводивших в 1994 и 1995 годах антиповстанческие операции и тактику выжженной земли. Этот поощрявшийся государством террор привел к опустошению более 3 тысяч сел и к появлению миллионов внутренних беженцев⁷⁷. Такое поразительное сходство с конфликтами, происходившими до, во время и после Первой мировой войны, поднимает вопрос о преемственности политической культуры, а также о геополитической ситуации, сложившейся после Первой мировой войны. Средоточием главных политических вызовов, с которыми сталкивалось Турецкое государство, продолжало оставаться восточное приграничье, место проживания двух важнейших этнических групп, не получивших своего места в национальном государстве, — армян и курдов, стремящихся привлечь внимание мирового сообщества к своей истории. Наследие эпохи младотурок по-прежнему омрачает отношения между этими группами.

⁷⁷ Çelik S. Verbrecher Staat: der «Susurluk-Zwischenfall» und die Verflechtung von Staat, Unterwelt und Konterguerilla in der Türkei. Frankfurt a.M., 1998; *Idem*. Die Todesmaschinerie: türkische Konterguerilla. Köln, 1999.

ИЗ СОЛДАТ — В ШТАТСКИЕ,
ИЗ ШТАТСКИХ — В СОЛДАТЫ:
ПОЛЬША И ИРЛАНДИЯ
ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

ВВЕДЕНИЕ

Вудро Вильсон прославился своим заявлением о том, что с окончанием Первой мировой войны начинается эпоха национального самоопределения². Впрочем, политическая реальность оказалась более сложной. Как Ирландия, так и Польша после Первой мировой войны получили независимость. Хотя процесс ее обретения в этих двух странах шел разными путями, толчком к нему послужили сходные обстоятельства: независимость стала возможной благодаря тому, что империи, подчинившие себе эти страны, в результате войны либо полностью развалились (Габсбургская и Российская империи), либо серьезно пострадали (Германия, Великобритания). Однако обещания Вильсона по-разному отразились на судьбе обеих стран. «14 пунктов» Вильсона предусматривали создание свободного Польского государства, тем самым сделав его неизбежной деталью послевоенного порядка. Польское государство постепенно возникало из хаоса, охватившего Россию, Германию и Австро-Венгрию, хотя укрепление центральной власти и установление государственной монополии на применение силы требовали времени. С другой стороны, ирландцам пришлось убедиться в тщетности своих надежд: если национальное самоопределение приветствовалось тогда, когда речь шла о территориях побежденных Центральных держав, то к регионам и народам, находившимся под властью держав-победительниц, подходили с иной меркой.

Ирландия и Польша превратились в две важнейшие арены «войны после войны»³. Перемирие 11 ноября не означало окончания военных

¹ Автор выражает благодарность Джулиане Адельман, Джону Хорну, Роберту Герварту и Джоэлю Гласману за ценные замечания к данной главе.

² *Manela E. The Wilsonian Moment: Self-Determination and the International Origins of Anticolonial Nationalism. N.Y., 2007.*

³ *Gatrell P. War after the War: Conflicts 1919—1923 // Horne J. (Ed.). A Companion to World War I. Oxford, 2010. P. 558—575.*

действий. Обретение Польшей независимости повлекло за собой новые сражения, связанные с обороной — и расширением — новых польских границ. В Ирландии движение за независимость, не получившее обещанного Вильсоном и преданное на Парижской мирной конференции, вдохнуло новые силы в Ирландскую республиканскую армию (ИРА), бросило вызов британским королевским войскам, начало освободительную войну и частично покончило с британской гегемонией в Ирландии, хотя условия независимости стали предметом дальнейшей борьбы⁴.

В обеих странах боевые действия в основном носили иррегулярный характер. Генезис военизированных формирований в Польше и Ирландии демонстрирует радикализацию движений за независимость, ускоренную политическим распадом прежних режимов. Разница между военными и гражданскими лицами размывалась в условиях партизанской войны и насилия, мотивировавшегося этническими, религиозными и идеологическими факторами. Этот процесс проходил в контексте агрессивного попрания прежних норм, а также социальной мобилизации, происходившей в обеих странах после мировой войны.

ИЗ СОЛДАТ — В ШТАТСКИЕ, ИЗ ШТАТСКИХ — В СОЛДАТЫ

На представления о том, как выглядел типичный участник военизированных формирований после Первой мировой войны, в значительной степени повлиял стереотипный образ германского фрайковорца — молодого, сильного человека. На интерпретации военизированных движений данного периода заметно отразились две историографические тенденции, отталкивающиеся от этого образа: во-первых, тезис о «брутализации» послевоенной политики вследствие войны и, во-вторых, идея об ультрамаскулинном характере военизированного насилия⁵. Обе эти концепции выдвигались применительно ко многим

⁴ *Hopkinson M. The Irish War of Independence. Dublin, 2004.* Сходство между событиями в Ирландии и Польше после окончания Первой мировой войны обсуждалось в недавней работе: *Wilson T. Frontiers of Violence: Conflict and Identity in Ulster and Upper Silesia, 1918—1922. Oxford, 2010.*

⁵ Концепция брутализации обсуждается в: *Mosse G. Fallen Soldiers. Reshaping the Memory of the World Wars. Oxford; N.Y., 1994* (обращаю внимание читателей на название французского перевода: *De la Grande Guerre au totalitarisme. La brutalisation des sociétés européennes*). О месте представлений Мосса в историографии см.: *Purseigle P. A Very French Debate: The 1914—1918 War Culture // Journal of War and Culture Studies. 2008. Vol. 1. P. 9—14.* Концепция ультрамаскулинности обсужда-

Рис. 14. «Бей большевика!». Польский плакат времен советско-польской войны. 1920 г.

театрам послевоенного насилия, сформировав общее представление о военизированных организациях. В данной главе утверждается, что история Ирландии и Польши дает как подтверждения этого правила, так и факты, заставляющие в нем усомниться. Военизированное насилие в этих двух странах не являлось исключительно порождением брутализации, вызванной военным опытом. Кроме того, оно находило выражение не только в мужском братстве и ультрамаскулинности: в число комбатантов входили подростки и даже женщины.

Насилие после окончания Первой мировой войны ознаменовало перемену в отношениях между гражданским обществом и военными формированиями, устранявшую традиционную дихотомию между комбатантами и гражданскими лицами. В данной главе утверждается, что комбатанты, осуществлявшие насилие, и гражданские лица, становившиеся его жертвами, были неразрывно связаны друг с другом. Последние могли пострадать или погибнуть во время очередного цикла насилия вследствие случайности или того, что их принимали за переодетых солдат. Помимо этого, гражданские лица — включая даже женщин, детей и стариков — вступали в ряды вооруженных формирований. В то же время комбатанты оказывались столь же уязвимыми, как и гражданские лица: они подвергались нападениям, находясь не при исполнении обязанностей, или страдали от угроз в адрес своих близких и от нападений на них. В ходе этого процесса размывались и другие социальные и культурные реалии — такие как пространство и возраст или же, например, различия между тылом и фронтом, военными и гражданскими, маскулинностью и фемининностью⁶.

Взаимоотношения между гражданской и военной жизнью в Ирландии и Польше после Первой мировой войны перестраивались по мере того, как из хаоса военного насилия вырастали новые национальные государства. Завершение этих конфликтов и восстановление целостности общества потребовало определенной амнезии — или как минимум искусственного молчания в отношении «необычного» боевого опыта, особенно приобретенного женщинами и детьми. Прошлое следовало примирить с настоящим, но при этом значительная часть насилия, отличавшего данный период, выпадала из памяти.

ется в: *Gerwarth R. The Central European Counterrevolution: Paramilitary Violence in Germany, Austria and Hungary after the Great War // Past and Present. 2008. Vol. 200. P. 223—257; Theweleit K. Male Fantasies. 2 vols. Minneapolis, 1985.*

⁶ *Ryan L. «In the Line of Fire»: Representations of Women and War (1919—1923) through the Writings of Republican Men // Ryan L., Ward M. (Ed.). Irish Women and Nationalism. Soldiers, New Women and Wicked Hags. Dublin, 2004. P. 45—61, здесь p. 60.*

Рис. 15. Польские повстанцы в Верхней Силезии. 1920 г.

ВОЙНА И ВЕТЕРАНЫ

«Афтершоки» глобального конфликта подчеркивались большим количеством ветеранов Первой мировой войны, входивших в число комбатантов и в Ирландии, и в Польше⁷. Ветераны были подготовлены к боевым действиям как физически, так и психологически. Для них не было новым ни обращение с оружием, ни преимущественно мужское окружение, ни аскетизм военной жизни, ни насилие, которому они подвергались и которое осуществляли.

Однако из-за разной степени участия обеих стран в войне 1914—1918 годов число ветеранов, вступивших в военизированные формирования, было в Польше намного выше, чем в Ирландии. Жители территорий, впоследствии вошедших в состав польского государства, сражались как призывники и как профессиональные военные в армиях бывших Германской, Российской и Австро-Венгерской империй⁸. На-

⁷ См. *Aftershocks*, специальный номер *Contemporary European History* (Vol. 19, 2010) под редакцией Джулии Эйченберг и Джона Пола Ньюмена.

⁸ Точное число польских солдат, участвовавших в войне 1914—1918 годов, неизвестно, но исследования называют цифру по меньшей мере 2 миллиона

много меньше было тех, кому довелось участвовать добровольцами в борьбе Польши за независимость, находясь в рядах Польских легионов, созданных Центральными державами, армии Галлера («Голубой армии», *Błękitna Armia*) во Франции или Польской военной организации (*Polska Organizacja Wojskowa*, POW). Армия Галлера, состоявшая из польских добровольцев-эмигрантов (главным образом проживавших в США) и военнопленных поляков из германской и австрийской армий, сражалась на Западном фронте в составе войск Антанты. Поскольку почти на всех театрах военных действий поляков можно было встретить по обе стороны фронта, сражения — особенно на Восточном фронте — нередко превращались в братоубийство.

Официальная реорганизация польских сил в польскую армию началась еще до провозглашения Польского государства (в конце октября 1918 года), когда всех бывших легионеров и офицеров вызвали в Варшаву присягнуть на верность польской армии⁹. Однако говорить о национальной польской армии в течение рассматриваемого периода затруднительно, и более точно было бы описывать польские вооруженные силы как военизированные формирования. В течение почти всего периода 1918—1920 годов отряды, бродившие по стране, фактически никак не подчинялись Юзефу Пилсудскому — новому главе государства и официально командующему польской армией.

Большинство частей, возвращавшихся с фронтов Мировой войны, сохраняли свою прежнюю структуру и командование, лишь изменяя название. Например, 3-й Подгальский стрелковый полк (*Strzelców Podhalańskich*, горно-пехотная часть) был создан в конце октября 1919 года на основе 2-го учебного гренадерско-кавалерийского полка (*Instrukcyjny Grenadierów Wołyżerów*) армии Галлера. 4-й Подгальский стрелковый полк был сформирован в мае 1919 года во Франции из

активных бойцов: *Watson A. Fighting for Another Fatherland: The Polish Minority in The German Army, 1914—1918 // English Historical Review. 2011. Vol. 126. P. 1137—1166; Wandycz P. Se remobiliser pour renaître: Les voies polonaises de la sortie de guerre // Audoin-Rouzeau S., Prochasson Ch. (Ed.). Sortir de la grande guerre. Le monde et l'après—1918. Paris, 2008. P. 307—328; Dudek L. Polish Military Formations in World War I // Király B.K., Dreisziger N.F. (Ed.). East-Central European Society in World War I. N.Y., 1985. P. 454—470, здесь p. 455. Около полумиллиона из числа этих солдат погибло, множество других было ранено: *Rezmer W. Polacy w korpusie oficerskim armii niemieckiej w 1 wojnie swiatowej (1914—1918) // Wojciechowski M. (Red.). Spoleczenstwo polskie na ziemiach pod panowaniem pruskim w okresie I Wojny Swiatowej, 1914—1918. Toruń, 1996. S. 140.**

⁹ *Ossolineum (Wrocław). 12925/III 1885—1939: Baczyński, Pamiętniki. S. 159 (17 октября 1918 г.).*

19-го Польского стрелкового полка (*Strzelców Polskich*) армии Галлера. В июне 1919 года он прибыл в Польшу и в сентябре был реорганизован в соответствии с новыми польскими стандартами как 143-й Кресовский пехотный стрелковый полк (*Piechoty Strzelców Kresowych*). С октября 1919 года он сражался против украинцев, а с марта 1920 года в качестве 4-го Подгальского стрелкового полка (*Strzelców Podhalańskich*) воевал на польско-советском фронте. Прочие формирования состояли из людей, ранее участвовавших в польском военизированном движении за независимость: так, 11-й Верхне-Силезский пехотный полк был набран в ноябре 1918 года из бывших военнопленных, бывших легионеров, польских солдат из бывшего 13-го австрийского стрелкового батальона и добровольцев. Более того, 9 сентября, через три месяца после разоружения корпуса генерала Довбор-Мусницкого, был создан Союз польских бойцов в Вильне (*Związek Wojskowych Polaków w Wilnie*), состоявший из пяти артиллерийских батальонов и батальона уланов — легкой кавалерии, вооруженной пиками¹⁰.

Однако представление о том, что польские комбатанты в течение данного периода были почти исключительно ветеранами Первой мировой войны, неверно. Ряды вооруженных отрядов пополнялись волонтерами — как молодежью, не попавшей на войну по причине возраста, так и демобилизованными солдатами. Также в состав польских частей вступали отдельные солдаты или целые группы солдат, дезертировавшие из бывших имперских армий. Лишь в марте 1920 года демобилизация немолодых солдат и иностранных добровольцев привела к реальной реорганизации польской армии. До тех же пор боевые действия, в которых участвовали польские части, лишь на первый взгляд казались традиционной войной. Некоторые отряды были замешаны в различных эксцессах и в бандитизме¹¹. Эта причастность к насилию против гражданских лиц демонстрировала их принадлежность к военизированным, а не к военным формированиям, так как

¹⁰ BN. Rps BN акс 10312: Andrzej Brochocki, *Wspomnienia wojenne z 13-go pułku ułanów Wileńskich. Okres walk od Samoobrony Wileńskiej w 1918 r. do zawarcia rozejmu z Litwinami w 1920 roku*, 4В. См. также: *Moś W.B. Wojsko Polskie i Organizacje paramilitarne*. Katowice, 1997. S. 20—26.

¹¹ «Группа солдат из Познани (19 человек) дезертировала из германской армии с целью вступить [в войска самообороны]» (BN. Rps BN акс 10312: Andrzej Brochocki, 4В, 5; *Moś W.B. Wojsko Polskie i Organizacje paramilitarne*. S. 20—21, 24—25). Более подробно о разновидностях насилия в отношении гражданских лиц см.: *Eichenberg J. The Dark Side of Independence. Religiously and Ethnically Motivated Violence in Poland and Ireland, 1918—1923 // Journal of Contemporary European History*. 2010. Vol. 19. P. 231—248.

свидетельствовала о неподконтрольности центральному военному командованию¹².

После окончания Первой мировой войны Ирландская республиканская армия (ИРА) бросила вызов британским королевским войскам и начала войну за независимость, со временем покончившую с гегемонией англичан в 26 графствах. Структура ИРА позволила ей стать ядром новой армии после создания независимого государства, и многие бойцы ИРА в 1922 году действительно вступили в Ирландскую национальную армию — вооруженные силы нового Свободного государства. Во время войны за независимость ИРА действовала в большей степени как армия будущего государства, нежели как военизированное формирование, считая, что представляет собой новую национальную армию, идущую на смену вооруженным силам прежнего государства. В то время как польские военизированные отряды, независимые и неподконтрольные центральному командованию, сражались за новое независимое государство, ирландские силы сражались против существующего государства. Первоначально ИРА противостояла британскому правлению, считая его колониальным. После того как был подписан договор о частичной независимости Ирландского свободного государства, не признававшая этого договора часть ИРА открыла боевые действия против сил Свободного государства в надежде завоевать независимость для всей Ирландии.

Во время войны за независимость ИРА не имела возможности вступать в открытое противоборство с британскими силами, и эта ситуация повторилась в ходе дальнейшей войны с армией Свободного государства. В обоих случаях использовались методы партизанской войны. Тактика войны за независимость и последующей гражданской войны стирала традиционные различия между солдатами и гражданскими лицами, между военной и штатской жизнью. В отличие от тех условий, в которых находилось большинство солдат во время Первой мировой, на партизанской войне не давали увольнительных. Кроме того, война велась не только против британской власти, но и против многих из тех, кто был с ней связан. Соответственно если Первая мировая война не затронула ирландскую территорию (за исключением восстания националистов в Дублине в апреле 1916 года), то война за

¹² Проект *Borderlands: Ethnicity, Identity, and Violence in the Shatter-Zone of Empires since 1848* (2003—2007) в *Watson Institute for International Studies at Brown University*, под руководством Омера Бартова; *Bloxham D. The Final Solution: A Genocide. Oxford, 2009. P. 81 ff.*

независимость и гражданская война принесли насилие (в том числе и против гражданских лиц) на ирландскую землю¹³.

Многие ирландцы, служившие в британской армии, после демобилизации шли или возвращались в ряды Королевской ирландской полиции, однако желающих вступить в ИРА среди них тоже находилось немало¹⁴. Йоост Аугустейн и Питер Харт утверждают, что бывшие военнослужащие играли в ИРА заметную роль, однако точная их численность до сих пор служит предметом дискуссий¹⁵. Наибольшую известность среди них, конечно, получил Том Барри, участвовавший в Месопотамской кампании, а затем постепенно взявший в свои руки командование 3-й летучей колонной Западного Корка¹⁶. Но, вероятно, самую колоритную фигуру представлял собой Морис Мид, который поступил добровольцем в британскую армию, не достигнув совершеннолетия. В начале войны, захваченный в плен во Франции, он был перемещен в лагерь военнопленных, где завербовался в Ирландскую бригаду, но в итоге был отправлен воевать за немцев на Ближнем Востоке. Мид открыто признавал, что сражается лишь за свою личную свободу. Тем не менее, в конце концов вернувшись в Ирландию, он вступил в ИРА, где его превозносили за боевой опыт и считали отличным стрелком¹⁷. Вообще, бывшие бойцы британской армии весьма котируются в ИРА. В некоторых регионах — например в Дерри — местные отряды ИРА и их командная верхушка в значительной степени состояли из бывших военнослужащих. Однако военная подготовка этих людей и их контакты с британской армией могли работать и против них, вызывая подозрения в предательстве и превращая их в мишень для нападений ИРА. Таким образом, мы не слишком преувеличим, если скажем, что

¹³ К вопросу о том, насколько сильно опыт, приобретенный британскими солдатами на Первой мировой войне, отразился на их поведении в Ирландии, см.: Gregory A. Peculiarities of the English? War, Violence and Politics 1900—1939 // *Journal of Modern European History*. 2003. Vol. 1. P. 44—59.

¹⁴ В отрядах ИРА насчитывалось много бывших солдат, которые очень ценились там за свой боевой опыт и знакомство с военной тактикой: *Augustejn J. From Public Defiance to Guerrilla Warfare: The Experience of Ordinary Volunteers in the Irish War of Independence*. Dublin, 1996. P. 97.

¹⁵ См. исследование о социальных корнях бойцов ИРА: *Morrison E. Identity, Allegiance, War and Remembrance: The Bureau of Military History and the Irish Revolution, 1913—1923: PhD diss.* / Trinity College. Dublin, 2011.

¹⁶ См.: *Barry T. Guerrilla Days in Ireland*. Dublin, 1993; *Ryan M. Tom Barry. IRA Freedom Fighter*. Cork, 2003.

¹⁷ *Bureau of Military History. Witness Statement 891: Maurice Meade: Private in the Casement Brigade, Germany; Section Commander, East Limerick Flying Column.*

бывшие бойцы британской армии либо могли вступить в ИРА, либо становились ее потенциальными жертвами¹⁸.

ДОБРОВОЛЬЦЫ И МИФ О ГЕРОЯХ-МУЖЧИНАХ

Помимо этих опытных бойцов, военизированные формирования в обеих странах включали много добровольцев из числа гражданских лиц. Согласно традиционным представлениям, добровольное участие в обоих конфликтах принимали главным образом героические молодые люди, сражавшиеся за национальную независимость. Подобный образ мы встречаем не только в автобиографиях самих этих молодых людей, но и в воспоминаниях женщин, которым должно было бы быть виднее, поскольку они наблюдали все это как непосредственные участницы. Как указывают в случае Ирландии Луиза Уорд и Ив Моррисон, степень женского участия в борьбе за независимость последовательно преуменьшалась вплоть до полного стирания из памяти¹⁹. То же самое можно сказать и о событиях в Польше, в которых тоже участвовало много женщин. В число «неожиданных» участников борьбы за независимость входили также дети и подростки, старики и даже инвалиды войны. Подобные примеры мы видим главным образом в Польше, но они встречались и в Ирландии. Разумеется, это не отменяет того факта, что в военизированных формированиях преобладали молодые мужчины, однако требуется более полная картина и вместе с тем встает очевидный вопрос: когда и почему из нее исчезли «другие» комбатанты?

Многие участники военизированных формирований, особенно те из них, кто был причастен к насилию в отношении гражданского населения, принадлежали к поколению «детей войны». Иными словами, они были слишком молоды для того, чтобы принимать участие в войне 1914—1918 годов, однако их возраст позволял им восхищаться историями о героических подвигах и мечтать о личном вкладе в «борьбу за независимость»²⁰. Далеко не все ветераны, участвовавшие в сражениях

¹⁸ Leonard J. *Getting Them At Last: The IRA and Ex-servicemen* // Fitzpatrick D. (Ed.). *Revolution? Ireland, 1917—1923*. Dublin, 1990; Augusteijn J. *From Public Defiance to Guerrilla Warfare*. P. 242, 251, 316.

¹⁹ Morrison E. *The Bureau of Military History and Female Republican Activism 1913—1923* // Variulis M. (Ed.). *Gender and Power in Irish History*. Dublin, 2009. P. 59—83; Ryan L., Ward M. (Ed.). *Irish Women and Nationalism*.

²⁰ Это было обычным явлением в военизированных формированиях после Первой мировой войны. См.: Gerwarth R. *The Central European Counterrevolution*. P. 181.

или совершавшие акты насилия, были ожесточены войной. Среди них встречались искатели приключений и просто безработные²¹. Как указывает Йоост Аугустейн, некоторые могли вступать в военизированные формирования только для того, чтобы произвести впечатление на женщин²². Кроме того, война и усиление надежд на достижение национальной независимости вели к сокращению эмиграции из обеих стран²³. Молодые люди оставались дома вместо того, чтобы уезжать за границу, и становились потенциальными участниками боевых отрядов.

В польской памяти о войне за независимость культивируется миф о том, что польские молодые люди все как один поднялись на борьбу²⁴. Однако в реальности набрать добровольцев было далеко не так просто, как хотелось бы их вождям. Несмотря на официальные заявления о непрерывном притоке добровольцев, их собственные боевые командиры опровергают такую точку зрения. Кароль Бачиньски, лейтенант Польских легионов, сражавшихся во Львове, сетовал:

В приказе № 6 говорится о невероятном притоке добровольцев. Это неправда. Мне в своей части пришлось с помощью патрулей отлавливать всех мужчин в возрасте от 20 до 40 лет для зачисления добровольцами на военную службу.

Но даже эти насильственные меры далеко не у всех находили поддержку:

Мы обшарили каждый дом <...> [во всем квартале] <...> и опрашивали всех задержанных на медицинскую комиссию. Несмотря на недовольство (выражавшееся многими), этим людям выдавалось обмундирование и сразу же сообщалось боевое задание.

Набирать добровольцев было проще в других частях страны, в меньшей мере затронутых войной. Некоторые группы подчеркивали свой добровольческий характер, однако многие состояли главным об-

²¹ Ossolineum. 12926/II pol. 1939: Autograf, Odpis z pamiętnika ppłk. Karola Baczyńskiego «...z przeżyć jego po... powierzeniu mu komendy punktu zornego rekrutów dla Legjonów Polskich w Jastkowie od dnia 5 sierpnia 1915 roku, 8» (15 августа 1915 г.).

²² *Augustejn J.* From Public Defiance to Guerrilla Warfare. P. 144.

²³ *Orr Ph.* 200,000 volunteer soldiers // Horne J. (Ed.). Our War. Ireland and the Great War. Dublin, 2008. P. 63—94.

²⁴ *Mick Ch.* «Wer verteidigte Lemberg?» Totengedenken, Kriegsdeutungen und nationale Identität in einer multiethnischen Stadt // Beyrau D. (Hrsg.). Der Krieg in religiösen und nationalen Deutungen der Neuzeit. Tübingen, 2001. S. 189—216.

разом из бывших солдат, которые просто продолжали сражаться²⁵. Так, в виленском Союзе польских бойцов большинство рядовых и офицеров прежде числились в 1-м Восточном корпусе генерала Довбор-Мусницкого. Анджей Брохоцки, один из их числа, называл их «опытными борцами с большевизмом», из чего следует, что они «были знакомы со своими врагами». Но в то же время он утверждал, что основные отряды «самообороны» в Виленском регионе (так и называвшиеся: «Самооборона») в ходе революции не вставали ни на ту, ни на другую сторону, предпочитая отстаивать польские интересы и «прибирая к рукам все оружие и боеприпасы, какие им только попадались». Число добровольцев различалось от региона к региону, однако все они жаловались на недостаточное снабжение оружием и боеприпасами²⁶. Кроме того, военизированным отрядам не хватало много других необходимых вещей — таких как зимняя одежда, ботинки, сапоги, лошади и медикаменты. По мере того как снабжение наконец стало немного улучшаться, Брохоцки с гордостью отмечал, что его часть приобретала «все более и более военный вид»²⁷. Многие покупали ружья у солдат отступавших армий — или разоружали их силой²⁸.

Насильственная мобилизация «добровольцев» на защиту нации приводила к снижению качества военизированных формирований. Служившие в них бывшие армейцы нередко сетовали на недостаток дисциплины. Некоторые части состояли из революционных солдат, пытавшихся обеспечить снабжение через большевистских комиссаров. Другие, по мнению их критиков, мало чем отличались от бандитских шаек, имея в своем составе «местных крестьян — в основном ветеранов русской армии, еще недавно сражавшихся на стороне коммунистов, [но теперь] превратившихся просто в антикоммунистические и антисемитские банды, ничуть не гнушающиеся вооруженного грабежа». Кроме того, на дисциплину пагубно воздействовали алкоголь и усталость от войны²⁹. Все эти факторы благоприятствовали насилию против гражданских лиц в переходный период и в регионах, слабо контролируемых государством.

²⁵ Ossolineum. 12925/III 1885—1939: Baczyński. Pamiętniki, Mikrofilm 2429, Zeszyt 5. S. 187 (7 ноября 1918 г.); S. 192, 193 (ок. 11 ноября 1918 г.); BN. Rps BN акс 10312.

²⁶ BN. Rps BN акс 10312: Andrzej Brochocki. Wspomnienia, 4A; Ossolineum. 12925/III 1885—1939: Baczyński. Pamiętniki, Mikrofilm 2429, Zeszyt 5. S. 188 (8 ноября 1918 г.).

²⁷ BN. Rps BN акс 10312: Andrzej Brochocki, 6, 15.

²⁸ «Рекорд потребления алкоголя принадлежит 4-му эскадрону, где ежедневно потребляется более 1 литра спирта» [Ibid. S. 82; Rps BN акс. 11400: Józef Fiedorowicz. Wspomnienia. (1980). S. 34]. О немцах, захватывавших оружие, см.: Ibid. S. 72.

²⁹ Ibid. 10312: Andrzej Brochocki. S. 36—37.

НЕОЖИДААННЫЕ КОМБАТАНТЫ: ДЕТИ И ЖЕНЩИНЫ

В отличие от частей регулярной армии, участники военизированных формирований в Ирландии и Польше допускали в свои ряды представителей слоев, традиционно не являющихся военнообязанными. Тем самым дихотомия «солдаты — мирные граждане» размывалась еще сильнее. Несмотря на участие военизированных формирований в боевых действиях в качестве квазивооруженных сил, их неоднозначная природа находила выражение в стратегиях вербовки, применявшихся в обеих странах. В этом смысле, говоря о «военизированных» частях, мы имеем в виду в том числе и гражданских лиц, игравших роль солдат. Зная, что их собственная тактика вербовки распространялась на детей, женщин и даже инвалидов, участники военизированных формирований имели тем больше оснований ожидать того же самого и от противника, что влекло за собой подозрения и агрессию в отношении гражданского населения и снижение порога направленного против него насилия. Привлекая в свои ряды молодых людей, бойцы военизированных отрядов зачастую не делали исключения и для тех, кого не взяли бы на обычную воинскую службу по причине юного возраста. В польские военизированные отряды принимали подростков и детей. Кароль Бачиньски, один из ведущих участников сражения за Львов, тщетно писал командующему Польским легионом с просьбой об увольнении со службы его 12-летнего сына Здислава, зачисленного в 1-ю бригаду. И сын Бачиньского был не единственным ребенком, вовлеченным в те события; во время боев за город дети с оружием в руках были обычным зрелищем. Из 6022 защитников Львова 1421 не достиг 18-летнего возраста. 1027 из их числа активно сражались, а 394 служили во вспомогательных отрядах или ухаживали за ранеными. Самым младшим из погибших был 12-летний Ян Дуфрат, а самому младшему из комбатантов исполнилось всего 9 лет. Помимо этого, в польских отрядах, воевавших во Львове, насчитывалось еще 43 ребенка возрастом менее 12 лет³⁰. В отряды, сражавшиеся за национальную независимость, принимали и тех, кто получил ранения на Мировой войне или был признан непригодным к воинской службе; в военизированных частях числилось даже несколько инвалидов³¹.

³⁰ Ossolineum. 12926/II pol. 1939: Odpis z pamiętnika ppłk. Karola Baczyńskiego. S. 28 (1 октября 1915 г.), S. 32 (11 октября 1915 г.); 12925/III 1885—1939: Baczyński. Pamiętniki, Mikrofilm 2429, Zeszyt 5. S. 189—190 (9 ноября 1918 г.); Obrona Lwowa. 1—22 listopada 1918. T. 3: Organizacja Listopadowej Obrony Lwowa; Ewidencja Uczestników Walk; Lista Strat. Warszawa, 1994. Appendix.

³¹ В число добровольцев, участвовавших в Силезских восстаниях, входил ряд ветеранов-инвалидов, в том числе Ян Лудыга-Ласковский, демобилизованный со

В Ирландии юноши и подростки тоже участвовали в действиях военизированных формирований, хотя и в меньшей степени, чем в Польше. Согласно Йоосту Аугустейну, доля подростков в отрядах ИРА достигала в 1921 году почти 20 процентов³². Этой тенденции способствовало значение гэльских спортивных клубов, родственных связей и местных структур, которые вдохновляли и мобилизовали детей и молодежь на борьбу за свободу, даже если непосредственно и не участвовали в их вербовке³³. Однако при наличии отдельных случаев, когда бойцами становились совсем молодые ребята (в возрасте 10 с небольшим лет), большинство ирландских подростков, вовлеченных в боевые действия, скорее всего, были старше 16 лет. Некоторым мальчикам, пытавшимся записаться в отряды, отказывали вследствие их молодости — что, впрочем, порой не мешало им все равно выдавать себя за бойцов ИРА³⁴. Но и в 16- или даже в 18-летнем возрасте эти подростки наверняка были потрясены неожиданным приобщением к войне и насилию — и с трудом привыкали к своей новой роли. Чарльза Дальтона, 17-летним юношей принимавшего участие в убийствах в день «кровавого воскресенья», потом долго преследовали воспоминания о пережитом³⁵. Тем не менее, несмотря на то что значительное число бойцов военизированных формирований не вышло возрастом для службы в традиционной армии, их принимали в эти отряды в качестве молодых бойцов армии еще не существовавшего государства, сражавшихся за свою нацию.

Напротив, роль женщин была более неоднозначной. Женщины также играли заметную роль в борьбе за независимость и в Ирландии, и в Польше, несмотря на свое последующее выпадение из памяти и из историографии. После завершения сражений бывшие женщины-бойцы были низведены до роли пассивных фигур — таких как матери, сестры

службы на фронте во Франции после серьезного ранения, однако ставший начальником штаба восставших.

³² 19,7 процента, причем в Оуэнни и Лаффансбридже этот показатель достигал 31 процента. Представителей этой возрастной группы не было только в роте из Кроссабергера: *Augusteijn J. From Public Defiance to Guerrilla Warfare*. P. 355. В то время как в ИРА преобладали бойцы в возрасте от 20 до 24 лет, бойцы некоторых рот могли иметь возраст от 10 с небольшим (13 в роте Оагоуэр) до 70 лет (*Ibid.* P. 354). Аугустейн считает, что это было признаком более заметной интеграции ИРА в жизнь села: *Ibid.* P. 355.

³³ *Hart P. The IRA and its Enemies. Violence and Community in Cork 1916—1923*. Oxford, 1999. P. 210 ff.

³⁴ *Ibid.* P. 227.

³⁵ *Dolan A. Killing and Bloody Sunday, November 1920 // Historical Journal*. 2006. Vol. 49. № 3. P. 789—801, здесь p. 798.

и сиделки — или же изображались в качестве развращенных «диких баб» и «боевых шлюх»³⁶. На самом же деле женщины были активно задействованы в вооруженных силах движений за независимость. В дневниках Бачиньского упоминается некая Зофья Каминьска, дочь одного из его знакомых, которой он по ее просьбе помогал поступить на службу. Зофья сражалась в рядах уланов, взяв мужское имя, и своей отвагой завоевала уважение соратников. Лейтенант Кароль Бачиньски, во время боев за Львов отвечавший за оборону одного из штабов, гордился тем, что стал наставником Зофьи, и восхищался ее храбростью, превосходившей храбрость многих мужчин, включая ее собственного мужа: «Помнится, она поступала так, потому что была патриоткой, а также потому, что ее муж не пожелал идти в легионеры»³⁷. Официально Пилсудский запретил брать женщин в Польские легионы. Однако многие женщины вступали в них под мужскими именами; самой известной была Ванда Герц, записавшаяся в Польские легионы в феврале 1916 года по документам своего кузена Казимежа Жуховича. Начиная с 1919 года она участвовала в боях против большевиков. Когда она находилась в Виленском лагере для военнопленных, комендант лагеря, прекрасно зная, что она женщина, называл ее «героиней, перед которой должно склониться большинство мужчин», «одной из героических девушек», которые «шли на фронт, в то время как парни прятались»³⁸.

Еще больше женщин воевало за Польшу в последующие годы. В одном только сражении за Львов участвовало 427 женщин: не менее 17 находилось на передовой, а остальные служили во вспомогательных частях, отвечая за связь, снабжение оружием и боеприпасами, первую медицинскую помощь, а также в качестве часовых³⁹. Возможно, Львов — наиболее заметный пример, однако женские военизированные части создавались и в других местах. Существовали женские подразделения POW. У Добровольческого женского легиона (*Ochotnicza Legia Kobiet*), сформированного во Львове в 1918 году, во время последующих пограничных войн появились отделения по всей Польше. Численность легиона в период его расцвета официально достигала 2500 человек.

³⁶ Ryan L. «In the Line of Fire». P. 47.

³⁷ Ossolineum. 12926/II pol. 1939: Odpis z pamiętnika ppłk. Karola Baczyńskiego. S. 34 (22 октября 1915 г.). Ibid. S. 26 (28 сентября 1915 г.).

³⁸ Из письма к M.S.Wojsk с рекомендацией представить Герц к медали *Virtuti Militari*: Zawacka E. (Red.). Słownik Biograficzny Kobiet Odznaczonych orderem wojennym *virtuti militari*. Toruń, 2004. Vol. 1. S. 202—205. В пример можно также привести Людвигу Дашкевичовну-Кепиш, служившую под именем Станислава Кепиша, М. Волошиновску, служившую под именем Альфреда Волошиновского, и М. Блащиковну, служившую под именем Тадеуша Залески (Ibid. S. 128—131).

³⁹ Obrona Lwowa. T. 3. Appendix.

Вклад других женщин не получил такого же признания. В Ирландии в женщинах зачастую видели либо исполнительниц сугубо второстепенных ролей — вроде доставки донесений и ухода за ранеными, — либо политических фурий, более яростных и ожесточенных, чем мужчины⁴⁰. Однако именно женщины находились на переднем крае политического противостояния, пока мужчины-республиканцы скрывались или сидели в тюрьмах. Наибольшим влиянием и известностью пользовались женщины из Женской лиги (*Ситанн на тВан*), основанной в 1914 году. К 1921 году она имела более 800 отделений, а ее максимальная численность достигала примерно 3 тысяч человек. Во время войны за независимость отделения Женской лиги сотрудничали с частями ИРА и играли роль «женской армии»⁴¹. Участницы Женской лиги носили форму, занимались военной подготовкой, проводили съезды и срывали политические митинги. Не будучи только «публичными представительницами воинствующего движения», они также являлись «тайными участниками военных действий»⁴².

Наряду со множеством менее известных женщин активную поддержку ИРА оказывали некоторые известные активистки — такие как Молли Чайлдерс, Мэри Мак-Суини и графиня Маркевич. Политическая активность в обеих странах приводила к основанию организаций, которые во многих отношениях стремились стать традиционными армиями с преимущественно мужской иерархией. Однако женские и мужские роли ставились под сомнение вследствие специфической природы данных конфликтов, включавшей поддержку со стороны гражданских лиц. В первые месяцы конфликта «женщины делали почти все то же самое, что и мужчины. Женщины сражались, ходили строем, организовывали, вели вербовку, собирали средства и готовы были идти за это в тюрьму»⁴³. Однако их активное участие нередко подвергалось осуждению. После того как газета *Cork Examiner* сообщила, что «молодые девушки» бросали бомбы в грузовик национальных войск, республиканские источники дали официальное опровержение. Женщин-республиканок нередко обвиняли в «оголтелости» и в иррациональности их поступков, называли «истеричными «фуриями»» и уличали в сексуальном «бесстыдстве». Их влияние на борьбу за независимость принижалось с одновременным навязыванием маскулинных

⁴⁰ O'Malley E. *On Another Man's Wound*. P. 290; Ward M. *Unmanageable Revolutionaries: Women and Irish Nationalism*. London, 1995. P. 86.

⁴¹ Ibid. P. 163.

⁴² Ryan L. «In the Line of Fire». P. 46.

⁴³ Hart P. *The IRA and its Enemies*. P. 236.

стереотипов борьбы. Поскольку участие женщин в сражениях подрывало традиционное распределение социальных ролей, официальная пропаганда и общественность сосредотачивали внимание на более «женских качествах» и ролях — таких как оказание первой помощи, уход за ранеными, приготовление пищи и обеспечение убежища⁴⁴. По мере роста организованности и профессионализации ИРА место женщин в борьбе изменилось и они постепенно отошли на второстепенные позиции⁴⁵.

Начиная с самых первых дней Пасхального восстания у националистов не было четкой политики в отношении участия женщин в их движении. «Ирландские добровольцы» признавали Женскую лигу в качестве вспомогательных сил, Ирландская гражданская армия провозгласила равенство полов в своих рядах, однако большинство отвергало саму идею о сражающихся женщинах, отталкиваясь от традиционных католических представлений о социальном поведении, приличествующем женщинам. Санитарный корпус Гражданской армии являлся единственной частью, в которой женщинам выдавали револьверы для самозащиты. В конечном счете в Пасхальном восстании приняли участие около 90 женщин, в том числе 60 — из Женской лиги, а остальные — из Ирландской гражданской армии. Представительницам Женской лиги главным образом поручались такие «женские задачи», как уход за ранеными, приготовление пищи и доставка донесений, однако следует отметить, что в число этих задач входили также захват обозов и конфискация их грузов (продовольствия)⁴⁶.

Партизанская тактика войны за независимость привела к реорганизации внутренней структуры ИРА и Женской лиги и к установлению между ними более тесных связей. Работа каждого отделения Женской лиги координировалась с действиями какого-либо отделения ИРА. Большинству женщин, вовлеченных в эти события, было по двадцать с небольшим лет. Женщины-офицеры Женской лиги проходили подготовку в военных лагерях, где их обучали оказанию первой помощи и уходу за ранеными, а также «строевым приемам, подаче сигналов, чтению карт и обращению с оружием». Оценка их роли постепенно по-

⁴⁴ Cork Examiner. 1922. 16 Oct.; Poblacht na hÉireann. 1922. 21 Oct.; Cosgrave W. в *Irish Times* (1923. 1 Jan.), цит. в: Ward M. Unmanageable Revolutionaries. P. 86; Ryan L. «In the Line of Fire». P. 50, 60. См. также: McCoolle S. No Ordinary Women. Irish Female Activists in the Revolutionary Years, 1900—1923. Dublin, 2003; Ryan L. «In the Line of Fire». P. 50.

⁴⁵ Hart P. The IRA and its Enemies. P. 257.

⁴⁶ Ward M. Unmanageable Revolutionaries. P. 107, 110—111.

вышалась в ходе гражданской войны, по мере того как ИРА, чьи бойцы либо сидели по тюрьмам, либо скрывались, приходилось все сильнее полагаться на женскую поддержку⁴⁷. Несмотря на то что многие задачи, поручавшиеся отделениям Женской лиги, относились к вопросам связи и снабжения, они не всегда носили мирный, «женский» характер. При доставке донесений нередко приходилось ездить ночами на велосипеде по проселочным дорогам, не пользуясь светом и рискуя нарваться на патруль или пулю. «Бытовые поручения» включали не только закупку продовольствия в лавках, но и добычу бензина для поджогов военных казарм, а порой даже сбор смолы и перьев, в которых обваливали подвергшихся осуждению. Иногда женские военизированные части предпринимали самостоятельные акции. В ответ на убийство семьи Мак-Магон активистка Женской лиги Эйтне Койл решила организовать бойкот североирландских газет и товаров. При помощи других активисток Лиги она устраивала вооруженные нападения на поезда и фуры с целью сожжения товаров, доставлявшихся с севера⁴⁸.

Полиция, мученики и «вольные стрелки»

Не только гражданские лица, игравшие роль солдат, размывали традиционную грань между военными и штатскими. Порой комбатанты сознательно выдавали себя за мирных граждан, вследствие чего всем штатским лицам грозило, что с ними будут обращаться как с врагами. Бойцы, имевшие профессиональную армейскую подготовку, нередко сетовали на эксцессы, связанные с военизированным движением, и на отсутствие военной дисциплины в его рядах. Тем не менее слухи о «вольных стрелках» заставляли военных видеть в любом штатском потенциального противника.

Термин «вольные стрелки» (франтиреры) появился во время Франко-прусской войны 1870 года и использовался для обозначения иррегулярных сил. Страх и фантазии о «вольных стрелках» среди гражданских лиц, о противниках, одетых в штатское и ведущих «народную войну», нередко служили оправданием для нападений на гражданское население. В мифе о «вольных стрелках» отражался личный страх перед смертью, особенно смертью внезапной. В некоторых случаях боязнь «вольных стрелков» даже специально использовалась командирами

⁴⁷ Ward M. Unmanageable Revolutionaries. P. 157—155, 187—188.

⁴⁸ University College of Dublin Archives. P61/4: Eithne Coyle Papers. Statement of Mrs Charlotte Dempsey (née Heney). P. 22—28.

с целью манипулировать подчиненными. Предъявлявшееся врагу обвинение в анонимности играло ключевую роль при всех нарушениях правил войны. Во время гражданской и партизанской войны врагу приписываются коварные намерения и штатские лица превращаются в потенциальных замаскированных комбатантов, в союзников врага, предателей и террористов. Как в Польше, так и в Ирландии обе стороны, участвовавшие в конфликте, культивировали собственные слухи и мифы о «вольных стрелках»⁴⁹.

С глубинными страхами перед «вольными стрелками» были связаны и социальные предрассудки в отношении «неожиданных» комбатантов, особенно женщин. Путаницы прибавляло и появление новых формирований. Ирландцы нередко выступали с заявлениями о преступлениях, совершавшихся лицами, «явно не принадлежавшими ни к солдатам регулярной армии, ни <...> к обычным Черно-коричневым». Также и британцы воспринимали бойцов ИРА как безликих террористов, с легкостью растворяющихся среди сочувствующего им гражданского населения⁵⁰. Описывая засаду в графстве Голуэй в ноябре 1920 года, главный констебль Джеймс Хили, кажется, был больше обеспокоен тем, что «50 молодых людей рассеялось по стране, выдавая себя за мирных рабочих», нежели самим фактом засады⁵¹. Подобная неясность в отношении того, как отличить гражданских лиц от комбатантов, продолжала существовать и во время ирландской гражданской войны.

Та же самая «безликость» и нечеткость границы между комбатантами и некомбатантами была присуща и Польше, где добровольцы нередко сражались в гражданской одежде⁵². Различие между регулярной армией, военизированными частями, вооруженными крестьянами или отрядами самообороны, с одной стороны, и криминальными бандами, с другой, было настолько туманным, что порой его вовсе не существовало⁵³. Сражению за Львов, проходившему в городских условиях, были присущи черты и партизанской, и гражданской войны, вследствие чего

⁴⁹ Horne J., Kramer A. German Atrocities, 1914. A History of Denial. New Haven, 2001. P. 149—150.

⁵⁰ Это верно в отношении обеих сторон, как указывает Энн Долан в своей статье для настоящей книги.

⁵¹ IWM. 2949 Misc 175 (2658): Account of the life of Major General Sir H.H. Tudor KCB CMG (1871—1965). P. 29, 314.

⁵² ДАЛО. Ф. 257. Оп. 1с. Д. 44. Л. 5.

⁵³ Как отмечается в следующем заявлении, составленном во время сражения за Львов: «Два еврея убиты бандитами, в то же время являющимися солдатами Польской армии» (ДАЛО. Ф. 257. Оп. 1с. Д. 44. Л. 5).

каждый житель города подпадал под подозрение. Поскольку каждая сторона культивировала миф о том, что за нее «сражаются все, вне зависимости от возраста, пола, социального происхождения», то каждого принадлежавшего к другой общине подозревали в том же самом⁵⁴. Свой вклад в эскалацию насилия вносило и коллективное убеждение в том, что противник воюет по-партизански, не по правилам⁵⁵. Слухи о вражеской жестокости нередко провоцировали аналогичные репрессии, и в результате такие обвинения становились реальностью⁵⁶.

В случае Ирландии члены ИРА обычно сохраняли связи со своими семьями и общинами, даже когда скрывались или находились в бегах. Кроме того, многие бойцы ИРА сражались в своих родных графствах и потому были хорошо знакомы и с местностью, и с населением. С другой стороны, в польские военизированные отряды входили как местные добровольцы, так и многочисленные ветераны и авантюристы, оторванные от своих корней. Динамика гражданской войны и национального восстания сочеталась с динамикой завоевательной войны. Участники военизированных формирований нередко являлись чужаками в тех регионах, где воевали, и аутсайдерами в своих общинах — так было, например, с бойцами армии Галлера, активно действовавшими на восточных территориях⁵⁷. Это обстоятельство наряду с прочими причинами обусловило разницу между масштабами насилия в обеих странах.

На то, как участники военизированного насилия понимали свою роль, оказывала влияние и религия⁵⁸. Глубоко укоренившаяся вера в национальное мученичество способствовала росту насилия под прикрытием борьбы за национальную независимость. Польский и ирландский католицизм обеспечивал символический язык для презентации и оправдания насилия — в первую очередь через фигуру мученика. Разумеется, бойцы военизированных формирований не были свя-

⁵⁴ Ossolineum. 14059/II: Józef Wraubek. *Moje wspomnienia. Lata 1895—1945*. Mikrofilm 3951. S. 139.

⁵⁵ Horne J., Kramer A. *German Atrocities*. P. 124; *Eidem*. *War between Soldiers and Enemy Civilians, 1914—1915* // Chickering R., Förster S. (Ed.). *Great War, Total War. Combat and Mobilization on the Western Front, 1914—1918*. Cambridge, 2000. P. 153—168, здесь p. 157.

⁵⁶ Tambiah S. *Leveling Crowds: Ethnonationalist Conflicts and Collective Violence in South Asia*. London, 1996. P. 237.

⁵⁷ Kapiszewski A. *Controversial Reports on the Situation of Jews in Poland in the Aftermath of World War I* // *Studia Judaica*. 2004. Vol. 7. P. 257—304, здесь p. 270, 276.

⁵⁸ См. дискуссию о религии и ее функциях в качестве главной отчетливой социальной границы, создававшей возможность для группового насилия в Верхней Силезии и Ольстере: Wilson T. *Frontiers of Violence*. P. 41—44.

тыми — совсем наоборот. Рискуя жизнью ради нации, большинство добровольцев в рядах ИРА вовсе не спешили отказываться от этой жизни, а некоторых, как указывает Аугустейн, даже «отвлекал от выполнения их задач огромный интерес к общению»⁵⁹. Однако (само) репрезентация большинства комбатантов мужского пола показывает их исключительно как рыцарственных, дисциплинированных и благочестивых людей. В их воспоминаниях, резко контрастировавших с тем, что рассказывали о себе немцы-фрайковорцы, подчеркивались братство, товарищество и дисциплина вместо удовольствия, испытывавшегося от убийств, и сексуальных отношений с женщинами. Образ республиканской кампании был полностью десекуализован, превратившись в идеал самоотречения. Луиза Райан утверждает, что такой подход можно понимать как стремление совместить любовь к Ирландии с преданностью Деве Марии как непорочной Богородице⁶⁰. Образ благочестивого и благородного борца за свободу подчеркивался и в позднейших рассказах таких свидетелей, как жены и родственники. Тем самым эти женщины, одновременно преуменьшавшие свою собственную роль, вносили вклад в восстановление традиционной дихотомии⁶¹. Идеализация комбатантов способствовала их зачислению в канон ирландских мучеников наряду с такими фигурами, как Патрик Пирс, Джеймс Коннолли и прочие казненные герои 1916 года, а также Теренс Мак-Суини, умерший в 1920 году.

Польская мартирология защитников Львова также опиралась на давние традиции памяти о «национальных» восстаниях XIX века, особенно 1830 и 1863 годов. Однако в противоположность Ирландии, в этот пантеон мучеников включались даже самые юные участники сражений, порой становясь его центром. Этих школьников и молодых студентов славил как «львовских орлят»⁶². Некоторые из самых младших бойцов в межвоенный период стали национальными идолами и героями множества стихотворений и песен. Совсем иным было отношение к женщинам-участницам. Их испытания приходилось замалчивать, так как они не отвечали послевоенному восстановлению традиционных гендерных ролей. Ванда Герц, удостоившись похвал

⁵⁹ Включая встречи с противоположным полом: *Augustejn J. From Public Defiance to Guerrilla Warfare*. P. 143. Кроме того, Аугустейн упоминает «некоторые неподтвержденные сообщения о незаконнорожденных детях», появившихся на свет в результате связей между женщинами и мужчинами из ИРА (*Ibid.* P. 144).

⁶⁰ *Ryan L. «In the Line of Fire»*. P. 52—53. О фрайкопе см.: *Theweleit K. Male Fantasies; Gerwarth R. The Central European Counterrevolution*.

⁶¹ *Ward M. Unmanageable Revolutionaries*. P. 193.

⁶² *Nicieja S.S. Lwowskie Orłęta. Czyn i Legenda*. Warszawa, 2009.

командования за отвагу, так и не получила медали *Virtuti Militari*, потому что сражалась в рядах Легиона, переодетая мужчиной, тем самым проигнорировав приказ, запрещавший брать в Легион женщин⁶³.

В Ирландии католическая церковь решительно осуждала участие женщин в конфликте⁶⁴. Во время гражданской войны от церкви в конце концов были отлучены все республиканцы, которые «в отсутствие соответствующей санкции со стороны какой-либо законной власти [продолжали] систематические убийства»⁶⁵. Когда от заключенных женщин требовали признать это перед исповедью, Эйтне Койл провокационно заявила, что «епископы вряд ли были правы, когда сожгли Жанну д'Арк», тем самым предъявляя претензии на равноправное положение женщин в пантеоне мучеников ирландской борьбы за независимость.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После завершения послевоенных боев за независимость и Ирландия, и Польша прошли через процесс консолидации и чисток, восстановивших монополию государства на применение силы. Военизированные формирования, способствовавшие получению независимости, отныне представляли собой потенциальную угрозу политической стабильности, особенно в той степени, в какой они не подчинялись центральным властям и хранили лояльность в первую очередь своему непосредственному вождю. В отсутствие функционирующей государственной власти или в ходе противостояния с властью, считавшейся незаконной, военизированные формирования в обеих странах объявляли себя законными силами. Считая себя ответственными за установление порядка и веря в свою будущую роль ядра национальной армии, члены этих иррегулярных формирований рассматривали себя скорее в качестве проторегулярных (*pre-military*), нежели военизированных (*para-military*) сил. Для них самих это убеждение означало, что их действия

⁶³ В конце концов она получила медаль, но уже за участие в движении Сопrotивления в годы Второй мировой войны: *Słownik Biograficzny Kobiet Odznaczonych orderem wojennym virtuti militari*. Т. 1. S. 202—205.

⁶⁴ *Ward M. Unmanageable Revolutionaries*. P. 86.

⁶⁵ Цит. в: *Ibid.* P. 192. Такое отчуждение от католической церкви могло привести к забвению католических нравственных норм и тем самым к дальнейшей эскалации радикального насилия (*Borgonovo J. Spies, Informers and the «Anti-Sinn Féin Society»*. *The Intelligence War in Cork City, 1919—1921*. Dublin, 2007. P. 38—40).

будут оправданы их дальнейшим предназначением. Стремясь разбить врагов, они сами понимали это стремление как защиту своей страны. В годы борьбы боевые действия воспринимались как национальное восстание, как демонстрация «вооруженной нации», объединявшая национальные силы ради достижения независимости. Поэтому в число бойцов входили женщины и дети, а организация национальной борьбы требовала поддержки со стороны гражданских лиц и несения ими вспомогательной службы. В этом отношении военизированное насилие в двух рассматриваемых случаях имело общие черты, отличавшие его от военизированного насилия в некоторых других странах, носившего контрреволюционный характер.

Однако роль военизированных группировок в формировании нации также оставила неудобное, пагубное наследие, препятствовавшее признанию вклада «неожиданных» комбатантов и в конечном счете затруднившее или сделавшее невозможной их интеграцию в национальную память. Участие подростков и студентов в ретроспективе выглядело более приемлемым, чем участие женщин, поскольку первые вырастали и в итоге становились солдатами. Это, по крайней мере, верно в отношении Польши с ее системой воинского призыва — по-видимому, у ирландцев существовало больше различных табу, связанных с участием несовершеннолетних. Однако наличие женщин-комбатантов и размывание гендерных границ в ходе иррегулярных боевых действий представляли собой серьезную проблему в обеих странах⁶⁶. В ходе возвращения к «норме» после завершения сражений требовалось восстановить традиционную дихотомию. Молодежь и взрослые, мужчины и женщины вновь получали «должное место» в обществе. Мужчины, сражавшиеся в рядах «протогосударственной» армии, представляя собой и национальных героев, и мучеников национальной борьбы, вошли в национальный пантеон, в то время как женщины-ниспровергательницы не были туда допущены. Вообще, военизированные силы, сражавшиеся за независимость, отныне считались потенциальной угрозой для политической стабильности — в силу того, что воплощали в себе это несоблюдение социальных ролей, а также (главным образом в случае Ирландии) потому, что оставались альтернативным источником национальной мифологии и самолегитимации. По мере того как борьба за независимость задним числом начала подаваться в качестве законной, традиционной

⁶⁶ Ryan L. «In the Line of Fire». P. 60—61.

войны, бойцы иррегулярных формирований становились все более сомнительными фигурами. Прославление лишь тех солдат, которые соответствовали стандарту здоровых молодых людей, являлось частью нарратива, способствовавшего преобразованию догосударственных военизированных формирований в кадры национальной армии и ретроспективно освятившего рождение нации в горниле войны.

БРИТАНСКАЯ КУЛЬТУРА
ВОЕНИЗИРОВАННОГО НАСИЛИЯ
В ИРЛАНДСКОЙ ВОЙНЕ
ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

ОТ ВОЕНИЗИРОВАННЫХ ОТРЯДОВ
К ВОЕНИЗИРОВАННОМУ НАСИЛИЮ

28 февраля 1933 года майор Генри Проктер отправился в палату общин — точно так же, как поступал каждый день с тех пор, как в 1931 году стал депутатом парламента. Это был совершенно обычный день по парламентским меркам, однако когда поздно вечером разгорелись дебаты по вопросу о жилищных субсидиях и Проктер подверг критике Лейбористскую партию и профсоюзы, чинившие препятствия строительству «домов, достойных трудящихся классов нашей страны», течение долгого дня приняло несколько неожиданный оборот¹. Ответ лейбористов огласил Фредерик Сеймур Кокс: Проктер не вправе выступать по жилищному вопросу. Дело было не в его знаниях или опыте; в конце концов, Проктер только что назвал себя квалифицированным инженером. Лейбористы отказывали ему в этом праве из-за того, где Кокс находился и чем мог заниматься одиннадцатью или двенадцатью годами ранее:

Я не оспариваю искренности достопочтенного, сведущего и доблестного депутата от Аккрингтона [Проктера], однако оспариваю его право высказываться по теме жилищного вопроса. Думается, что за время пребывания в рядах «Черно-коричневых» в Ирландии он должен был приобрести большой опыт в сожжении домов, нежели в их строительстве².

Это было не относящееся к делу и абсолютно неуместное замечание. В лучшем случае оно представляло собой парламентскую уловку, в худшем — шпильку, насмешку, и Проктер, несомненно, расценил ее

¹ Hansard. Ser. 5. Commons. Vol. 275. Col. 269 (28 февраля 1933 г.).

² Ibid. Col. 273.

именно таким образом, резко возразив: «Я был офицером регулярной армии Его Величества, а никаким не «Черно-коричневым»!»³ Он осознавал, что термин «Черно-коричневые» стал синонимом самоволия и недисциплинированности, всех порочных и деструктивных аспектов службы в Ирландии в 1920—1921 годах. Инстинкт требовал от Проктера встать на защиту своей репутации и не допустить, чтобы «регулярную армию Его Величества» смешивали с этим иррегулярным сбродом. Он клюнул на наживку, даже не попытавшись указать на то, что его ирландское прошлое никак не связано с рассматриваемым вопросом, и устранился от дальнейшего участия в дебатах.

Эта сама по себе малозначительная перепалка между Коксом и Проктером тем не менее многое говорит о военизированном прошлом Великобритании или по крайней мере о связанном с ним чувстве дискомфорта. Быть причисленным к «Черно-коричневым» представляло собой оскорбление, не требовавшее объяснений; оно слетало с языка с готовностью, свидетельствующей о консенсусе, сложившемся по поводу его смысла к 1933 году. Оно означало то, чего не потерпел бы ни один честный военнослужащий; называться так было оскорбительно, унижительно, позорно. Предполагалось, что военизированные «Черно-коричневые» воплощали в себе все то, чего не было в «регулярной» армии. Для таких ветеранов, как Проктер, различие между армией и военизированными отрядами было очевидным и элементарным, однако после ирландских событий в обществе не наблюдалось былой готовности признавать это различие — к сильному неудовольствию нашего старого служаки. В ответ на требование не называть его «Черно-коричневым» Кокс лишь расширил масштаб нападок: «Любой, кто в те ужасные годы служил в Ирландии, гораздо больше знает о том, как сжигать дома, чем о том, как их строить»⁴. «Любой» — то есть хоть солдат регулярной армии, хоть «Черно-коричневый»: они ничем не отличались друг от друга, запятнанные самыми мрачными ассоциациями, которые отныне служили определением самого этого термина «Черно-коричневые». Исчезла всякая разница в отношении к батальону и взводу, к армейским частям и военизированным формированиям: все они служили Короне и государству и вся их служба теперь ассоциировалась с недисциплинированностью и беспорядком, с репрессиями и убийствами, которые стали определяющей чертой ирландской войны за независимость. Произошло слияние британского

³ Hansard, Ser. 5. Commons. Vol. 275. Col. 273.

⁴ Ibid. Col. 269.

Рис. 16. Группа из трех «Черно-коричневых» в Ирландии

военизированного прошлого в Ирландии с собственно британским военным прошлым, диктовавшее такое понимание военизированного движения (*paramilitarism*), которое охватывало далеко не только те группировки, которые традиционно назывались там военизированными. Оно ассоциировалось с распадом, неповиновением или беспорядком, с таким состоянием ума, при котором границы приемлемого поведения агрессивно нарушались армией, военизированными частями и полицией. Это понятие звучало как нечто оскорбительное и с легкостью воспринималось в таком качестве спустя десять с лишним лет после ирландских событий. Британское военизированное движение, несомненно, сформировалось под влиянием насилия со стороны ИРА, природы ирландской партизанской войны, реальных угроз и воображаемых опасностей. Это движение вдохновлялось и мотивировалось требованиями имперской политики и тем местом, которое занимала в ней Ирландия; оно служило ответом на внутренние проблемы, прежде чем стало явлением колониального плана, и отчасти являлось следствием победы 1918 года. Условия, сделавшие его возможным, создавались призывами, звучавшими на пространствах от Силезии до Константинополя и в других местах, стремлением к дальнейшей демобилизации на фоне уже произошедшего резкого сокращения

армии к ноябрю 1920 года, а также «страхами в отношении того, что усталый британский солдат — и доброволец, и-призывник — будет не готов к беспрекословному продолжению службы после завершения войны»⁵. Военизированное движение не стало уделом исключительно побежденных европейских держав, таких как Германия или Австрия, или их неудовлетворенного победителя — Италии. Нерешенная часть послевоенных британских проблем и негодование Проктера красноречиво говорят о том, как воспринималось военизированное движение подобного типа. Проктер понимал, что значит называться «Черно-коричневым».

«Черно-коричневые», прозвище, намекавшее на поспешную экипировку униформой — отчасти темно-зелеными мундирами Королевской ирландской полиции (*Royal Irish Constabulary*, RIC), отчасти армейскими мундирами цвета хаки, — быстро превратилось в удобное, иногда некорректное, но весьма эмоционально заряженное и дожившее до наших дней обозначение всех вспомогательных сил, посылавшихся в Ирландию на помощь RIC в 1920—1921 годах⁶. Тогда, как и сейчас, этот термин не отличался четкостью. В первую очередь «Черно-коричневыми» являлись бывшие военнослужащие, в конце 1919 года вербовавшиеся по всей Великобритании в ряды RIC и перед окончанием войны насчитывавшие около 9 тысяч человек⁷. Однако «Черно-коричневыми» стали также называть временных кадетов вспомогательного дивизиона RIC — созданный в июле 1920 года отряд приблизительно из 2200 бывших офицеров, на практике фактически не подчинявшийся военным и полицейским властям⁸. Обе эти силы набирались из ветеранов всевозможных служб. Во вспомогательном дивизионе были люди, служившие в бирманской полиции, в канадских полках, и даже один человек из Китайского трудового корпуса. Как во вспомогательном

⁵ В ноябре 1918 года в подчинении у начальника имперского Генерального штаба сэра Генри Уилсона насчитывалось более 3,5 миллиона человек. К ноябрю 1920 года численность этих войск сократилась до 370 тысяч человек, но им по-прежнему приходилось решать резко возросшее число военных задач: *Jeffery K. The British Army and the Crisis of Empire 1918—22*. Manchester, 1984. P. 13.

⁶ См.: *Harvey A.D. Who Were the Auxiliaries?* // *The Historical Journal*. 1992. Vol. 35. P. 665—669; *Leeson D. The «Scum of London's Underworld»? British Recruits for the RIC, 1920—21* // *Contemporary British History*. 2003. Vol. 17. P. 1—38; *Bennett R. The Black and Tans*. London, 1959.

⁷ *Townshend Ch. The British Campaign in Ireland 1919—1921: the Development of Political and Military Policies*. Oxford, 1975. P. 40. Рекрутов искали по крупным городам Великобритании; первый бывший военнослужащий был завербован таким образом 2 января 1920 года.

⁸ *Ibid.* P. 110—111.

дивизионе, так и среди «Черно-коричневых» имелись ирландцы. Судя по выборкам, более 80 процентов членов вспомогательного дивизиона были протестантами, более 70 процентов — неженатыми. Они имели самое разное социальное происхождение: среди них можно было найти бывших клерков, продавцов, представителей свободных профессий, работников физического труда и даже актеров и музыкантов, — и столь же разнообразными были причины, по которым эти люди попали на войну в Ирландии⁹.

Ирландская война за независимость началась в январе 1919 года. Перед началом Первой мировой войны стране было обещано самоуправление (гомруль), однако политический пейзаж Ирландии, радикализованной войной, обещаниями по поводу прав малых наций и жесткой реакцией британских властей на восстание 1916 года, после Мировой войны сильно изменился. Неизвестно, действительно ли ирландские избиратели стремились к кровавой борьбе за независимость, когда на всеобщих выборах в декабре 1918 года вновь отдали предпочтение кандидатам от партии Шинн фейн, однако было ясно, что 73 новых члена парламента не собираются занимать свои места в Вестминстере, намереваясь создать собственный парламента в Дублине. Ирландия встала на путь войны за независимость уже тогда, когда на первом заседании нового парламента, Дойла, было объявлено по-ирландски, по-английски и по-французски о независимости Ирландии в надежде получить признание на Версальской конференции. Ирландскими добровольцами в графстве Типперери были застрелены двое полицейских. Убийцы не получили никакого приказа из штаба Добровольческих сил, не носили формы, а после убийства растворились среди гражданского населения, тем самым начав партизанскую войну, которая к лету 1920 года окончательно вышла из-под всякого контроля. Вследствие нападений на отдельных полицейских и на полицейские казармы во многих частях страны фактически не осталось сил, занимавшихся поддержанием правопорядка¹⁰.

Угрозы в адрес полицейских и их семей, а также признание Дойла и его альтернативной системы правосудия все большим числом людей — диктовавшееся страхом, убеждениями или любыми другими мотивами — вели к тому, что страна все меньше подчинялась тради-

⁹ Подробный анализ вспомогательного дивизиона см.: *Leeson D. The «Scum of London's Underworld»?; Harvey A.D. Who Were the Auxiliaries?*

¹⁰ Подробно об этой войне см.: *Fitzpatrick D. Politics and Irish Life: Provincial Experience of War and Revolution. Dublin, 1977 (переизд.: Cork, 1998); Hart P. The IRA at War 1916—23. Oxford, 2003; Hopkinson M. The Irish War of Independence. Dublin, 2002.*

ционными органам власти¹¹. Чрезмерное напряжение, ложившееся на армию вследствие выполнения ею новых задач в послевоенном мире, а также объявление военного положения в ряде ирландских графств в декабре 1920 года вызвали и ускорили вербовку британских военизированных формирований для отправки в Ирландию¹². Кроме того, выбор военизированных сил — вспомогательных сил, призванных оказывать содействие RIC, — определялся контекстом, который создавался официальной реакцией британского правительства. Официально Великобритания не находилась в состоянии войны. «В Ирландии требовались полицейские», — заявил Ллойд Джордж своему кабинету¹³. «Повстанцам не объявляют войну»¹⁴, в их действиях не признают ничего законного и вообще не видят ничего, кроме убийств, насилия и бунта, — ничего, кроме вспышки гражданского неповиновения, которую надлежит признать преступлением, кроме беззакония, которое должно быть подавлено гражданскими властями при помощи военных и военизированных формирований. Но эти принципы были уже нарушены Вестминстером. «RIC, — указывает Чарльз Тауншенд, — следовало стать армией, чтобы выжить»¹⁵.

Размещенные в Ирландии британские войска находились в условиях войны с точки зрения дисциплины, преступлений и наказаний; с другой стороны, их жалование, привилегии, выплаты и компенсации соответствовали нормам мирного времени¹⁶. Солдаты нередко ходили в патрули совместно с RIC, «Черно-коричневыми» и вспомогательным дивизионом. «Черно-коричневые» носили смешанную полицейскую и военную форму, вспомогательный дивизион — бывшие офицеры, завербованные на подмогу RIC, — военную форму, никогда не претендуя на роль полиции и не пытаясь выглядеть как полиция. Участники военизированных формирований регулярно изображались и воспринимались в качестве бывших военнослужащих, в то время как армейцы постоянно сетовали на то, что им приходится исполнять функции полицейских, не имея возможности по-военному отвечать на партизанскую войну, в которую их втянули. Солдаты отзывались о ситуации в Ирландии как о странном сочетании войны и мира, го-

¹¹ Lowe W.J. *The War Against the RIC // Eire-Ireland*. 2002. Vol. 37. P. 79—117.

¹² См.: Leeson D. *The «Scum of London's Underworld»?; Harvey A.D. Who Were the Auxiliaries?*

¹³ Jones T. *Whitehall Diary Volume 3: Ireland 1918—25*. Oxford, 1971. P. 73.

¹⁴ TNA. CAB 23/21/23/20A: Note of conversation (30 апреля 1920 г.).

¹⁵ Townshend Ch. *The British Campaign in Ireland*. P. 40.

¹⁶ E.M. Ransford (IWM. 80/29/1).

ворили о том, что армия решает полицейские задачи, к которым впоследствии прибавились судебные, и, как выразился один боец, ждет выстрелов, прежде чем получить разрешение на ответную стрельбу¹⁷. Многие солдаты писали о том, как унижительны их обязанности и что если караульная служба более приемлема по сравнению с другими заданиями, то проводить обыски в домах, останавливать и обыскивать людей на улицах — дело недостойное и даже «омерзительное» для всех участвующих в нем сторон¹⁸. Это просто работа не для армии. Непонимание своей роли и постоянное забвение всевозможных традиций являлось питательной средой для фрустрации и такого поведения, которое стало отличительной чертой «Черно-коричневых».

НАСИЛИЕ И ВОЕНИЗИРОВАННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ

Фактором, на основе которого первоначально определялось место британских военизированных формирований в Ирландии, а также выстраивалась их защита, служила природа насилия, с которым им приходилось там сталкиваться. Главный секретарь по ирландским делам, сэр Хамар Гринвуд, регулярно доводил до сведения Вестминстера, что обвинения в репрессиях и недисциплинированности, предъявлявшиеся войскам и «Черно-коричневым», просто не учитывали того, что он называл «первопричинами»¹⁹. В докладе о сожжении королевскими силами трех деревень в Клэр главная вина возлагалась на насилие со стороны ИРА:

Я признаю сожжение трех деревень королевскими силами, однако палата забывает причину этих событий. Когда-то там попали в засаду и были убиты разрывными пулями, изувечившими их тела, шестеро полицейских. Вскоре после этого там проходили другие королевские силы, ужаснувшиеся при виде того, что осталось от их товарищей. Я много месяцев назад признавал в палате и признаю сейчас, что они потеряли контроль над собой и сожгли эти деревни, в пылу ожесточения выгоняя людей на улицу и расстреливая мужчин. Мое сожаление не выразить словами <...> [но] давайте оплатим и 28 зверски убитых солдат и полицейских <...> ответственность за развязывание этой оргии

¹⁷ J.V. Faviell (Ibid. 82/24/1).

¹⁸ F.A.S. Clarke (LHC. 1/6 1968); Lt. Gen. Sir Hugh Jeudwine (IWM. 72/82/2).

¹⁹ Hansard. Ser. 5. Commons. Vol. 138. Col. 630 (21 февраля 1921 г.).

убийств лежит не на той власти, что восседает на этих скамьях, — и не на солдатах или полицейских. Она лежит на тех заговорщиках из Шинн фейн, которые никогда не останавливались перед убийствами и не останавливаются перед ними сейчас²⁰.

Но те люди, которых защищал Гринвуд, видели еще более четкую связь между причиной и следствием. В многочисленных описаниях тех событий они сопоставляли партизанскую войну ИРА с известными им войнами, оценивая свой ирландский опыт по меркам Первой мировой войны, службы в Индии или участия в других кампаниях. В той мере, в какой ирландская война не соответствовала правилам и условиям современной войны, в какой она не уважала, попирала и нарушала эти правила, эти люди предпочитали определять военизированное насилие в смысле того, чем оно не являлась. На ирландской войне не было затяжных сражений и гибели огромного числа людей на поле боя, она не считалась почетной, протекала хаотически и вообще не отвечала солдатским представлениям о войне. Ее отличительной чертой являлись отчаяние и озлобление. Один участник ирландской войны выразился так:

Наше дело — сражаться, но это! <...> Война с ИРА — это война с асасинами. Они — настоящие мастера подлого, трусливого коварства. Я прямо скажу вам, что предпочел бы прослужить еще два с половиной года во Франции, чем здесь <...> Да, это не война, а черт знает что²¹.

Участники этого «черт знает чего» были вынуждены заново определяться с тем, что они понимали под войной.

Дж.С. Уилкинсон из Шервудского егерского полка так писал об Ирландии:

В целом я решительно предпочитаю войну гражданской службе в Ирландии. На войне ты более или менее знаешь, где находится враг, но в Ирландии тех лет это никогда не было известно²².

Подобное неведение порождало явственную паранойю. Дуглас Уимберли, служивший в Кэмеронском полку в Корке, писал:

²⁰ Hansard. Ser. 5. Commons. Vol. 138. Col. 639—645. Цифра 28 человек соответствует числу убитых в графстве Клэр к тому моменту.

²¹ Ewart W. A Journey in Ireland 1921. Dublin, 2008 (1-е изд.: 1922). P. 69—70.

²² J.S. Wilkinson (IWM. 88/56/1).

...вокруг нас [были] те, кто стали нашими врагами, — шиннфейнеры, одетые в штатское, прятавшие оружие и говорившие на хорошем английском. В течение первых недель было очень трудно приучить солдат к тому, что мы находимся, по сути, во вражеской стране и что, возможно, три четверти всех местных жителей — и мужчин, и женщин — питают к нам активную или пассивную враждебность <...> обучение нашему делу обошлось нам недешево²³.

Если Дуглас Дафф, начиная службу в «Черно-коричневых», был не в силах «поверить, что те дружелюбные, симпатичные ирландцы, которых я так хорошо знал, превратились в подлых убийц, какими их изображали», то покидал он Ирландию с чувством облегчения от того, что «из этого кошмара с убийствами и секретными расстрелами возвращается на своих собственных ногах, а не в гробу»²⁴. Бернард Монтгомери писал из Корка в феврале 1921 года, что «здесь ведется просто дьявольская война; из каждых двух человек один — твой друг, а второй — заклятый враг»²⁵. Два года спустя он признавался: «Думаю, ко всем штатским я относился как к “шиннерам” и никогда не имел ни с кем из них никаких дел»²⁶.

С точки зрения многих из этих людей, их гнев и собственное своеволие подпитывались множеством фактов и слухов. Ходили слухи о том, что ИРА способна и готова распространять тиф, что повстанцы подбрасывают отравленные конфеты и сигареты, что нельзя доверять ничему — даже самому явному и невинному дружелюбию²⁷. Более зловещими, чем слухи, были многочисленные наглядные примеры, вызывавшие еще большую тревогу: полицейские, убитые в церквях; стрелки, скрывающиеся в толпе; выстрелы из-за стен; внезапные засады; изувеченные тела 17 кадетов вспомогательного дивизиона в Килмайкле; таблички «шпион», оставленные на мертвых телах... Не один только Дуглас Уимберли признавался, что спал с заряженным пистолетом под подушкой. Еще более показательно то, что он не мог отказаться от этой привычки в течение нескольких месяцев после того, как покинул Ирландию²⁸. «Здесь хуже, чем в окопах, — писал Лайонел

²³ Douglas Wimberley (Ibid. PP/MCR/182).

²⁴ Duff D.V. *Sword For Hire*. London, 1934. P. 55, 91.

²⁵ Montgomery to A.H. Maude, 6 февраля 1921 г. (IWM. Spec. Misc. G4).

²⁶ Montgomery to Percival, 14 октября 1923 г. (Ibid. Percival Collection, P18 4/1).

²⁷ О различных слухах и донесениях см.: TNA. CO904/168; также в: C.S. Foulkes papers (LHC).

²⁸ Douglas Wimberley (IWM. PP/MCR/182).

Кертис. — Постоянно рискуешь погибнуть от пули или от бомбы. В Ирландии не бывает увольнительных»²⁹. Жить среди военизированного насилия означало не знать, кого бояться, не знать, кто и в какой момент придет и застрелит тебя. Британское военизированное движение невозможно классифицировать и оценивать, не учитывая этого представления о противниках, равно как и критериев, по которым определялось, ведется ли война «по-спортивному» или нет³⁰. И кадеты из вспомогательного дивизиона, и «Черно-коричневые» признавали свое отчаяние; то, что они видели, в чем участвовали и что делали, не вызывало у них никакой гордости. И во многом это объяснялось или оправдывалось ссылками на сущность ИРА: «Наши люди не способны отличить друзей от врагов, правила войны здесь не соблюдаются, и, соответственно, они берут правосудие в собственные руки»³¹.

Люди говорили о том, в каком напряжении они живут, вынужденные садиться на поезд, имея по револьверу в каждом кармане, издавать приказы, запрещающие гражданскому населению ходить по улицам, держа руки в карманах, ограничивать отпуска, открывать курсы по подготовке к партизанской войне, напоминать офицерам о необходимости практиковаться в стрельбе из револьверов, — причем все эти предосторожности по-своему лишь сильнее обостряли существующие страхи³². Многие отмечали, что вообще не имели понятия о том, куда их посылают и что они там будут делать³³. Эрнест Мерилл Рэнсфорд из Суффолкского полка прибыл в Ирландию после Месопотамии и Индии. Он сетовал на отсутствие «переднего края», на то, что постоянная угроза не дает людям покидать казармы, отчего у них почти не имеется возможности для тренировок и отдыха, на слабую дисциплину, болезни и низкий боевой дух. Сам он ранил себя в ногу и едва избежал трибунала, сумев доказать, что это был несчастный случай, но наблюдал множество случаев «самострела»: люди были готовы на все, лишь бы вернуться домой³⁴. Другие отмечали, что не знали, как реагировать на эту войну: вся прежняя подготовка оказалась на ней совершенно бесполезной. Жаловались на то, что их готовили к окопной войне,

²⁹ *Curtis L. Ireland 1921 // A Belfast Magazine. 2002. Vol. 20. P. 61.* Кертис был советником по ирландским делам в Министерстве колоний в 1921—1924 годах.

³⁰ TNA. CO904/168: To members of the IRA.

³¹ *Nankiville J.M., Loch S. Ireland in Travail. London, 1922. P. 127.*

³² См., например: H.C.N. Trollope (IWM. PP/MCR/212); *Guerrilla Warfare in Ireland, Lieut-Gen. A.E. Percival (Ibid. P18); History of the 5th Div. in Ireland, Lieut-Gen. Sir Hugh Jeudwine (Ibid. 72/82/2).*

³³ J.P. Swindlehurst (Ibid. P538).

³⁴ E.M. Ransford (Ibid. 80/29/1).

и многие просто не соответствовали своей новой роли. Заместитель генерал-адъютанта писал после одного инцидента со стрельбой:

Все они были взвинчены, распалены и делали то, к чему привыкли во французских траншеях. В данных обстоятельствах нельзя привлекать их к уголовной ответственности, но они не годятся для выполнения полицейской работы — да и годится ли для нее кто-либо из вспомогательного дивизиона?³⁵

Они были встревожены и выбиты из колеи насилием, с которым сталкивались, и это влияло на те формы, которые принимала деятельность британских военизированных сил в Ирландии, сильнее, чем некоторым хотелось бы признать. Крэйг-Браун из Эссекского полка писал домой: «...после нашего отбытия из Олдершота заметно возросло число случаев пьянства»³⁶. Половник Кертис признавал, что «в данных обстоятельствах даже самые смелые готовы успокаивать свои нервы выпивкой»³⁷. Многие не скрывали своего отчаяния и отсутствия гордости за то, что видят, в чем участвуют и что делают. «Войска, разорившие Фермой, — писал Крэйг-Браун, — <...> скатились до уровня бошей», но, «конечно, тем булавочным уколам, которые готовы терпеть войска, тоже есть предел»³⁸. Провокации и отчаяние ложились на плечи бойцов непосильным бременем. Военизированное насилие изменило природу солдата, подрывая дисциплину, боевой дух и структуру войск до такой степени, что Хью Чарльз Напье Троллоп из Суффолкского полка отмечал: «...в результате ирландской войны армия настолько деградировала, что батальонные учения, за исключением отработки одного-двух статичных батальонных построений, были сочтены нецелесообразными»³⁹. В глазах некоторых из этих людей насилие, с которым они встречались, — а может быть, одна лишь его угроза или слухи о нем — разрушало самую сущность армии и армейской службы. Фредерик Э.С. Кларк из Эссекского полка выразился откровенно: «Я сам себе не нравился в Ирландии. Думаю, что все остальные тоже сами себе не нравились»⁴⁰.

Эти свидетельства подводят нас к намного более широкому определению военизированного насилия, не связанному с конкретными

³⁵ Цит. по: Harvey A.D. Who Were the Auxiliaries? P. 667.

³⁶ E. Craig Brown (IWM. Con Shelf & 92/23/2).

³⁷ Curtis L. Ireland 1921. P. 61.

³⁸ E. Craig Brown (IWM. Con Shelf & 92/23/2).

³⁹ H.C.N. Trollope (Ibid. PP/MCR/212).

⁴⁰ F.A.S. Clarke (LHC. 1/6 1968).

группами или организациями. Тем не менее по-прежнему считается, что единственными британскими военизированными формированиями были вспомогательный дивизион и «Черно-коричневые». В глазах большинства обозревателей эти группы — особенно офицеры и кадеты вспомогательного дивизиона — своей формой и своим обликом резко отличались от регулярной полиции — и в то время, и в смысле последующего конфликта. Более того, они отличались от полиции не только своей внешностью и жалованьем, которое во вспомогательном дивизионе составляло 1 фунт в день и было феноменальным само по себе, делая это формирование на тот момент самой высокооплачиваемой силой такого рода в мире. Но что было необычного в их службе и в насилии, к которому они прибегали? Какими отличительными чертами обладало это конкретное военизированное насилие, если носителями военизированного насилия были только эти части?

Ирландские источники дают четкий ответ на этот вопрос. Дороти Макардл, «королевский агиограф [Ирландской] республики»⁴¹, в 1930-х годах по-своему сформулировала тезис о брутализации: она называла участников британских военизированных формирований «людьми с низким мыслительным уровнем, вышедшими из-под контроля вследствие того, что война разбудила в них самые первобытные инстинкты»⁴². Республиканские интерпретаторы того времени осуждали их как «уголовников, наркоманов, безумцев и убийц»⁴³, как «британских гуннов <...> выпущенных на свободу»⁴⁴. Но кем же еще они могли быть в глазах ирландских националистов, если не такими же карикатурами, как те, что рисовал Дэвид Лоу в *The Star* — где они изображались бешеными псами, которых Ллойд Джордж спустил с поводка, а теперь не может посадить обратно на цепь⁴⁵. Такая злоба и ярость в адрес «Черно-коричневых» до сих пор делает столь значимым их место в памяти о войне, которую иногда даже называют «Коричневой войной», несмотря на их относительно небольшую численность — около 9000 «Черно-коричневых» и до 2200 человек во вспомогательном дивизионе, что ничтожно мало по сравнению с почти 60 тысячами солдат, находившихся в Ирландии, — сами по себе демонстрируют, как быстро они стали восприниматься в качестве силы, единственной в своем роде. Как отмечал в 1922 году один

⁴¹ Lee J. *Ireland 1912—1985: Politics and Society*. Cambridge, 1989. P. 270.

⁴² Macardle D. *The Irish Republic*. London, 1937. P. 354.

⁴³ Hogan D. [*Gallagher F.*]. *The Four Glorious Years*. Dublin, 1953. P. 103.

⁴⁴ DDA. Archbishop Walsh Papers, file 380/5 laity (29 ноября 1920 г.).

⁴⁵ См., например: *The Star*. 1921. 4 Oct.

журналист, «проблема “Черно-коричневых” уже глубоко укоренилась в национальном сознании»⁴⁶. Хотя не исключено, что в какой-то мере ко всем британцам подходили с одной меркой («Кажется, “Черно-коричневыми” называют всех, кто служит правительству»⁴⁷), даже в ирландской пропаганде и мемуарах проводилось различие между «Черно-коричневыми» и офицерами вспомогательного дивизиона. Эти бывшие армейские офицеры, разгуливавшие, нацепив на себя «целый миниатюрный арсенал», и державшиеся так, «словно все эти неприятности были устроены специально для их увеселения»⁴⁸, кажется, заслужили всеобщее невольное уважение, которое само по себе являлось чем-то вроде комплимента в глазах тех людей из ИРА, которым удавалось сравняться с ними или убить одного из них⁴⁹. Однако «Черно-коричневые» и люди из вспомогательного дивизиона, похоже, сами с готовностью пропагандировали этот образ с тем, чтобы слухи об их безрассудстве и свирепости шли впереди них и заставляли их противников и гражданских лиц убираться с их пути. Архиепископу Дублина рекомендовали не выпускать монахинь его епархии из их монастырей, пока рядом находятся такие отчаянные люди, и помнить о том, «что наши славные ирландские девы претерпели в прошлом <...> от рук злобных кромвелевцев» и «что та же самая дьявольская жестокость присуща сегодня британским варварам», которые способны на любое подлое деяние⁵⁰. О них отзывались как о «жалких тварях из самых гнусных дыр Лондона», и эта репутация, убеждение широкой публики в ее справедливости, ее поощрение и стремление ей соответствовать, кажется, стали едва ли не фундаментальной чертой британских военизированных сил⁵¹. Их называли «грязными орудиями для грязной работы», и какой-то частью своего существа они стремились стать теми, кем их хотело видеть столько людей⁵².

Нам известно множество случаев насилия, своеволия, повальных расстрелов, странных и необычных методов допроса, пыток и убийств, и даже обвинений в изнасилованиях и похищениях. В первую очередь мы узнаем обо всем этом, естественно, из публицистики и пропаганды ИРА, но более показательны донесения британской армии и RIC,

⁴⁶ Ewart W. A Journey in Ireland. P. 137.

⁴⁷ Nankiville J.M., Loch S. Ireland in Travail. P. 74.

⁴⁸ J.P. Swindlehurst (IWM. P538).

⁴⁹ См., например: Charlie Somers Memoir [UCD Archives, Dublin P104/1395(22)].

⁵⁰ DDA. Archbishop Walsh papers, File 380/5 Laity (29 ноября 1920 г.).

⁵¹ Цит. по: Leeson D. The «Scum of London's Underworld»? P. 19.

⁵² Beaslai P. Michael Collins and the Making of a New Ireland. Dublin, 1926. Vol. 2.

а порой даже сведения, поступавшие от самих «Черно-коричневых» и вспомогательного дивизиона⁵³. Кое-что нам известно от бывшего главы вспомогательного дивизиона бригадного генерала Крозиера, подавшего в отставку в феврале 1921 года из-за поведения своих подчиненных, а также из-за того, что британское правительство явно не проявляло воли или готовности к тому, чтобы приструнить их⁵⁴. Либо в целях оправдания, либо в целях обвинения, но отличительными чертами этих людей во всех источниках назывались их недисциплинированность и необузданность, их способность к репрессиям, к поджогам, грабежам и мщению, которые сочетались с ожиданием или уверенностью в том, что им все сойдет с рук. Опять же, идея о «грязных орудиях для грязной работы», взятая на вооружение и молчаливо одобренная при попустительстве Ллойд Джорджа, дошла до самих этих людей в тренировочном лагере в Горманстауне, который, как говорили, в день выплаты жалованья превращался в «Дикий Запад»⁵⁵. Они несли службу без четких правил, не пройдя должного обучения, толком не зная, в чем состоит их роль и задача: «ни дисциплины, ни чести мундира, ни сплоченности, ни подготовки, ни стрельбища, ни столовой — НИЧЕГО»⁵⁶. Эти люди стали ассоциироваться с конкретными видами занятий — грабежами, поджогами, пьянством, — с конкретными событиями — в первую очередь с сожжением Корка и с разграблением Балбриггана, — с конкретными расправами — со смертью каноника Магнера в Данманвэе, с убийством бывшего армейца, капитана Николаса Прендергаста, в Фермое. По сути, на них стали валить вину за все плохое, происходившее в Ирландии в те годы. Роль козла отпущения стала частью их профессии, и за один фунт в день они брали на себя бремя не только своих, но и чужих грехов.

Хотя многие солдаты и полицейские задним числом с неприязнью отзывались о поступках «Черно-коричневых» и вспомогательного дивизиона, пожалуй, еще большее их число выражало определенную зависть к тем методам и средствам, которые позволялось применять этим вспомогательным полицейским силам. Один армейский офицер, отмечая, что «они были абсолютно недисциплинированными по стандартам нашего полка <...> [и] словно бы взяли за привычку по ночам без разрешения вырываться из казарм и убивать тех, кого

⁵³ См., например: J.P. Swindlehurst (IWM. P538); William Maltby (Ibid. Interview, 12258); Douglas Wimberley (Ibid. PP/MCR/182).

⁵⁴ См.: Crozier F.P. Ireland For Ever. London, 1932 (переизд.: Bath, 1971).

⁵⁵ Brewer J.D. The Royal Irish Constabulary: an Oral History. Belfast, 1990. P. 85.

⁵⁶ Wilson Diary, 12 мая 1920 г. (IWM).

считали повстанцами», по крайней мере признавал, что «эту привычку исподтишка переняли даже некоторые офицеры и солдаты из числа армейцев»⁵⁷. И действительно, существует более чем достаточно свидетельств того, что в некоторых армейских частях практиковалось то же самое. Это подтверждает, например, Эвелин Линдси Янг, офицер из Бэндона (графство Корк). Он явно не без удовольствия описывает, как пытал пленных, утверждая, что показывал им трупы с целью запугать их и вынудить к признанию⁵⁸. Все участники сожжения Туама в июле 1920 года являлись кадровыми служащими RIC. И в то время как многие армейцы и полицейские были склонны видеть в участниках военизированных формирований тех, кто способен «отвечать противнику достаточным и даже более чем достаточным воздаянием», многие представители армии и RIC в этом смысле ничем от них не отличались⁵⁹. В тех случаях, когда отличительной чертой военизированных формирований являются недисциплинированность, репрессии, «ответ ударом на удар», то, возможно, было бы более уместно говорить об общем состоянии военизированного насилия, а не возлагать вину за него исключительно на одно-два вспомогательных полицейских формирования. Их особый статус, будучи чисто поверхностным, создавался различиями в жалованье и внешнем виде, репутацией и пропагандой. Но, по сути, если разница между регулярными и военизированными частями определяется их поступками, то насколько поступки последних отличались от поступков прочих королевских сил в Ирландии, демонстрировавших то же самое сочетание послушания, недисциплинированности, стрельбы, убийств, сожалений, обвинений и ошибок? Армия оправдывала свои репрессивные действия против населения точно так же, как их оправдывали «Черно-коричневые» и вспомогательный дивизион. Некий майор с планкой ордена «За выдающиеся заслуги» так объяснял в 1921 году журналисту: «Разве можно ожидать чего-либо, кроме репрессий, когда здесь так убивают твоих товарищей и товарищей твоих подчиненных?»⁶⁰ Судя по всему, все формирования в какой-то момент оказались готовы отвечать «огнем на огонь», в результате боев превратившись, как выразился руководитель армейского отдела ирландской пропаганды, в «секретное сообщество убийц» вместо «дисциплинированной регулярной армии», ведущей войну⁶¹.

⁵⁷ Douglas Wimberley (Ibid. PP/MCR/182).

⁵⁸ Under the Shadow of Darkness — Ireland, GB99 Lindsay-Young (LHC).

⁵⁹ H.C.N. Trollope (IWM. PP/MCR/212).

⁶⁰ Ewart W. A Journey in Ireland. P. 70.

⁶¹ Foulkes C.S. Is the IRA a Murder Gang? (LHC. Foulkes papers. Vol. 7/43).

ПОЛИТИКА ВОЕНИЗИРОВАННОГО НАСИЛИЯ

Характер военизированных формирований определялся не только их отношением к боевым действиям, в которых они участвовали, но и запретами, с которыми эти формирования сталкивались — и которые служили источником раздражения и для «Черно-коричневых», и для солдат. Представитель «Черно-коричневых» Дуглас В. Дафф писал:

...имея свободу действий, мы могли бы восстановить порядок в Ирландии за месяц, даже если бы это был мир в римском стиле, при котором страна становится пустыней. Нас же сегодня подбивали на жестокости и зверства, завтра сажали в тюрьму и увольняли за грубые слова в адрес врага — и неудивительно, что наши люди падали духом и в большинстве своем несли службу только ради жалованья⁶².

Постоянно раздавались призывы ввести военное положение, от правительства требовали назвать происходящее войной и дать разрешение на использование известных способов ведения военных действий. Монтгомери признавал, что «для победы в войне такого типа нужно быть безжалостным; Оливер Кромвель или немцы покончили бы с ней очень быстро. Но общественное мнение в наши дни не даст согласия на подобные методы»⁶³. Монтгомери допускал, что подавление восстания, вероятно, все равно стало бы лишь временной мерой, но тем не менее написанные им строки полны сожаления. Многие обвиняли правительство в том, что оно сдалось в тот момент, когда до победы оставался только шаг. Ф.Э.С. Кларк писал о том, с каким стыдом он сдавал форт, удерживавшийся 350 лет, — форт, «который им отдали наши политики <...> форт, который они никогда бы не захватили» сами⁶⁴. Джордж У. Элбин выразил свои чувства лишь немногим более откровенно: «Хорошо было правительству и интеллигенции сидеть дома на своих жирных задницах, в то время как расхлебывать все дерьмо приходилось войскам»⁶⁵.

Но, несмотря на разочарование действиями правительства, гораздо чаще речь заходила о том, что было почетного и бесчестного на войне с ИРА, и именно такие рамки эти люди продолжали использовать для самоидентификации. Во многих отношениях как раз такая идио-

⁶² *Duff D.V. Sword For Hire. P. 77.*

⁶³ *Montgomery to Percival, 14 октября 1923 г. (IWM. Percival Collection, P18 4/1).*

⁶⁴ *F.A.S. Clarke (LHC. 1/6 1968).*

⁶⁵ *G.W. Albin (IWM. PP/MCR/192).*

матика — развитие идеи о «честной игре», представление о том, что «война между белыми людьми должна вестись по-спортивному, а не так, как воюют дикие племена», — и поставила под вопрос поведение королевских сил в Ирландии⁶⁶. Об этом поведении стали судить по их собственным стандартам, и оказалось, что в смысле военного идеала оно оставляет желать лучшего. Вооруженным силам Его Величества не пристало заниматься репрессиями и тайными расстрелами. Победители в Мировой войне, защитники отважной Бельгии просто не имели права попасться на чем-то подобном; воевать таким образом было «не по-британски»⁶⁷. Депутат от Либеральной партии, лейтенант-командер Кенворти, выступая в палате общин, привел следующее острое сопоставление:

Бельгийские эксцессы оправдывались в германском рейхстаге рассказами о бельгийцах, стреляющих из своих домов по доблестным германским войскам <...> Точно так же сейчас наше правительство оправдывает сожжение деревень в Ирландии. Если мы не осудим его, то будем виновны не меньше и даже больше, чем немецкий народ. Пусть я не добьюсь такого осуждения от этой палаты, но надеюсь, что его вынесет народ за ее стенами. Если же этого не случится, то, значит, войну выиграла Германия и в нас вселился прусский дух. И это окончательное торжество прусского духа будет означать, что 800 тысяч погребенных на десятке фронтов, цвет нашей расы, погибли зря <...> [что] Германия победила, а мы проиграли. В этом и заключается самая главная трагедия, самое большое зло⁶⁸.

Лейборист Артур Хендерсон задавался вопросом о том, как правительство могло поставить себя в такое положение, что его действия «сравнивались с политикой [германских] гуннов в бельгийских деревнях во время войны»⁶⁹. В глазах сэра Генри Уилсона, начальника имперского Генерального штаба, военизированное насилие было не просто «фатальной политикой и упущением со стороны правительства», а «чрезвычайно опасной и неоправданной практикой»⁷⁰. Уилсон не был против насилия в Ирландии. Он почти неизменно называл бойцов ИРА

⁶⁶ To Members of the IRA (TNA. CO904/168).

⁶⁷ Crozier F.P. Ireland For Ever. P. 107.

⁶⁸ Hansard. Ser. 5. Commons. Vol. 133. Col. 961—962 (20 октября 1920 г.). См.: Horne J., Kramer A. German Atrocities 1914: a History of Denial. New Haven, 2001.

⁶⁹ Hansard. Ser. 5. Commons. Col. 931.

⁷⁰ Wilson Diary, 27 сентября, 6 сентября 1920 г. (IWM); Jeffery K. Field Marshal Sir Henry Wilson: a Political Soldier. Oxford, 2006.

убийцами, выступал за введение полноценного военного положения и хотел умиротворить страну с помощью расстрельных списков⁷¹. Но он желал, чтобы правительство взяло на себя ответственность и действовало так, как, по его мнению и убеждению, надлежит действовать британскому правительству: «Для меня все это означает полное банкротство правительства и обязательно приведет к хаосу и анархии». «Черно-коричневые» — не более чем «буйные дьяволы», а «идея Л[лойд] Дж[орджа] и Уинстона послать туда банду убийц, чтобы та перебила других убийц, была и остается вещью скандальной»⁷². В своем дневнике Уилсон отмечал аналогичное неодобрение со стороны короля: «Он хочет запретить всех “Черно-коричневых”»⁷³. Они не соответствовали идеалу британской войны по представлениям Георга V.

Если военизированное насилие представляло собой оскорбление идеала войны в широком смысле, то еще более затруднительно выявить те идеалы или идеи, за которые сражалось большинство людей, отправленных в Ирландию. Если некоторые — такие как вышеупомянутый Дафф — открыто признавали, что служат исключительно за деньги, а многие вступали или возвращались в ряды военизированных сил, не найдя вообще никакой работы или такой работы, которая, по их мнению, соответствовала бы их военным заслугам, то прочие, кажется, просто не знали, где, с кем и зачем они будут сражаться в Ирландии. С точки зрения одного бойца вспомогательного дивизиона, просто «наконец нашлось какое-то занятие»⁷⁴. В то время как люди, подобные Уилсону, являлись откровенными, убежденными и решительными унионистами и свято верили в то, что ирландские события определяют судьбу империи, в целом мотивации были такими же разными, как и сами участники военизированных формирований. Некоторыми двигала ненависть, вражда, верность империи, война ради войны. Другие всего лишь старались продержаться, отбыть свой срок, симулировать болезнь или по максимуму выжать из этого очередного назначения вдаль от дома. Для третьих мотивацией являлся своеобразный расизм, нашедший выражение в словах бойца вспомогательного дивизиона: «У немца есть честь. У турка есть честь. У черномазого есть честь. Чести нет лишь у “шиннера”. Вступайтесь за любую ублюдочную расу, за какую хотите, но только не за ирландцев»⁷⁵. Однако это отсутствие

⁷¹ Wilson Diary. 23 сентября 1920 г.

⁷² Ibid.

⁷³ Ibid. 28 марта 1921 г.

⁷⁴ Ernest Lycette (IWM. 08/43/1).

⁷⁵ Nankiville J.M., Loch S. Ireland in Travail. P. 132.

явной идеологии создает разительный контраст со многими военизированными движениями Европы. В отличие от них «Черно-коричневые» не имели ни идеологии — будь то национализм или социализм, — ни цели. Если что-то и выделяло их из числа прочих военизированных движений, то в первую очередь — борьба с врагом, ставившим перед собой намного более ясную цель:

...большинство из нас не могло не испытывать сочувствия к тем беднякам, за которыми мы охотились по холмам и болотам. Они, по крайней мере, считали, что сражаются за справедливое дело, в то время как мы точно не могли сказать этого о себе, понимая, что являемся лишь орудием в руках лондонской политической хунты⁷⁶.

И хотя большинство не заходило так далеко, как Дафф, признававший: «Я бы перешел на службу в Ирландскую республиканскую армию, если бы знал, как это сделать», — все же он явно не был исключением, судя по частым случаям дезертирства, отставки или передачи и продажи оружия повстанцам⁷⁷. «Мы определенно не были патриотами, готовыми умереть за свою родину», — вероятно, именно это отличало «Черно-коричневых» от других военизированных группировок той эпохи⁷⁸. Не шло речи и о верности конкретному вождю или конкретной политике; многие скатывались к военизированному насилию из-за отсутствия иного внятного выхода. Политика, религия, этническая принадлежность и даже утрата ориентиров — все это присутствовало в той или иной мере и в тех или иных разновидностях, но в недостаточном количестве для того, чтобы оформиться в единую идеологию и сделать английское военизированное насилие в Ирландии чем-то бóльшим, нежели сумма его частей.

Если идеология не позволяет поместить «Черно-коричневых» в какую-либо рубрику или дать им истолкование, то остается традиционная точка зрения, согласно которой они являлись «жестоким детищем военной деморализации»⁷⁹. Британская пропаганда в Ирландии специально обыгрывала их участие в Мировой войне в надежде запугать ИРА: «Они знают, что такое опасность. Они знают, что такое война. Они и прежде, не дрогнув, смотрели смерти в лицо»⁸⁰.

⁷⁶ Duff D.V. *Sword For Hire*. P. 77.

⁷⁷ Duff D.V. *On Swallowing the Anchor*. London, 1954. P. 106; Lieut-Gen. Sir Hugh Jeudwine (IWM. 72/82/2).

⁷⁸ Duff D.V. *May the Winds Blow*. London, 1948. P. 78.

⁷⁹ Leeson D. *The «Scum of London's Underworld»? P. 1.*

⁸⁰ *The Weekly Summary*. 27 августа 1920 г. (TNA, WO 35/205).

Но то же самое можно было сказать и о многих бойцах ИРА, а тезис о брутализации в случае «Черно-коричневых» так же уязвим для критики, как и в контексте всех прочих военизированных движений послевоенной Европы. Нет никакой возможности проверить его вне рамок индивидуального опыта. Были те, кто объяснял свою службу в военизированных формированиях возбуждением, ощущаемым в бою — в любом бою; например, один человек похвалялся тем, что имел на своем счету 37 убитых⁸¹. Но, с другой стороны, немало офицеров и солдат, удостоенных наград, увольнялись, не выдержав того, с чем они сталкивались на ирландской войне⁸². В то время как было бы «ошибкой», по словам Эдриена Грегори, «полагать, что в британской жизни не встречалось “кровожадных” ветеранов», в случае Ирландии было бы более разумно изучить реакцию многих из таких британских ветеранов на насилие и на условия их службы в Ирландии, вместо того чтобы огульно обвинять во всем Мировую войну⁸³. Они были участниками военизированных формирований, реагировавшими на военизированное насилие со всем сопутствовавшим ему смятением и потенциалом к неповиновению. Первая мировая война повлияла на происходившее в Ирландии в том смысле, что многие оказались не подготовленными к тому типу насилия, который они там встретили. Тезис о брутализации во многих отношениях слишком элементарен. Природа военизированного насилия в Ирландии имела намного более сложный характер.

Кроме того, не следует упрощать дело, относясь к британскому военизированному насилию как к чему-то оторванному и далекому от самой Британии. Грегори утверждает, что разговоры о «британском самодовольстве, вызванном отсутствием послевоенного менталитета фрайкора, следует сопровождать серьезной оговоркой “за исключением Ирландии”» и что ирландское насилие даже «вызвало яростную контрреакцию против политического насилия в Великобритании»⁸⁴. Такое выталкивание проблемы на «другой остров» не вполне согласуется с намного более сложным личным отношением к Ирландии во многих умах того времени⁸⁵. Сэр Генри Уилсон перемещал батальоны из Ирландии в Ливерпуль и Лондон, всегда помня о том, что рабочие волнения в метрополии не менее важны, чем ирландские проблемы,

⁸¹ J.E.P. Brass (IWM. 76/116/1).

⁸² См.: Harvey A.D. Who Were the Auxiliaries? P. 665.

⁸³ Gregory A. Peculiarities of the English? War, Violence and Politics: 1900—1939 // Journal of Modern European History. 2003. Vol. 1. P. 53.

⁸⁴ Ibid. P. 53.

⁸⁵ Ibid. P. 54.

и что противник знает о бремени, возложенном на силы Его Величества, и умело пользуется этим.

Те ирландцы, что достаточно умны, постепенно впутывают в свое дело английских лейбористов <...> в самом ближайшем будущем ирландский вопрос будет настолько сплетен с рабочим вопросом в Англии, что они станут неразделимы, и это будет означать сперва потерю Ирландии, затем потерю империи и наконец гибель самой Англии⁸⁶.

Уилсон полагал, что в войне за Ирландию «сражается с Нью-Йорком, Каиром, Калькуттой и Москвой, которые используют Ирландию лишь как инструмент и орудие против Англии»⁸⁷. В Ирландии Уилсон воевал с большевизмом и анархией точно так же, как воевал с ними в ливерпульских доках и ланкаширских шахтах, так же, как воевали с ними *Union Civiques* во Франции, фрайкор и сама Белая армия, даже если в случае Уилсона и Великобритании эта угроза была в большей степени надуманной, чем реальной. Борьба с одним врагом означала борьбу со всеми прочими, и в этом смысле Ирландия в глазах Уилсона была так же важна для Великобритании, как Ольстер, как Англия, как сам король. Парадоксальным образом, оппозиция Освальда Мосли военизированному насилию в 1920 году тоже играла ключевую роль в его представлениях о том, что значит быть британцем. Он перешел на скамью оппозиции в палате общин в знак протеста против дальнейшего использования правительством «Черно-коричневых»⁸⁸.

Ирландия была не просто одной из частей империи. Она входила в Союз Великобритании и Ирландии; депутаты от Ирландии заседали в самом имперском парламенте. Тем не менее вне зависимости от конституционных тонкостей и различий практическая сторона войны с ИРА означала, что отмежеваться или дистанцироваться от военизированного насилия было не так просто, как полагает Грегори. ИРА имела роты и батальоны в Англии, Шотландии и Уэльсе. Поджоги в Ливерпуле, стрельба, планы покушения на британских министров, убийство самого сэра Генри Уилсона в июне 1922 года — все это заставляло принимать происходящее несколько ближе к сердцу по сравнению с какой-нибудь далекой колониальной войной. Заграждения, возведенные вокруг Даунинг-стрит, и полисмены, неотлучно следовавшие за Ллойд

⁸⁶ Wilson to G.F. Milne, 2 июня 1920 г. (IWM. NHW 2/37/16).

⁸⁷ Wilson Diary, 11 мая 1920 г.

⁸⁸ Douglas R.M. *The Swastika and the Shamrock: British Fascism and the Irish Question, 1918—1940* // Albion. 1997. Vol. 29. № 1. P. 71—72.

Джорджем и его министрами еще и в 1922 году, служили признаком того, что на этот раз линия фронта проходила совсем рядом⁸⁹. Лейтенант-командер Кенворти поднимал и неудобный вопрос о том, что случится с участниками британских военизированных формирований после возвращения домой:

...если им позволено расстреливать людей на месте по подозрению в их принадлежности к Шинн фейну или причастности к убийствам, то что они завтра будут делать в Англии? <...> Думая, что сумеем остановиться на другой стороне пролива Святого Георга, мы проявляем оптимизм, совершенно не оправданный с точки зрения истории⁹⁰.

От Ирландии и военизированного насилия было не так-то просто отделаться. Более того, идея вооруженного подавления профсоюзных волнений в Великобритании являлась прямым следствием перенапряжения сил в Ирландии и других местах⁹¹. Собственно, планы по обороне столицы во время ирландской войны были вновь извлечены из-под спуда с началом всеобщей забастовки⁹². Британцы, в отличие от французов, в 1926 году были готовы наделить отечественные военизированные формирования — Специальную полицию и Гражданский полицейский резерв — полицейскими функциями⁹³. Но и тогда генерал-майор лорд Рутвен, осуществлявший общее командование в Лондоне, улавливал отголоски ирландских событий 1920—1921 годов: к этим полицейским частям «несомненно, относились как к очередной разновидности штрейкбрехеров и “Черно-коричневых”...»⁹⁴.

НАСЛЕДИЕ

Наследие британского военизированного насилия в Ирландии имеет долгую историю. «Черно-коричневые» с легкостью вошли в пантеон ирландских бедствий наряду с Кромвелем, голодом и разорительной

⁸⁹ См.: TNA. MEPO 38/125, 126, 127, 133, 157.

⁹⁰ Hansard. Ser. 5. Commons. Vol. 133. Col. 964 (20 октября 1920 г.). См. также: Lawrence J. Forging a Peaceable Kingdom: War, Violence and Fear of Brutalization in Post-First World War Britain // *The Journal of Modern History*. 2003. Vol. 75. P. 557—589.

⁹¹ Jeffery K. *The British Army; Townshend Ch. Britain's Civil Wars*. London, 1986.

⁹² Jeffery K. *The British Army and Internal Security 1919—1939* // *The Historical Journal*. 1981. Vol. 24. P. 387.

⁹³ Ibid. P. 390—393.

⁹⁴ Цит. по: Ibid. P. 393.

арендной платой. В 1972 году британский министр по делам Северной Ирландии лорд Уиндлшэм затребовал доклад о «Черно-коричневых», задаваясь вопросом о том, «дают ли они нам уроки, которые могут пригодиться в текущий момент». Согласно выводу, сделанному автором доклада, «любая британская структура, вынужденная вмешиваться в ирландские дела, наверняка будет обвинена в том, что ведет себя подобно “Черно-коричневым”»⁹⁵. Число ссылок на этот термин и его упоминаний в одном лишь парламенте после 1972 года свидетельствует о том, что предсказания чиновника, к сожалению, оказались верными. Наследием «Черно-коричневых» в более непосредственном смысле являлись события в Палестине и служба многих бывших «Черно-коричневых» в рядах здешней жандармерии. Некоторые из них признавались, что Ирландия изменила их и что во время службы в Палестине они просто «закрывали на всё глаза», стреляли первыми, а затем не задавали никаких вопросов⁹⁶. Воспоминания Дугласа Даффа о Палестине намного более brutальны, чем всё, что он испытал или ожидал увидеть в Ирландии⁹⁷. В 1931 году он был фактически отправлен в отставку. Однако во многих отношениях Палестина представляла собой новую проблему, совершенно иную и намного более далекую по сравнению с Ирландией. Выражение «Черно-коричневые» оставались бранным и оскорбительным много времени спустя после палестинских событий. Его можно было услышать во время парламентских дебатов по Кипру, Кении, Малайе и во всех тех частях света, где британская политика и британские действия производили впечатление неуклюжих, неэффективных или в чем-то неверных. Оно оставалось символом беспорядка и неповиновения, состояния ума, военизированного насилия как такового, не связанного конкретно с той или иной организацией.

«Черно-коричневые» в самом широком смысле не обязательно являлись британским фрайкором, хотя Харви готов допустить, что в них шли люди точно такого же типа⁹⁸. За ними не стояла какая-либо последовательная идеология, связанная с вопросами веры, этнической принадлежности или расы. Они были такими же экстремистами, как и те, кто видел «шиннеров» за каждым углом, и столь же безразлично относились к своему делу, как и те, кто признавал, что служит исключительно ради жалованья. К их появлению на свет привело перенапряжение полицейских и армейских сил, они не являлись со-

⁹⁵ TNA. CJ4/152.

⁹⁶ J.V. Faviell (IWM. 82/24/1).

⁹⁷ Duff D.V. May the Winds Blow.

⁹⁸ Harvey A.D. Who Were the Auxiliaries? P. 669.

юзом убежденных и разочарованных людей, которых государству приходилось как-то контролировать и обуздывать. На «отсутствие послевоенного менталитета фрайкора», о котором говорит Грегори, имеет смысл ссылаться лишь в том случае, если придерживаться слишком узких определений⁹⁹. Но если военизированные формирования переходят к военизированному насилию, если им дозволяется означать нечто большее, чем конкретные части вспомогательных военных или полицейских сил, если под ними начинают понимать нечто более расплывчатое, более близкое к состоянию умов во всех королевских силах в Ирландии — как в армии, так и в старой и новой RIC, — более близкое к беспорядку и неповиновению, воюющее без особого внимания к обычаям, правилам и должным процедурам, то британское военизированное насилие становится намного более сложным, широким и тревожным явлением. Не зря майор Проктер протестовал, когда его назвали «Черно-коричневым». Это словечко служило слишком явным напоминанием о «грязных орудиях», применявшихся Великобританией на ирландской войне.

⁹⁹ Gregory A. Peculiarities of the English? P. 53.

ЗАЩИТИТЬ ПОБЕДУ:
ВОЕНИЗИРОВАННАЯ ПОЛИТИКА
ВО ФРАНЦИИ, 1918—1926 ГОДЫ.
КОНТРПРИМЕР

Стабильные демократии Западной Европы представляют собой контрпример по отношению к основному тезису настоящей книги, выделяясь практически полным отсутствием военизированного насилия во внутренней политике в послевоенный период. Великобритания и Франция в ноябре 1918 года стали «победителями». Их политическая система успешно справилась с тяготами военного времени, и даже достаточно серьезный послевоенный социальный конфликт не стал принципиальной угрозой для существующего порядка. За таким важным исключением, как война за независимость в Ирландии, их географическая целостность не подвергалась опасности.

Однако смысл контрпримера состоит в задании концептуальной точки отсчета, позволяющей оценить основной феномен — в данном случае военизированное насилие в других регионах Европы. Вероятно, в этом отношении полезнее рассматривать не Великобританию, а Францию, поскольку в этой стране все же создавались отечественные военизированные формирования, и военизированная политика выдвигалась здесь и в качестве опоры парламентской республики, и в качестве ее альтернативы. Понимание того, почему дело обстояло таким образом и какие факторы ограничивали распространение военизированного насилия во Франции, может пролить свет на его более обширные и кровавые проявления в других странах. Однако по причинам, которые будут объяснены ниже, изучение французских военизированных формирований требует использования временных рамок, выходящих за пределы 1923 года.

МИФЫ О ПОБЕДЕ И РЕВОЛЮЦИИ

Распространению военизированного насилия в первые шесть лет после завершения Первой мировой войны способствовала «культура поражения», выявленная в качестве объекта исследования лишь в не-

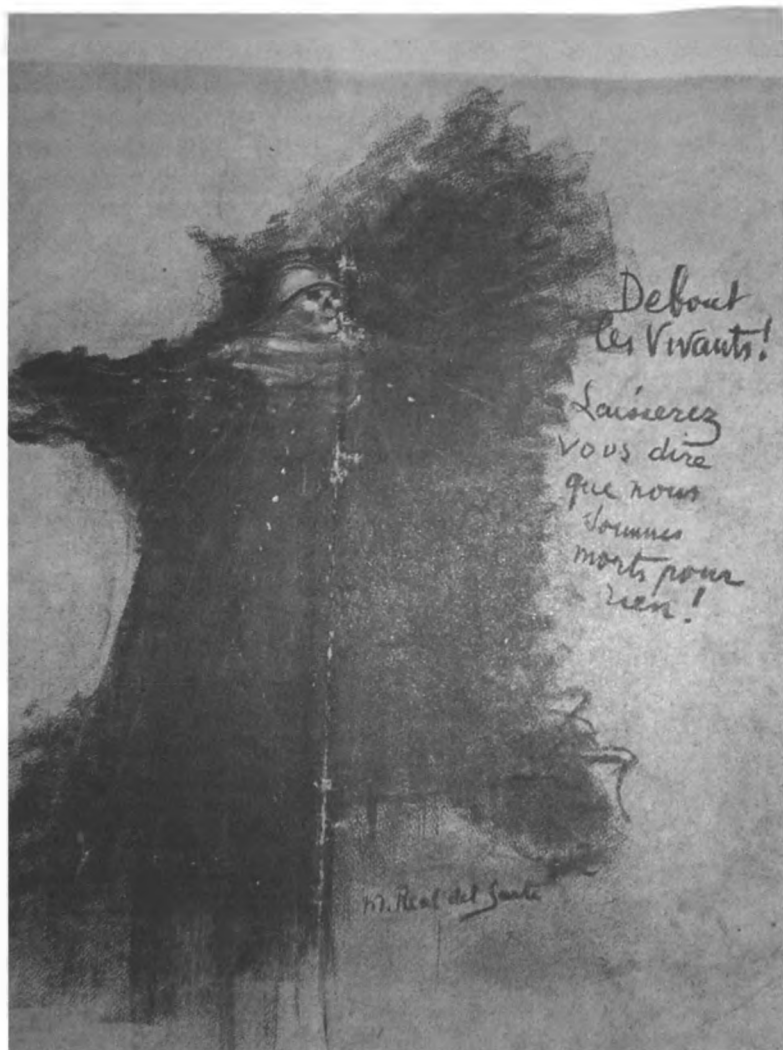

Рис. 17. «Культура победы» под угрозой поражения. Голос павших на войне призывает живых встать на защиту победы: «Живые, вставайте!

Не позволяйте говорить о нас как об умерших напрасно!»

Рисунок Максима Реаль дель Сарте, ведущего французского художника и скульптора, члена ультраправой группировки Action Française, раненного под Верденом в январе 1916 г. Этот рисунок был помещен на обложке журнала «Лиги за союз французов, не предавших победу» 9 марта 1924 г., накануне выборов, выигранных «Картелем левых»

давние годы¹. Попытки предотвратить наихудшие последствия военного поражения в Германии и Австро-Венгрии, а также стремление националистических кругов в Италии аннулировать реальное или мнимое дипломатическое поражение приводили к самоорганизации возвращавшихся с фронта офицеров и солдат, а также молодых авантюристов, не участвовавших в войне, в группировки, подменявшие собой армию. Считалось, что регулярная армия утратила способность защищать нацию и устоявшийся строй как внутри страны, в ходе классовой борьбы с радикальными и революционными движениями, вспыхивавшими после окончания войны (и скопом причислявшимися к большевизму), так и на спорных этнических рубежах новых государств, формировавшихся во время и после Парижской мирной конференции. В Финляндии и Прибалтийских республиках, в Центральной Европе, в Северной и Центральной Италии — повсюду возникали всевозможные легионы, милиции, фрайкоры и прочие вооруженные группировки, использовавшие идеологию и опыт Первой мировой войны, а также оставшиеся от нее оружие и подготовку с целью противодействовать тому, что воспринималось как социальное или национальное поражение, и обратить его вспять². Они защищали свое дело с точки зрения идеологии и этнической принадлежности, но источником их влияния служило насилие — использование квазивоенных формирований как лекарства от хаоса. Более того, в Италии, где зарождалось фашистское движение, военизированное насилие превратилось в организационный принцип при разработке проекта авторитарного государства и его воплощении в жизнь³.

Во Франции наблюдалось противоположное явление — возникновение «культуры победы» (явления, которое как таковое до сих пор не привлекло к себе внимания историков). Никогда прежде со времен Наполеоновских войн французская армия не достигала таких размеров и не пользовалась таким престижем. Она не только «освободила» Эльзас и Лотарингию, но также (совместно с британскими и американ-

¹ Schivelbusch W. *The Culture of Defeat. On National Trauma, Mourning and Recovery*. London, 2003; см. также: Horne J. *Defeat and Memory in Modern History* // Macleod J. (Ed.). *Defeat and Memory. Cultural Histories of Military Defeat in the Modern Era*. London, 2008. P. 11—29.

² О транснациональном аспекте см.: Gerwarth R. *The Central European Counter-revolution: Paramilitary Violence in Germany, Austria and Hungary after the Great War* // Past and Present. 2008. Vol. 200. P. 175—209. Превосходный обзор послевоенных конфликтов (с библиографией) см.: Gatrell P. *War after the War: Conflicts, 1919—23* // Horne J. (Ed.). *A Companion to World War I*. Chichester, 2010. P. 558—575.

³ Gentile E. *The Origins of Fascist Ideology, 1918—1925*. N.Y., 2005.

скими силами) оккупировала Рейнланд и оставалась там до 1930 года с целью обеспечить соблюдение мирного договора. Она решительно выполняла эту роль, оккупировав в 1923 году Рур с тем, чтобы принудить Германию к выплате репараций. Кроме того, французские войска дошли из Македонии до Дуная и в 1919 году способствовали свержению недолговечного революционного правительства Бели Куна в Будапеште. Они вмешались в Гражданскую войну в России (при поддержке французского флота, вошедшего в Черное море) и помогли польской армии разгромить большевиков во время советско-польской войны 1920 года. Некоторые солдаты, которым не терпелось попасть домой, возмущались тем, что более половины армии оставалось под ружьем вплоть до подписания 28 июня 1919 года Версальского мирного договора⁴. Однако во второй половине этого года была быстро проведена демобилизация. Полки, ненужные для решения военных задач за границей, возвращались в гарнизонные города, где им устраивали торжественные встречи, подчеркивавшие масштаб победы и то, в каком долгу перед ними находится страна⁵.

Признание этого долга выразилось в создании национального ритуала, увековечивавшего память о погибших и подвиг простых солдат. Устраивая различные церемонии — начиная от проведения 14 июля 1919 года парада победы, который открывала тысяча ветеранов-инвалидов, и заканчивая торжественным открытием Могилы Неизвестного Солдата под Триумфальной аркой 11 ноября 1920 года, — государство признавало победу и уплаченную за нее цену таким образом, который устраивал большинство слоев нации, вне зависимости от их политических, религиозных или культурных взглядов⁶. Благодаря многочисленным военным мемориалам, сооруженным в течение последующих пяти лет, победа и те страдания, которые пришлось вынести по пути к ней, стали неотъемлемой частью французской гражданской и религиозной жизни⁷.

Однако наступивший мир не принес с собой полного спокойствия. Двусмысленность заключенного перемирия отражалась в трениях на мирной конференции, связанных со стремлением французской делегации дипломатически закрепить победу, одержанную Францией

⁴ *Cabanes B.* La Victoire endeuillée. La sortie de guerre des soldats français (1918—1920). Paris, 2004. P. 314—333.

⁵ *Ibid.* P. 425—494.

⁶ *Ben-Amos A.* Funerals, Politics, and Memory in Modern France, 1789—1996. Oxford, 2000. P. 215—224.

⁷ *Becker A.* Les Monuments aux morts. Mémoire de la Grande Guerre. Paris, 1998; *Sherman D.* The Construction of Memory in Interwar France. Chicago, 1999.

на поле боя. Согласно донесениям о состоянии общественного мнения, большинство французов «требовало жестких условий, которые бы исключали новые агрессивные замыслы со стороны немцев»⁸. Как хорошо известно, Клемансо приходилось лавировать между воинственными националистами (чью позицию разделял маршал Фош, Верховный главнокомандующий армиями Антанты), настаивавшими на полной аннексии Рейнланда, и Вудро Вильсоном и Ллойд Джорджем, проявлявшими больше снисходительности к Германии в стремлении избежать зеркального отражения 1871 года. С точки зрения Ллойд Джорджа, угроза большевизма, ощущавшаяся по всей Европе и особенно в Германии, требовала заключения мира на более умеренных условиях⁹. В конце концов все, за исключением социалистов (заявивших: «Этот мир — не наш мир!»), ратифицировали Версальский договор в палате депутатов¹⁰. Но боязнь утратить в мирные годы все завоеванное такой ценой на войне продолжала терзать французское политическое сознание.

Тревожным было и внутреннее положение страны в 1919—1920 годах, несмотря на то что ее не сотрясали жестокие социальные конфликты и революционные события, как это было в других странах. Забастовочное движение достигло в 1919—1920 годах рекордных масштабов, сойдя на нет лишь вместе со спадом 1920—1921 годов, охватившим экономику, пытавшуюся вернуться на мирные рельсы и справиться с наплывом демобилизованной рабочей силы¹¹. Бастующие нередко требовали повышения заработной платы, которое предусматривалось в рамках трехсторонних соглашений, заключенных в годы войны между государством, предпринимательскими кругами и рабочим классом. Но в то же время забастовщики выступали и с более обширными призывами к реформам, опиравшимися на убеждение главной французской конфедерации профсоюзов, *Confédération Générale du Travail* (CGT), в том, что вклад, внесенный рабочими оборонных предприятий в победу, должен быть вознагражден установлением экономической

⁸ SHD. 6N 147: Bulletin confidentiel résumant la situation morale à l'Intérieur (15 апреля 1919 г.); Miquel P. La Paix de Versailles et l'opinion publique française. Paris, 1972. P. 236—237.

⁹ King J.C. Foch versus Clemenceau: France and German Dismemberment, 1918—1919. Cambridge (Mass.), 1960; Macmillan M. Peacemakers: Six Months that Changed the World. London, 2001. P. 205—214.

¹⁰ Bonnefous E. Histoire politique de la Troisième République. Paris, 1968. Vol. 3: L'Après-guerre (1919—1924). P. 57; о позиции социалистов см.: L'Humanité. 1919. 9—12 mai.

¹¹ Haimson L., Sapelli G. (Ed.). Strikes, Social Conflict and the First World War. Milan, 1992.

демократии в той или иной форме. Под угрозой забастовок в конце апреля 1919 года и вопреки оппозиции со стороны предпринимателей, полагавших, что Франция не может себе такого позволить, Клемансо удовлетворил ключевое требование пролетариата — введение восьмичасового рабочего дня¹².

Более воинственные профсоюзные круги, вдохновляясь довоенным революционным синдикализмом, отважились пойти на более радикальное, практически революционное противостояние с государством, в полной мере проявившееся во время мощной забастовки парижских машиностроителей в июне 1919 года и недолгой железнодорожной забастовки в феврале 1920 года и достигшее кульминации в ходе всеобщей забастовки 1 мая 1920 года. В то время как воинствующее меньшинство воспринимало происходящее как революционную атаку на существующий строй, забастовку возглавила CGT, потребовав окончательной национализации железных дорог (временно осуществленной государством в годы войны) и обширных реформ. Эти события стали высшей точкой послевоенных рабочих выступлений.

Социальные волнения охватили не только промышленный пролетариат. Офисные служащие также начали объединяться в профсоюзы и вести агитацию в ответ на снижение уровня жизни вследствие инфляции, а государственные служащие, которым согласно французскому профсоюзному закону 1884 года было запрещено вступать в профсоюзы, теперь требовали себе такого права. Как и в других странах, внутренние трения 1919—1920 годов во Франции были тесно связаны с жертвами военного времени и с возникавшей в ответ на них «моральной экономикой» (по выражению Эдварда Палмера Томпсона)¹³. В то время как рабочие и офисные служащие по-прежнему обвиняли в инфляции «спекулянтов», припрятывавших товары, семьи из числа среднего класса, столкнувшись с трудностями, были готовы поверить, что рабочие военных заводов (включая женщин-*munitioinettes*) получают чрезмерно высокую зарплату, которая вместе с военными пособиями для семей, оставшихся без

¹² *Horne J.* The State and the Challenge of Labour in France, 1917—20 // Wrigley Ch. (Ed.). *Challenges of Labour. Central and Western Europe, 1917—1920.* London; N.Y., 1993. P. 239—261, здесь p. 250—251.

¹³ *Thompson E.P.* The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // *Past and Present.* 1971. Vol. 50. P. 76—136; *Horne J.* Social Identity in War: France, 1914—1918 // Frazer T., Jeffery K. (Ed.). *Men, Women and War. Studies in War, Politics and Society.* Dublin, 1993. P. 119—135.

кормильцев, переворачивает с ног на голову довоенную иерархию доходов и социального статуса. Если семейные фермы наживались на резком увеличении спроса, то это процветание достигалось ценой изнурительного труда женщин, детей и престарелых. К этому прибавлялось негодование, вызванное убеждением в том, что рабочие оборонных предприятий — и даже городской рабочий класс в целом — это «уклонисты» (*embusqués*), чей привилегированный статус позволял им избежать страданий и смерти на фронте. И хотя военные заказы благодаря множеству мелких контрактов привели к росту дохода широких слоев населения, объектом самой сильной ненависти являлся даже не «уклонист», а «спекулянт»¹⁴.

Все эти факторы — последние тревоги в отношении мирного урегулирования, страх социальных беспорядков и общественная мораль военного времени, для которой главным критерием служили жертвы, понесенные солдатами, — в той или иной мере повлияли на французскую политическую ситуацию 1919—1923 годов. В частности, ими определялись результаты всеобщих выборов в палату депутатов в ноябре 1919 года, когда победу одержали правоцентристы и большинство мест в парламенте получили бывшие военнослужащие. «Культура победы» обеспечивала преемственность между новым парламентским большинством и теми ценностями, которые, как считалось, помогли стране успешно преодолеть военные испытания. Последние восемнадцать месяцев войны стали периодом «ремобилизации» французского общественного мнения, осуществлявшейся пропагандистскими организациями, работавшими под эгидой *Union des Grandes Associations contre la Propagande Ennemie*¹⁵. Пропагандисты всячески поносили немцев и обвиняли в измене тех, кто выступал за мирные переговоры. После того как было заключено перемирие и источником беспокойства стал миротворческий процесс, эта кампания лишь усилилась. Но ее предметом наряду с «бошем» стал «большевик» — классовый враг, прежде помогавший немцам своим «пацифизмом» и требованием мирных переговоров, а теперь совместно с Москвой готовивший революцию. Оба мифа — о «бошах»

¹⁴ Robert J.-L. The Image of the Profiteer // Robert J.-L., Winter J. (Ed.). *Capital Cities at War*. London, Paris, Berlin 1914—1919. Cambridge, 1997. P. 104—132; Ridel Ch. *Les Embusqués*. Paris, 2007; Boulouc F. *Les Profiteurs de guerre, 1914—1918*. Brussels, 2008.

¹⁵ Horne J. Remobilizing for «total» war: France and Britain, 1917—18 // Horne J. (Ed.). *State, Society and Mobilization in Europe during the First World War*. Cambridge, 1997. P. 195—211.

и о «большевиках» — имели одну и ту же образную структуру. Каждый из них строился на идее о внешнем заговоре, о наводнивших страну агентах, шпионах и московском (или немецком) «золоте», предназначавшемся для манипулирования «внутренними врагами», готовыми предать отечество. Как говорилось в одной правой листовке, изданной в декабре 1918 года, «сегодняшний большевик вчера был германским подпевалой и останется им завтра»¹⁶.

Пропаганда, которую вел *Union des Grandes Associations*, затрагивала обе темы — и «бошей», и «большевиков». Предвыборная кампания правоцентристов в 1919 году отталкивалась не только от победы над Германией, но и от угрозы большевизма; именно тогда появился пресловутый плакат, изображавший большевика «с ножом в зубах»¹⁷. Как раз в тот момент большевики заявили о своем отказе платить по облигациям, размещенным царским правительством на парижской бирже и купленным множеством французских мелких инвесторов. В одной из своих последних речей в качестве премьер-министра Клемансо, позаимствовав метафору из будней окопной войны, заявил:

Пока Россия пребывает в состоянии анархии, наблюдаемой в данный момент, в Европе не наступит мир. Мы согласны [с Великобританией] в том <...> что большевизм следует окружить сетью из колючей проволоки, которая не позволит ему ворваться в цивилизованную Европу¹⁸.

Короче говоря, «культура победы», основанная на французском военном превосходстве, все же умерялась компромиссами коалиционной дипломатии и сопровождалась беспокойством по поводу возможного возрождения Германии, особенно после того, как США не стали ратифицировать Версальский договор, а британцы отклонили французское предложение о постоянном военном союзе. Кроме того, французов преследовал призрак революции, якобы разжигавшейся зарубежным большевизмом, которому помогали внутренние союзники по классовой борьбе. В таких условиях вряд ли у кого-то могла быть уверенность в прочности победы.

¹⁶ AN. F7 13090: [Anon.] Les Influences allemandes et bolchévistes dans la presse et le rôle de l'Europe Nouvelle (10 декабря 1918 г.). Издание *L'Europe nouvelle* являлось новым органом радикалов, обвинявшимся в пацифистских и прогерманских тенденциях.

¹⁷ Bonnefous E. Histoire politique. Vol. 3. P. 66—67.

¹⁸ Ibid. P. 83.

НАЦИОНАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИЗМА: ГРАЖДАНСКИЕ СОЮЗЫ 1920 ГОДА

Наиболее вероятным толчком к созданию военизированных формирований в первые послевоенные годы могли стать железнодорожная забастовка в феврале 1920 года и всеобщая забастовка в мае того же года. Железные дороги представляли собой очевидное поле боя, поскольку консервативное правительство Александра Мильерана при поддержке нового правоцентристского большинства в палате депутатов намеревалось вернуть их частным владельцам. Ни реформаторское большинство, ни воинствующее меньшинство в рабочем движении не собирались с этим мириться. Весной 1920 года в синдикалистских и социалистических кругах разгоралась надежда на революцию — одновременно с тем, как страх перед ней охватывал средние классы и деревню. После того как правительство, стремясь уничтожить революционное меньшинство в составе CGT, нарушило договоренности, достигнутые в ходе февральской забастовки (которые гарантировали забастовщикам защиту от каких-либо санкций), страсти достигли апогея. Результатом стало появление гражданских союзов — *Unions Civiques*, — цель которых состояла в поддержке государства и обеспечении бесперебойной работы железных дорог и других служб¹⁹.

К счастью, мы имеем много сведений о настроениях в обоих лагерях и среди населения вообще после создания гражданских союзов. Префекты (главные представители правительства в каждом из 89 департаментов) регулярно информировали правительство о состоянии общественного мнения. Однако в марте 1920 года Министерство внутренних дел затребовало у префектов информацию о местных забастовках, о взглядах рабочего и других классов и о вероятности попыток революции. Сохранились ответы из 77 департаментов (87 процентов от их общей численности)²⁰. Префекты подтверждали, что железнодорожные рабочие сменили машиностроителей в роли зачинщиков профсоюзных волнений, и указывали на то, что местные профсоюзы в 32 процентах департаментов либо принадлежат к революционному крылу CGT, либо переняли революционный язык. Независимая революционная инициатива прогнозировалась лишь в 10 департаментах

¹⁹ О забастовках 1920 года см.: Jones A. The French Railway Strikes of January—May 1920: New Syndicalist Ideas and Emergent Communism // French Historical Studies. 1982. Vol. 12. № 4. P. 508—540; Kriegel A. La Grève des cheminots 1920. Paris, 1988.

²⁰ AN. F7 12970—13023 (и F7 13963 по Марселю). В дальнейшем проценты вычисляются по отношению к этому числу.

(это всего 13 процентов), но они включали такие крупные города, как Лион (департамент Рона), Гренобль (Изер) и Марсель (Буш-дю-Рон). Ответы из Парижа (департамент Сена) не сохранились, но он, несомненно, тоже входил в эту категорию²¹. Впрочем, еще более существенно то, что, по мнению префектов, в 28 департаментах (то есть в 36 процентах от общего их числа) местные профсоюзы подчинились бы приказу CGT о всеобщей забастовке.

Государство заранее знало, что реальную опасность представляла собой не столько революция, сколько возможная опора CGT на солидарность, сложившуюся за три предыдущих года в ходе противостояния с правительством, собиравшимся отменить меры военного контроля за экономикой и поощрять рыночные силы и частное предпринимательство с целью обеспечить экономическое возрождение. Особенно угрожающей являлась попытка синдикалистского меньшинства использовать эту солидарность в революционных целях, однако формальной причиной для наступления правительства на CGT служили право на труд и незаконное блокирование работы общественных служб. Однако из докладов префектов также видно, что если воинствующее синдикалистское и социалистическое меньшинство вопреки реальности убежденно верило в неминувость революции, то ответный страх перед революцией был распространен еще больше, нередко скрывая нежелание допускать какие-либо изменения в отношениях между классами. Полицейский комиссар Марселя писал:

По правде говоря, уже в течение некоторого времени «грядущая революция» становится темой любого разговора. Повсюду — в кафе, в буржуазных клубах (*cercles*), в салонах — люди говорят о революции как о чем-то почти неминуемом. В рабочих кругах и среди передовых социалистов вопрос о революции перестал быть излюбленной темой одних лишь экстремистов и сторонников насилия, отныне присутствуя в каждой речи. В этом окружении о революции теперь говорят как о том, что случится неизбежно, причем очень скоро. В группах, ведущих пропаганду, никто не сомневается в грядущем захвате государственной власти пролетариатом — вернее, CGT и Объединенной социалистической партией, — споры идут лишь в отношении даты и способа. На селе страхи перед социальным переворотом так же сильны, как

²¹ *Magraw R.* Paris 1917—20: Labour Protest and Popular Politics // Wrigley Ch. (Ed.). *Challenges of Labour.* P. 125—148; *Robert J.-L.* Les Ouvriers, la patrie et la révolution. Paris 1914—1919 // *Annales Littéraires de l'Université de Besançon.* T. 592. 1995, особенно p. 357—376 («Une grève révolutionnaire?») о забастовке металлистов в июне 1919 года.

и в городах; однако там подавляющее большинство враждебно любым революционным движениям...²²

Доклады по 54 департаментам (это 61 процент от их числа) дают представление о настроениях «буржуазии» и нижних слоев среднего класса. В 45 из этих департаментов (83 процента) буржуазия выражала преданность существующему социальному строю, а в 21 (39 процентов) выказывала беспокойство (*inquiétude*) в отношении социальной ситуации. В шести департаментах буржуазия и низы среднего класса считались неспособными поддерживать порядок без помощи государства, однако в 12 департаментах (22 процента) они, согласно докладам, демонстрировали «добровольческий» дух. За немногими исключениями, крестьянство считалось не менее враждебным идее революции, как свидетельствуют доклады по 55 из 66 департаментов, префекты которых отчитались об умонастроениях в деревне. Более чем в четверти случаев крестьяне с негодованием отзывались о поведении рабочих вообще или бастующих железнодорожников в частности. Жители одной коммуны в департаменте Буш-дю-Рон возмущались железнодорожниками, которые «имеют такой хороший заработок и живут в таких хороших условиях, а в годы войны были избавлены от страданий, которым мы, крестьяне, подвергались в окопах, не говоря уже о мучительном беспокойстве, одолевавшем наши семьи»²³. Однако удаленность крестьян от центров конфликта не позволяла им в него вмешиваться. Гражданские союзы являлись порождением активности, наблюдавшейся префектами среди городских средних классов, которые боялись революции и встали в оппозицию даже к организованной умеренными профсоюзами железнодорожной забастовке, считая ее угрозой для общественного строя и национального возрождения.

Первый французский гражданский союз был создан в январе 1920 года лионским адвокатом Пьером Мильвуа, хотя этому событию предшествовал прецедент в Женеве. Являясь членом *Union des Grandes Associations contre la Propagande Ennemie*, а также президентом Союза отцов и матерей, чьи сыновья умерли за родину (*Union des Pères et Mères dont les fils sont morts pour la Patrie*), Мильвуа был безусловным приверженцем «культуры победы»²⁴. Лион не случайно оказался ко-

²² AN. F7 13963 (ответ полицейского комиссара Марсея, 6 апреля 1920 г.).

²³ Ibid. 12975 (обращение «крестьян» Мури к Мило, местному мэру и представителю генерального совета департамента, без даты).

²⁴ Ibid. 14608: Unions Civiques (первоначальный циркуляр Лионского гражданского союза, датированный январем 1920 года, с соответствующей запиской префекта от 17 января, содержащей сведения о Мильвуа).

лыбелю этого движения, поскольку город являлся одним из центров трудового конфликта: так, в начале марта здесь состоялась забастовка с участием около 40 тысяч рабочих²⁵. Кроме того, Лион служил нервным узлом важной железнодорожной сети, связывавшей Париж со Средиземноморьем. Мильвуа утверждал, что его союз, объединявший в основном инженеров, механиков и студентов, не собирается вмешиваться в законные трудовые споры, а намерен лишь помогать властям в отражении политически мотивированных нападков на общественный строй, если не попыток разжечь революцию. Во время февральской забастовки благодаря стараниям добровольцев не прекращалась подача электричества и продолжал действовать общественный транспорт.

По сути, еще предшествовавшей осенью правительство, обеспокоенное тем, что демобилизация лишает его вооруженных сил, на которые оно бы могло рассчитывать при подавлении крупных внутренних беспорядков, стало задумываться о мобилизации вспомогательной гражданской милиции. Эту идею подхватил Мильеран, и уже во время февральской железнодорожной забастовки Министерство внутренних дел обратилось за помощью к добровольцам. Однако лишь лионский эксперимент привлек к себе национальное внимание, и правительство еще до начала майской всеобщей забастовки попыталось распространить его на всю страну²⁶. В Париже некий пожилой генерал, признавая лионский прецедент, основал столичный гражданский союз — по его словам, такой эксперимент стал возможен лишь благодаря окопному товариществу, преодолевшему классовые различия («эти буржуа научились пачкать руки, отвечать ударом на удар и ползать в грязи. Для борьбы с революционерами ничего большего и не требуется»)²⁷. В Сент-Этьене, крупной индустриальной агломерации на востоке Центрального Массива и втором важнейшем центре производства вооружений (после Парижа) во время войны, где во главе рабочего движения стояли воинствующие революционеры, гражданский союз был создан ввиду «серьезности» большевистской угрозы²⁸. На учреди-

²⁵ Доклад префекта департамента Рона министру внутренних дел, 5 марта 1920 года (Archives Départementales Rhône. 10 MP C66 [Grèves, 1920]).

²⁶ AN. F7 14608: Direction de la Sûreté Générale. Note pour M. le Ministre de l'Intérieur... [o] Grèves de services publics; personnel de remplacement (февраль 1921 г.). Министр внутренних дел рассылал префектам циркуляры, касавшиеся вопроса о гражданских союзах, 8 марта и 14 апреля 1920 года.

²⁷ *Bailloud M.C., Général. L'Union Civique Parisienne // L'Echo de Paris. 1920. 28 av.*

²⁸ Archives Départementales Loire. M Sup. 504 (полицейский отчет о гражданском союзе). О синдикалистском движении в департаменте Луара см.: AN. F7 12995 (доклады полиции и префекта).

тельную встречу союза явилось более 500 человек; в его состав входили лица свободных профессий, а также занятые в промышленности и торговле (владельцы предприятий, наемные служащие и рабочие) — «за одним или двумя исключениями, все — демобилизованные солдаты, доблестно исполнившие свой долг на фронте и не принимавшие активного участия в политических баталиях»²⁹.

К моменту всеобщей забастовки, объявленной CGT 1 мая, во Франции существовало 40 гражданских союзов, а к моменту ее окончания — не менее 65³⁰. В Париже и Лионе гражданские союзы обеспечивали работу общественного транспорта, газо-, водо- и электроснабжения. Кроме того, они участвовали в организации минимально необходимого подвоза продовольствия и топлива в магазины и на склады³¹. Усилиями специалистов и более чем 9 тысяч студентов высших технических учебных заведений, нанятых железнодорожными компаниями, в течение всей забастовки продолжали ходить поезда³². 400 студентов *Ecole des Hautes Etudes Commerciales*, ведущего коммерческого учебного заведения в Париже, «как минимум наполовину — демобилизованные военнослужащие, в большинстве своем офицеры, все до единого награжденные Военным крестом, а некоторые — и орденом Почетного легиона», пришли на смену водителям, пожарным, телефонистам и связистам³³. Не оставались в стороне и женщины. Три национальные организации Красного Креста (имевшие исключительно женский персонал) во время всеобщей забастовки официально предложили свои услуги Мильерану. Однако они также позволяли своим членам вступать в гражданские союзы с условием не носить форму и опознавательные знаки Красного Креста³⁴. Все это вело к яростным столкновениям, так как рабочие обвиняли добровольцев в штрейкбрехерстве, но последние избегали выполнения полицейских обязанностей. Замену бастующих, незаконно оставивших свои рабочие места, они в принципе считали «гражданской акцией».

Являлись ли гражданские союзы военизированными формированиями? Называя свои действия «гражданскими акциями», их участ-

²⁹ Archives Départementales Loire. M Sup. 504 (доклад префекта в ответ на циркуляр Министерства внутренних дел от 14 апреля с требованием сообщить сведения о ситуации с гражданскими союзами).

³⁰ L'Union civique // Le Temps. 1920. 6 mai; Les Volontaires // Ibid. 1920. 14 mai.

³¹ SHD. 6N 152. P. 7—16 (доклад Обера).

³² Kriegel A. La Grève des cheminots. P. 116—120.

³³ Les Volontaires // Le Temps. 1920. 14 mai.

³⁴ AN. F7 14608 (президент Красного Креста — Мильерану, 21 апреля 1920 г.).

ники акцентировали сознательный отказ от организации по военному признаку, не говоря уже о применении оружия. Этот вопрос встал на повестку дня после того, как Стеж, министр внутренних дел, предложил, чтобы гражданские союзы взяли на себя полицейские функции, охраняя железные дороги и телеграфные линии. Указ, изданный накануне всеобщей забастовки, разрешал создание добровольческих полицейских отрядов, но это начинание закончилось «почти полным провалом», поскольку ветераны, готовые защищать национальные интересы, «с отвращением» относились к идее о том, чтобы стать полицией. После майской забастовки по приказам префектов началось тайное создание «гражданской гвардии». Но когда об этом стало известно, левые объявили гражданские союзы «белогвардейскими». Согласно докладу национальной полицейской службы, впоследствии принимались самые серьезные меры к тому, чтобы в гражданских союзах не видели «агрессора», а относились к ним «просто как к организациям гражданской обороны»³⁵.

Существенными факторами при этом являлись опыт войны и ощущение принадлежности к ветеранам. Важную роль в мобилизации добровольцев однозначно сыграла «культура победы». Более того, гражданские союзы стали ядром более широкой мобилизации, охватывавшей не только общества Красного Креста, но и некоторые ветеранские организации — в первую очередь *Ligue des Chefs de Section* (бывших унтер-офицеров), а также многих членов и местные группы *Union Nationale des Combattants* (UNC), более консервативной из двух крупных ассоциаций *anciens combattants*³⁶. Военный опыт диктовал представление о том, что каждый патриот должен встать на защиту завоеванной в 1918 году победы. С этой точки зрения «большевизм» и радикальное меньшинство в составе CGT представляли собой новое воплощение прежнего врага. Столь же неприемлемой была и готовность большинства членов CGT прибегнуть к политической забастовке с целью добиваться такой важной реформы, как национализация железных дорог, особенно в условиях, когда срочно требовалась реконструкция северо-востока страны, опустошенного войной. Один из руководителей Парижского гражданского союза огласил эти аргументы в последние дни майской забастовки. Союз не отрицал необходимости в реформах и в признании «моральной экономики», оставшейся от

³⁵ AN. F7 14608: Direction de la Sûreté Générale. Note pour M. le Ministre de l'Intérieur... [o] Grèves de services publics: personnel de remplacement (февраль 1921 г.).

³⁶ Prost A. Les Anciens Combattants et la société française 1914—1939. Paris, 1977. 3 vols. Vol. 1: Histoire. P. 72—74.

времен войны, — в частности, он призывал к изменениям налоговой системы, направленным на борьбу со «спекулянтами». Однако он оправдывал свое противодействие забастовке с точки зрения охраны свободы в демократической республике — именно той свободы, которую и защищали во время войны, — от любых форм диктатуры:

Франция — не Россия. Она потратила полтора столетия на то, чтобы одну за другой завоевать все те свободы, которые служат условием социального и политического прогресса: свободу собраний, свободу печати <...> Франция защитит священные цели наших славных революций от сил, стремящихся к насильственному свержению [существующего режима], и от реакционных ретроградов³⁷.

Фактически правительство Мильерана избегало обращения к военизированному насилию в ходе кампании, развернутой против CGT (которую обвиняли в нарушении профсоюзного закона 1884 года, запрещавшего политические забастовки) и синдикалистского меньшинства, 18 тысяч активистов которого были уволены железнодорожными компаниями после майской забастовки. Уверенное в наличии достаточных военных и полицейских сил, чтобы противодействовать любым нарушениям спокойствия, правительство использовало модель общенациональной мобилизации, вдохновлявшуюся памятью о 1914 годе (и его мифами), — Мильеран называл происходившее «гражданской битвой на Марне» — наряду с более чем реальными воспоминаниями об армейской службе и фронтовом братстве. Такой подход позволил изолировать забастовщиков почти как военного противника, недостойного общественной поддержки. Стеж заявил в парламенте:

Подстрекатели борьбы с экономической жизнеспособностью родины вдохновляются идеями с Востока, нашедшими среди нас намного больше слепых орудий, нежели сознательных последователей³⁸.

Перед лицом такой угрозы гражданские союзы были объявлены Священным союзом в новом обличье и беспристрастным воплощением истинной нации. В 1920 году они объединились в федерацию и продолжали существовать до конца десятилетия, однако вследствие затухания рабочих волнений уже никогда больше не претерпевали

³⁷ Le Temps. 1920. 22 mai.

³⁸ Journal Officiel. Chambre des Députés. Débats. 1920. 20 mai. P. 1579.

аналогичной мобилизации³⁹. На примере гражданских союзов видно, что во Франции отсутствовало пространство для военизированного насилия — даже в период самой напряженной социальной конфронтации в первые послевоенные годы. Благодаря наличию сильного парламентского большинства у консервативного правительства, опиравшегося на «культуру победы», призрак революции и вызов со стороны организованного труда удалось победить с помощью мобилизации добровольцев — в первую очередь из числа городских средних классов — на поддержку республики и существующего социального строя. Через пару лет в журнале новой Федерации гражданских союзов отмечалось, что, хотя итальянский фашизм разделяет с гражданскими союзами идею социального мира и сильного правительства, применяемые им методы совершенно бесполезны в республиканской Франции⁴⁰.

ЗАЩИТА ПОБЕДЫ: ВОЕНИЗИРОВАННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И CARTEL DES GAUCHES, 1924—1926

К 1924 году военизированное насилие, спровоцированное поражением, революцией, контрреволюцией и межэтническими столкновениями по поводу принадлежности к новым нациям, в большей части Европы либо затухало, либо перерождалось во внутривнутриполитическую борьбу. В Германии после оккупации Рура в 1923 году парламентское правительство и экономика постепенно стабилизировались, что заложило основы для «процветания» середины и конца 1920-х годов. Большевики, понемногу приступавшие к нормализации дипломатических отношений с другими странами, уже не представляли собой столь явной международной угрозы, как прежде.

После того как улеглись страсти военного времени, Франция тоже вступила в период разрядки в отношениях с бывшим врагом. В то время как оккупация Рура обеспечила прекратившееся было поступление репараций, их издержки в смысле поляризации германской политики подталкивали французов к частичному примирению с прежним противником. Результатом стало наступление с 1926 года эпохи Локарнской дипломатии, принятие Германии в Лигу Наций и партнерство французского и немецкого министров иностранных дел Аристида

³⁹ История гражданских союзов после 1920 года отражена в: Union Civique. Bulletins de liaison. 1921—1933.

⁴⁰ Ibid. 1922.

Бриана и Густава Штреземана, полных решимости сделать все, чтобы их странам не пришлось еще раз пережить катастрофу мировой войны⁴¹. Сигналом к переменам и одновременно их подтверждением стали майские выборы 1924 года, вернувшие в парламент левоцентристское большинство и позволившие Радикальной партии, объединившейся с социалистами в так называемый *Cartel des Gauches* («Картель левых»), сформировать правительство⁴². Политические лидеры, во время войны подвергавшиеся преследованиям за пацифистские взгляды (Кайо, Мальви), возобновили свою министерскую карьеру. На повестку дня был снова поставлен ряд социальных реформ, за которые во время войны выступали умеренные синдикалисты и социалисты. Но в первую очередь благодаря «культурной демобилизации» стихала ненависть к военному противнику. Кровь, пролитая на фронтах, становилась вкладом в укрепление антивоенных настроений и, соответственно, в новый интернационализм, призванный уменьшить межнациональную враждебность⁴³.

Все это разрушало «культуру победы» и порождало сильнейшее беспокойство среди ее главных представителей — правых националистов⁴⁴. В то время как прочие могли верить в то, что новая Германия была уже совсем не той империей, что развязала войну, правые сохраняли убеждение, что под демократическим фасадом все осталось прежним. В самом факте установления дипломатических отношений Советской России с Францией, как и с другими европейскими державами, они усматривали очередной революционный заговор, а создание небольшой, но чрезвычайно провокационно себя ведущей Французской коммунистической партии формализовало идеологическую конфронтацию между демократией, коммунизмом и авторитаризмом во внутренней политике⁴⁵. Таким образом, «боши» и «большевики» оставались врагами, но теперь к этому списку прибавился и сам

⁴¹ См.: Steiner Z. *The Lights that Failed. European International History, 1919—1933*. Oxford, 2005; Wright J. *Gustav Stresemann. Weimar Germany's Greatest Statesman*. Oxford, 2002.

⁴² Jeanneney J.-N. *Leçons d'histoire pour une gauche au pouvoir: la faillite du cartel, 1924—1926*. Paris, 1977.

⁴³ Horne J. *Locarno et la politique de la démobilisation culturelle, 1925—30 // 14—18 Aujourd'hui—Today—Heute*. Paris, 2002. Т. 5. P. 73—87; *Idem*. *Demobilizing the Mind: France and the Legacy of the Great War, 1919—1939 // French History and Civilization*. 2009. Vol. 2. P. 101—119 (также на <<http://www.h-france.net>>).

⁴⁴ О разочаровании, ощущавшемся после 1918 года, см.: Martin B. *France and the Après-Guerre, 1918—1924: Illusions and Disillusionment*. Baton Rouge, 2002.

⁴⁵ Tiersky R. *French Communism, 1920—1972*. N.Y.; London, 1974.

Cartel des Gauches, который обвиняли в посягательствах и на победу 1918 году, и на завоевавших ее ветеранов. Язык дипломатической разрядки и культурной демобилизации, в рамках которой сама война изображалась величайшим злом, воспринимался как предательство. Соответственно тенденции, ослаблявшие военизированное насилие в других странах, оказывали противоположный эффект во Франции, где военизированное движение приобрело статус серьезной идеи и заметного течения в политике. Природу и масштабы этого военизированного движения можно оценить, вкратце ознакомившись с наиболее заметными группами из числа поддерживавших его.

Пьер Тэтэнже, основатель *Jeunesses Patriotes* (JP), был скромным служащим парижского универмага *Printemps*, породнившимся с банкирской семьей и со временем превратившимся в успешного бизнесмена и основателя фирмы по производству шампанского, получившей его имя. Благодаря влиянию со стороны родственников жены Тэтэнже навсегда стал приверженцем бонапартистского течения во французской политике и перед войной вступил в Лигу патриотов (основанную в ответ на поражение 1871 года). На выборах 1919 года он получил место депутата от Парижа. Все это способствовало его приобщению к давним традициям правого авторитаризма. Однако Тэтэнже побывал и на Первой мировой войне, удостоившись четырех упоминаний за отвагу, проявленную этим «прирожденным военным»⁴⁶. В 1920 году он считал революционерами даже реформаторское руководство CGT, осуждал забастовщиков за попытку «саботировать победу» и призывал наградить железнодорожников, патриотично продолжавших работать, — при этом, впрочем, довольствовался тем, что поддерживал правительство Мильерана⁴⁷. И напротив, в 1924 году победа «Картели левых» представлялась Тэтэнже угрозой для самого государства, вынудив его к основанию новой военизированной политической организации — JP.

Поводом для этого послужили события 23 ноября 1924 года, когда состоялась официальная церемония переноса останков Жана Жореса, лидера социалистов и решительного сторонника мира, убитого в 1914 году накануне войны, в Пантеон. В глазах правых это стало символом всего зла, воплощавшегося в «Картеле левых». Мало того, что эта церемония означала официальное одобрение антивоенной

⁴⁶ *Soucy R. French Fascism: The First Wave, 1924—1933. New Haven; London, 1986. P. 41.*

⁴⁷ *Journal Officiel. Chambre des Députés. Débats. 1920. 18—21 mai. P. 1533.*

позиции Жореса и, соответственно, отречение от жертв Мировой войны; ключевую роль в торжествах играл организованный труд — за гробом шли шахтеры из избирательного округа Жореса в полном горняцком облачении и в черных шапках. Еще более тревожным было то, что в шествии участвовали коммунисты, которые несли красные флаги, пели «Интернационал» и выкрикивали: «Долой войну!» К ним присоединялись рабочие, включая многих иммигрантов: они в значительном количестве приезжали в послевоенную Францию, привлеченные реконструкцией северо-востока страны⁴⁸. Для Тэтэнже это стало призывом к действию; зрелище иностранных рабочих под коммунистическими флагами навело его на мысль о том, что «еще несколько дней — и улицы могут стать добычей революции»⁴⁹.

В следующем месяце Тэтэнже основал JP как молодежную группу в рамках *Ligue des Patriotes* и с полного одобрения руководства этой организации, которая сама по себе подверглась обновлению с целью противодействия угрозе, ощущавшейся со стороны «Картеля левых». Первоначально использовалась организационная модель, аналогичная той, по которой проводилась «национальная» мобилизация 1920 года, предусматривавшая создание местных «групп действия», открытых для всех французов, вне зависимости от их политических взглядов. Однако задача прогнать с улиц коммунистов, предположительно вооруженных и организованных в квазивоенные отряды, предполагала применение насилия. В одном из ранних уставов JP утверждалось, что *Jeunesses Patriotes* созданы ради «координации всех живых сил во Франции ради защиты социального строя и национального процветания с использованием гомеопатических средств против коммунизма, революционного социализма и разрушительных сил масонства»⁵⁰.

В течение 1925—1926 годов, после поглощения двух других правых группировок, *Jeunesses Patriotes* получили полную независимость и были реорганизованы на откровенно военизированной основе. Главными единицами организации стали «центурии», включавшие по сто человек из конкретного района и делившиеся на «ударные центурии», всегда готовые к бою и призванные возглавлять шествия JP в случае начала столкновений, «активные центурии», обязанные выйти на улицу по получении приказа, и «резервные центурии», на-

⁴⁸ Les Cendres de Jaurès au Panthéon // Le Matin. 1924. 24 nov.

⁴⁹ Kieffer J.-Ch. De Clemenceau à Lyautey. Les Origines, les buts, l'action des Jeunesses Patriotes de France de 1924 à 1934. Nantes, 1934. P. 10.

⁵⁰ AN. F7 13232 (май 1925 г., записка о *Jeunesses Patriotes*). О *Jeunesses Patriotes* в целом см.: Soucy R. French Fascism. P. 39—86; Machefer Ph. Ligues et fascismes en France, 1919—1939. Paris, 1974. P. 10—12.

ходившиеся в запасе на случай полномасштабной мобилизации⁵¹. Эта структура сознательно или бессознательно воспроизводила структуру национальной армии (при которой «действующая» армия состояла из призывников, проходящих службу, резерва и территориальных частей). Отличительным признаком членов JP была форма (синий мундир и берет) и трость. Существовала также элитная часть, *Brigade de Feu* («Боевая бригада»), представлявшая собой личную охрану Тэтэнже. По оценкам полиции, в 1926 году JP насчитывали в своих рядах около 50 тысяч человек, имели 48 «центурий» в Париже и были представлены в крупных провинциальных городах⁵².

JP вступали в уличные схватки с коммунистами, создавшими свою собственную революционную гвардию. Однако это больше походило на массовые волнения, нежели на вооруженную борьбу — хотя четыре члена JP были застрелены в 1925 году в ходе особенно жестокой стычки на улице Дамремон в Париже. Тогда во время муниципальных выборов JP устроили шествие, сознательно бросая вызов коммунистам, которые сами стремились к столкновению с националистами. В результате разгоревшегося сражения и погибли эти четверо, тем самым дав движению мучеников, необходимых для военизированного культа⁵³. Но представления JP о цели насилия оставались неоднозначными. JP ставили перед собой четкую задачу бороться с революционной угрозой во Франции и с международным коммунизмом, иногда считая себя в этом отношении вспомогательными силами государства — именно тем, чем не пожелали становиться гражданские союзы в 1920 году. Тэтэнже пользовался поддержкой примерно 70 депутатов парламента и сохранял связи с *Ligue des Patriotes* даже после формального разрыва с ней. Тем не менее в своем манифесте, изданном в 1926 году, когда «Картель левых» еще находился у власти, Тэтэнже также нападал на правительство:

Хватит нам анархии в нашей стране. Мы полны решимости бороться с этой анархией во всех ее видах: в виде кровавого и активного анархизма, т.е. коммунизма, и в виде скрытой и пассивной анархии, каковой является тот режим, с которым мы вынуждены жить в данный момент⁵⁴.

⁵¹ AN. F7 13232: Au sujet des Jeunesses Patriotes (сентябрь 1926 г.).

⁵² Ibid.: Jeunesses Patriotes. Activité de ce groupement de mars 1925 à janvier 1926.

⁵³ Kieffer J.-Ch. De Clemenceau à Lyautey; AN. F7 13236: Jeunesses Patriotes. Affaire rue Damrémont.

⁵⁴ AN. F7 13232 (программа JP на 1926 г., напечатанный экземпляр, подписанный Тэтэнже).

В качестве альтернативы предлагался «режим порядка», основанный на сильной власти, классовом сотрудничестве и социальной реформе; его следовало установить мирными методами, при необходимости, впрочем, не отказываясь и от насилия. Конечной целью называлось восстановление победы 1918 года:

По окончании войны страна питала единодушную надежду на то, что победа [которую «Картель» превратил в поражение] станет основой для строительства новой Франции. На это же надеялись и все те, кто расстался с жизнью на поле боя⁵⁵.

Вспоминая погибших на улице Дамремон, Тэтэнже призывал страну воплотить эту цель в жизнь. Однако два года спустя, когда «Картель левых» пал и власть перешла к правоцентристам, в образцовой речи, распространявшейся среди членов JP, утверждалось: «JP — не фашисты <...> Существуют и другие способы выбраться из нынешних затруднений, помимо свержения наших институтов, способных дать нам сильное и энергичное правительство»⁵⁶.

Faisceau («фасции»), основанные Жоржем Валуа, пытались устранить эту двусмысленность, заимствовав свое имя и по крайней мере внешние проявления у итальянского фашизма. Отправная точка этого движения была той же, что и у JP. Однако корни Валуа — интеллектуала-самоучки скромного происхождения, который еще до войны пытался объединить монархистов из *Action Française* с революционным синдикализмом с целью свержения парламентской республики, — делали его более изобретательным в интеллектуальном плане и более радикальным в политическом плане по сравнению с Тэтэнже⁵⁷. Впрочем, их объединяли представления о единстве, иерархии и прежде всего о власти, полученные на основе военного опыта. Взгляды Валуа во многом сложились под влиянием генерала де Кастельно, в 1916 году руководившего обороной Вердена, — тем более что в 1920-х годах Кастельно играл заметную роль в стане правых сил. 11 ноября 1924 года Валуа устроил в Париже митинг ветеранов в знак протеста против результатов майских выборов. В апреле 1925 года из этой инициативы родились *Légions pour la Politique de la Victoire* («Легионы за политику победы [1918 года]»), которые Валуа создал совместно с двумя другими

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Ibid. (записка от 24 февраля 1928 г. с тремя образцами речей для представителей JP).

⁵⁷ *Mazgaj P. The Action Française and Revolutionary Syndicalism. Chapel Hill, 1979.*

правыми интеллектуалами, Филиппом Барре и Жаком Артюи, призвав «подмастерьев победы» выступить против коммунизма и нового духа примирения с Германией (снова «боши» и «большевики»)⁵⁸. Все это делалось ради насаждения «политики победы» экстрапарламентскими средствами и установления диктатуры⁵⁹. 11 ноября 1925 года новая организация была преобразована в *Faisceau des Combattants et des Producteurs*.

Программа Валуа предусматривала возрождение победы посредством апелляции к ветеранам Мировой войны как источнику легитимной власти в корпоративном государстве и создания диктаторского режима, который покончил бы и с «Картелем», и с республикой. «Победа, наша победа погублена политиками и тыловыми крысами (*embusqués*)», — объявлялось в одном из первых манифестов нового движения. Используя театральные приемы, позаимствованные у итальянских фашистов, Валуа в 1926 году собрал ветеранов сперва в Вердене, а затем в Реймсе — священных точках Западного фронта — с целью создания живого тела новой политики и последующего установления «диктатуры бойца». Он призывал к «национальной революции», воспользовавшись термином, который не терял актуальности в течение следующих двадцати лет⁶⁰. В отличие от Тэтэнже Валуа называл ноябрьские выборы 1919 года «контрреволюцией», поскольку они надели на правых электоральную смирительную рубашку, освободить их из которой были призваны *Faisceau*. Таким образом, насилие и военизированная организация являлись неотъемлемыми чертами *Faisceau*, которые не имели намерения выдавать себя за помощников государства в деле борьбы с коммунизмом и поддержания общественного порядка. Местные «легионы» *Faisceau* носили синие рубашки, похожие на форму итальянских фашистов, и, подобно JP, участвовали в уличных сражениях — к которым привела, например, попытка местных левых сил остановить национальный крестовый поход *Faisceau* на Реймс 27 июня 1926 года⁶¹. *Faisceau* не могли сравниться своей численностью с JP, даже на пике движения, в 1926 году, имея

⁵⁸ AN. F7 13208 (полицейская записка *Les Légions*, Париж, 19 ноября 1925 г., с подробным описанием истории «Легионов» с момента их основания в апреле).

⁵⁹ Ibid. F7 13211; *d'Humières A. Le Faisceau. Ses origines. Son développement. Son esprit // Le Nouveau siècle. 1926. 3 jan.* О *Faisceau* см. также: *Soucy R. French Fascism. P. 87—125; Machefer Ph. Ligues et fascismes en France. P. 12—13.*

⁶⁰ AN. F7 13211 (манифест *Faisceau* № 5, *La Politique de la victoire*).

⁶¹ *Le Matin. 1926. 28 juin.* См. также полицейский доклад *L'«Assemblée Nationale» du Faisceau à Reims le 27 juin 1926* (AN. F7 13211).

в своих рядах около 40 тысяч человек⁶². После падения «Картеля левых» они тоже вошли в фазу упадка, окончательно развалившись в 1928 году.

Военизированное насилие стало в 1924—1926 годах заметным течением в правой политике, представляя собой реакцию как на распад «культуры победы» (уже отягощенный сомнениями и тревогами), так и на усиление левых, подрывавшее возможности государства к выполнению консервативной политической и социальной повестки дня. В то время как определенную роль играл международный контекст (страх разрядки в отношениях с Германией и Россией, укрепление фашистского правительства в Италии), на первом месте находились все же внутренние соображения. Нравственный и политический капитал ветеранов давал Валуа альтернативный источник силы для наступления на «картелистскую» республику. Формы и опыт военной организации были особенно важны для Тэтэнже, стремившегося получить инструмент, который позволял бы оспаривать контроль коммунистов над улицами с целью защиты социального строя, хотя и не обязательно правительства «Картеля».

Эти воинствующие правые группировки представляли собой не единственные выражения протеста. Некоторые организации ветеранов, включая UNC, также мобилизовались против коммунистов и критиковали примирение с Германией. Генерал де Кастельно возглавлял *Fédération Nationale Catholique* (FNC), которая стремилась защитить дух Священного союза и противостояла антиклерикализму правительства «Картеля», скатывавшегося к довоенным антикатолическим настроениям. И все же, несмотря на взгляды руководителей этих консервативных и ультраправых организаций, и UNC, и FNC, представлявшие собой крупные движения, тщательно избегали чего-либо незаконного, не говоря уже об уличном насилии⁶³. Например, генерал де Кастельно поддерживал тесные связи с церковным руководством и использовал епархиальную структуру как местную основу для деятельности FNC, во главе которой стояли многие представители католической верхушки⁶⁴.

1924—1926 годы стали временем, когда правые силы взяли на вооружение уличные антиправительственные демонстрации, организовывавшиеся людьми, чье социальное положение и происхождение

⁶² Soucy R. *French Fascism*. P. 112.

⁶³ Prost A. *Les Anciens Combattants*. Vol. 1. P. 99 (об осторожном уважении UNC к «Картелю» как к законному правительству).

⁶⁴ AN. F713219: *Fédération Nationale Catholique*; см. особенно: *Bulletin Officiel de la Fédération Nationale Catholique*. 1925. Fevr. N 1, где сообщается, что Федерация имела отделения в 82 епархиях.

обычно заставляли их сторониться подобных методов. С декабря 1924 по июль 1926 года состоялось 185 таких манифестаций⁶⁵. Тот же импульс лежал в основе ряда организаций, демонстрировавших свою приверженность тем или иным формам военизированного насилия. Менее ясным остается уровень их склонности к реальному — в противоположность символическому — насилию. У нас как будто бы отсутствуют свидетельства о проявлениях других видов военизированного насилия — таких как поджоги, нападения и угрозы, регулярно практиковавшиеся итальянскими фашистами с марта 1919 года. Более того, группы, по крайней мере в принципе одобрявшие насилие, были намного малочисленнее организаций, ставивших перед собой цель защиты «победы» 1918 года, но не желавших даже в теории оказаться на стороне сил беспорядка. К 1927—1928 годам «Картель левых» распался, однако многие темы культурной демобилизации были взяты на вооружение новыми правоцентристскими правительствами. Бриан возглавлял Министерство иностранных дел вплоть до своей смерти в 1932 году, и политика разрядки в отношениях с Германией достигла наибольшего размаха уже после краха «Картеля». С военизированным движением было покончено, по крайней мере на время.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Французский контрпример позволяет выделить ряд факторов, подпитывавших военизированные движения и насилие в других странах. Во-первых, благодаря тому, что в 1920 году, на пике послевоенной социальной напряженности, реальная революция — в противоположность воображаемой — во Франции так и не состоялась, мобилизация среднего класса на защиту «национального дела» носила в первую очередь экономический и гражданский характер, не принимая насильственной, военизированной формы. Ровно противоположное происходило в то же самое время в Италии, где «красное двухлетие» (*biennio rosso*) осенью 1920 года ознаменовалось захватом заводов, и в Германии, где фрайкоры жестоко разгромили последние отряды «красной» милиции в Руре.

Во-вторых, военизированные организации практически не имели возможности подрвать монополию на применение силы или отобрать ее у победоносного Французского государства, обладавшего колоссаль-

⁶⁵ Tartakowsky D. Les Manifestations de rue en France 1918—1968. Paris, 1997. P. 129.

ной военной и политической мощью. В 1920 году гражданские союзы являлись в лучшем случае полезным помощником государства и не претендовали ни на что большее. Демонстрации 1924—1926 годов не несли никакой угрозы общественному строю, так как и JP, и *Faisceau* оставались относительно малочисленными организациями. Несмотря на то что обе они старались привлечь на свою сторону ветеранов Первой мировой войны, тех было слишком много для того, чтобы встать под какое-то одно знамя — насчитывалось около 3 миллионов ветеранов, входивших в те или иные ассоциации. Опять же, здесь виден заметный контраст с другими странами, где государство утратило значительную часть своей власти и где поражение либо отказ признать его делали политическую власть яблоком раздора, которое доставалось самым сильным вооруженным группировкам, нередко апеллировавшим как минимум к одной из разновидностей течений в ветеранской среде.

В-третьих, благодаря крепкой политической культуре французской парламентской республики трехсторонний конфликт между фашизмом, коммунизмом и демократией протекал на обочине французской политики и нередко приобретал налет зарубежной экзотики (так, JP старательно открещивались от каких-либо сопоставлений с итальянским фашизмом). Это, в свою очередь, сужало политическое пространство, в котором одна из сил могла бы заручиться военизированной поддержкой против оппонентов или против парламентского режима. Правда, стремление правоцентристов монополизировать «победу» и «национальные» интересы позволило оказывать давление на левое правительство как в парламенте и в печати, так и посредством уличных демонстраций. Однако неоднозначное отношение самих JP к подобным методам (в отличие от намного более четкой позиции *Faisceau*) демонстрировало, что даже в этом отношении возможности для выступлений военизированной организации против государства — в противоположность коммунизму и угрозе «революции» — были незначительными.

В-четвертых, почти полное отсутствие межэтнических и приграничных трений еще сильнее ограничивало проникновение военизированной политики в национальную жизнь. Правда, мнимая неспособность «Картеля» добиться единства мнений по вопросу об Эльзасе и Лотарингии, усилившая движение за автономию Эльзаса, в глазах JP и FNC служила еще одним подтверждением того, что «Картель» не в состоянии защитить победу 1918 года. Но это был мелкий вопрос по сравнению с последствиями перекройки границ в других регионах.

Наконец, незначительные масштабы французского военизированного движения, равно как и то, что оно существовало в основном в риторической и организационной сферах, на практике почти не прибегая к насилию, должны заставить нас с осторожностью относиться к заявлениям о том, что опыт Мировой войны имел обязательным следствием «брутализацию» послевоенных обществ. Этот аргумент используется намного шире, чем предполагал его автор Георг Моссе, говоривший об этом лишь применительно к послевоенной *политической* жизни в Германии⁶⁶. Французская политика перед войной не была свободна от внутреннего насилия — возможно, вследствие незрелости демократической политики во Франции после 1870 года. Однако в послевоенный период насилие сохраняло здесь ограниченный характер — по крайней мере по сравнению с большей частью Центральной, Южной и Восточной Европы. Военизированное насилие как раз и является одним из тех симптомов, которые помогают выяснить, где и почему действительно наблюдалась брутализация послевоенной политики.

⁶⁶ Mosse G. *Fallen Soldiers. Reshaping the Memory of the World Wars*. N.Y., 1990. P. 159—181.

Список принятых сокращений

- AJ — Архив Југославије (Београд)
АРР — Архив русской революции (Берлин)
ВИ — Вопросы истории (Москва)
ВМРО — Внутренняя македонская революционная организация
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГУВК — Генеральный украинский военный комитет
ДАЛО — Державний архів Львівської області (Львів)
ЕП — «Единение и прогресс» (партия младотурок)
ИРА — Ирландская республиканская армия
КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога
ММРО — Международная македонская революционная организация
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
ОРЮНА — Организация югославских националистов
ОСВАГ — Осведомительное агентство
ОУН — Организация украинских националистов
РВС — Революционный военный совет
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
СДПГ — Социал-демократическая партия Германии
ССЛ — Союз стрелков Литвы
ТИГР — «Триест, Истрия, Гориция и Риека» (военизированная группировка)
УГА — Украинская галицкая армия
ЧК — Чрезвычайная комиссия
- АНRC — Art & Humanities Research Council
AN — Archives Nationales (Paris)
BAR — Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (Columbia University, New York)
BN — Biblioteka Narodowa (Warszawa)
BOA — Başbakanlık Osmanlı Arşivi (Istanbul)
CGT — Confédération Générale du Travail (Всеобщая конфедерация труда)

- DDA — Dublin Diocesan Archives
FNC — Fédération Nationale Catholique (Национальная католическая федерация)
HDA — Hrvatski Državni Arhiv (Zagreb)
HIA — Hoover Institution Archives (Stanford, Cal.)
IWM — Imperial War Museum
JP — Jeunesses Patriotes (Патриотическая молодежь)
LHC — Liddell Hart Centre (London)
MOVE — Венгерский национальный союз обороны
MVSN — Milizia Volontaria per la Sicurezza Nazionale (Добровольная милиция национальной безопасности)
NIOD — Nederlands instituut voor oorlogsdocumentatie (Amsterdam)
OÖLA — Oberösterreichisches Landesarchiv (Linz)
PA AA — Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (Berlin)
POW — Polska organizacja wojskowa (Польская военная организация)
RIC — Royal Irish Constabulary (Королевская ирландская полиция)
SHD — Service Historique de Défense
TNA — The National Archives (Richmond, Surrey, UK)
UCDA — University College Dublin Archives (Dublin, Ireland)
UGACPE — Union des Grandes Associations contre la Propagande Ennemie
UNC — Union Nationale des Combattants (Национальный союз ветеранов)
ZfG — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (Berlin)

Предметный указатель

Авакумович, Иван 267

Австрия

антисемитизм в А. 66, 101—106

военизированные организации в А. 27, 82, 83, 84, 88, 93, 94, 95, 98,
100, 104, 106, 108, 264, 273

возвращение солдат в А. 82, 86, 87, 90

контрреволюционное насилие/настроения в А. 82, 86, 93, 94, 95, 99, 123
см. также Сербия; Украина

Адлер, Виктор 104

АЗБУКА (контрразведка) 171—173, 184, 192,

Азербайджан 36, 284, 289, 293—294, 296

Персидский Азербайджан 280

см. также Баку; Кавказ

Азми, Джемаль 295

Айнстайн, Льюис 284

Айхенберг, Юлия 5, 301—324, 396

Албания 6, 27, 250—253, 257—267, 271, 299

Александр II, царь 64

Александр, король (Югославия) 266, 272

Александров, Тодор 252, 269—270

Александрович, С. 233

Алжир 31

Амендола, Джованни 152, 154

Аннаберг 88, 106

Анненков Б.В. 164, 166

Антонов, Александр 53, 56—57

Аньелли, Джованни 145

Арайс, Виктор 244

Армения 36, 294, 295

см. также Кавказ; Османская империя

Артюи, Жак 370

Архангельск 162, 169, 187

Аугустейн, Йоост 309, 311, 314, 321,

Афганистан 30

Африка, Северная 181

Бааренфельс, Эдуард Баар фон 83, 86
Бабунский, Йован Стойкович 250, 260, 261
Бакен, Джон 63
Баку 289, 293, 294
Балканы
 армянский геноцид и Б. 275, 296—298
 войны 1912—1913 гг. на Б. 14, 26, 249, 252—254, 273—274, 296, 297,
 четники на Б. 250—252, 255—256, 259—261, 267, 271—272
Балкелис, Томас 221—247
Бальбо, Итало 139, 149, 150
Барре, Филипп 370
Барри, Том 309
Бартулович, Нико 266
Батумский договор 293, 294
Бауэр, Отто 104
Бачиньский, Здислав 313
Бачинский, Кароль 311—315
Бачо, Бела 97
Белград 181, 251, 259, 261
Бельгия 27, 28, 341
Берзиньш, Альфредс 241
Берия, Лаврентий 295
Берлин 12, 65, 66, 77, 81—83, 86, 89, 93, 181, 295
Берлинский договор 249
Бермондт-Авалов, Павел, генерал 225, 230, 231
Бетман-Гольвег, Теобальд фон 282
Бинг, Игнац 102
Бирма 30, 328
Бирчанин, Илья Трифунович 261, 271
Бобринский, Георгий, граф 199
Божко, Юхим, атаман 197
Болгария 14, 15, 23, 26, 249—262, 276, 277
 Б. в Балканских войнах (1912—1913) 14, 26, 252—253
 военизированное насилие в Б. 255—260
 Первая мировая война и Б. 254—255
Болетини, Иса 252
Босния 15, 249, 253, 254, 271
Ботц, Герхард 93
Бояджан, Михран 284
Брестский мир 292, 293
Бриан, Аристид 364, 365, 372
Брохоцки, Анджей 312
Брюссель 181
Будапешт 12, 69, 83, 85, 86, 95, 352
Буденный С.М. 168, 186

- Буковина 103, 199
Булак-Булахович С. 166, 167
Буриан, Карл, капитан 106
- Валуа, Жорж 369—371
Вангенгейм, Ганс фон 282
Варткес (армянин, жертва насилия) 286
Варшава 181, 217, 218, 306
Введенский, Павел 283
Вебер, Макс 67
Вейсгаупт, Адам («Спартак») 78
Векки, Чезаре Мария де 147
Великобритания 10—14, 28—30, 270, 280, 301, 326, 328, 330, 344—349
 Балканы и В. 14, 270,
 см. также Ирландия
Вена 66, 83, 86, 103, 199, 264,
Венгрия 8, 13, 19, 27, 66, 69, 77, 78, 83, 85, 88, 90, 93—104, 107, 108, 123, 199, 210,
 212, 248, 253, 254, 257—259, 262—264, 268, 269, 273, 299, 301, 351
 антисемитизм в В. 77—78, 97, 101—103
 военизированные организации в В. 83, 98, 100
 возвращение солдат в В. 85
 контрреволюционное насилие/настроения в В. 93, 95, 97, 104, 258—259
 территориальные уступки 88
Верден 350, 369
Верне, Витторио, команданте 149—152
Версальский мирный договор 87, 329, 352, 353, 356,
Вильгельм II, кайзер 77
Вильнюс/Вильно 88, 225, 307,
Вильсон, Вудро 15, 16, 27, 30, 67, 88, 108, 211, 248, 268, 269, 295, 301, 302, 353,
Винниченко, Владимир 202, 204, 209, 212
Волга 169
Волин (В.М. Эйхенбаум) 57
Волошиновска, М. 315
Волошиновский, Альфред, *см.* Волошиновска, М.
Врангель, Петр Николаевич 19, 52, 54, 164, 167, 169, 171, 173, 178, 181, 182,
 185, 187, 188
Временное правительство 18, 42—44, 58, 60, 113, 119, 163, 165, 169, 171, 174,
 192, 200—204, 207, 229, 243,
Галиция 54, 66, 103, 198, 199, 208, 210, 211, 291,
 Восточная 199, 210, 211,
Галлер, Юзеф, генерал 306, 307, 320,
Галлиполи 19, 181, 185, 285,
Гатрелл, Питер 41
Гейдрих, Рейнхард 105
Гембеш, Дьюла 83

- Георг V, король 342
 Герварт, Роберт 8—34, 63—108
 Геринг, Герман 105, 191
 Германия
 антибольшевизм в Г. 16, 68—69,
 антисемитизм в Г. 77—78, 101—105, 177
 военизированные организации в Г. 28, 83, 88, 100, 302
 возвращение солдат в Г. 12
 контрреволюционное насилие в Г. 10—11, 84, 93, 96—97, 104, 372
 прибалтийские государства и Г. 225—226, 230, 243
 революционная угроза в Г. 64—66, 69
 см. также Украина; Франция
 Герц, Ванда 315, 321
 Герцеговина 15, 253
 Гёсс, Рудольф 96
 Гитлер, Адольф 106, 191
 Глигориевич, Бранислав 267
 Голландия 76
 Гольдман, Эмма 78
 Гранди, Дино 139
 Грац 85, 104
 Грегори, Эдриен 344, 345, 348
 Грейм, Роберт Риттер фон 105
 Греков, Александр 211
 Греция 253, 288;
 см. также Османская империя
 Григорьев, Матвей 213
 Григорьев, Николай (Никифор), атаман 167, 216
 Гринвуд, сэр Хамар 331, 332
 Грузия 36, 280,
 Грушевский, Михаил 202, 203
 Гучков, Александр 44

 д'Аннунцио, Габриэле 22, 131, 143
 Дадрян, Ваагн 296, 297
 Далмация 254, 264
 Дальтон, Чарльз 314
 Дафф, Дуглас Ф. 333, 340, 342, 343
 Дашкевичовна-Кепиш, Людвика 315
 Дегрель, Леон 28
 Деникин, Антон, генерал 51—55, 58, 77, 163, 169, 171—173, 184, 217
 Джагигян, Степан 295
 Джемдет-Бей, Тахир 283, 284
 Джемаль-паша 287, 295
 Джентиле, Эмилио 22, 105, 128—157

- Добровольческая армия 54, 61, 77, 163, 167, 170, 171, 173, 185, 239
Довбор-Мусницкий, генерал 307, 312
Довженко, Александр 208
Долан, Энн 16, 24, 319, 325—348
Дон 162, 186, 189, 217
Дорошенко, Дмитрий 203
Дуич, Степан 264
Дуфрат, Ян 313
Душан Сильный 261
- Египет 30
Екельчик, Сергей 195—220
Елисеев, Федор Иванович 290, 291
Ергаян, Арам 295
- Жадейкис, Повилас 230
Жанна д'Арк 322
Женева 76, 181, 359
Жорес, Жан 367
Жукас, Константинас 239
Жухович, Казимерж 315
- Закавказье 24, 51, 294
Заломон, Эрнст фон 22, 89, 90
Зрнич, Наталия Матич 255
- Иванов-Ринов П. 164
Индия 30, 332
Индокитай 31
Ирак 30
Ирландия
 «вольные стрелки» в И. 318—320
 британские военизированные формирования в И. 24, 31, 325—348
 военизированные формирования в И. 21, 26, 302, 304, 308
 дети, женщины и инвалиды участники военных действий в И.
 310, 313—318, 323
 независимость И. 8, 301—302, 308—309
 политика британского военизированного насилия в И.
 16, 26, 340—346
 религия и военизированное насилие в И. 23, 320—322
- Испания 9, 30, 109, 271, 272
Италия
 военизированные формирования в И. 21, 22, 27, 28, 127—154
 захват фашистами власти в И. 16, 146
 как победитель в Первой мировой войне 69, 87, 129, 328, 351

как участница событий на Балканах 254, 258, 262, 264—268, 272
 революционная угроза в И. 69—70, 75, 79, 131—132, 138
 фашистские мифы/ритуалы/символы в И. 141—143
 фашистское насилие в И. 16, 105, 127—154, 351

Йаси, Оскар 93
 Йелавич, Барбара 254
 Йелавич, Чарльз 254
 Йованович, Алекса 261

Кавказ

Армяно-азербайджанская война на Кавказе 289, 293—298
 Армянское насилие и военизированные формирования на Кавказе
 284, 290—296
 Северный Кавказ 49, 274
 Южный Кавказ 6, 274, 276, 280, 289, 293, 294, 296, 298
см. также Закавказье

Кайо, Жозеф 365
 Каледин Алексей М. 163, 168
 Калмыков И.М. 164
 Кальтенбруннер, Эрнст 105
 Каменец-Подольский 212
 Каминьска, Зофья 315
 Канаян, Драстамат 294, 296
 Каринтия 85, 88, 89,
 Карл I, император (Австрия) 99
 Карольи, Михай 93
 Кастельно, де, генерал 369, 371
 Катцер, Николаус 155—192
 Кахит, Хусейн 278
 Кемаль, Мустафа 288
 Кенворти, лейтенант-командер 341, 346
 Керенский, Александр 41, 44, 45
 Кертис, Лайонел 333—335
 Киев 162, 172, 173, 200—213, 217, 218
 Киллингер, Манфред фон 86
 Кирали, Бела 249
 Китай 20, 328
 Кларк, Ф.Э.С. 335, 340
 Клемансо, Жорж 67, 68, 353, 354
 Клэвин, Пэтришия 265
 Ковтуненко, В. 205
 Козма, Миклош 85, 86, 96
 Койл, Эйтне 318, 322
 Кокс, Ф.С. 325, 326
 Колчак, адмирал 52, 54, 55, 58, 61, 164, 169, 171, 176

- Комиссия, Всероссийская чрезвычайная по борьбе с контрреволюцией (ВЧК)
184
- Компаньи, Дино Перроне 139
- Коннолли, Джеймс 321
- Константинополь (Стамбул) 178, 181, 280—282, 285, 286, 295, 298, 327
- Корнилов, Лавр, генерал 47, 166, 170, 203
- Корнуэлл, Марк 12
- Косовац, Коста Войнович 256
- Косово 249, 252, 258, 260—262, 271, 273
Сербия и К.
- Крамер, Алан 255
- Краус, Якоб 101
- Краусс, Альфред, генерал 99, 101
- Креше-Мицкявичус, Винцас 241
- Крит 181
- Крозиер, бригадный генерал 338
- Кромвель, Оливер 337, 340, 346
- Кронштадтский мятеж 52, 186
- Крым 35, 36, 162, 169, 178—181, 205, 218
- Крымская республика 35, 36
- Крэйг-Браун, Э. 335
- Крэмpton, Ричард 253
- Кубань 163, 167, 170, 186, 189, 291
- Кулишова, Анна 132
- Кун, Бела 69, 77, 78, 95, 97, 268
- Куусинен, О.В. 114
- Лайдонер, Й. 241
- Лапчинский, Г. 209
- Латвия
«айзсарги» («Защитники») в Л. 222, 224—238
антиеврейское насилие в Л. 243—245
взаимоотношения между «айзсаргами» и армией в Л. 232, 238—242
- Ле Бон, Гюстав 86
- Ледовый поход 170
- Ленин, Владимир 14, 38, 45, 49, 50, 60, 68, 79, 95, 113—115, 176, 248, 268, 269, 293
- Леонтич, Любо 266
- Лепсиус, Йоханнес 282
- Либкнехт, Карл 64, 65
- Лион 358—361
- Литва
взаимоотношения между «шаулисами» и армией в Л. 232, 238—242
евреи/антиеврейское насилие в Л. 243—245
«шаулисы» («Союз стрелков Литвы») в Л. 222—238
- Ллойд-Джордж, Дэвид 67, 68, 330, 336, 338, 346, 353
- Лозаннский мирный договор 14, 27

- Лозе, Теодор (литературный персонаж) 81, 82
 Лоу, Дэвид 336
 Лудыга-Ласковский, Ян 313
 Львов 210, 211, 311, 313, 315, 319, 321
 Люгер, Карл 103
 Людендорф, Эрих 105
 Люксембург, Роза 77, 78, 100
 Ляхов, генерал 290
- Магнер, каноник 338
 Мазовер, Марк 249
 Макардл, Дороти 336
 Македония
 - Болгария и М. 14, 26, 249, 251, 253, 255—256, 259
 - Военизированные формирования в М. 251, 259—260, 268—272
 - коммунизм в М. 26, 269—272
 - М. в Балканских войнах (1912—1913) 249, 252—254
 - Первая мировая война и М. 14, 255—258
 - Сербия и М. 27, 251, 260—261, 265, 266
- Мак-Магон, семья (Ирландия) 318
 Мак-Суини, Мэри 316
 Мак-Суини, Теренс 321
 Мальви, Луи 365
 Манн, Томас 66
 Маннергейм, К.Г.Э., генерал 121, 122
 Маринетти, Филиппо Томмазо 22
 Маркевич, графиня 316
 Маркс, Карл 78, 97
 Марсель 357—359
 Маттеотти, Джакомо 152—154
 Махно, Нестор 53, 56, 57, 167, 213, 216
 Медина, Доминик (литературный персонаж) 63, 67
 Мид, Морис 309
 Милан 133, 134, 138
 Мильвуа, Пьер 359, 360
 Мильеран, Александр 357, 360, 361, 363, 366
 Мирбах, граф 66
 Миркин-Гецевич, Борис 128
 Миронов Филипп К. 169
 Монтгомери, Бернард 333, 340
 Моррисон, Ив 310
 Москва 36, 40, 51, 52, 55, 65, 66, 75, 102, 123, 161—163, 167—169, 181, 183, 185,
 187, 188, 270, 271, 345, 355
 Мосли, Освальд 29, 345
 Моссе, Джордж 82, 372
 Муравьев, Михаил 208

- Муссолини, Бенито 105, 127, 129, 131—133, 138—142, 145—148, 154, 191,
Мюнхен 66, 69, 85—87, 93—95, 106, 108
Нагорный Карабах 275, 289, 298
Назим, Мехмед, д-р 277, 278
Нарский, Игорь 56
Нейский мирный договор 259, 260
Николай II, царь 121
Норвайша, Балис 244
Нури-паша 294
Ньюмен, Джон Пол 7, 26, 248—272, 305
- Оганес, сержант (армянский солдат) 284
Озаян, Андраник 284, 294—296
Омельянович-Павленко, Михаил 211
Омск 54, 162, 169, 171
ОСВАГ (контрразведка) 55, 171
Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков 172
Османская империя
 греки в О.
 деятельность османских военизированных формирований в О. 275—
 288, 298
 курды в О. — 290—291
 Первая мировая война и армянский геноцид в О. 276—288
- Остенбург, Дьюла 83
Пабст, Вальдемар 100
Палестина 31, 347
Париж 181, 255
 мирная конференция/мирное урегулирование 211, 266, 270, 299
- Паша, Эсад 252
Персия 275, 280, 282, 283, 287; *см. также* Азербайджан
Петлюра, Симон 192, 201, 202, 209, 212, 215, 217, 218
Петрович, Никола, король 265
Петроград 42, 45, 52, 70, 158, 161, 169, 207
Печанац, Коста Милованович 256, 260, 261, 267, 271,
Пилсудский, Юзеф 167, 306, 315
Пирс, Патрик 321
Пищаленко, Г. 205
По, долина 131—132
Полуботок, Павло 202
Польша
 военизированные формирования в П. 88, 94, 222, 230, 247, 305—308,
 311—312
 «вольные стрелки» в П. 318—320
 дети, женщины и инвалиды как участники военных действий в П.
 310, 313—315
 Литва и П. 25, 230—233

независимость П. 301—302,
природа военизированного насилия в П. 304
религия и военизированное насилие в П. 320—322
см. также Украина

Попович, Коча 272

Потсдамер Платц 64, 65

Прайс, Морган Филипс 291

Прага 181

Праульс, Карлис 242

Прендергаст, Николас, капитан 338

Прибалтийские государства

см. Латвия; Литва; Эстония

Принцип, Гаврило 254, 266

Проктер, Генри, майор 325, 326, 328, 348

Пронаи, Пал 83, 97, 98, 105

Протогеров, Александар 252, 255, 256, 270

Пруссия 9, 318, 341

Западная 87, 88

Пунин Л.Н. 165—167

Путвис-Путвинскис, Владас 224, 227—230, 236—241

Путвите, София 228

Пятс, Константин 242

Райан, Луиза 321

Ратенау, Вальтер 89, 97

Рачич, Пуниша 261

Реймс 370

Рейнланд 12, 352, 353

Рёмер, Беппо 83

Ренда, Мустафа Абдулхалик 284

Рига 88, 165, 244

Рим 127, 129, 138, 143, 145—148, 150, 181, 340

Риччи, Ренато 139

РККА 179, 184, 186

Розанов С.Н. 164

Розенберг, Уильям 17, 35—62

Ройтер, Ганс Альбин 83, 85, 104, 105

Россбах, Герхард 83

Россия

Антибольшевизм 19, 180—190

Белая армия 49, 51, 52, 54—56, 159—174, 190

Гражданская война 22, 35—62, 159—179,

Р. в зарубежье/эмиграции 174-

Красная армия 37, 49, 51, 55, 56, 159—174

насилие/военизированное насилие в революционной Р. 18, 35—62,
169—174

- революция в Р. 15, 17, 42—48, 159
Сибирь 159, 162, 181
Центральная Р. 17, 161
Южная Р. 55, 58
см. также Финляндия; Украина
- Ростов-на-Дону 162, 172
Рот, Йозеф 82
Ротцигель, Лео 104
Румыния 26, 28, 75, 83, 103
Рур 14, 27, 69, 98, 352, 364, 372
Русский Общевоинский Союз (РОВС) 187
Рутвен, генерал-майор лорд 346
Руутсоо, Рейн 234, 245
Рэдки, Оливер 56
Рэнсфорд, Э.М. 334
- Садуль, Жак 76
Саид-Халим-паша 295
Салаша, Ференц 105
Сальваторелли, Луиджи 153, 154
Санборн, Джошуа 170
Сарте, Максим Реаль дель 350
Севастополь 162
Севрский договор 298
Семенов Г.М., атаман 18, 58, 164—166, 168
Семиреченская область 164
Сен-Жерменский договор 87, 88
Сент-Этьен 360
Сербия
 Австро-Венгрия и С. 87, 253
 военизированное насилие в С. 27, 251, 260—262, 267, 270—271
 Первая мировая война и С. 87, 254—258
 С. в Балканских войнах (1912—1913) 249, 252—254
 см. также Македония
- Сибирь 36, 50, 54, 57, 58, 159, 162, 164, 169, 181, 191
Сибирский военный округ 159
Силезия 12, 22, 24, 313, 327
 Верхняя 87—89, 94, 106, 108, 305, 307, 320
- Симич, Стефан 251
Сирия 31, 285
Скоропадский, Павел, генерал 203, 206, 209, 215
Славония 258, 263
Слащев (Слащов), Яков А. 178
Сметона, Антанас 242
Смирна 288

- Смоктий, Никодим 205
Советско-польская война 1920 г. 303, 352
Соединенные Штаты Америки 14, 78, 295, 306, 356,
Сомодьи, Бела 97
Сорель, Жорж 140
София 181, 259
Союз русской национальной молодежи 188
Союз Советских Социалистических Республик, см. СССР
СССР 172, 184, 269
Ставропольская губ. 167
Сталин, Иосиф В. 25, 97, 114, 178, 179, 186, 219
Стамболийский, Александр 259
Стеж, Теодор 362, 363
Столыпин, Петр 40
Стурдзо, Луиджи 144
Сухомлинов, Владимир 42
- Талаат-паша 277—280, 284—287, 292, 295
Тамбов 53, 56, 57, 160, 186
Тампере 118—124
Тауншенд, Чарльз 330
Тегхцунян, Оксен 292
Тейлирян, Согомон 295
Темелти, Джозеф Патрик 295
Тиса, Иштван 66
Тито, Иосип Броз 271
Токои, Оскари 117
Толлер, Эрнст 69
Тольятти, Пальмиро 132, 153, 154
Томпсон, Э.П. 354
Топаль-Осман 288
Трансильвания 83
Трбич, Василие 261
Трианонский договор 88, 105
Троллоп, Г.К.Н. 335
Троцкий, Лев Давидович 52, 58, 62, 78, 166, 168, 169, 174, 252
Турати, Филиппо 132
Турция; см. также Османская империя 13, 218, 280, 282, 299
Тухачевский, Михаил 56, 57, 186
Тэтэнже, Пьер 366—371
- Уилкинсон, Дж.С. 332
Уилсон, сэр Генри 328, 341—345
Уимберли, Дуглас 332, 333
Уиндлшэм, лорд 347

Украина

- Австро-Венгрия и У. 84, 95, 198—199, 210
- война с большевиками на У. 207—209, 212, 217
- «вольные казаки» на У. 204—207, 209, 213—215
- Восточная У. 210—211
- евреи/антиеврейское насилие на У. 54, 101, 103, 172—173, 210, 215—216
- Западная У. 210
- меннониты/антименнонитское насилие на У. 216
- немцы/австрийцы на У.
- Первая мировая война и У. 50, 198—209
- Польша и У. 25, 209—211, 218
- правление «атаманов» на У. 167, 213—214
- природа гражданской войны на У. 195—196, 218—220

Ульманис, Карлис 225, 229, 241, 242

Унгерн-Штернберг, Роман фон 18, 48, 164, 165

Унгор, Угур Умит 273—300

Урд, Луиза 310

Урал 56, 169

Устрялов Н.В. 171, 175, 176

Учредительное собрание 46, 48, 55, 169, 269

Фариначчи, Роберто 139

Фельд, Руди 71, 88

Финляндия

вооруженные формирования в Ф. 117—126

Россия и Ф. 109—115,

террор и гражданская война в Ф. 25, 36, 109—126

Фош, маршал 353

Фракия 14, 26

Франция

антибольшевизм/мобилизация против большевизма во Ф. 68, 70—78, 212, 355—364

Балканы и Ф.

внутренняя политика/трения во Ф. 29, 353—355

военизированное насилие и «Картель левых» во Ф. 364—372

«культура победы» во Ф. 349—352, 355

отсутствие военизированного насилия во Ф. 28, 349-
см. также Париж

Франц-Фердинанд, эрцгерцог 64, 254, 266

Фреверт, Уте 20

Фронт

Воронежский 37

Северный 158, 165, 166,

Северо-Западный 81

Юго-Западный 81, 157, 158, 166, 170, 181, 201

Хаген, Марк фон 198
Хакобян, Мурад 292, 296
Халил-паша 283, 284
Харбин 181
Харви, Э.Д. 347
Харт, Питер 309
Хасан-Моряк 277
Хейяс, Иштван 83
Хельсинки 112, 117
Хендерсон, Артур 341
Хенни, Ричард (литературный персонаж) 63
Хили, Джеймс 319
Хилми, Филибели Ахмет 279
Хмельницкий, Богдан 201, 202, 208
Холквист, Питер 35
Хорватия 27, 28, 87, 257, 258, 263—272
Хорват Д.Л. 164
Хорн, Джон 8—34, 63—80, 301, 349—374
Хорти, адмирал 83, 95, 97, 100, 105
Хофер, Андреас 9
Циман, Беньямин 82
Цур, Байрам 252

Чайлдерс, Молли 316
Черкез-Ахмед 285, 287
Черни, Йожеф 95
Черногория 15, 257, 265, 268, 269
Черчилль, Уинстон 8, 78, 221
Чехословакия 26, 28, 88

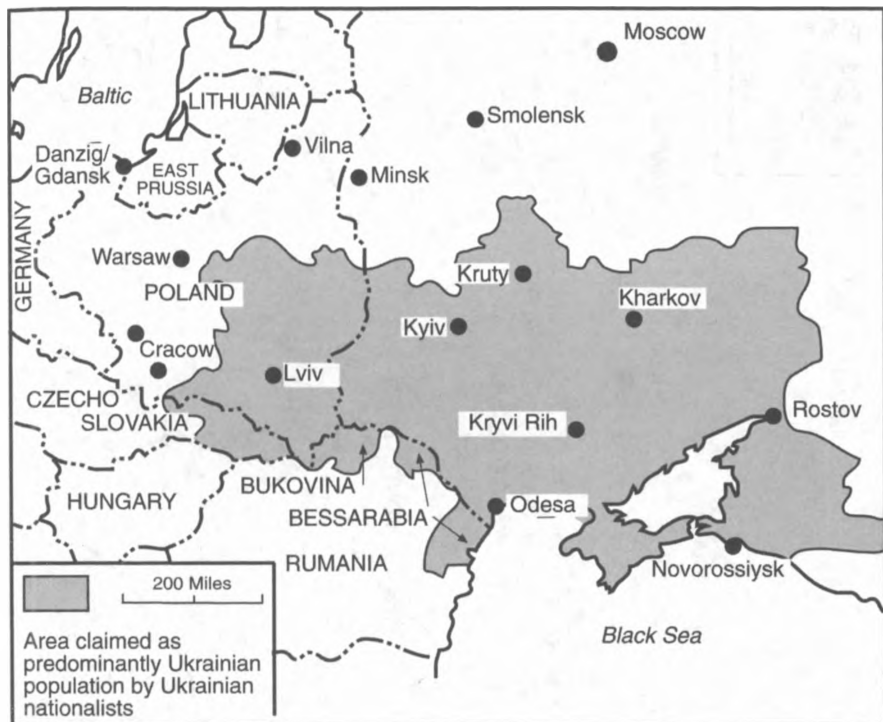
Шакир, Бахеддин, д-р 277—285, 295
Шавельский, Георгий И. протопресвитер 171
Шанхай 181
Шаумян, Степан 293
Швейцария 76, 114, 180, 227
Швеция 76
Шехич, Нусрет 271
Шидлаускас, Юозас 244
Шингарев, Андрей 43
Ширагян, Аршавир 295
Шифельбуш, Вольфганг 11
Шкловский, Виктор 291
Шонерер, Георг фон 103
Штаремберг, Эрнст Рюдигер фон 83, 87, 90, 94, 95, 104, 105, 106
Штейдле, Рихард 104
Штернберг, Роман Унгерн фон, барон 18, 48, 164, 165

- Штреземан, Густав 365
 Шульгин, Василий В. 184, 185, 192
 Шуман, Дирк 11
- Эйснер, Курт 69, 77, 95
 Элбин, Дж.У. 340
 Эльзас 12, 68,, 87, 351, 373
 Э. и Лотарингия 68, 87, 351, 373
 Энвер-паша 277—284, 293, 294
 Эпп, Франц фон 83
 Эрден, Али Фуат, генерал 286, 287
 Эрцбергер, Маттиас 97
- Эстония
 антисемитское насилие в Э. 243—244
 «Кайтселийт» («Лига самообороны») в Э. 222, 226—230, 232—233,
 234—235, 238, 241—245
 послевоенная ситуация в Э. 221—222, 225
- Югославия 13, 19, 26, 27, 88, 108, 185, 253—273
 коммунизм в Ю. 271
 создание Ю. 254, 257, 260, 262, 263, 266, 268, 273
 см. также Сербия
- Юденич, генерал 169
 Юнгер, Эрнст 22
- Янг, Эвелин Линдси 339

КАРТЫ

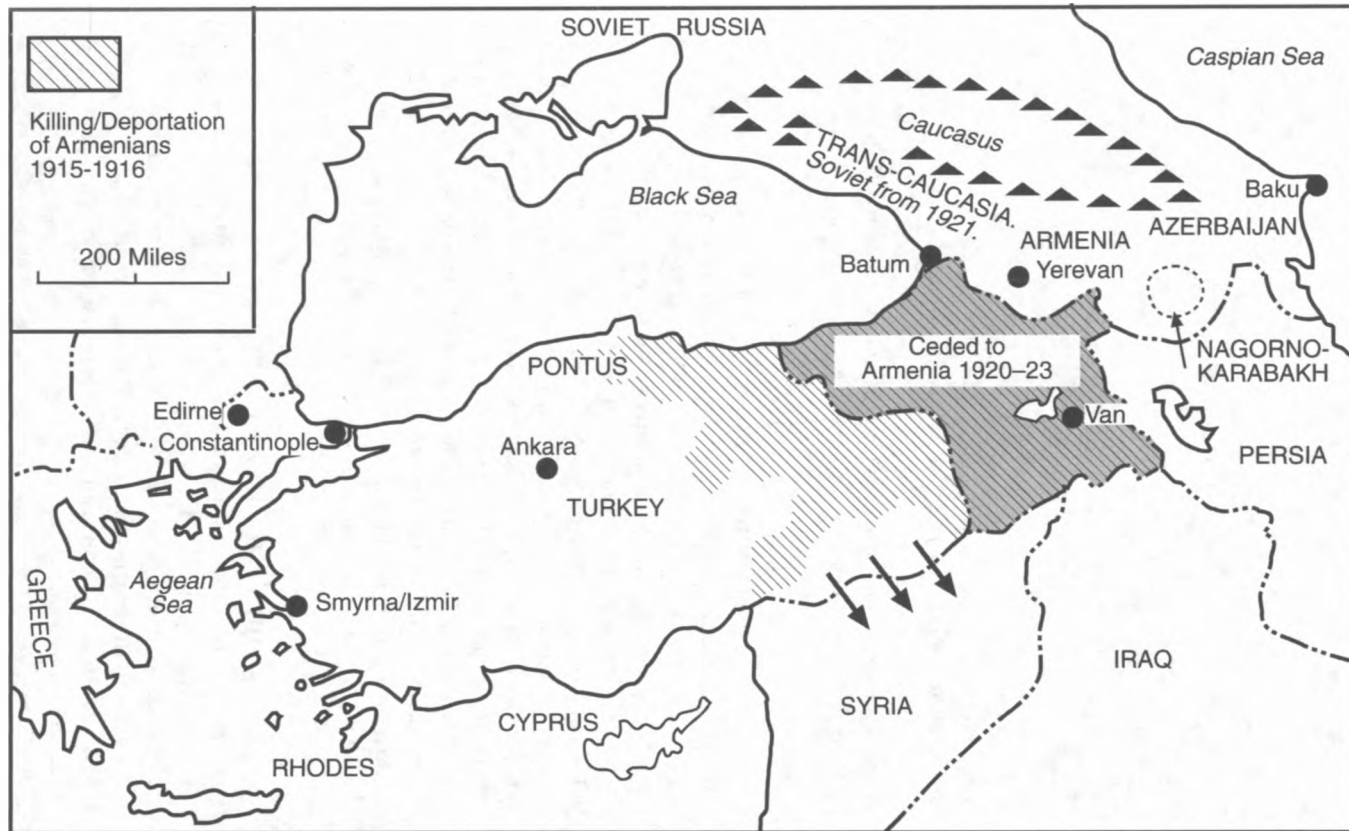
Карта 1. Парамилитаризм в Европе после Первой мировой войны

Карта 2. Украина по представлениям украинских националистов

Карта 3. Балканы после Первой мировой войны

Содержание

От редакторов.....	5
Список иллюстраций.....	6

<i>Роберт Герварт, Джон Хорн. Военизированные конфликты в Европе после Первой мировой войны: введение.....</i>	8
--	---

1

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

I. <i>Уильям Г. Розенберг. Революция и контрреволюция: синдром насилия в гражданских войнах России (1918—1920 годы).....</i>	35
II. <i>Роберт Герварт, Джон Хорн. Большевизм как фантазия: страх перед революцией и контрреволюционное насилие (1917—1923 годы).....</i>	63
III. <i>Роберт Герварт. Борьба с красной бестией: контрреволюционное насилие в побежденных странах Центральной Европы.....</i>	81
IV. <i>Пертти Хаапала, Марко Тикка. Революция, гражданская война и террор в Финляндии (1918 год).....</i>	109
V. <i>Эмилио Джентиле. Военизированное насилие в Италии: обоснование фашизма и истоки тоталитаризма.....</i>	127
VI. <i>Николаус Катцер. Белый миф. Русский антибольшевизм в после- военной Европе.....</i>	155

2

НАЦИИ, ГРАНИЦЫ И ЭТНИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ

VII. <i>Сергей Екельчик. Банды строителей нации? Роль повстанчества и идеологии в гражданской войне на Украине.....</i>	195
VIII. <i>Томас Балкелис. Граждане становятся солдатами: военизированные движения в Прибалтике после Первой мировой войны.....</i>	221
IX. <i>Джон Пол Ньюмен. Истоки, атрибуты и наследие военизированного насилия на Балканах.....</i>	248
X. <i>Угур Умит Унгор. Военизированное насилие в Османской империи накануне ее краха.....</i>	274

XI. <i>Юлия Айхенберг</i> . Из солдат — в штатские, из штатских — в солдаты: Польша и Ирландия после Первой мировой войны	301
XII. <i>Энн Долан</i> . Британская культура военизированного насилия в ирландской войне за независимость	325
XIII. <i>Джон Хорн</i> . Защитить победу: военизированная политика во Франции, 1918—1926 годы. Контрпример	349
Список принятых сокращений	375
Предметный указатель	377
Карты.....	392

ВОЙНА ВО ВРЕМЯ МИРА

Военизированные конфликты после Первой мировой войны
1917—1923

Редакторы *Р. Герварт, Д. Хорн*
Художник *Д. Черногаев*
Корректор *О. Семченко*
Верстка *С. Пчелинцев*

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 60×90 1/16, Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 25. Тираж 1000. Заказ № 4560.
Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Книги и журналы
«Нового литературного обозрения»
можно приобрести в интернет-магазине издательства
www.nlobooks.mags.ru
и в следующих книжных магазинах:

в МОСКВЕ:

- «Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, 6, (495) 924-46-80
- Галерея книги «Нина» — ул. Волхонка, д. 18/2 (здание Института русского языка им. В.В. Виноградова), (495) 201-3645
- «Гараж» — ул. Крымский вал, 9 (Парк Горького, магазин в центре современной культуры «Гараж»), (495) 645-05-21
- «Медленные книги» — (495) 971-47-92
- «Книги в Билингве» — Кривоколенный пер., 10, стр. 5, (495) 623-66-83
- «Москва» — ул. Тверская, 8, (495) 629-64-83, (495) 797-87-17
- «Московский Дом Книги» — ул. Новый Арбат, 8, (495) 789-35-91
- «Мир Кино» — ул. Маросейка, 8, (495) 628-51-45
- «ММОМА ART BOOK SHOP» — Петровка, 25 (в здании ММСИ)
- «ММОМА ART BOOK SHOP» — Красная площадь, 3 (ГУМ), 8 (916) 979-54-64
- «ММОМА ART BOOK SHOP» — Берсеневская наб., 14, стр. 5 (Институт Стрелка)
- «Новое Искусство» — Цветной бульвар, 3, (495) 625-44-85
- «У Кентавра» — ул. Чайнова, д. 15 (магазин в РГГУ), (495) 250-65-46
- «Фаланстер» — Малый Гнездниковский пер., 12/27, (495) 629-88-21
- «Фаланстер» (На Винзаводе) — 4-й Сыромятнический пр., 1, стр. 6 (территория ЦСИ Винзавод), (495) 926-30-42
- «Циолковский» — ул. Большая Молчановка, 8, (495) 691-51-16, (495) 691-56-28
- «Додо» на Солянке — ул. Солянка, 1/2, стр. 1, 8 (926) 063-01-35
- «Додо» в ТЦ «Филион» — Багратионовский проезд, 5 (ТРЦ «Филион»), 8 (929) 579-53-22
- «Додо» в кинотеатре «Пионер» («Омнибус») — Кутузовский проспект, 21 (кинотеатр «Пионер»), 8 (915) 418-60-27
- «Додо» в КЦ Зил — ул. Восточная, 4, к. 1, (495) 675-16-36 (позовите Додо к телефону)
- Киоск в кафе «АртАкадемия» — Берсеневская набережная, 6, стр. 1

в САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:

- На складе нашего издательства – Лиговский пр., 27/7, (812) 579-50-04, (952) 278-70-54
- «Академическая литература» – Менделеевская линия, 5 (в здании Истфака СПбГУ), (812) 328-96-91
- «Академкнига» – Литейный пр., 57, (812) 230-13-28
- «Все свободны» – наб. р. Мойки, 28 (второй двор, код 489), (911) 977-40-47
- Галерея «Новый музей современного искусства» – 6-я линия ВО, 29, (812) 323-50-90
- «Исткнига» – Кадетская линия ВО, 27/5, (812) 986-82-51
- Киоск в Библиотеке Академии наук – ВО, Биржевая линия, 1
- Киоск в фойе главного здания «Ленфильма» – Каменноостровский, 10
- «Классное чтение» – 6-я линия ВО, 15, (812) 328-62-13
- «Книжная лавка» – в фойе Академии художеств, Университетская наб., 17
- «Книжный Окоп» – Тучков пер., д. 11/5 (вход в арке), (812) 323-85-84
- «Книжный салон» – Университетская наб., 11 (в фойе филологического факультета СПбГУ), (812) 328-95-11
- «Книжная лавка писателей» – Невский, 66, (812) 314-47-59
- Книжные салоны при Российской национальной библиотеке – Садовая ул., 20; (812) 310-44-87
- Книжный магазин-клуб «Квилт» – Каменноостровский пр., 13, (812) 232-33-07
- «Мы» – Невский, 20 (на третьем этаже проекта Biblioteka), (981) 168-68-85
- «Подписные издания» – Литейный пр., 57, (812) 273-50-53
- «Порядок слов» – Наб. реки Фонтанки, 15 (812) 310-50-36
- «Проектор» – Лиговский пр., 74 (Лофт-проект «Этажи», 4-й этаж), (911) 935-27-31
- «Росфото» (книжный магазин при выставочном зале) – ул. Большая Морская, 35, (812) 314-12-14
- «Санкт-Петербургский Дом Книги» (Дом Зингера) – Невский пр., 28, (812) 448-23-57
- «Свои книги» – 1-я линия ВО, 42, (812) 966-16-91
- «Университетская лавка» – 7-я линия ВО, 38 (во дворе), (812) 325-15-43
- «Фонотека» – ул. Марата, 28, (812) 712-30-13

HISTORIA ROSSICA

studia europaea

ВОЙНА ВО ВРЕМЯ МИРА

ВОЕНИЗИРОВАННЫЕ КОНФЛИКТЫ
ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

1917–1923

Первая мировая война, “пракатастрофа” XX века, получила свое продолжение в череде революций, гражданских войн и кровавых пограничных конфликтов, которые утихли лишь в 1920-х годах. Происходило это не только в России, в Восточной и Центральной Европе, но также в Ирландии, Малой Азии и на Ближнем Востоке. Эти практически забытые сражения стоили жизни миллионам. “Война во время мира” и является предметом сборника. Большое место в нем отводится Гражданской войне в России и ее воздействию на другие регионы. Эйфория революции или страх большевизма, борьба за территории и границы или обманутые ожидания от наступившего мира — все это подвигало массы недовольных к участию в военизированных формированиях, приводя к радикализации политической культуры и огрубению общественной жизни.

ISBN 978-5-444-80184-0

9 785444 801840